

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

На правах рукописи

БУНЕВИЧ Дмитрий Сергеевич

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД (1989–2013 ГГ.)**

Специальность: 07.00.03. – Всеобщая история (новейший период)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Шिशелина Любовь Николаевна

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ 1989 Г.	42
1.1. Представления о внешней политике в польской альтернативной политической мысли 1970-х – 1980-х гг.	42
1.2. Значение советской перестройки для активизации оппозиции в ПНР и начала процесса трансформации польской внешней политики во второй половине 1980-х гг.	56
1.3. Влияние Запада на ход «системной трансформации» в Польше	68
1.4. Международно-политическое положение Польши в условиях эрозии Ялтинской системы международных отношений.....	79
Глава 2. ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР ТРЕТЬЕЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.....	93
2.1. Этапы евроатлантической интеграции Польши и реакция польского общества на новые приоритеты внешней политики.....	93
2.2. Фактор «исторической памяти» в процессе формирования внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой	121
2.3. Эволюция Третьей Речи Посполитой в ключевого союзника США в Восточной Европе. Стратегическое значение польско-американского сотрудничества	141
2.4. Влияние внешнеполитического выбора Польши на внутривнутриполитическое развитие страны.....	166
Глава 3. РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА ТРЕТЬЕЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	188
3.1. Исторический опыт русско-польского взаимодействия в Восточной Европе.....	188
3.2. Становление и развитие российско-польских отношений в 1990-е гг. .	217
3.3. Влияние евроатлантического вектора польской внешней политики на характер российско-польских отношений после окончания холодной войны	239
3.4. Концепция «восточной политики» Е. Гедройца и российско-польская конкуренция за влияние в постсоветских странах.....	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	304
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	305

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Окончание холодной войны привело к продолжительному и системному кризису Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений¹, который наиболее явно проявился в Восточной Европе, пережившей в этот период тектонические военно-политические и социально-экономические изменения. «Системная трансформация» бывших стран социалистического лагеря, объединённых прежде в рамках СЭВ и ОВД, завершилась их внешнеполитической переориентацией на Запад. Всего за несколько десятилетий бывшие западные окраины Российской империи и прибалтийские республики СССР оказались вовлечены в структуры НАТО и ЕС², а Россия, несмотря на свою обеспокоенность этими процессами, ничего не смогла им противопоставить и к началу XXI в. практически полностью утратила свои некогда лидирующие позиции в регионе.

Хотя отношения со всеми странами бывшего советского блока у новой демократической России складывались непросто³, наиболее трудным партнёром в регионе для Российской Федерации стала постсоциалистическая Польша. Исторические закономерности, исследованию которых посвящена значительная часть представленной работы, привели к тому, что сформировавшаяся в результате трансформации Польской Народной Республики Третья Речь

¹ Филатов А. С. Односторонняя ревизия Ялтинской системы мироустройства: глобальные и региональные конфликты // Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее: международная конференция / сост. Е. А. Бондарева, М. 2015, С. 104–112.

² Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 тт. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб., М., Берлин, 2000.

³ Современный российский исследователь Л. Вардомский, указывая на причину трудностей в выстраивании отношений России и бывших стран советского блока, отмечает: «Стремление новых независимых государств в НАТО отражает недоверие к России, сомнения в ее перспективах как стабильного, успешного государства. Это порождает встречное недоверие России к странам-соискателям. Стремление тех же стран в ЕС отражает усиление экономического контроля Брюсселя над ними и ослабление влияния России в этих странах, что имеет свое экономическое и культурное, и психологическое измерение» См. Вардомский Л. Б. Регионализация постсоветского пространства: Факторы, особенности, тенденции. М., 2008. С. 24.

Посполитая⁴ сделала стратегический выбор в пользу вхождения в структуры Запада и всеми силами стремилась дистанцироваться от России, несмотря на сохранявшийся достаточно высокий⁵ (в сравнении, например, с Чехией или Венгрией) уровень экономической взаимозависимости двух государств. Именно в период «системной трансформации» Польши был утрачен исторический шанс, данный инициированной М. Горбачёвым политикой перестройки и «нового политического мышления», на формирование нового конструктивного вектора в российско-польских отношениях.

Ко второй половине 2000-х гг. Польша стала одним из самых динамично развивающихся государств региона, обладающим к тому же собственными геополитическими амбициями и оригинальным пониманием европейских и атлантических интересов «на Востоке». Несмотря на прохладу в отношениях с Россией и фактическое отсутствие позитивной повестки в двустороннем диалоге⁶, польская политическая элита была убеждена в том, что поляки более других европейцев понимают Россию и происходящие на постсоветском пространстве

⁴ В польской историографии в целом утвердилась следующая периодизация польской национальной государственности Нового и Новейшего времени: Первая Речь Посполитая (1569–1795), Великое герцогство Варшавское (1807–1815), Вторая Речь Посполитая (1918–1939), Третья Речь Посполитая (с 1989 г.). При этом наименование «Речь Посполитая» не распространяется на Народную Польшу (Польская Республика, Польская народная Республика, 1945–1989), что, очевидно, подчёркивает отношение польской элиты к социалистическому периоду польской государственности как к искусственному искажению естественного хода национальной истории. Хотя в российской историографии господствует традиция, согласно которой постсоциалистическую Польшу обычно именуют Республика Польша, в исследовании широко представлено и наименование Третья Речь Посполитая как подчёркивающее историческую преемственность Польского государства после 1989 г.

⁵ Так, в одном из наиболее успешных 2008 г. объем двусторонней торговли, по данным российской статистики, составил 27,9 млрд долл. См.: [Electronic resource]. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/pl/pl_ru_relations/pl_ru_trade/ (accessed: 15.01.2018).

⁶ С сожалением приходится констатировать, что сторонниками сближения с Россией в постсоциалистической Польше являлись практически исключительно маргинальные политики. Наиболее успешным из таких политиков-нонконформистов был А. Леппер, лидер партии «Самооборона», занимавший пост заместитель премьер-министра и министра сельского хозяйства в 2006–2007 гг., и покончивший с собой при подозрительных обстоятельствах в 2011 г. В ходе президентских выборов 2015 г. праворадикальный кандидат Я. Корвин-Микке, выражавший понимание российской позиции по украинскому кризису, набрал всего 3,2% голосов.

политические процессы, а сама Польша должна выступать «оператором» восточной политики НАТО и ЕС⁷.

Внешнеполитические амбиции руководства Третьей Речи Посполитой, бесспорно, следует рассматривать в широком историко-культурном контексте, связанном с памятью польской элиты о многовековом политическом и культурном доминировании Первой Речи Посполитой в Восточной Европе, мессианской политике династий Ягеллонов и Ваза, а также истории Второй Речи Посполитой, бывшей важным участником системы международных отношений в межвоенный период (*interbellum*). При этом необходимо учитывать и «травматический» опыт поляков, связанный с неоднократной утратой ими национальной государственности вследствие неудачных конфликтов с соседями (русскими и немцами) в прошлом.

Между тем формирование концептуальных основ внешней политики Республики Польша проходило в условиях всё более очевидного роста значения восточноевропейского региона, который постепенно становился главным стратегическим плацдармом, с которого Европейский Союз и НАТО пытались участвовать в политическом процессе на территории постсоветского пространства – зоне «восточного соседства» ЕС и одновременно т. н. «ближнего зарубежья» Российской Федерации, чья стабильность прямо влияла на безопасность России⁸. Это привело, начиная с 2000-х гг., к постоянному увеличению значения Польши как проводника интересов НАТО и ЕС на Востоке. Закономерно, что именно Варшава в это время выступила инициатором такого амбициозного проекта как «Восточное партнёрство», а также последовательно поддерживала прозападные силы на всём пространстве от Балтики до Закавказья.

Польша, однако, влияла не только на внешнее измерение политики западных наднациональных объединений к востоку от их границ, но и активно

⁷ См. Неменский О. Б. Пространства и идеологии восточной политики Польши // *Духовность: науч. журн. Общее прошлое России и Польши: работа над ошибками.* С. 265–280.

⁸ Высокопоставленный польский дипломат в отставке П. Щвیتالський в качестве основной цели внешней политики Польши прямо называл «разрушение геополитического конструкта постсоветского пространства, иными словами, сдерживание имперских тенденций

участвовала в процессах внутреннего развития евроатлантических структур. Так, именно с вступлением Польши в НАТО и ЕС обострился целый ряд болезненных вопросов, которые до настоящего времени так и не смогли разрешиться: проблема дальнейшей консолидации и централизации этих организаций, соотнесение национальных интересов и общеевропейских, степень военного присутствия США в Европе, отношение к христианским корням европейской цивилизации и др. Несомненно, в активном провоцировании Республикой Польша этих дискуссий большую роль играл также исторический опыт Польского государства, бывшего в прошлом одновременно и инициатором наднациональной интеграции, и её объектом, испытывавшим риски размывания собственной идентичности.

Выявление и исследование исторических, политических, культурных и экономических причин, приведших Республику Польша к интеграции в евроатлантические структуры, а также определение факторов, обусловивших «возвращение» Польши на Восток в качестве «проводника» западных интеграционных проектов, необходимы как для определения перспектив развития двустороннего диалога, так и для изучения более широкого контекста истории и современности отношений России и Запада. Ведь Россия, как минимум с 2007 г. декларирующая своё стремление к активному участию в строительстве «постялтинской» системы международных отношений на принципах многополярности⁹, нуждается в эффективном взаимодействии с одним из ведущих центров силы современного мира – Евросоюзом, где всё более заметную роль начинает играть Польша, являющаяся также и ключевой страной-членом НАТО. Для этого российской дипломатии и отечественному экспертному сообществу необходимо обладать всесторонними и научно обоснованными представлениями об историческом генезисе и мотивации внешнеполитических стратегий партнёров России. Особенно, таких активных международных игроков,

России». См. Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji zorganizowanej w dniach 28–29 października 2005 roku we Wrocławiu. Wrocław, 2005. S. 81.

⁹С т. н. «Мюнхенской речи» Президента Российской Федерации В. Путина. См.: Президент России [Электронный ресурс]. – Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности: URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.01.2018).

как Третья Речь Посполитая. Польша, выступая в качестве антагониста России, может существенно затруднить реализацию целей российской внешней политики, направленных на обеспечение национальной безопасности и развитие собственного интеграционного проекта – Евразийского экономического союза.

Учитывая всё более обостряющуюся стратегическую конкуренцию на постсоветском пространстве, где сталкиваются различные интеграционные проекты¹⁰, принципиально важным является всестороннее и объективное изучение именно польского опыта евроатлантической интеграции, а также потенциала Республики Польша в качестве проводника западных глобальных инициатив и своеобразной «ролевой модели» для стран региона. Словом, проблема получения достоверного научного знания об исторических причинах формирования внешнеполитической линии Польши в постсоциалистический период является актуальной как с научно-теоретической, так и с практической точек зрения.

Объектом исследования является формирование и реализация исторически обусловленных внешнеполитических приоритетов постсоциалистической Польши.

Предметом исследования являются политические отношения Третьей Речи Посполитой с другими державами, а также с наднациональными объединениями в период с 1989 по 2013 гг.

Целью исследования является установление исторических, социокультурных и геополитических оснований внешней политики Польши, реализуемой в период 1989–2013 гг., и выявление основных «проблемных узлов» польской внешней политики данного периода.

Цель работы обусловила постановку следующих исследовательских **задач**:

1) соотнести специфику стратегического положения Республики Польша с основными внешне- и внутривосточными обстоятельствами, повлиявшими на формирование внешнеполитической линии Польши после окончания холодной

войны и определившими её место в «постялтинской» системе международных отношений;

2) проследить влияние внешнеполитических взглядов политической оппозиции в Народной Польше на формирование основных приоритетов внешней политики Третьей Речи Посполитой;

3) установить ключевые аспекты влияния внешних сил (СССР/России и стран Запада) на процесс «системной трансформации» Польши и её самоопределение на международной арене;

4) дифференцировать ключевые исторические внешнеполитические теории и подходы, господствовавшие в рассматриваемый период, и определить их влияние на дипломатию постсоциалистической Польши;

5) установить основные задачи, стоявшие перед дипломатией Третьей Речи Посполитой в рассматриваемый период, и выявить главные способы решения данных задач;

6) определить основные мотивы сторонников и противников европейской и атлантической интеграции Третьей Речи Посполитой;

7) проследить эволюцию отношений Республики Польша и Соединённых Штатов Америки и установить значение партнёрства с США для внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой;

8) выделить в польском политическом классе и обществе группы по отношению к проблеме включения Польши в процесс глобализации и установить основные направления критики евроатлантической интеграции Третьей Речи Посполитой внутри страны;

9) определить место «российского фактора» во внешней политике Республики Польша и проследить влияние позиции России на процесс интеграции Польши в структуры НАТО и ЕС;

¹⁰ Громыко Ал. А. Россия и Евросоюз в полицентричном мире // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. М., 2014, С. 430–453.

10) определить место концепции «восточной политики» Третьей Речи Посполитой в историческом контексте российско-польского взаимодействия в восточноевропейском регионе.

Учитывая сформулированные задачи и по итогам проведённого анализа, в качестве **основных положений диссертации, выносимых на защиту**, предлагаются следующие:

1. Поддержка «системной трансформации» в Польше и включение Третьей Речи Посполитой в евроатлантические структуры было ключевым элементом фиксации победы консолидированного Запада в холодной войне и «вытеснения» России из Восточной Европы – исторической зоны её влияния.

2. Определение основных внешнеполитических ориентиров постсоциалистической Польши проходило под значительным влиянием идей, выработанных польскими диссидентами в социалистический период, а интеллектуальное наследие польской оппозиции во многом предопределило международную ориентацию Третьей Речи Посполитой.

3. Системные преобразования в Польше в значительной степени стали следствием инициированной М. Горбачёвым политики перестройки в СССР, однако, активное участие западных государств в польских преобразованиях и интеллектуальные установки основной части польской антикоммунистической оппозиции привели к тому, что сформировавшаяся в результате «системной трансформации» Третья Речь Посполитая внешнеполитически была полностью переориентирована на Запад: в военно-стратегическом измерении – на США, а в социально-экономическом – на Евросоюз.

4. Историческая память польской элиты и народа об утрате национальной государственности и самостоятельности, крайним выражением чего стала т. н. «историческая политика» братьев Я. и Л. Качиньских, оказала системообразующее влияние на определение приоритетов внешней политики Третьей Речи Посполитой. Отрицание опыта Народной Польши, апеллирование к историческим традициям Второй Речи Посполитой и одновременно память о её уничтожении привели к формированию в Республике Польша сложного

комплекса политических представлений о необходимости укрепления государственного суверенитета и постоянного противостояния потенциальному российско-германскому сближению.

5. Центральными внешнеполитическими задачами, стоявшими перед постсоциалистическим руководством Польши, были восстановление полного суверенитета страны, обеспечение благоприятного внешнего фона для проведения масштабных преобразований, а также интеграция в евроатлантические структуры в целях «восстановления европейской идентичности» Польского государства.

6. Несмотря на имевшийся консенсус элит и общества по вопросу евроатлантической интеграции, в Польше были представлены разные взгляды по вопросу о темпах и глубине этой интеграции. Исторические задачи Третьей Речи Посполитой по мере расширения интеграции постепенно вступали в конфликт друг с другом: цель «возвращения в Европу» противоречила фундаментальной для национального исторического сознания ценности государственного суверенитета и национально-культурной самобытности поляков как христианского (католического) народа.

7. На протяжении всего рассматриваемого периода руководство Третьей Речи Посполитой стремилось к тому, чтобы европейский и атлантический векторы интеграции дополняли и уравнивали друг друга. При этом настойчивое стремление Польши выстроить «привилегированные» отношения с США было направлено, прежде всего, против интересов Германии и России и выражалось в готовности страны участвовать в военных операциях США, размещать на своей территории элементы глобальной системы противоракетной обороны и т.д. Это одновременно осложняло отношения Республики Польша как с Россией, так и с западноевропейскими партнёрами.

8. Интеграция в наднациональные институты и включение в процесс глобализации привели во второй половине 2000-х гг. к глубокому политическому и интеллектуальному расколу польского общества на «романтиков-традиционалистов» и «роевропейских конформистов» («Две Польши»). Растущие социально-демографические и этические вызовы, а также снижение

уровня консолидации элиты привело к тому, что раскол по линии либералы/консерваторы, начиная с парламентско-президентского цикла 2007–2010 гг., нашёл своё выражение и в возникновении проблемы определения европейского или атлантического приоритета во внешней политике Третьей Речи Посполитой.

9. Важным фактором, определившим евроатлантические установки внешней политики Республики Польша, было стремление руководства страны отдалиться от России и гарантировать невозвращение её влияния в Польше. Однако глубинной причиной стабильно низкого уровня польско-российских отношений в рассматриваемый период стала не сама по себе интеграция Польши в НАТО и ЕС, а стратегия элиты Третьей Речи Посполитой по использованию потенциалов этих организаций для реализации целей своей собственной «восточной политики», направленной против интересов Российской Федерации.

10. Политика Польши в отношении стран постсоветского пространства базировалась на историческом опыте Первой Речи Посполитой, «прометеизме» Ю. Пилсудского, геополитической концепции «Междуморья», а также «доктрине Гедройца» и была направлена на поддержание существования постсоветских республик (прежде всего, Белоруссии и Украины) в качестве независимых от Москвы государств и противодействие всем попыткам реинтеграции пространств «исторической России».

Методологической основой исследования являются историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический и историко-описательный методы, а также метод диахронического сравнения и метод сравнительного политико-культурного анализа. Все рассматриваемые в работе факты изучаются на основе принципа историзма, в соответствии с которым предмет исследования исследуется только в контексте современных ему реалий.

Историко-сравнительный метод применялся при анализе официальных документов и публицистических произведений. Это позволило определить взгляды различных представителей польской политической и интеллектуальной элиты по проблемам внешней политики постсоциалистической Польши.

Историко-системный метод был использован при рассмотрении хода внешнеполитического самоопределения Третьей Речи Посполитой как целостного и исторически обусловленного процесса.

Метод диахронического сравнения использовался для сопоставления политических позиций польских антикоммунистических оппозиционеров и политических руководителей Третьей Речи Посполитой. Использование этого метода позволило определить характер изменений политических реалий Польши в период «системной трансформации» государства.

Историко-генетический метод применялся для раскрытия сути изменений позиции польской политической элиты и экспертного сообщества по проблеме внешнеполитических приоритетов Польши.

Метод сравнительного политико-культурного анализа применялся при исследовании влияния «исторической памяти» и «исторических травм» польского исторического сознания на процесс формирования внешнеполитических приоритетов Третьей Речи Посполитой.

Историко-описательный метод был использован при характеристике и формулировке общей совокупности причин, приведших к вхождению постсоциалистической Польши в евроатлантические структуры.

Поскольку в работе анализируется в том числе взаимосвязь процессов «системной трансформации» Польши и изменений стратегического баланса в Европе (расширение НАТО и ЕС), в диссертации применяются комплексные методы исследования, сочетающие в себе историософский анализ, исторические и политологические сопоставления.

При анализе источников и историографии приоритетом был анализ структуры и содержания документов в контексте исторических условий их создания, поскольку весь массив материалов, отражающих внешнеполитические приоритеты общества и элиты постсоциалистической Польши, был создан в конкретно-исторических условиях и отражает общий ход исторического процесса.

В представленном исследовании применялись и общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования, индукции и дедукции.

Следует отметить, что в работе международные отношения в целом рассматривались в рамках геополитической парадигмы исследований¹¹. Работа также испытала на себе определённое влияние основных положений неореализма в трактовке К. Уолтса¹², инструментализма Ч. Миллса¹³ и У. Домхоффа¹⁴, а отчасти и наступательного реализма Дж. Миршаймера¹⁵. Хотя автор и не склонен к географическому детерминизму при изучении глобальных исторических процессов¹⁶, в работе при исследовании межгосударственного взаимодействия, в первую очередь, внимание уделялось проблеме конкуренции государств, обусловленной эгоистическими устремлениями и ограниченной, прежде всего, спецификой их геостратегического расположения, а не какими-либо иными факторами.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут использоваться при чтении университетских курсов по новейшей истории, истории международных отношений, истории Центральной и Восточной Европы, а также в деятельности российских дипломатических учреждений и общественных организаций, работающих на польском и восточноевропейском направлениях.

Выводы и положения диссертации **соответствуют паспорту специальности 07.00.03.** – Всеобщая история (Область исследования: 6. Новейшая история (XX–XXI вв.). 8. История цивилизации, стран, народов, регионов. 16. Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление глобальной цивилизации).

¹¹ При этом автор считает необходимым отдельно оговорить, что геополитический подход к историческим исследованиям не может быть абсолютизирован как по строго методологическим, так и, прежде всего, по морально-этическим соображениям.

¹² См. Напр. Waltz K. *The Anarchic Structure of World Politics.* – *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues.* N.Y., 2005; Конышев В. Н. О неореализме Кеннета Уолтса / Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 146–155.

¹³ Миллс Ч. Р. *Властвующая элита.* М., 1959.

¹⁴ Domhoff, G.W. *Who Really Rules?* New Brunswick, 1978.

¹⁵ John J. Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics,* New York, 2001.

¹⁶ Хотя в настоящее время в литературе широко представлена традиция, весьма убедительно доказывающая чрезвычайно высокое влияние географического фактора на ход общемирового исторического процесса. См. Даймонд Д. *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ.* М., 2009.

Научная новизна исследования. Анализ историографии показывает, что в отечественной литературе ещё нет фундаментальных исследований процесса формирования основных приоритетов польской внешней политики в период после окончания холодной войны, а также интеграции постсоциалистической Польши в европейские и атлантические структуры, в которых бы комплексно рассматривалось влияние внутренних и внешних факторов (исторической памяти, польского общественного мнения, влияния соседних государств, международно-политического положения и др.). Существующие исследования, монографии и статьи, либо дают достаточно общее и обзорное представление об этом важнейшем для польской истории конца XX – начала XXI вв. процессе, либо затрагивают его отдельные измерения.

В представленной работе сделана попытка дать комплексный анализ истории внешнеполитического самоопределения Польши, соотнеся этот процесс в том числе с эволюцией российско-польского диалога после 1989 г. В исследовании впервые внешняя политика Польского государства после 1989 г. исследуется как составная часть государственно-национального проекта Третьей Речи Посполитой, продолжающего исторические традиции Второй Речи Посполитой и построенного на отрицании исторического опыта Польской Народной Республики.

Автор полемизирует с устоявшейся в отечественной историографической традиции практикой рассматривать процесс евроатлантической интеграции Польши в качестве реализации западного проекта, предложенного восточноевропейским государствам после окончания холодной войны. Напротив, внешняя политика Республики Польша в исследовании впервые рассматривается как комплекс политических, экономических, правовых и институциональных мер, являвшихся не только и не столько реакцией на произошедшие после окончания холодной войны изменения, сколько реализацией собственного польского внешнеполитического проекта, имевшего, кроме того, глубокие исторические корни.

Новизной работы является также сочетание традиционных методов исторического исследования международных отношений, политических систем и внешней политики с философским анализом идейных течений, внешнеполитических доктрин и самого исторического значения процесса «системной трансформации» Польского государства в конце XX в.

Историография проблемы. Вопрос внешнеполитического выбора постсоциалистической Польши имеет обширное, но фрагментарное освещение в отечественной литературе. Среди работ, важных для исследования проблемы внешнеполитического выбора Польши после роспуска восточного блока, можно выделить несколько основных групп.

К первой автор относит работы, в которых рассматривается взаимоотношения Евросоюза со странами Восточной и Центральной Европы в целом. Среди этой группы можно выделить фундаментальные исследования российских авторов Н. Арбатовой, В. Гутника, Е. Хесина¹⁷, С. Глинкиной, Н. Куликовой¹⁸, Н. Нарочницкой¹⁹, И. И. Орлика, Н. Фейт²⁰ и Л. Шишелиной²¹. К этой же группе работ относятся сочинения Д. Сергеева²², Ю. Юданова²³ и др.

Так, в подготовленной под руководством Н. Арбатовой коллективной монографии «Расширение ЕС на восток: предпосылки, проблемы, последствия» тщательно анализируется, прежде всего, экономический аспект интеграции постсоциалистических государств в ЕС и значение расширения для отдельных западноевропейских государств. В центре внимания фундаментального

¹⁷ Арбатова Н. К., Гутник В. П., Хесин Е. Расширение ЕС на Восток: предпосылки, проблемы, последствия. М.: Наука, 2003.

¹⁸ Глинкина С. П., Куликова Н. В. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации. М., 2010.

¹⁹ Нарочницкая Н. А. Европа «Старая» и Европа «Новая» // Международная жизнь. 2003. № 4. С. 45–63; Она же. Россия и русские в мировой истории. М., 2004.

²⁰ Куликова Н., Орлик И., Фейт Н. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в XXI веке. М.: Институт экономики РАН, 2012.

²¹ Шишелина Л. Н. Восточно-Центральная Европа между ЕС и Россией // Международный диалог. 2001. № 2. С. 22–51; Она же. Европейский союз и Восточная Европа. М.: ИМЭПИ РАН, 2005.

²² Сергеев Д. В. Восточноевропейский фактор // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 96–104.

²³ Расширение ЕС на Восток: позиции стран Евросоюза / под ред. Ю. И. Юданова. М., 2002.

исследования под руководством С. Глинкиной «Последствия расширения Европейского Союза для экономики России» также находятся в основном экономические аспекты евроинтеграции постсоциалистических стран, которые, однако, рассматриваются с точки зрения российских интересов в регионе. Вместе с тем, анализ исторических причин, приведших к переориентации восточноевропейских государств, в упомянутых исследованиях представлен лишь фрагментарно.

В коллективной монографии «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века»²⁴, где посвящённые Польше разделы были написаны Н. Бухариным и Н. Гудковой, авторы рассматривают внешнеполитическую переориентацию восточноевропейских государств как следствие социально-экономической трансформации стран бывшего восточного блока.

Вопросы влияния евроинтеграции на экономическое развитие восточноевропейских государств также разбираются в докладе коллектива авторов «Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост»²⁵. Исследователи приходят к выводу, что переход постсоциалистических стран региона к рынку осуществился, главным образом, посредством заимствования западноевропейских институтов, что, однако, не обеспечило этим государствам ускоренного догоняющего развития, на которое они рассчитывали.

Большой интерес представляет защищённая в 2007 г. диссертация Д. Сергеева «Польша в системе европейской безопасности»²⁶, в которой автор анализирует взаимосвязь между внешней политикой страны и развитием институтов европейской и международной безопасности, основные закономерности становления и развития постсоциалистической Польши как субъекта этой системы.

²⁴ Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М. 2002.

²⁵ Глинкина С. П., Куликова Н. В., Синицина И. С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.

²⁶ Сергеев Д. В. Польша в системе европейской безопасности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 21.09.2007. М., 2007.

Необходимо отметить, что большинство российских авторов в целом согласны с тем, что в процессе расширения ЕС на восточноевропейские государства на первом месте стояли политико-идеологические, а не экономические мотивы. Российские исследователи, однако, склонны рассматривать процесс расширения Евросоюза на восток с «западноцентричных» позиций и видеть в вовлечении бывших социалистических государств в орбиту влияния Брюсселя почти исключительно инициативу «старых» европейских стран. Исключением здесь, вероятно, является только подход Л. Шишелиной, для которой характерно внимание к европейским инициативам самих восточных европейцев и их попыткам региональной самоорганизации.

Польские исследователи, разумеется, также уделяют внимание проблеме взаимоотношения ЕС и восточноевропейских стран, делая акцент на том, что за вступлением стран Восточной Европы в ЕС стояли не только экономические и политические мотивы, но также идеалистические представления о «возвращении в Европу» после десятилетий ориентации на Москву. Среди современных польских исследований по данной проблеме стоит выделить работы М. Банковича²⁷, К. Гавликовской-Хуцкель, А. Желиньской-Гленбовской²⁸, Р. Кужняра²⁹, К. Счерского³⁰, Ю. Фишера³¹, И. Чищельской-Кликовской³² и др.

Так, Ю. Фишер в своей работе «Трансатлантическое сотрудничество. Политические, экономические и политические аспекты» рассматривает расширение ЕС на восток в глобальном контексте возвращения западной цивилизации на восток европейского континента после окончания холодной войны и особое внимание уделяет значению евроинтеграции для поддержания стратегической стабильности в восточноевропейском регионе.

²⁷ Bankowicz M. *Demokracja. Zasady, procedury, instytucje*. Kraków, 2015.

²⁸ K. Gawlikowska-Hueckel, A. Zielińska-Głębocka, *Integracja europejska. Od jednolitego rynku do unii walutowej*. Warszawa, 2004.

²⁹ Kuźniar, R. *Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. Warszawa, 2008; Tenże. *Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. Warszawa, 2012.

³⁰ Szczerki K. *Utopia europejska. Kryzys integracji i polska inicjatywa naprawy*. Kraków, 2017.

³¹ Fiszer J. *Współpraca transatlantycka. Aspekty polityczne, ekonomiczne i społeczne*. Warszawa, 2014.

В коллективной монографии К. Гавликовской-Хуцкель и А. Желиньской-Гленбовской «Европейская интеграция. От единого рынка к валютному союзу» исследуется влияние расширения ЕС на экономики новых членов и перспективы ускорения экономического развития в связи с расширением.

В вызвавшей противоречивые отклики экспертного сообщества работе К. Счерского «Европейская утопия: кризис интеграции и польская инициатива по её исправлению» рассматривается потенциал восточноевропейских государств для «оздоровления» идеологии Евросоюза. Автор предполагает, что именно новые европейские государства (прежде всего, Польша) будут способны предложить интеграционному объединению новые формы, учитывающие разнообразие народов континента и их отличия.

Фундаментальное исследование И. Чищельской-Кликовской «Франция и Германия в процессе европейской интеграции в 1992–2007» содержит много ценных наблюдений по проблеме сотрудничества и, особенно, конкуренции данных государств в рамках европейского проекта и их взаимодействию в процессе выработки европейской политики расширения.

В монографии М. Банковича «Демократия: правила, процедуры, институты» автор рассматривает в том числе проблему влияния европейских институтов на развитие восточноевропейских государств в процессе расширения ЕС.

В целом польские авторы склонны высоко оценивать историческое значение присоединения восточноевропейских государств к ЕС, видя в нём естественный экономический, социальный и политический процесс. Критическая часть замечаний экспертов в большинстве случаев относится к положению восточноевропейских государств внутри Евросоюза уже после расширения.

Вторую группу историографии вопроса составляют исследования взаимоотношений Польши с НАТО и Евросоюзом в контексте «системной трансформации» и формирования новых приоритетов польской внутренней и внешней политики. Русскоязычные работы данной группы представлены в своём

³² Ciesielska-Klikowska J. Francja i Niemcy w procesie integracji europejskiej w latach 1992–2007. Lodz, 2017.

большинстве научными статьями, среди которых следует выделить многочисленные труды выдающегося российского полониста Л. Лыкошиной³³, а также отдельные работы Д. Будановой (Скворцовой)³⁴, Е. Кольцовой³⁵, Д. Польшянского³⁶, Ю. Седякина³⁷, Д. Сергеева³⁸ и др.

Прежде всего, стоит отметить труды Л. Лыкошиной, характерной чертой научного подхода которой при анализе внешнеполитической линии постсоциалистической Польши являлось внимание к внутривосточным дискуссиям при выработке общенациональной внешнеполитической стратегии.

В диссертации Д. Будановой «Североатлантический Альянс и Европейский Союз во внешней политике Польши в 1989–2005 годах» даётся общий обзор евроатлантического вектора польской стратегии в указанный период, а также анализируются отношения проходившей этап «системной трансформации» Польши с Россией и Германией в контексте внешнеполитического выбора Третьей Речи Посполитой. При всех бесспорных достоинствах данной работы, сложно согласиться с отдельными тезисами авторами, касающимися, например, безусловного приоритета атлантического направления интеграции перед европейским. Представляется, что два направления интеграции

³³ Лыкошина Л. С. Польские правые накануне XXI в. М., 2004, Она же. Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в. М., 2011; Она же. Польская историческая политика в контексте политической жизни страны; Она же. Польша в Европейском Союзе и Вишеградской группе // Вишеградская Европа. Приложение к журналу Современная Европа. 2012. № 4.

³⁴ Буданова Д. С. Взаимоотношение Германии и Польши в рамках процесса расширения ЕС на Восток // Вестник Поморского университета, Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5; Она же. Североатлантический Альянс и Европейский Союз во внешней политике Польши в 1989–2005 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 25.03.2011. Н. Новгород, 2011; Скворцова Д. С. Польша и Европейский союз: путь к интеграции (1989–2004 гг.) Научные ведомости БелГУ. 2010. № 72. С. 92–97.

³⁵ Кольцова Е. Г. Геополитическая мотивация вступления Польши в НАТО и Европейский союз // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 118. С. 44–48.

³⁶ Польшянский Д.И. Восточная политика Польши накануне вступления в Европейский союз // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: История. Философия. Педагогика. Психология. 2002. № 2. С. 42–49.

³⁷ Седякин Ю. О современной внешней политике Польши // Обозреватель. 2010. № 6. С. 58–69.

³⁸ Сергеев Д. В. Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 4. С. 163–186.

постсоциалистической Польши находились в куда более сложной системе взаимозависимостей, что также будет показано в представленном исследовании.

Что касается польских работ по данной теме, наибольшего внимания среди исследований последнего времени заслуживает, вероятно, фундаментальная монография «Польша на глобальной шахматной доске»³⁹ А. Бальцера и К. Вуйчицкого, первый из которых являлся также одним из идеологов программы «Восточное партнёрство». Несмотря на весьма оптимистичные оценки «системной трансформации» Польши, авторы данной монографии обращают внимание на то, что в ближайшие годы страна, несмотря на успехи своей европейской интеграции и членство в НАТО, столкнётся с целой чередой острых социальных, демографических и политических вызовов. Снабжённая обширным и прекрасно иллюстрирующим заявленные тезисы статистическим материалом и развернутым научным аппаратом, работа, несмотря на неоднократные призывы авторов к «рационализации» внешней политики, имеет сильную эмоциональную составляющую, характерную именно для Польши и основанную на глубокой убеждённости польских исследователей в том, что их страна не может играть роль «статиста» в европейских делах.

Подготовленная коллективом авторов монография под редакцией С. Беленя «Внешняя политика Польши в XXI веке»⁴⁰ интересна, прежде всего, тем, что акцентирует внимание не столько на успехах, достигнутых Третьей Речью Посполитой на пути в евроатлантическое сообщество, сколько на стоящих перед страной вызовах, связанных с поисками новой идентичности на международной арене. Внимания заслуживают также монографии близкого к либеральным польским элитам дипломата и учёного-международника Р. Кужняра «Путь к свободе. Внешняя политика Третьей Речи Посполитой» и «Внешняя политика Третьей Речи Посполитой»⁴¹, при анализе которых, однако, необходимо помнить о последовательно прозападных идеологических установках их автора,

³⁹ Balcer A., Wóycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa, 2014.

⁴⁰ Poland's Foreign Policy in the 21st Century / ed. by Stanisław Bieleń. Warsaw, 2011.

⁴¹ Kuźniar, R. Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. Warszawa, 2008; Tenże. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej Warszawa, 2012.

считающего присоединение Польши к ЕС и НАТО «входом страны в землю свободы», а также о его конфликте с национал-консерваторами (Р. Кужняр был уволен с поста директора Польского института международных дел вскоре после прихода к власти партии «Право и справедливость» в 2007 г.).

Большой интерес представляет коллективный труд «Польша. Европейская или национальная?»⁴², в который вошли работы таких крупных польских учёных и политических деятелей как, например, А. Ротфельд. В центре внимания исследователей находится целый спектр проблем, связанных с последствиями трансформации и евроинтеграции постсоциалистической Польши: самоопределение поляков в новых условиях, вопросы эмиграции и иммиграции, место Католической церкви в общественной жизни, проблема унификации системы образования и т.д. Несмотря на общий «еврооптимистический» настрой авторов, ключевой вопрос о национальном и европейском самоопределении Польши в конечном итоге признаётся ими открытым, что лишний раз подчёркивает актуальность рассматриваемой проблемы и, вероятно, непредрежённость польского исторического выбора в XXI в.

Обращает на себя внимание, что в последнее время одной из главных проблем, привлекающих к себе внимание польских авторов, является растущий антагонизм социальных групп внутри Польши по вопросу о степени интеграции страны в наднациональные институты, который, возможно, следует рассматривать в качестве одного из спорных последствий успехов страны на пути в ЕС и НАТО.

Нельзя не отметить также труды Я. Станишкис⁴³, которая в ряде работ исследует процесс формирования посткоммунистического польского государства и социально-политические последствия сделанного страной исторического выбора. В целом исследовательница отстаивает ту точку зрения, что избавление

⁴² Polska europejska czy narodowa / red. M. Jarosz / Warszawa, 2014.

⁴³ Staniszki J. Post-communist peripheral capitalism: politics of institutionalisation / Jadwiga Staniszki. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях – Russia and Central Europe in the new geopolitical realities: сб. ст. участников междунар. науч. конф. проходившей в Москве 27–30 янв. 1995 г. / [Ред.: Киселев В. П., Шишелина Л. Н.]. – С.66–102; Staniszki J. Postkomunizm. Próba opisu. Gdańsk, 2001.

страны от авторитаризма и переориентация экономики на Запад привели к тому, что ключевые отрасли национальной экономики оказались под контролем транснационального капитала, не заинтересованного в развитии Польши до уровня ведущих стран Западной Европы.

Внимания заслуживает также обзорная статья Э. Штадмюллер «Проблемы и перспективы Развития Европейского Союза. Польша и ЕС»⁴⁴, в которой на основе анализа большого массива источников исследуются два основных вопроса: проблема институционального оформления расширения Евросоюза и отношение польского общества к евроинтеграции (её экономические, социальные и культурные аспекты).

Отдельные проблемы евроатлантического выбора Польши освещались в трудах Дж. Вуп⁴⁵, М. Витковской⁴⁶, Б. Геремека⁴⁷, Б. Донелли⁴⁸, А. Желиньской-Гленбовской⁴⁹, Л. Кулеса⁵⁰, М. Сливы⁵¹, П. Хмелевского⁵² и др.

Третью группу исследований составляют те научные работы, где отношения Польши с Евросоюзом и НАТО рассматриваются в контексте внешней политики Российской Федерации и отношений России со странами Западной Европы и США.

Наибольший интересной в этой группе представляет монография Л. Шишелиной «Расширение Европейского союза на Восток и интересы

⁴⁴ Штадмюллер Э. Проблемы и перспективы развития Европейского союза. Польша и ЕС // Европейский союз на рубеже веков. М., 2000.

⁴⁵ Вуп Дж. Польша как фактор внешней политики ЕС // Расширение Европейского Союза: взгляд из Москвы, Берлина, Варшавы. М., 2006.

⁴⁶ Witkowska M. Zasady funkcjonowania Unii Europejskiej. Warszawa, 2008.

⁴⁷ Геремек Б. Государственное устройство и внешняя политика // Европа, 2001. Т. 1. № 1. С. 213–226.

⁴⁸ Донелли Б. Польша, Европейский Союз и Россия // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2004. № 4. С. 111–118.

⁴⁹ Zielińska-Głębocka A. Dynamika Unii Europejskiej w świetle teorii integracji // Studia Europejskie. 1999. № 3.

⁵⁰ Кулеса Л. Досье по системе противоракетной обороны. Польская перспектива // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2007. № 2.

⁵¹ Слива М. Польская демократия. Идеи–люди–события, М., 2014.

⁵² Chmielewski P. Konopacki S. Dylematy federalizmu europejskiego. Warszawa, 1998.

России»⁵³, в которой автор проводит комплексный анализ одного из центральных вопросов европейской политики и взаимоотношений по оси Россия – Европа: расширению Европейского союза на Восток. В центре данной работы находится анализ причин, побудивших страны бывшего социалистического лагеря сделать выбор в пользу европейской интеграции, а также представлены прогнозы последствий их вступления в эти организации, многие из которых подтверждаются в последние годы.

В коллективном исследовании под редакцией О. Буториной и Ю. Борко «Расширение Европейского Союза и Россия»⁵⁴ авторы рассматривают включение восточноевропейских государств в ЕС сквозь призму исторического опыта интеграции, особое внимание уделяя отношениям России и Евросоюза в контексте противоречий европейского развития, обостряющихся вследствие приёма новых членов.

Для многочисленных сочинений Н. Нарочницкой, таких как монография «Россия и русские в мировой истории»⁵⁵, часть которых также можно отнести к данной группе историографии, характерен широкий хронологический охват и внимание к историческим проблемам, а также взгляд на восточноевропейский регион, прежде всего, как на зону столкновения интересов России и Западной Европы, лишённую исторической субъектности.

Не менее важны для рассматриваемой темы и труды выдающегося российского учёного-полониста Н. Бухарина, в которых в широком историческом разрезе рассматривалось влияние Польши на формирование восточного направления политики Евросоюза в контексте отношений Российской Федерации с НАТО и ЕС⁵⁶. Ключевым вопросом, к которому постоянно возвращался

⁵³ Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М., 2006.

⁵⁴ Буторина О., Борко Ю. (ред.) Расширение Европейского Союза и Россия. М., 2006.

⁵⁵ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.

⁵⁶ Бухарин Н. И., Яжборовская И. С. Становление демократического правового государства. От политического плюрализма к консолидированной демократии // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 1. М., 2002; Бухарин Н. И. Новый этап российско-польских отношений // Международный диалог, 2002, № 1; Он же. Россия – Польша.

Н. Бухарин, было то, как структурные противоречия интересов Польши и России влияли на политику всех четырёх участников многостороннего диалога: Польши, России, Европейского Союза и НАТО.

Этой же теме посвящён ряд статей российского специалиста-международника А. Мальгина⁵⁷, который рассматривает влияние Варшавы на формирование «Восточной политики» Евросоюза, прежде всего, с точки зрения его конфликтного потенциала в отношении Российской Федерации.

Большого внимания заслуживают яркие и полемические исследования известного российского историка А. Миллера⁵⁸, в которых проблема интеграции постсоциалистической Польши и других государств Восточной Европы в евроатлантические структуры исследуется в широком культурно-историческом контексте, а также выдвигаются достаточно спорные тезисы о том, что в Восточной Европе Россия полностью проиграла цивилизационное соревнование с Западом, а кризисные ситуации в регионе создают для Варшавы дополнительные политические возможности.

По понятным причинам польские авторы в меньшей степени заинтересованы изучением влияния отношений Польши с Евросоюзом и НАТО на внешнюю политику Российской Федерации и российско-польский диалог, однако,

Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформация в конце XX – начале XXI века: в 2 тт. М., 2005. Т. 2; Он же. Вступление Польши в Европейский Союз и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 4; Он же. Российско-польские отношения: 90-е годы XX века – начало XXI века. М., 2007. Он же. К истории российско-польских отношений: 90-е годы XX века – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2007. № 4; Он же. Российско-польские отношения и вступление Польши в ЕС // Вестник Европы. 2004. № 11; Он же. Россия – Польша. Опыт двадцатилетних отношений (90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века). СПб., 2013.

⁵⁷ Мальгин А. Россия и Польша: сквозь призму Восточной политики Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2; Он же. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6; Он же. Европейская система: стратегическая динамика и новые компоненты // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 1; Цибулина А., Мальгин А. Центральная и Восточная Европа: внутренняя трансформация, адаптация к интеграционной практике и опыт научного анализа // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2.

⁵⁸ Миллер А.И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001; Он же. Западные окраины Российской империи. М. 2006; и др.

среди современных польских авторов, исследующих данную проблематику, стоит выделить работы Р. Лисякевича⁵⁹ и В. Искры⁶⁰.

Так, в монографии Р. Лисякевича «Политика России в отношении Польши в период президентства В. Путина (2000–2008)» автор пытается реконструировать российский взгляд на Польшу и её внешнеполитический выбор, используя метод исторических аналогий и культурологического анализа. В центре внимания исследования находится, прежде всего, конфликтная составляющая российско-польских отношений, будь то энергетическая сфера или политическая конкуренция на постсоветском пространстве.

Среди диссертаций по данной тематике следует отметить защищённую в 2014 г. в МГИМО(У) кандидатскую диссертацию А. Черновой по теме «Роль Польши в Восточной политике ЕС», где автор сделала ряд ценных наблюдений относительно различий в польских подходах к выстраиванию отношений с Украиной и Белоруссией, а также о трудностях в позиционировании Польши внутри ЕС в качестве «эксперта по Востоку» в связи с устойчивой «антироссийской» репутацией страны⁶¹. Вместе с тем, вызывает сомнения ряд тезисов А. Черновой, касающихся непривлекательности польской инициативы «Восточного партнерства» для постсоветских стран, а также анализа исторических предпосылок внешней политики постсоциалистической Польши. Так, сложно согласиться с утверждением автора о том, что принятая польской дипломатией трактовка концепции Е. Гедройца означала разрыв Третьей Речи Посполитой с традициями и имперским прошлым Первой Речи Посполитой и полный отказ от парадигмы: «Россия – враг, восточные соседи – сателлиты», а также её утверждение о том, что «поляки с готовностью приняли базовые ценности Евросоюза», поскольку-де имели опыт конституции 1791 г.⁶²

⁵⁹ Lisiakiewicz R. *Polityka Rosji wobec Polski za prezydentury Władimira Putina (2000–2008)*, Toruń, 2011,

⁶⁰ Iskra W. *Polska – Rosja – UE. Relacje ekonomiczne*. Warszawa, 2004.

⁶¹ Чернова В. И. *Роль Польши в Восточной политике ЕС: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04: защищена 16.02.2015. М., 2014. 250 с.*

⁶² Подробнее данные вопросы будут рассмотрены в третьей главе.

Внимания заслуживает также защищённая в 2015 г. диссертация А. Столярова «Влияние исторической памяти на польско-российские отношения»⁶³, в которой автор, несмотря на в целом описательный стиль изложения, делает (в рамках концепций Ю. Хабермаса) много ценных замечаний, касающихся места исторической памяти о России и СССР в польском политическом дискурсе и осуществляет небезинтересную попытку «реконструкции польской исторической памяти» о России. Вместе с тем, представляется, что А. Столяров не вполне критично воспринимает популярные в польской историографии и политической философии подходы к противопоставлению польского «шляхетского индивидуализма» и «русского коллективизма».

Проблемам исторической памяти поляков посвящены также многочисленные статьи известного российского исследователя-полониста А. Васильева, в которых он особое внимание уделяет проблеме влияния памяти на формирование национальной идентичности, а также механизмам мемориализации прошлого в Республике Польша⁶⁴. Для работ А. Васильева характерен междисциплинарный подход и использование методологии «memory studies» – направления исследований, в центре внимания которого находится, скорее, коллективная память и способы формирования и передачи представлений о прошлом, а не само прошлое.

Четвёртую группу исследований составляют исторические и политологические, культурологические и общеполитические работы, посвящённые изучению специфики стратегического положения Польши и влиянию исторических факторов на польскую внешнюю политику, а также международно-политическую идентичность этого государства.

⁶³ Столяров А. О. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения (1989–2009 гг.) дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: защищена 20.11.2015. СПб., 2015.

⁶⁴ Васильев А. Г. Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 184–215; Он же. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М., 2012; Он же. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 215–248.

Кроме «классических» трудов по геополитике «англосаксонской» и «континентальной» традиций⁶⁵ при подготовке диссертации использовались работы современных авторов (историков, политологов, экспертов-международников), работающих в геополитической парадигме исследований, таких как Зб. Бжезинский⁶⁶, Р. Каплан⁶⁷, Д. Ленчовски⁶⁸, Э. Люттвак⁶⁹, Дж. Фридман⁷⁰ и др.

Много интересных теоретических наработок по данной проблематике удалось обнаружить также в сборнике «Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций»⁷¹, включающем в себя статьи таких известных современных польских исследователей как С. Белень, А. Вежбицкий и Р. Земба.

⁶⁵ В рамках работы под *первым* наименованием автор понимает положения, выдвинутые в работах А. Т. Мэхэна, Х. Д. Макиндера, Н. Спайкмена. (См.: Мэхэн А. Влияние морской силы на историю // Классика геополитики, XIX век. М., 2003; Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: сб. М., 2003; Макиндер Х. Д. Круглая Земля и обретение мира (перевод и комментарии Вадима Цымбурского) // Космополис, № 2; Макиндер Х. Дж. Демократические идеалы и реальность / пер. с англ. С. Л. Баринаова, В. Ю. Куршакова, И. Ю. Окунева; авт. предисл. М. В. Ильин // Полис: Политические исследования. 2011. № 2. С. 137–138; Spykman N. Geography and Foreign Policy. American Political Science Review, Vol. XXXII, № 1; Spykman N. The United States and the Balance of Power New York: 1942), а *под вторым* сочинения Ф. Ратцеля, Р. Челлена, К. Шмитта и К. Хаусхофера (См.: Ратцель Ф. Народоведение // Классика геополитики, XIX век: сб. / сост. К. Королев. М., 2003; Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знаниями об изучении политического пространства. Полис. 2005. № 2. С. 115–126; Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008; Науманн Ф. Срединная Европа // Геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007; Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: сб. М., 2003; Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001; Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / пер с немецкого Ю. Ю. Коринца. URL: www.geopolitics.ru; Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum* / пер. с нем. К. Лощевский, Ю. Коринец; ред. Д. Кузницын. СПб.: Владимир Даль, 2008; Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Элементы. № 8. М., 2000; Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ИД ГУ – ВШЭ, 2010. 272 с.; Политическая теология: сб. М., 2000).

⁶⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска, М., 2013; Бжезинский Зб., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М., 2013.

⁶⁷ Kaplan R. D. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. New York, 2012.

⁶⁸ Lenczowski J. Full Spectrum Diplomacy and Grand Strategy: Reforming the Structure and Culture of U.S. Foreign Policy, 2011.

⁶⁹ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира, М., 2012.

⁷⁰ Фридман Дж. Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века, М., 2010; Он же. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира, М., 2016.

В центре внимания этих авторов находятся проблемы истории и современности российско-польских отношений в контексте демонтажа биполярного мироустройства и общественно-политической трансформации в Польше, изменений внешнеполитической ориентации страны и интеграции Третьей Речи Посполитой в евроатлантические экономические и военно-политические объединения.

Необходимо отдельно упомянуть монографию Р. Зембы «Внешняя политика Польши в евроатлантической зоне»⁷², в которой автор не только в глобальном историческом контексте анализирует внешнюю политику Польши после 1989 г. и формирование новых отношений Третьей Речи Посполитой с важнейшими для неё партнёрами (Россией, Францией, Германией, США, Украиной, Белоруссией, странами Вишеградской группы), но и предлагает собственное понимание «международных ролей», которые Польша играет в евроатлантическом сообществе. Наиболее важные тезисы Р. Зембы, которого можно назвать одним из наиболее интересных современных польских теоретиков в данной сфере исследований, будут более подробно рассмотрены в рамках второй главы представленной диссертации⁷³.

Говоря о трудах польских авторов по исследуемой проблематике нельзя не упомянуть фундаментальные работы выдающегося польско-американского учёного А. Валицкого⁷⁴, такие как «Россия, католицизм и польский вопрос»⁷⁵ и «Россия, Польша и вселенское возрождение: исследования русской и польской мысли эпохи романтизма»⁷⁶, в которых автор анализирует многовековые

⁷¹ Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций: Избранные статьи польских экспертов / под ред. С. Беленя, А. Скшипика, Д. В. Карнаухова, О. В. Петровской; пер. с польского Л. Д. Бондарь, М. А. Корзо, М., 2015.

⁷² Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*. Warszawa, 2013.

⁷³ Стоит отметить также статью Р. Зембы о стратегических целях Польши в отношении Украины. Zięba R. *The Strategic Partnership between Poland and Ukraine // The Polish Foreign Affairs Digest. Issue № 3 (4)*. Warsaw, 2002. Pp. 195–226.

⁷⁴ О нём см. Маслин М. Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // *Гуманитарные науки*. 2012. № 4. С. 88–92.

⁷⁵ Walicki, A. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*. Warszawa, 2002.

⁷⁶ Walicki, A. *Russia, Poland, and universal regeneration : studies on Russian and Polish thought of the romantic epoch*. Notre Dame, 1992.

контакты России и Польши, отдельно выделяя религиозную и интеллектуальную составляющую российско-польского диалога.

Упомянув А. Валицкого, нельзя не назвать также исследования его ученика А. де Лазари⁷⁷, который по многим вопросам оппонирует своему учителю. В частности, большого внимания заслуживают работы А. де Лазари, касающиеся взаимных предубеждений поляков и русских, вызванных в том числе исторической конкуренцией католичества и православия на землях Восточной Европы.

В связи с этим стоит отметить также диссертацию А. Беспалова «Традиции геополитического мышления в современной восточной политике Польши»⁷⁸, защищённую в 2008 г. В ней автор на основе анализа большого массива польских источников исследует польскую политику в отношении стран постсоветского пространства и приходит к выводу, что основным объектом «восточной политики» Польши после вступления страны в НАТО и ЕС стала именно Украина, а не какое-либо другое постсоветское государство. Соглашаясь в целом с данным выводом, необходимо подчеркнуть, что отдельные примеры активности Польши на восточном направлении (такие, как, например, поддержка Содружества демократического выбора) показывают, что Варшава имела в этом регионе и более масштабные планы. Кроме того, автор практически обходит стороной влияние иерархов Католической церкви и непосредственно Иоанна Павла II на формирование представлений о приоритетах польской внешней политики.

Большой интерес вызывает и диссертационное исследование К. Трощенко «Внешнеполитические программы и международные связи политической оппозиции в ПНР в 1976–1989 гг.»⁷⁹, в которой автор на основе анализа широкого круга источников даёт обзор международной деятельности

⁷⁷ de Lazari A. *Polskie i rosyjskie problemy z rosyjskością*, Łódź 2009.; де Лазари А. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. А. де Лазари и О.В. Рябова. М., 2012.

⁷⁸ Беспалов А. С. *Традиции геополитического мышления в современной восточной политике Польши: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04: защищена 25.09.2008*. М., 2008.

польских диссидентов и их отношения к важнейшим внешнеполитическим проблемам страны. К сожалению, в фундаментальном и чрезвычайно ценном исследовании К. Трощенко лишь в незначительной мере освещены исторические основания внешнеполитических взглядов польских оппозиционеров, выходящие за пределы второй половины XX века, и практически обойдён вниманием вопрос влияния концепций, сформулированных диссидентами, на политику Третьей Речи Посполитой после 1989 г.

В свою очередь, для исследования проблемы идеологического влияния программ польских диссидентских объединений на последующую политику постсоциалистической Польши важным было знакомство с подготовленной под руководством К. Никифорова коллективной монографией «Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х – 80-е гг. XX в.»⁸⁰, в которой за подготовку разделов, касающихся оппозиции в ПНР, отвечали В. Волобуев⁸¹, Л. Лыкошина, О. Майорова, О. Михалева и Е. Эйслер (Польша).

В этом же разделе историографии необходимо упомянуть диссертационное исследование Е. Дворниченко «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1744»⁸², которое хронологически сильно отстоит от рассмотренного в работе периода, однако, позволяет в широком историческом контексте увидеть место Польского государства в политике западноевропейских стран по стратегическому сдерживанию России и её европейских устремлений.

⁷⁹ Трощенко К. В. Внешнеполитические программы и международные связи политической оппозиции в ПНР в 1976–1989 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 21.12.2004. Калининград, 2004.

⁸⁰ Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. Никифоров. М., 2014.

⁸¹ Среди наиболее важных исследований В. Волобуева по данной теме следует также особо отметить монографии «Политическая оппозиция в Польше: 1956–1976» и «Польша – 1970: Репетиция «Солидарности»/ См. Волобуев В. В. Политическая оппозиция в Польше: 1956–1976 / отв. ред. А. М. Орехов. М., 2009; Он же Польша – 1970: Репетиция «Солидарности». СПб., 2012.

⁸² Дворниченко Е. В. «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1744 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 28.10.2008. М., 2008.

Монография Г. Малютина «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.»⁸³ также выходит за хронологические рамки исследования, но содержит в себе много ценных наблюдений, которые позволяют проследить исторические причины господства в российском интеллектуальном сообществе (особенно, в его «государственно-патриотическом» спектре) настороженного, а порой и откровенно враждебного отношения к Польше.

Говоря о работах польских исследователей по данной проблематике, следует особо выделить сочинения Р. Стемповски⁸⁴, который, отражая мнение большей части польского экспертного сообщества, предлагает рассматривать стремление постсоциалистической Польши к евроатлантической интеграции, прежде всего, как желание Третьей Речи Посполитой присоединиться после окончания холодной войны к клубу наиболее развитых государств и через это закрепить свой статус страны «первого мира». Несомненный интерес представляют также исследования таких польских авторов, как Я. Корэйба⁸⁵, А. Маниа⁸⁶, К. Пельчиньска-Наленч⁸⁷ и др.

Среди работ, посвящённых истории русско-польских отношений и их влиянию на современность, стоит отметить труды видных отечественных историков-полонистов Л. Горизонтова⁸⁸, И. Кобринской⁸⁹, Г. Матвеева⁹⁰,

⁸³ Малютин Г. А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. М.; СПб. 2013.

⁸⁴ Стемповски Р. Польша в мировой системе: изменение государственного устройства и внешней политики // Европа. 2001. Т. 1. № 1. С. 279–294.

⁸⁵ Корэйба Я. Концептуальные основы внешней политики Польши в отношении европейских стран постсоветского пространства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 234–239.

⁸⁶ Mania A. *Détente i polityka Stanów Zjednoczonych wobec Europy Wschodniej, styczeń, 1969-styczeń 1981*, Kraków, 2003.

⁸⁷ Pelczyńska-Nałęcz K. *Dokąd sięgają granice Zachodu? Rosyjsko-polskie konflikty strategiczne 1990–2010*, Warszawa, 2010.

⁸⁸ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999; Он же. Русско-польское противостояние XIX – начала XX вв. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2: География и политика. М., 2006. С. 9–31; Он же. СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале «Kultura»: политическая хроника Михаила Геллера // Славяноведение. 2014. № 5. С. 24–31; Gorizontow L. *Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa* // *Sensus Historiae*. 2013. No. 4. P. 151–160.

А. Носковой⁹¹, Б. Флори⁹², И. Яжборовской⁹³, а также их польских коллег, А. Новака⁹⁴, Г. Пшебинды⁹⁵ и М. Филиповича⁹⁶.

Большой интерес для исследователей представляет и развернувшаяся в начале 2000-х гг. публичная дискуссия уже упомянутых выше российского историка А. Миллера и польского А. Новака⁹⁷, которые, несмотря на острый тон своей полемики, смогли осветить целый ряд важных вопросов, прямо и косвенно связанных с исторической политикой постсоциалистической Польши, а также проблему влияния исторической памяти на внешнюю политику двух государств.

Кроме того, заслуживают самого пристального внимания фундаментальные коллективные монографии «Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в

⁸⁹ Kobrinska I. Dlugi koniec Zimnej Wojny. Rosja I Europa Srodkowa 1991-1996. Warszawa, 1998.

⁹⁰ Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011; Он же. Пилсудский. М., 2008.

⁹¹ Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории // отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2002; Носкова А. Ф. Октябрьская революция 1917 года в России и проблема советизации стран Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009, С. 282–308; Она же. Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой // Studia Slavica – Polonica. К 90-летию И. И. Костюшко. М., 2009, С. 217–245.

⁹² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

⁹³ Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001, Яжборовская И. С. Польша Новейшего времени в исторической политике России и современной России // Россия и Польша: история общая и разобренная / отв. ред. Е. И. Пивовар, О. В. Павленко. М., 2015. С. 230–247; Яжборовская И. С. Россия и Польша на переломах XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М. Институт славяноведения РАН. 2009. С. 28–38; Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша: синдром войны 1920 г. 1914–1918–1920–1987–2004. М., 2005.

⁹⁴ Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Jozefa Pilsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Krakow, 2001; Nowak A. Jak rozbic rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej. Krakow, 1999.

⁹⁵ Пшебинда Г. Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше: авторизованные переводы с польск.; ред. Я. Охонько; предисл. Д. Бака. М., 2013.

⁹⁶ Filipowicz M. Wobec Rosji. Lublin, 2000.

⁹⁷ Новак А. Бедная империя, или Второй Рим – соблазны имперского дискурса в современной русской мысли // Европа. Журнал польского института международных дел. 2003. № 2. С. 189–196; Миллер А. Ответ Анджею Новаку, или Кое-что о жертвах и насильниках // Европа. Журнал польского института международных дел. 2003. № 3. С. 171–187. Новак А. Краткий ответ на ответ // Европа. Журнал польского института международных дел. 2003. № 3. С. 190–196.

российско-польских отношениях»⁹⁸ и «Польша XX. Очерки политической истории»⁹⁹, суммировавшие актуальные академические знания по исследуемой проблеме.

Несомненный интерес вызывают также всегда яркие и полемические работы отечественного политолога и историка О. Неменского¹⁰⁰, написанные с отчётливо пророссийских позиций. Нельзя не отметить также фундаментальное исследование российского историка и политолога Н. Медушевского «Теория конституционных циклов»¹⁰¹, в которой автор в том числе на примере Польши исследует факторы развития конституционализма в Центральной и Восточной Европе и делает много точных и глубоких замечаний по проблеме конституционной преемственности в государствах региона.

Говоря об историографии работ, посвящённых проблеме внешней политики постсоциалистической Польши, нельзя обойти вниманием сборники «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях», в которых в разные годы публиковались статьи таких известных российских и иностранных специалистов по данной проблематике как Н. Бухарин¹⁰² Л. Лыкошина¹⁰³, В. Родкевич¹⁰⁴ и др. Много ценных наблюдений, касающихся экономических последствий внешнеполитической переориентации постсоциалистической

⁹⁸ Białe plamy – Czarne plamy Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / red. Adam Daniel Rotfeld, Anatolij W. Torkunow, Wydawnictwo: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2010.

⁹⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.

¹⁰⁰ См., напр., Неменский О. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1 (14); Россия – Польша: Перезагрузка? М.: Фонд исторической перспективы, 2011. С. 11–38.

¹⁰¹ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

¹⁰² Бухарин Н. Российско-польские отношения в начале XXI века // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: материалы VII Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / под ред. Л. Шишлиной. М., 2009. С. 71–93.

¹⁰³ Лыкошина Л. К вопросу об идентичности современных поляков // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: материалы X Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях»: сб. статей / под ред. Л. Шишлиной. М., 2015. С. 240–249.

¹⁰⁴ Родкевич В. Внешнеполитическое мышление польской и русской элит и шансы на прагматическое польско-российское партнерство // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: материалы IV Международной научной конференции «Россия и

Польши, можно найти и в коллективных монографиях, подготавливаемых в Институте экономики РАН в рамках многолетнего исследовательского проекта «Россия и Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ)»¹⁰⁵.

Источники, на основе анализа которых подготовлена данная работа, можно условно разделить на четыре большие группы.

К первой относятся официальные дипломатические документы: переписка глав государств, конвенции, коммюнике, декларации, заявления, меморандумы, ноты, двух и многосторонние международные соглашения, отчёты комиссий Евросоюза, НАТО и др. аналогичные документы, а также принятые и обнародованные государственные стратегические документы в области внешней политики и обороны¹⁰⁶. В эту же группу включены стенограммы выступлений депутатов польского сейма и сенаторов, официальные заявления политических лидеров, а также энциклики папы римского, которые хотя и не являются дипломатическими документами, тем не менее по своей значимости могут быть отнесены к ним¹⁰⁷. Отчасти эти документы опубликованы, отчасти находятся в свободном доступе в сети «Интернет».

Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / под ред. Л. Шишлиной. М., 2002. С. 202–219.

¹⁰⁵ Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов: в 2 ч. М., 1997; Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации на рубеже веков. М., 2004; Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2004–2005 гг. М., 2006; Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2006–2007 гг. М., 2008; Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2008–2009 гг. М., 2009 и др.

¹⁰⁶ Напр. Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. М. 2011; Внешняя политика России: сборник документов. 1990–1992 / отв. ред. А. С. Чернышев. М., 1996; Внешняя политика России: сборник документов. 1993: в 2 кн. Кн. 1: Январь–май / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000; Zbiór Dokumentów PISM. Warszawa, 1992; Polityka bezpieczeństwa i strategia obronna Rzeczypospolitej Polskiej, 1992, Założenia polskiej polityki bezpieczeństwa, 1992 – Przegląd Rzadowy. № 12. Grudzien; Иоанн Павел II. Сочинения: в 2 тт. М., 2003; Skubiszewski K. Polityka zagraniczna i odzyskanie niepodległości: Przemówienia, oświadczenia, wywiady. 1989–1993. Warszawa, 1997. 434 s.; Monitor Polski. Dziennik Ustaw Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://monitorpolski.gov.pl> (accessed: 15.01.2018) и др.

¹⁰⁷ Senat Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.senat.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018); Sprawozdania stenograficzne z posiedzeń Senatu Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1989–2013; Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018); Sprawozdania stenograficzne z posiedzeń Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1989–2013; Rzeczpospolita Polska. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. [Electronic resource]. – URL: <http://www.msz.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018);

Ко второй группе источников относятся публицистические материалы, мемуары политических лидеров и источники периодической печати. Эти источники имеют особенную значимость, т.к. они в значительной мере отражают представления о сути международных процессов, которые существовали как в массовом сознании, так и среди интеллектуальной и политической элиты. Источники этой группы позволяют выявлять и исследовать аргументы сторонников того или иного вектора польской внешней политики¹⁰⁸.

Впервые в отечественной литературе в работе при анализе основных положений польской «восточной политики» используется вышедшее в 2010 г. полное собрание сочинений Е. Гедройца (т. н. «папки Гедройца»)¹⁰⁹, а не отдельные произведения этого выдающегося польского мыслителя.

Третью группу источников составляют статистические материалы, данные социологических опросов и результаты выборов, которые позволят увидеть динамику поддержки поляками идей интеграции и политических сил, которые придерживались различных подходов по вопросам внешней политики польского государства¹¹⁰.

Четвёртую группу источников составляют материалы, связанные с польскими политическими партиями: партийные программы, агитационные материалы, заявления партийных лидеров в ходе предвыборных дебатов и т.д.

Дипломатический вестник. 1992–2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf (дата обращения: 30.01.2018); Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

¹⁰⁸ Напр. Asmu R. D., Kulger R., Larabee S. F. Building a New NATO. Foreign Affairs, September/October 1993. Pp. 28–40; Koziej S. Zmiany w strategii obronnej Polski w rezultacie rozszerzenia NATO // Myśl Wojskowa. 1997. № 3; Kresy wschodnie Rzeczypospolitej w obronie polskości. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 1999; Fiedler R. Zagrozenia asymetryczne wspolczesnego swiata. Poznań, 2009, S. 95–117; Applebaum A. Europe is seeing a East-West clash of values // The Washington Post. 31.05.2014; Wałęsa, L. Droga wolności. Warszawa, 1991; Tusk D. Solidarność i дума. Gdańsk, 2005; Komorowski B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota. Warszawa, 2005; Kaczyński J. Polska naszych marzeń, Lublin, 2011; и др.

¹⁰⁹ Teczki Giedroycia / pod red. L. Ungera, I. Hofman. Lublin, 2010.

¹¹⁰ Напр. Polska – Europa – Swiat: Opinia Publiczna W Okresie Integracji. Warszawa, 2005; The World Factbook. CIA. [Electronic resource]. – URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> (accessed: 15.01.2018); Bitwa pod Grunwaldem w pamięci zbiorowej Polaków // CBOS. Warszawa, 2010. Lipiec; Polacy, Węgrzy, Czesi i Słowacy o papieżu Janie Pawle II // CBOS. Warszawa: CBOS, 2005. Czerwiec.

Они необходимы для выявления различий в позициях разных политических сил по вопросам внешнеполитического выбора страны¹¹¹.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1989 по 2013 гг. Нижняя граница обусловлена приходом в Польшу к власти оппозиционных сил и формированием первого послевоенного некоммунистического правительства, а также началом глубоких преобразований в политической и социально-экономической сферах, которые вскоре повлекли изменения во внешней политике страны. Верхней хронологической рамкой обозначен 2013 г. – начало острой фазы кризиса на Украине, спровоцированного реализацией европейской программы «Восточное партнёрство», инициатором которой выступила Третья Речь Посполитая, и последовавшим затем резким обострением отношений России и большей части западных государств¹¹². При этом в работе, учитывая её историческую направленность, присутствуют обширные экскурсы в польскую историю, а также в историю отношений Польши с её соседями и в особенности – с Россией.

Необходимо отметить, что в ходе подготовки и проведения исследования была сформулирована также авторская *периодизация внешней политики Третьей Речи Посполитой* изучаемого периода, основанная как на изменениях внутри польского руководства, связанных со сменой правительственных кабинетов и президентских администраций, так и с переменами на «внешнем контуре» польско политики.

Первый период (1989–1993), на протяжении которого на польской политической сцене доминировали выходцы из «Солидарности», а внешнюю политику определял К. Скубишевский («Бальцеревич польской дипломатии»), характеризуется стремлением постсоциалистической элиты к восстановлению

¹¹¹ Напр., Wybory 1991. Programy partii i ugrupowan politycznych. Warszawa: ISP PAN, 2001. 306 s.; Wybory 1993. Partie i ich programy. Warszawa: ISP PAN, 2001. 499 s.; Wybory 1997. Partie i ich programy. Warszawa: ISP PAN, 2004. 280 s.; Wybory 2001. Partie i ich programy. Warszawa: ISP PAN, 2002. 250 s.; Dbamy o Polskę, dbamy o Polaków. Program Prawa i Sprawiedliwości. Warszawa, 2007; Program wyborczy Platformy obywatelskiej. Wybory 2007. Warszawa, 2007.

¹¹² При этом Польша стала одним из лидеров антироссийской линии внутри ЕС, последовательно выступала за сохранение и расширение политики «санкций», а также поддержала размещение на своей территории элементов американской ПРО.

полного государственного суверенитета и выстраиванию новой инфраструктуры отношений с крупнейшими соседями, Германией и Россией, что воплотилось в соответствующих двусторонних договорах 1991 и 1992 гг. Кроме того, ключевой проблемой данного этапа стал вывод советских (российских) войск с территории Польши, который был в целом осуществлён по польскому сценарию.

Второй период (1993–1999) проходил при относительном доминировании «посткоммунистов», представленных на политической сцене Польши Союзом демократических левых сил. Ключевой задачей, стоявшей в тот момент перед польской дипломатией, было присоединение Третьей Речи Посполитой к западным институтам, что рассматривалось не только как гарантия невозвращения политического влияния России, но и как исторический выбор постсоциалистической Польши. В этот период, завершившийся присоединением Польши к НАТО и поддержкой Варшавой операции против Югославии (1999), были также обозначены все основные направления противоречий российско-польских отношения, которые проявили себя в дальнейшем.

В третий период (1999–2004) на политической сцене Польши, после окончательного распада идейно-интеллектуальной коалиции наследников «Солидарности», шла конкуренция «посткоммунистов» и их основных противников – «новых правых», чьи противоречия отчасти сглаживались общим консенсусом о необходимости продолжения интеграции Польши в западные структуры как по европейскому, так и по атлантическому векторам. Завершению процедуры вступления страны в ЕС (2004) предшествовало утверждение в Польше курса на строительство привилегированных отношений с США, что выразилось, в частности, в участии вооружённых сил Третьей Речи Посполитой в операциях в Афганистане (2001) и Ираке (2003).

Четвёртый период (2004–2007) был отмечен нарастающей внутривнутриполитической конкуренцией проевропейских либералов («Гражданская платформа») и национал-консерваторов («Право и справедливость»). Во внешней политике с подачи консерваторов произошло утверждение «исторической политики» в качестве характерной черты польской дипломатии и инструмента,

направленного против сближения Российской Федерации и ФРГ. Одновременно Третья Речь Посполитая, используя свои тесные связи с США и готовность участвовать в американской системе ПРО, всё активнее пыталась позиционировать себя в качестве «оператора» западной плотности на постсоветском пространстве, что вызывало постоянный рост напряжённости в отношениях с Россией.

Для пятого периода (2007–2013) характерно углубление внутривнутриполитического раскола между модернистскими и национал-клерикальными силами, который начинает находить своё отражение и в вопросах внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой: постепенно приоритетом и «политическим маркером» либералов становится европейский вектор, а консерваторов – атлантический. Происходящее в этот период постепенное усиление восточного направления (появление европейской политики «Восточного партнёрства») польской дипломатии привело к новому обострению отношений с Россией после недолго периода нормализации, связанного с деятельностью первого кабинета Д. Туска.

Географические рамки работы в основном ограничиваются европейским континентом, хотя затрагивается также проблематика отношений Польши с США и некоторыми государствами Азии.

Структура работы определена исследовательским замыслом и направлена на его раскрытие. Диссертация построена на проблемно-тематическом принципе, данное выше хронологическое деление является вспомогательным и прямо не отражено в структуре. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена анализу исторических предпосылок формирования новых основ внешней политики Польши после 1989 г. и характеристики Республики Польша в системе международных отношений после окончания холодной войны. В главе исследуется влияние идеологических установок оппозиции в ПНР на формирование международных приоритетов постсоциалистической Польши, анализируются роль внешних факторов в

процессе «системной трансформации» и влияние внешнеполитического выбора Третьей Речи Посполитой на процесс исторического развития Польского государства и общества.

Во второй главе евроатлантическая интеграция исследуется как исторический выбор Польши. В главе рассматривается влияние фактора исторической памяти на формирование внешнеполитической идентичности Польского государства, анализируются колебания общественного мнения по главным внешнеполитическим проблемам исследуемого в работе периода, выделяются причины и основные этапы формирования польско-американского стратегического партнёрства, а также выделяются главные направления оценок проделанного Польшей исторического пути, представленные в польском обществе.

В третьей главе исследуется проблема выстраивания новых польско-русских отношений в период после окончания холодной войны. В этой связи в главе выделен параграф, характеризующий место Польши в истории русской геополитической традиции и различные подходы к русско-польскому диалогу, предложенные российскими государственными деятелями и политическими философами. Кроме того, в главе сформулирована авторская периодизация истории русско-польского взаимодействия и систематизированы основные подходы к решению «польского вопроса» в русской исторической традиции. Одно из центральных мест в главе занимает обоснование предложенной автором концепции «стратегического маятника» Восточной Европы, а также исследование проблемы возрождения польско-русской конкуренции за влияние на территории Восточной Европы в контексте концепции «восточной политики» Е. Гедройца.

Апробация исследования. Основные результаты исследования отражены в девятнадцати публикациях, включая пять в изданиях, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях на пяти российских и международных научных конференциях. Результаты исследования были положены в основу спецкурса «Политические конфликты в Восточной Европе», который читался автором для

студентов специальности «Конфликтология» факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в 2013–2017 гг.

Публикации по теме исследования

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Буневич Д. С. Становление и развитие российско-польских отношений в 1990-е гг. От идеализма Козырева к Realpolitik Примакова // Мир и политика. – 2012. – № 12. – С. 146–152.

2. Буневич Д. С. Поляки на Востоке. История и современность // Современная Европа – 2015. – № 6. – С. 130–139.

3. Буневич Д. С. Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша в 2000-е годы // Интеллигенция и мир – 2016. – № 2. – С. 123–135.

4. Буневич Д. С. Перестройка в СССР и трансформация польской внешней политики // Современная Европа – 2016. – № 6. – С. 137–145.

5. Буневич Д. С. Евроатлантическая интеграция как исторический выбор постсоциалистической Польши // Современная Европа – 2017. – № 7. – С. 98-104.

В прочих изданиях:

6. Буневич Д. С. Польша в политике министров иностранных дел РФ А. В. Козырева и Е. М. Примакова: сравнительный анализ // Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 28–31.

7. Буневич Д. С. Партийная система Польши. История. Перспективы. Современность // Международные отношения. – 2013. – № 2. – С. 156–163.

8. Буневич Д. С. Похолодание украинско-польских отношений и интересы России // Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 439–443.

9. Buniewicz D. Stosunki rosyjsko-polskie w kontekście przemian demokratycznych w Polsce i Rosji // 25 lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania / pod redakcją J. Kornasia i L. Danela. Kraków, 2014 – T. 2. – S. 257–261.

10. Буневич Д. С. Польша на глобальной шахматной доске // Современная Европа (приложение Вишеградская Европа, вып. 3) – 2014. – № 4. – С. 136–139.

11. Буневич Д. С. Польша, европейская или национальная // Современная Европа (приложение Вишеградская Европа, вып. 3) – 2014. – № 4. – С. 139–141.

12. Буневич Д. С. Крымский кризис и формирование новой системы международных отношений // Геополитический журнал. – 2015. – № 1. – С. 98 – 104.

13. Буневич Д. С. Россия в системе европейского баланса сил в XVIII – XXI вв. // Звенья. Исторический сборник – 2015. – № 1. – С. 143–156.

14. Буневич Д. С. Крымский кризис 2014 года и создание новой архитектуры международных отношений // Конфликтология – 2015. – № 2. – С.133–139.

15. Буневич Д. С. Польский сценарий геополитической реорганизации Центральной Европы // Сб. ст. X международной научной конференции Россия и Центральная Европа в новой геополитической реальности. Москва 10–11 сентября 2015 года – М.: ИЕ РАН, 2015. – С. 250–264.

16. Буневич Д. С. Польская диаспора как инструмент «мягкой силы» Варшавы на Востоке // Конфликтология – 2016. – № 1. – С. 20–28.

17. Буневич Д. С. Дилеммы демократизации: свобода, традиция, суверенитет. Опыт России и Польши // Выбор пути развития: польский и российский опыт конца XX столетия. – М.: Собрание, 2016. – С. 250–259.

18. Буневич Д. С., Холодов Г. В. Неизвестный Дмовский // вст. ст. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос / под ред., вступ. ст. Д. С. Буневича, Г. В. Холодова. – СПб.: Алетейя, 2017. С. 5–10.

19. Буневич Д.С. Польша в современных американских геополитических концепциях и интересы России // Геополитический журнал – 2017. – № 4 – С. 32–43.

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ 1989 Г.

1.1. Представления о внешней политике в польской альтернативной политической мысли 1970-х – 1980-х гг.

Политическая система Народной Польши в 1950–1970-е гг. заметно отличалась от систем большинства других стран восточного блока: польская модель социалистического государства характеризовалась значительным плюрализмом, допускавшим легальное существование групп, критически настроенных по отношению к властям. А неоднократно происходившие в ПНР массовые антиправительственные выступления (1956, 1968, 1970, 1976, 1980 гг.) заканчивались зачастую не только силовым подавлением протестующих и их арестами, но той или иной формой компромисса, предложенного руководством Польской объединённой рабочей партии (ПОРП). Так, результатом кризиса 1956 г., сопровождавшегося ожесточёнными столкновениями протестующих с силами правопорядка, стал целый ряд уступок со стороны властей, включая отказ от насильственной коллективизации сельского хозяйства, цензурные послабления и существенное обновление высшего партийного руководства¹¹³.

Кроме того, с середины 1950-х гг. и вплоть до введения военного положения в декабре 1981 г. в Народной Польше легально действовала заметная и фактически оппозиционная политическая сила – Ассоциация «Знак», представлявшая собой объединение католиков. Эта организация даже имела незначительное представительство в Сейме трёх созывов. Не случайно, что в религиозном польском обществе важнейшим объединением, противопоставившим себя официальным коммунистическим властям, стало именно объединение католических интеллектуалов¹¹⁴.

Стоит отметить, что в стране существовала также и формальная многопартийность: кроме правящих коммунистов в ПНР действовали ещё две легальных политических партии (Объединённая крестьянская партия и

¹¹³ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 630–660.

Демократическая партия), бывшие, конечно же, сателлитами ПОРП. И хотя созданная в Польше партийная система была весьма далека от современных представлений о парламентском строе, тем не менее, нельзя отрицать её принципиального отличия от, например, советской, где на протяжении почти 70 лет существовал однопартийный режим. Таким образом, в социалистической Польше, начиная с середины 1950-х гг. в латентной форме существовало многообразие политических взглядов. Важными центрами сосредоточения оппозиционных настроений, с чьим существованием фактически смирился режим ПНР, были самоуправляющиеся университеты и редакции некоммунистических (католических) общественно-политических газет и журналов¹¹⁵.

Произошедшие в 1970–1971 гг. массовые волнения, вызванные ухудшением экономической обстановки в стране, вынудили коммунистические власти в очередной раз пойти на целый ряд уступок как экономического, так и политического свойства. Под давлением улицы первый секретарь ПОРП Б. Гомулка, переживший в дни протестов инфаркт, был заменён на более склонного к компромиссам Э. Герека.

Благодаря новому политическому стилю Э. Герека¹¹⁶ в начале 1970-х гг. усилились либеральные тенденции в политической и интеллектуальной жизни Польши¹¹⁷. Так, в стране в это время практически прекратилась конфронтация властей с католической церковью, бывшая довольно острой во второй половине 1960-х гг., а также произошло формальное движение в сторону укрепления принципов многопартийности (в состав правительства даже вошли несколько представителей Объединённой крестьянской и Демократической партий),

¹¹⁴ Friszke A. *Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980*. Londyn, 1994.

¹¹⁵ Со второй половины 1940-х гг. большим авторитетом среди польских интеллектуалов пользовались издаваемые в Кракове католические журналы «Знак» («Znak») и «Всеобщий еженедельник» («Tygodnik Powszechny»).

¹¹⁶ Эдвард Герек в довоенный период и во время Второй мировой войны жил в Западной Европе (Франции и Бельгии), был членом сначала Французской, а затем Бельгийской коммунистической партии. По воспоминаниям современников, Э. Гекрек был гибким политиком и лично обаятельным руководителем, противником жёстких мер и стремился к поиску компромиссов с конструктивной частью оппозиции.

¹¹⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 730–745.

руководители государства стали на регулярной основе встречаться с населением, в том числе и с лидерами проходивших забастовок, информация о чём обнародовалась в официальной прессе, равно как и подробные отчёты о заседаниях Политбюро ЦК ПОРП, чего раньше не практиковалось. Кроме того, в СМИ шли открытые и достаточно острые дискуссии по экономическим вопросам¹¹⁸.

Расширившийся при Э. Герече политический плюрализм на фоне сохранения социально-экономических трудностей создал благоприятную почву для организации оппозиционных групп: в эти годы в ПНР сложилось несколько оппозиционных течений, ориентированных на проведение широкомасштабных изменений в жизни страны. Внешняя политика Польши, по мнению многих оппозиционеров, также как и внутренняя нуждалась в критическом переосмыслении и в основе этого процесса, по мнению польских диссидентов, должно было лежать, прежде всего, изменение отношений ПНР с Советским Союзом.

Один из лидеров антиправительственного движения того периода Я. Куронь, впервые выступивший с публичной критикой режима ещё в середине 1960-х гг., суммируя претензии значительной части оппозиционеров к внутренней и внешней политике ПОРП, приходил к мнению, что в основе её лежит международно-политический статус Польши, который он определял как статус «несуверенного государства..., которое не проводит собственной внешней политики и не имеет свободы выбора государственного устройства»¹¹⁹.

Все крупнейшие оппозиционные объединения ПНР 1970-х – 1980-х гг. высказывались по международной проблематике, а дискуссии вокруг вопроса реальных границ польского суверенитета стали впоследствии важным водоразделом в истории польского оппозиционного движения. По отношению к этой проблеме можно выделить три основные группы оппозиционеров: умеренное крыло (силы близкие к Комитету социальной самообороны – Комитету защиты

¹¹⁸ Бухарин Н. И., Яжборовская И. С. Эдвард Герек: от курса на социальную справедливость к экономическому кризису // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 164–186.

рабочих), радикальные националисты (Польское объединение сторонников независимости и его идейные последователи) и лояльные Советскому Союзу силы, чья критика властей ПНР не распространялась на сферу внешней политики (Комитет польской самозащиты и Независимая политическая группа).

В основе их противоречий лежали как различия в представлениях о международно-политическом положении Польши, так и несовпадение мнений о том, как должны соотноситься внутренние преобразования в ПНР с изменением её внешнеполитической линии.

Например, лидеры наиболее влиятельного и относительно умеренного по отношению к правившему режиму Комитета социальной самообороны – Комитета защиты рабочих (КОС-КОР) в своём «Призыве к обществу» 1978 г. прямо увязывали внутривнутриполитическую ситуацию в стране с её международным положением: «самой главной причиной кризиса в нашей стране является лишение граждан их прав, а государства его суверенитета»¹²⁰,

Эта же мысль была в центре майской декларации 1979 г., посвящённой развёрнутому анализу ситуации в стране: «Мы не согласны, и мы не можем принять ситуацию, при которой наш народ лишён своей независимости, нарушаются права человека и гражданина, несмотря на их закрепление в основных документах ПНР, не реализованы принципы демократии...»¹²¹.

Относительно заявлений о нарушениях прав человека в ПНР в это время, стоит отметить, что во время волнений и массовых беспорядков власти, несмотря на внешний демократизм правительства Э. Герека, применяли к протестующим и задержанным насилие, включая пытки. Наибольший резонанс в обществе вызывала информация о практиковавшихся с 1976 г. т.н. «дорогах здоровья»

¹¹⁹ Kuron J. *Polityka i odpowiedzialność*. Londyn, 1984. S. 108.

¹²⁰ Призыв к обществу КОС-КОР // Польша 1980: «Солидарности» год первый. Лондон, 1981. С. 17.

¹²¹ KSS KOR, *Pismo do społeczeństwa W sprawie dramatycznej, sytuacji gospodarczej społecznej i moralnej w PRL (maj 1979)* // *Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR»*, opracował A. Jastrzębski, Warszawa – Londyn, 1994. S. 387–388.

(ścieżki zdrowia) – избияниях дубинками задержанных, которых прогоняли сквозь строй милиционеров¹²².

Для идеологов КОС-КОР, таких как Я. Куронь, суверенитет народа и государственный суверенитет были тесно связаны: освобождение общества от политического диктата ПОРП должно было привести к освобождению страны от зависимости от СССР¹²³. Рассуждая о «тоталитарном» характере политического строя ПНР лидеры КОС-КОР обращали внимание на его внешнее (искусственное для польской политической истории) происхождение, поскольку такая система «...навязана польскому народу 30 лет назад военной силой Советского Союза... Гарантом прочности этой системы является готовность Советского Союза к применению силы против народов, которые хотят её свергнуть»¹²⁴.

Один из самых авторитетных деятелей КОС-КОР А. Михник, принимая во внимание советский фактор, полагал, что все реформы в ПНР должны проходить при учёте реального положения вещей – готовности СССР силовыми методами отстаивать свои интересы, если будущие преобразования начнут угрожать советским военно-политическим интересам в Польше¹²⁵. Можно предположить, что на эту позицию оказывал влияние неудачный опыт реформ в Чехословакии 1968 г., завершившийся вводом вооружённых сил стран Варшавского договора.

При этом КОС-КОР была отнюдь не самой радикальной оппозиционной группой в вопросах внешней политики. Значительно более резкую позицию занимали группы и движения, чьи идеи базировались на концепциях, сформулированных в рамках деятельности подпольного Польского объединения сторонников независимости (ПОСН).

Представители этой законспирированной группы, отмечая кризисные явления в социалистическом блоке, настаивали на прямой зависимости между внутренним и внешним положением ПНР, которое в обоих случаях характеризовалось ими, как «господство коммунистов и внешних сил»

¹²² Prokopiaka J. Radomski czerwiec 76. Wspomnienia partyjnego sekretarza, Warszawa – Radom, 2001. S. 197–198.

¹²³ Kuron J. Zasady ideowe. Paryz, 1978. S. 15.

¹²⁴ *Ib.* 14–15.

(т. е. Советского Союза). Программа ПОСН состояла из трёх ключевых пунктов: «возвращение Польше подлинного суверенитета», «признание всех поляков соуправителями Отечества» и «реализация гражданских свобод в соответствии с духом прошлого и развитием свободных стран Европы»¹²⁶. В отличие от КОС-КОР в ПОСН считали, что освобождение общества от авторитаризма возможно только при условии освобождения Польши от внешней «опеки» и восстановления её суверенитета в полном объёме. Хотя это политическое объединение в силу своей закрытости и не стало влиятельной политической группой, его идеи оказали существенное влияние на развитие радикальных течений в оппозиции.

Так, национал-клерикальное Движение в защиту прав человека и гражданина (ДЗПЧГ), решительно возражая против Ялтинских договорённостей, закрепивших Польшу в зоне влияния СССР, настаивало на том, что частью прав человека является и «право на обретение самостоятельного независимого государства»¹²⁷. Отколовшаяся от ДЗПЧГ Конфедерация независимой Польши (КНП) и Движение Молодая Польша (ДМП) стояли на ещё более радикальных позициях, считая суверенитет высшей политической ценностью и обвиняя более умеренные оппозиционные группы в «соглашательстве и предательстве национальных интересов». В частности, лидер КНП Л. Мочульский, исповедовавший радикально-националистические взгляды, считал КОС-КОР «обречённой политической группой», чья генеалогия «восходит прямо к сталинскому террору»¹²⁸, а в декларации ДМП откровенно указывалось: «Главной – хотя и не окончательной – целью польского народа является восстановление независимости польского государства... Лишение народа права на независимость является актом несовместимым с объективным моральным порядком»¹²⁹.

В позиции радикалов можно проследить влияние традиций Второй Речи Посполитой. Сам Л. Мочульский прямо заявлял, что считает себя идейным «пилсудчиком» – сторонником идеологии маршала Ю. Пилсудского (1867-1935),

¹²⁵ Michnik A. *Polnischer Frieden*. Berlin, Verlag, 1985. S. 48.

¹²⁶ *Program Polskiego Porozumienia Niepodległościowego w kraju*. Warszawa, 1976. S. 2.

¹²⁷ *Droga*. 1979. № 7. S. 36.

¹²⁸ Friszke A. *Opozycja polityczna w PRL*. S. 477.

которая характеризовалась решительным антисоветизмом, антисоциализмом и стремлением утвердить Польшу в роли великой европейской державы, противостоящей Советской России¹³⁰.

Сформулированная в декларации ДМП 1979 г. программа радикалов (часть из которых также апеллировала и к идеям лидера польских национал-демократов Р. Дмовского (1864–1939)¹³¹ состояла не только из борьбы за независимость страны, включавшей в том числе требование выхода из ОВД и удаления советских военных баз. Позитивная составляющая программы строилась вокруг укрепления национальных связей поляков, уважения христианских этических норм в общественной жизни и сохранения национальной культурной идентичности польского народа¹³².

И лишь самые умеренные оппозиционные группы, ограничивавшиеся социально-экономическими требованиями, такие как Комитет польской самозащиты (КПС) и Независимая политическая группа (НПГ), выступали за сохранение тесного советско-польского союза и обвиняли непримиримых оппозиционеров в том, что они являются лишь инструментом в руках Запада, заинтересованного в разрыве отношений Москвы и Варшавы¹³³.

Важным этапом развития польской оппозиционной политической мысли стали волнения 1980-х гг., которые привели к легализации широкого протестного движения в виде знаменитого профсоюза «Солидарность», ставшего объединением самых широких кругов интеллигенции и заводских рабочих. И если в Гданьском соглашении 1980 г. властей и протестующих особо подчёркивалось, что профсоюз не намерен выступать против «установленной

¹²⁹ Deklaracja ideowa Ruchu Młodej Polski // Bratniak. 1979. № 4 (18).

¹³⁰ Сулея В. Юзеф Пилсудский / пер. с польск. М., 2009.

¹³¹ Bogdan Borowik: Partie Konserwatywne w Polsce 1989–2001. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011, s. 34; Подробнее мнение автора об исторической роли Р. Дмовского см. Буневич Д. С., Холодов Г. В. Неизвестный Дмовский // вст. ст. Р. Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос, СПб., 2017. С. 5–10.

¹³² Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. S. 482.

¹³³ Cecuda D. Leksykon opozycji politycznej. 1976–1989. Warszawa. S. 63.

системы внешнеполитических союзов»¹³⁴, то уже через год на съезде «Солидарности» осенью 1981 г. констатировалось, что в своей международной деятельности профсоюз исходит исключительно из «приоритета польских национальных интересов»¹³⁵.

Несмотря на политическую эйфорию, вызванную съездом «Солидарности», в движении стало постепенно обозначаться разделение на либеральное и национально-католическое течения¹³⁶. Учитывая начавшуюся фрагментацию, при профсоюзе были образованы новые интеллектуальные оппозиционные центры, чья деятельность была направлена на осмысление сложившейся ситуации.

Среди этих групп стоит выделить созданный лидером самораспустившегося и влившегося в «Солидарность» КОС-КОР Я. Куронем клуб «Свобода–Справедливость–Самоуправление», который в своей деятельности большое внимание уделял проблемам переосмысления внешней политики Польши. Размышляя о новом формате советско-польских отношений, Я. Куронь и его соратники по клубу пришли к мнению о целесообразности «демилитаризации Центральной Европы» и необходимости заключения нового договора между Москвой и Варшавой, который бы гарантировал суверенитет Польши во внутренних делах¹³⁷.

Введение в декабре 1981 г. военного положения временно приостановило работу интеллектуальных центров оппозиции. Кроме того, многими диссидентами оно было воспринято, как решение Москвы. Это привело к окончательной дискредитации немногочисленных оппозиционных групп настроенных на сохранение тесных отношений с СССР, а также на несколько лет остановило активную деятельность польской радикальной оппозиции, лидеры которой подверглись преследованиям. Отношение большинства оппозиционеров

¹³⁴ Заключительное коммюнике о переговорах Правительственной комиссии по рассмотрению требований коллективов предприятий и проблем Гданьского побережья с МЗК // Польша 1980: «Солидарности» год первый. Лондон, 1981. С. 168.

¹³⁵ NSZZ «Solidamosc». 1980–1981. Podstawowedokumenty. Kronika Dzialalnosci. Bibliografia. Wroclaw, 1990. S. 251.

¹³⁶ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 821.

¹³⁷ Dziennik Polski, tydzien. 12.12.1981. № 50.

к введению военного положения, за которым видели «руку Москвы», ёмко сформулировал Я. Куронь: «Люди из СССР не хотят компромисса»¹³⁸. Среди известных лидеров оппозиции того периода, пожалуй, только А. Михник впоследствии выразил понимание решения В. Ярузельского о введении военного положения: «Если бы Ярузельский не ввёл военное положение, порядок в Польше навёл бы главнокомандующий войсками Варшавского договора. И это был бы совсем другой порядок»¹³⁹.

Хотя большинство оппозиционеров были согласны с Я. Куронем, позиция А. Михника в этом вопросе, как представляется, является более обоснованной. Учитывая стремление Советского Союза удержать свои позиции в Центральной Европе в условиях окончания политики «разрядки» и нового обострения советско-американского противостояния в связи с началом в 1979 г. военной операции в Афганистане, Москва, очевидно, не могла допустить дестабилизации режима ПНР. Кроме того, советское руководство опасалось, что усиливавшиеся волнения в Польше могли повлиять и на положение внутри самого СССР¹⁴⁰. Серьёзность намерений советских руководителей подтверждается не только обсуждением силового разрешения «польского кризиса» на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, но и публичным и недвусмысленным заявлением Л. Брежнева, прозвучавшем на XXVI съезде партии: «Социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим»¹⁴¹.

Если бы ПОРП не смогла, опираясь на поддержку армии (не только как силового механизма, но и как общественного института), самостоятельно стабилизировать обстановку и остановить политический кризис, военное

¹³⁸ Kuron J. Tezy o wyjściu z sytuacji bez wyjścia. S. 6.

¹³⁹ Известия. 1994. 13 апреля.

¹⁴⁰ В связи с этим были приняты предупредительные меры, направленные на то, чтобы ограничить доступ советских граждан к информации о событиях в ПНР: Постановления Секретариата ЦК КПСС от 4 октября и 22 декабря 1980 г. «О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР» и Постановление Секретариата ЦК КПСС от 28 ноября 1980 г. «О временном сокращении туристского обмена между СССР и ПНР».

¹⁴¹ Правда, 12 июня 1981 // Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. Документы и материалы. М, 1989. С. 178.

вмешательство Советского Союза, вероятно, было бы неизбежным¹⁴². В случае реализации такого сценария польских оппозиционеров подвергли бы более жестким мерам изоляции, чем осуществлённое В. Ярузельским интернирование, а влияние Советского Союза на внутривнутриполитический процесс в Польше усилилось бы многократно.

Стоит признать обоснованной оценку А. Михником решения польского руководства о вводе военного положения. Оно не только позволило избежать ввода войск стран Варшавского договора, но и обеспечило укрепление режима В. Ярузельского, который впоследствии выступил конструктивным контрагентом оппозиционеров в период «круглых столов», обеспечивших бескровный транзит власти в стране. Вероятно, в случае прямого советского вмешательства в начале 1980-х гг. транзит власти в Польше в конце десятилетия проходил бы совсем в иных, мене комфортных для польского общества, условиях.

Таким образом, к началу 1980-х гг. практически все оппозиционные течения ПНР, независимо от степени их радикализма и расхождений по прочим вопросам, были едины в том, что касалось представлений о необходимости изменения международно-политического положения Польши, восстановления её государственного суверенитета и избавления от советской гегемонии, сложившейся по итогам Второй мировой войны.

Большая часть польской оппозиции была убеждена, что именно «советский фактор» гарантирует (или, во всяком случае, способствует) тому, что политико-экономическая система ПНР сохраняется, несмотря на очевидную слабость власти ПОРП. В связи с этим некоторые диссиденты даже отказывались считать легитимным политический режим, существовавший в ПНР. Как говорилось об этом в программном документе польских оппозиционеров-националистов «Традиция суверенитета и её враги», опубликованном в марте 1977 г.: «ПНР – это не наша родина, подобно тому, как нашей родиной не было наполеоновское Герцогство Варшавское или Царство Польское. Наша родина – это Польша,

¹⁴² См. подробно об этой проблеме Обичкина Е. О. СССР в польском кризисе начала 1980-х годов // Советский Союз, Франция и международные кризисы 80-х годов XX века / под

которая меняет свои границы, политическую систему, количество и состав населения, внешнеполитические союзы, оккупантов, свой род занятий, природу и даже своё название – и остаётся при этом неизменной в том, что поляки хотят, чтобы она существовала. Государство – это политическая конъюнктура. Родина – это независимость»¹⁴³.

Критика польской оппозицией международно-политического положения ПНР фактически означала также и критику всей Ялтинской системы, которая, по словам Л. Мочульского, «узаконила последний раздел Речи Посполитой»¹⁴⁴. Как представляется, польские оппозиционеры среди всех диссидентов стран восточного блока более других стремились к пересмотру Ялты, поскольку видели в ней не только причину текущей зависимости своей страны от СССР, но и легитимацию всей исторической традиции передела польских территорий, а также отрицание исторической роли Второй Речи Посполитой, которая была уничтожена (и не восстановлена в отличие, например, от Чехословакии!) после Второй мировой войны.

Среди поднимавшихся в связи с этим польскими оппозиционерами тем центральное место занимали вопросы, касающиеся ввода советских войск в сентябре 1939 г., формирования послевоенного миропорядка в Европе и судьбы польских офицеров, оказавшихся в советском плену. Наиболее ёмко позиция значительной части оппозиционеров-националистов по «проблеме Ялты» была озвучена в 1984 г. на страницах «Дженника Польского»: «Договор Молотова – Риббентропа, также как и соглашения «большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме были заключены без участия представителей Польши, поэтому мы признаём их необязательными для Польши и будем стремиться к их отмене»¹⁴⁵.

При этом вопрос о западных регионах Польши, принадлежавших до войны Германии, который мог возникнуть в случае отказа от ялтинских принципов, хотя

ред. М. М. Наринского. М., 2008, С. 1–32.

¹⁴³ Zespół Problemowy PPN, Tradycja niepodległościowa i jej wrogowie, marzec 1977 // Polskie Porozumienie Niepodległościowe. Wybór tekstów. Londyn, 1989. S. 26.

¹⁴⁴ Идейная декларация КНП // Польша 1980: «Солидарности» год первый. Лондон, 1981. С. 32.

¹⁴⁵ Dziennik Polski – № 189 – 09.08.1984.

и беспокоил польских оппозиционеров, но всё же не приводил их к отказу от критики послевоенного мироустройства. Даже националисты из ПОСН полагали, что «отстаивание сегодняшнего раздела Германии; тождественно защите сегодняшнего раздела Европы на две сферы влияния, а потому защите нашей подчинённости СССР»¹⁴⁶ и, что интересно, видели решение возможной проблемы границ в активном участии Германии в процессе европейской интеграции. При этом в вопросе сохранения в неизменном виде западных границ страны оппозиция вполне разделяла мнение властей, ведь ещё в 1964 г. первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка публично заявил: «Я хочу подчеркнуть, что какие-либо изменения нынешних польских границ могут произойти только через труп Польши»¹⁴⁷.

Наиболее последовательные националисты-радикалы, размышляя о приоритетах внешней политики Польши, апеллировали, прежде всего, к опыту Второй Речи Посполитой, противопоставляя Польшу Пилсудского Полькой Народной Республике. Представители этих взглядов полагали, что восстановление суверенитета Польши необходимо, в том числе, и для сохранения её национально-культурной идентичности и преобразования общества на «национальных основах». Радикалы прямо говорили о необходимости строительства Третьей Речи Посполитой, считая ПНР «формой узаконенного русского господства в Польше»¹⁴⁸.

Значительная часть польских оппозиционеров, размышляя о том, что в будущем «свободной Польше» потребуются союзники, гарантирующие невозвращение «русского господства», были согласны с Я. Куронем, который отмечал: «Суверенитет Украины, Белоруссии и Литвы – это программа борьбы за польский суверенитет и одновременно это реальные союзники Польши»¹⁴⁹. То

¹⁴⁶ O stosunkach z Niemcami raz jeszcze // Polskie Porozumienie Niepodleglosciowe. Wybor tekstow. Londyn: 1989. S. 277–278.

¹⁴⁷ Gomułka o niebezpieczeństwie polityki nowego Rapallo. Fragment wspomnień Stanisława Łukasiewicza // Racja stanu. Studia i materiały. Polrocznik. 2007. № 1. S. 330.

¹⁴⁸ Идейная декларация КНП // Польша 1980: «Солидарности» год первый. Лондон, 1981. С. 32.

¹⁴⁹ Kuron J. Wie weiter? // «Solidarnosc». Die polnische Gewerkschaft «Solidarität» in Dokumenten.... S. 80.

есть, польская оппозиция уже тогда рассматривала дезинтеграцию Советского Союза в качестве гарантии польской независимости.

Стоит отметить также, что руководство ПНР, хотя и преследовало оппозиционеров за критику советско-польского союза и всячески подчёркивало свои тёплые, «братские» отношения с Москвой, также стремилось к увеличению самостоятельности ПНР внутри восточного блока. Ещё в 1956 г. В. Гомулка дал жёсткий отпор советскому лидеру Н. Хрущёву, когда тот прибыл на пленум ЦК ПОРП и попытался оказать давление на поляков при избрании первого секретаря: «Ваш приезд – это вмешательство в наши дела. ...О внутреннем положении мы можем выслушать ваше мнение. Но окончательное решение – наше дело»¹⁵⁰. Впоследствии его преемник Э. Герек также неоднократно и твёрдо отстаивал своё право на известную самостоятельность от Москвы и даже оправдывался перед своими партийными товарищами за слишком частые и близкие, по их мнению, контакты с советским руководством: «Я езжу туда не для того, чтобы там водку пить или на коленях ползать. Я там ищу выгоды для Польши»¹⁵¹. А во время встреч с западными лидерами в 1970-е гг. Э. Герек обращал их внимание на то, что западная помощь позволит ПНР стать более независимой от СССР¹⁵².

Партийные лидеры ПНР, очевидно, не меньше оппозиционеров хотели того, чтобы Польша была суверенным и самостоятельным государством, однако, стремились добиваться этого путём выстраивания сложной системы взаимоотношений с Москвой, а не через разрыв и конфронтацию с ней. И многое им, несомненно, удавалось. Как справедливо замечали по этому поводу российские историки Н. Бухарин и И. Яжборовская: «Если Гомулка отвоевал право управлять страной по-своему, то Герек этим правом пользовался»¹⁵³.

То есть, на идейном уровне ещё в период существования Народной Польши оформились представления о новых приоритетах польской внешней политики,

¹⁵⁰ Славянский альманах 2007. М. С. 465, 490.

¹⁵¹ Цит. по: Васильков Ю. Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004. С. 63.

¹⁵² Werblan A. Polska w strefie dominacji radzieckiej // Polska / pod rządami PZPR. Praca zbiorowa pod redakcją Mieczysława Rakowskiego. Warszawa, 2006. S. 284.

которые со всей отчётливостью проявятся в дальнейшем, после демонтажа социалистического режима в ПНР: суверенитет и территориальная целостность как безусловная ценность, отказ от ялтинского мироустройства, поиск компромисса с Германией, недоверчивое отношение к России и стремление ослабить её, опираясь на малые страны, расположенные между Россией и Польшей.

В этих новых целях отчётливо заметно влияние внешнеполитического измерения исторического наследия Второй Речи Посполитой Ю. Пилсудского. Эта преемственность, официально подтвердившаяся в дальнейшем, опиралась на глубокую историческую традицию, воспринятую польскими оппозиционерами. Объектом их критики являлся весь социально-политический уклад Польской Народной Республики, которая, несомненно, была основана и существовала как «просоветское» («пророссийское») государство. Поэтому, отрицая режим ПНР, польские оппозиционеры фактически отрицали возможность пророссийского вектора внешней политики будущей демократической Польши, которая должна была, по их мнению, прийти на смену ПНР. В поисках исторических примеров, альтернативных ПНР, они могли апеллировать только к опыту Второй Речи Посполитой, чья политика также была нацелена на конфронтацию с Советской Россией, и которая стала одной из «жертв» создателей Ялтинской системы.

И поскольку цель оппозиционеров заключалась в восстановлении и сохранении суверенного Польского государства, то, прежде всего, они видели своего противника в той силе, что мешала восстановлению независимости или могла представлять для неё угрозу в будущем. В условиях холодной войны такой силой являлся именно Советский Союз, поэтому сама логика существовавшего международного положения превращала диссидентов – сторонников независимости Польши, чьи идеи спустя несколько лет лягут в основу новой внешнеполитической повестки страны, в концептуальных противников России.

¹⁵³ Бухарин Н. И., Яжборовская И. С. Эдвард Герек: от курса на социальную справедливость к экономическому кризису // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 175.

1.2. Значение советской перестройки для активизации оппозиции в ПНР и начала процесса трансформации польской внешней политики во второй половине 1980-х гг.

Пришедший в 1985 г. к власти в СССР М. Горбачёв инициировал широкую программу преобразований, вошедшую в историю под термином «перестройка». Одним из ключевых элементов политики советского лидера стало «новое политическое мышление» в международных делах, которое он сам понимал как «реакцию на философском, а потом и на политическом уровне на те вызовы, с которыми встречаются и отдельные страны, и весь мир на данном переломном этапе»¹⁵⁴. СССР при М. Горбачёве продекларировал свою приверженность «общечеловеческим ценностям» и провозгласил готовность к диалогу и сотрудничеству со всеми странами, вне зависимости от господствовавших в них идеологических установок.

Возвращаясь в апреле 1986 г. с проходившего в Берлине XI съезда Социалистической единой партии Германии, М. Горбачёв принял участие в X съезде ПОРП в Варшаве. В ходе своего выступления советский лидер выступил с заявлением, в котором отметил, что «польский кризис не был протестом рабочего класса против социализма. Это было прежде всего несогласие с теми искажениями социализма на практике, которые больно воспринимались рабочими. Противники социалистической Польши внутри страны и за ее пределами сумели использовать такое несогласие в своих целях»¹⁵⁵.

Это было очень необычное для советского руководителя признание – лидер СССР откровенно заявил съезду польских коммунистов, что требования протестующих рабочих (т. е. требования «Солидарности») были справедливы и допустил возможность того, что они оправданы. Впоследствии сам инициатор перестройки, вспоминая о своём выступлении на съезде ПОРП, писал: «Помню, как трудно давалась мне речь, с которой я выступил перед польскими коммунистами. Тогда я не был еще свободен от пут традиционных понятий, но

¹⁵⁴ Цит. по: Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М, 2005. С. 131.

¹⁵⁵ Десятый съезд ПОРП. М. 1987. С. 87.

уже остро чувствовал, насколько трудно объяснить с их помощью реалии жизни, а тем более наметить перспективу»¹⁵⁶.

В связи с этим интересны также и воспоминания одного из ближайших сподвижников М. Горбачёва в высшем советском руководстве СССР А. Яковлева, который отмечал: «Конечно то, что происходило в Польше, имело влияние на происходящее в СССР. Это не значит, что в 1985 г. мы чего-то испугались или случилось нечто небывалое, что подтолкнуло нас к реформам. Произошли изменения в менталитете. Мы поняли, что тенденция идет в другую сторону. Не в сторону Хонеккера, Живкова, Чаушеску, а совсем в другую. Мы также осознали, что, удерживая советскую (т. е. сталинскую) модель государства, мы просто плывем против течения. Что мы в тупике. Я помню разговор с Горбачевым на эту тему у него на даче»¹⁵⁷.

Новые настроения, царившие в Москве, довольно быстро почувствовал и польский лидер В. Ярузельский, которого связывало с М. Горбачёвым многолетнее знакомство. Он высоко оценил перспективы политики «нового политического мышления» для реализации польских национальных интересов и при этом, несмотря на готовность поднимать трудные проблемы двусторонних отношений, связанные с историческим прошлым, настаивал на сохранении ПНР в системе социалистических государств. Так, во время встречи с папой римским Иоанном Павлом II в июне 1987 г. генерал заявил, касаясь вопросов реформирования страны: «Мы поддержим любую реалистическую инициативу. Существует только одна граница: уважение польских государственных интересов, принятие социалистических принципов нашего государства»¹⁵⁸.

Следует отметить, что каждый визит М. Горбачёва в Польшу во второй половине 1980-х гг. приводил к оживлению в обществе дискуссий по общественно-политическим вопросам, поскольку советский лидер, при всех сомнениях польского общества в его искренности и последовательности,

¹⁵⁶ Горбачёв М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 337.

¹⁵⁷ «Солидарность» и перестройка глазами Александра Яковлева, идеолога перестройки // Новая Польша – 2005 – № 11, С. 83.

воспринимался там, как инициатор и символ демократических преобразований не только в СССР, но и во всём восточном блоке. Комментируя визит высокого гостя из Москвы в 1988 г. В. Ярузельский¹⁵⁹ отмечал, что польское правительство полностью поддерживает его курс на дальнейшую демократизацию, если это не включает в себя создание неподконтрольных профсоюзов и оппозиционных правительству партий¹⁶⁰.

Среди польских оппозиционеров из «правой» части диссидентского движения существовали, однако, разные подходы к оценке реформаторских инициатив советского руководства. Так, например, в радикальной Польской социалистической партии – Демократической революции (ПСП-ДР) господствовало мнение, что перестройка отвечает интересам только номенклатурных слоёв, которые таким образом пытаются сделать более респектабельной свою власть и придать ей видимость законности и демократичности¹⁶¹.

Представители умеренной оппозиции в лице А. Михника, Я. Куроня и Л. Валенсы видели в перестройке шанс на внутренне переустройство Польши на основе демократических начал. Так, в ходе знаменитых дебатов Л. Валенсы и главы проправительственных профсоюзов А. Медовича осенью 1988 г, лидер оппозиционеров особенно подчёркивал, что сложившиеся в восточном блоке и СССР обстоятельства дают Польше уникальный исторический шанс на проведение реформ, которым необходимо воспользоваться: ««...история не простит нам, если мы не используем этих условий. Благоприятствует и климат почти во всех странах нашей системы. Особенно в Советском Союзе. Однако там

¹⁵⁸ Ярузельский В. Избранные произведения. Февраль 1981 – июль 1988 гг. М., 1988. С. 409.

¹⁵⁹ Стоит подчеркнуть, что В. Ярузельский, несмотря на свою репутацию жёсткого лидера, поддерживал усилия М. Горбачёва по демократизации социалистического лагеря и был одним из сторонников политики перестройки в восточном блоке. Как вспоминал А. Яковлев: «за перестройку были Ярузельский, Кадар и, конечно, мы. Категорически против – Чаушеску, Живков и Хонеккер. Чехи были где-то посередине, уходили от ясной поддержки какого-либо варианта». См. «Солидарность» и перестройка глазами Александра Яковлева... С. 82.

¹⁶⁰ Skorzynski J. Uгода i rewolucja. Wladza i opozycja. 1985–1989. Warszawa, 1995. S. 81.

идут в реформах гораздо дальше, осуществляют на деле то, за что боролась и борется до сих пор «Солидарность». Поэтому нужно не мешать перестройке, а на основе собственного опыта одной и другой стороне выйти навстречу прежде всего устремлениям молодежи»¹⁶².

Подчиняясь общественному запросу, даже представители власти всё чаще говорили о польском суверенитете, подчёркивая, правда, что он и без того уважается Советским Союзом. Так, за месяц до начала переговорного процесса с оппозицией секретарь ПОРП Ю. Чирек в беседе с итальянскими журналистами отмечал: «Мы предлагаем “Солидарности” вместе и постепенно строить польский плюрализм, который прошел бы через период национального соглашения, социального перемирия. Перемирие позволит нам совместно выработать новые формы республиканских институтов и новые правила игры, определить новые пути к согласию и дискуссии... Мы с советскими товарищами ищем разные решения для разных ситуаций. Но понимание с каждым днем становится все полнее, существуют совпадения взглядов по главным целям. Теперь Восточная Европа может попробовать пойти к перестройке национальными путями. Наконец-то Советский Союз уважает независимость и суверенитет Польши, наконец-то доктрина Брежнева умерла»¹⁶³.

В ходе «круглых столов», проходивших в феврале–апреле 1989 г. в Варшаве, вопросы внешней политики не обсуждались. Однако принятые на них решения, давшие старт «системной трансформации» польского государства, впоследствии привели к существенной корректировке внешнеполитического курса страны и наметили те тенденции внешней политики, которые в полной мере воплотились в последующие годы. Именно решения «круглых столов» обеспечили конкурентные выборы, в ходе которых к избирателям впервые со второй половины 1940-х гг. смогли обратиться не только проправительственные

¹⁶¹ Samorzadowa Alternatywa. Program Polskiej Partii Socjalistycznej – Rewolucja Deokratyczna // Gorączka czasu przełomu : dokumenty ugrupowań radykalnych 1989-1990. – Warszawa, 1994. – S. 24.

¹⁶² Брониславский Е., Вачнадзе Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов. Тбилиси, 1990. С. 123.

кандидаты, приверженные курсу властей на союз с СССР, но и представители оппозиционных сил – диссидентов, ориентированных на Запад. Таким образом, «круглые столы» в Польше 1989 г. стали ключевым событием в череде «бархатных революций» в Восточном блоке¹⁶⁴, приведших к падению коммунистических правительств, а затем (что было закономерно) выведших эти страны из орбиты влияния Москвы. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что ещё в мае 1989 г., на вопрос о смысле происходящих в стране изменений 22% опрошенных ответили, что основная задача преобразований – реформа существующей модели социализма, 38% – введение новой модели социализма и только 22% посчитали целью реформ полный отказ от социализма¹⁶⁵.

Говоря о последствиях «круглых столов» для советско-польских отношений стоит отметить, что, с одной стороны, умеренные оппозиционеры смогли убедиться в последовательности СССР, когда тот признал итоги «круглых столов» и принял на высоком уровне первого некоммунистического премьера ПНР Т. Мазовецкого. С другой стороны, сам переговорный процесс власти и оппозиции, завершившийся компромиссом 1989 г., был поддержан далеко не всеми диссидентами. Многие радикальные оппозиционеры расценивали компромисс «Солидарности» и властей ПОРП как «предательство». Так, спустя некоторое время после завершения «круглых столов» один из лидеров радикальных консервативно-клерикальных оппозиционеров Л. Качиньский, размышляя о том, что в действительности было необходимо делать оппозиции в тот момент, писал: «Следовало перейти в наступление и добить коммунизм в Польше. Это неизбежно приводило к необходимости скорейшей окончательной отмены договоренностей «круглого стола». Надо было приступить к решительным действиям, запретить деятельность ПОРП и взять власть над аппаратом принуждения в свои руки, арестовать руководителей органов безопасности и партийных деятелей, опечатать архив Центрального Комитета, МВД и Министерства национальной безопасности. Необходимо было без

¹⁶³ La Repubblica 31.01.1989

¹⁶⁴ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005, С. 238-249.

промедления остановить процесс адаптации номенклатуры и приступить к возвращению награбленного имущества»¹⁶⁶.

Либерализация общественно-политической жизни после проведения «круглых столов» привела к тому, что наряду с привычными заявлениями о необходимости сохранения «советско-польской дружбы» в прессе стали открыто излагаться и иные точки зрения. Так, Польская независимая партия (ПНП) настаивала на пересмотре восточных границ страны, предлагая поставить на международной арене вопрос о проведении референдумов на территориях, отошедших после 1939 г. к Советскому Союзу (Украинской, Белорусской и Литовской ССР), и одновременно с этим требовала выдачи для суда в Польше советских граждан, подозреваемых в «геноциде польского народа»¹⁶⁷.

Возглавляемая Л. Мочульским праворадикальная КНП также получила трибуну для открытой популяризации концепции «Междуморья». Эксплуатируя исторический страх перед «натиском русских с Востока» и «немцев с Запада», КНП обращала внимание на необходимость сближения народов центрально-европейского региона в целях совместной защиты собственного экономического и демографического пространства, политической независимости и национальной идентичности¹⁶⁸.

Разумеется, представители посткоммунистического правительства, состоявшего в основном из умеренных деятелей бывшей оппозиции, официально не позволяли себе подобных предложений. Напротив, посещая в конце 1989 г. Москву, Т. Мазовецкий, признав, что в отношении внутри социалистического лагеря «многое надо менять»¹⁶⁹, подтвердил, тем не менее, желание Варшавы оставаться членом ОВД и СЭВ при условии серьёзных реформ этих

¹⁶⁵ Nowe Zycie Gospodarcze. 1999. – № 21. – S. 43.

¹⁶⁶ Nowa Polska czy jeszcze stara // Т. Torańska. Мy. Warszawa, 1994. S. 110.

¹⁶⁷ Projekt deklaracji PPN // Goraczka czasu przelomu Dokumenty ugrupowan radikalnych. 1989–1990. Warszawa: ISP PAN, 1994. S. 134.

¹⁶⁸ Szczepanski T. Między morze. Polityka srodkowoeuropejska KPN. Warszawa, 1993. S. 3–4, 22; Идеологически близкая к КНП Федерация борющейся молодёжи тогда выступила с требованием широкой «декоммунизации», предусматривавшей в том числе переименование улиц и снос памятников.

¹⁶⁹ Польша: снова дебют // Литературная газета. 1989. 11 октября.

международных организаций¹⁷⁰. Правда, одновременно с этими декларациями преданности идеям советско-польской дружбы, польский премьер вскоре после своего назначения провозгласил «возвращение Польши в Европу» в качестве важнейшего приоритета политики своего кабинета¹⁷¹.

То есть, уже на самом раннем этапе существования первого некоммунистического правительства, состоявшего преимущественно из умеренных деятелей «Солидарности», стала ощущаться определённая двойственность положения Польши. С одной стороны, постепенно трансформировавшаяся страна не спешила рвать контакты с Москвой, но с другой – всё отчётливее заявляла о своём стремлении пойти навстречу Западу.

Наиболее острым вопросом в связи с этим стала проблема безопасности и членства ПНР в военных блоках. Западные эксперты, внимательно следили за ситуацией, складывавшейся вокруг определения новых внешнеполитических приоритетов Польши. Ещё в 1985 г. Зб. Бжезинский обращал внимание на то, что Польша является «ключом к советскому контролю над Восточной Германией»¹⁷². Анализируя ситуацию в конце десятилетия, американский стратег (вероятно, не без влияния всё той же концепции «Междуморья») предлагал в качестве альтернативы членству Польши в ОВД создание «польско-чехословацкой федерации», которая стала бы «элементом силы и стабильности» в Восточной Европе¹⁷³.

Сложно не согласиться со Зб. Бжезинским в том, что касается его оценки значения региона для осуществления советского контроля над Восточной Германией – без лояльных Москве правительств в центрально-европейских странах было бы невозможным сохранение советского присутствия в ГДР, которое гарантировало раздел Германии на два государства. Однако, что касается его предложений о гипотетической «польско-чехословацкой федерации», то она, как представляется, могла состояться только в качестве поддержанного в том

¹⁷⁰ Правда. 25.11.1989.

¹⁷¹ Tworzymy państwo prawa. Przemowienie T. Mazowieckiego w Sejmie (tezy) // Zycie Warszawy. 19.01.1990. № 16.

¹⁷² Dziennik Polski, tydzien.09.02.1985. № 6.

числе США буфера между единой, но нейтральной Германией и Советским Союзом. В реальности же объединение Германии прошло в форме поглощения ГДР, а распад Советского Союза образовал в регионе вакуум власти, который вскоре стал заполняться НАТО.

Одновременно с этим часть видных польских военных руководителей, таких как адмирал П. Колодзейчик, предлагали в качестве альтернативы членству страны в ОВД нейтральный статус Польши и, возможно, других стран Центральной Европы, которые, отказываясь от вступления в военные альянсы, должны были стать своеобразным стратегическим «мостом между Западом и Востоком»¹⁷⁴.

Однако подлинным архитектором новой польской внешней политики стали не они, а министр иностранных дел К. Скубишевский, который сохранял свой пост дольше кого-либо из министров-членов первого некоммунистического кабинета. Он последовательно возглавлял МИД Польши в пяти составах правительства: Т. Мазовецкого (1989–1991), Я. Белецкого (1991), Я. Ольшевского (1991–1992), В. Павляка (1992) и Х. Сухоцкой (1992–1993). Символично, что только вступив в должность осенью 1989 г. К. Скубишевский провозгласил, что Польша больше не станет мириться с «ролью пассивного участника развития международных отношений»¹⁷⁵. Очевидно, уже тогда новое правительство, состоявшее в значительной степени из бывших оппозиционеров, инициировала изменения внешнеполитического курса Польши, которые впоследствии привели к её полной переориентации с Советского Союза на страны Западной Европы и США¹⁷⁶.

У советского руководства сохранялась надежда на то, что смена правящей элиты в Польше и приход к власти оппозиционеров не приведут автоматически к переходу страны в западный военно-политический лагерь. Определённые основания для таких ожиданий были, ведь в принятой в июле 1990 г. новой

¹⁷³ Brzezinski Z. Europa Srodkowa wobec przemian swiatowych. Warszawa, 1989.

¹⁷⁴ Rzeczpospolita, 29.03.1991

¹⁷⁵ Trybuna, 6–7 kwietnia 1991

оборонной доктрине Польши основной акцент делался на позитивных изменениях в международной ситуации и на перспективах развития сотрудничества между Востоком и Западом в новых условиях. Одновременно с этим, правда, говорилось и о том, что может быть пересмотрена роль ОВД в качестве ключевого механизма обеспечения польской национальной безопасности: «Важным элементом безопасности по-прежнему являются двух- и многосторонние союзы Польши, а также ее принадлежность к Варшавскому договору, хотя их роль может меняться по мере строительства нового, общеевропейской системы безопасности». Подчеркивалось также, что «Польша уделяет особое внимание принципу суверенитета»¹⁷⁷. В первые полтора года своего нахождения у власти польские антикоммунистические силы стремились не к полному разрыву с Советским Союзом, а, скорее, к увеличению своей самостоятельности на международной арене. Это было связано, вероятно, с двумя факторами: на многих руководящих позициях в «силовом блоке» и Войске польском по-прежнему находились лояльные Москве кадры, а в стране были дислоцированные советские воинские контингенты. Кроме того, в начале 1990 г. распад восточного блока и дезинтеграция СССР ещё не казались предрешёнными.

Могли ли новые польские руководители, несмотря на своё оппозиционное прошлое и прозападные симпатии, представить себе, что Советский Союз исчезнет в течение полутора лет? Возможно, ведь зафиксированная в Доктрине лояльность новых властей членству страны в Восточном блоке была не более чем политической уловкой, которая позволяла им сохранить видимость хороших отношений с СССР и ждать развития событий. Однако стремительное ослабление СССР и рост там центробежных тенденций, а также уход из правительства просоветских министров «силового блока», позволили новому польскому руководству всё активнее заявлять о своей готовности не соглашаться с Москвой по принципиальным проблемам международной безопасности.

¹⁷⁶ Foreign Policy Issues at the Start of 1991 / Address by the Polish Foreign Minister Krzysztof Skubiszewski in the Sejm Warsaw. 1991. February 14.

¹⁷⁷ Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej // Rzeczpospolita. 26 lutego 1990.

Так, в марте 1991 г. польской стороной было отвергнуто предложение СССР о заключении нового двустороннего договора, который бы предусматривал отказ Варшавы от присоединения к каким-либо военным блокам, которые могут представлять угрозу Советскому Союзу, а также гарантии того, что иностранные вооружённые силы не будут размещаться на территории Польши¹⁷⁸. Кроме того, начиная с осени 1990 г. польское правительство всё активнее стало поднимать вопрос выводе 50-тысячного контингента советских войск, находящихся в стране с 1944 г. на основании решений Ялтинской конференции и польско-советского договора от 21 апреля 1945 г. Решать данный вопрос пришлось уже Российской Федерации, которая, испытывая постоянное давление польской стороны, завершила вывод войск к сентябрю 1993 г.

Таким образом, именно политика перестройки в СССР стала катализатором процесса преобразований внутривнутриполитической жизни Польши, который впоследствии привел к «системной трансформации» в ПНР. Одним из направлений изменений стал пересмотр и внешней политики государства. Коммунистическое руководство Народной Польши во главе с генералом В. Ярузельским (в отличие от ряда руководителей других стран восточного блока) не только не противилось новому курсу М. Горбачёва, но и активно поддерживало его. Именно благоприятная внешнеполитическая обстановка и готовность ПОРП к переговорам с оппозицией позволили провести «круглые столы», а также привели к формированию некоммунистического правительства, в которое вошли умеренные деятели «Солидарности». Нельзя поэтому согласиться с тезисом известного польского дипломата и историка Е. Новака, который, размышляя о восприятии политики М. Горбачёва элитой восточноевропейских стран, утверждает, что идеи «идеи перестройки и гласности не были им ни близки, ни хорошо понятны»¹⁷⁹. Напротив, польские коммунистические руководители были готовы провести реформы в стране и высоко ценили

¹⁷⁸ Nowakowski J. M., Polska polityka wschodnia W 1991 roku / Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej. 1991. Warszawa. 1993. S. 82.

¹⁷⁹ Nowak J. M. Od hegemonii do agonii: Upadek Układu warszawskiego – polska perspektywa. Warszawa: Bellona, 2011. S. 107.

готовность Москвы поддержать их на избранном пути. Однако пришедшие в правительство бывшие оппозиционеры первоначально робко, а затем всё более последовательно стали менять внешнеполитический курс Польши: сокращать сотрудничество с Советским Союзом и стремиться к расширению партнёрства со странами Западной Европы и США в экономической и политической сферах.

В некоторой степени бывшие оппозиционеры продолжали политику коммунистических властей – во второй половине 1980-х гг. последние также достаточно открыто высказывались против «доктрины Брежнева» и за полный международный суверенитет Польши. Для лидеров ПОРП, однако, суверенитет и независимость не означали разрыв с Москвой. Как справедливо указывает тот же Е. Новак, польское социалистическое руководство во главе с В. Ярузельским, имевшим доверительные отношения с М. Горбачёвым, в целом разделяло представления советского руководства о целесообразности сохранения обновлённого Варшавского договора в качестве «важного инструмента реализации концепции «общего европейского дома», стратегического уравнивания Североатлантического альянса в Европе» при условии «существенных подвижек в сфере разоружения и контроля над вооружениями»¹⁸⁰.

Бывшие же диссиденты, оказавшись в правительстве, по мере ослабления Советского Союза всё активнее заявляли о своём намерении кардинально пересмотреть приоритеты внешней политики Польши и были готовы строить «общеевропейский дом» без советского «военного зонтика» над Польшей. Как представляется, причины такой линии некоммунистических руководителей Польши, последовательно усиливавших своё влияние в польском государстве в 1989–1991 гг., заключались в том наборе идеологических установок оппозиции, которые были проанализированы в предыдущем параграфе: неприятие Ялты, отождествление авторитарного правления ПОРП с советской идеологией и советской внешней политикой, длительное существование в условиях биполярного мира, который не предлагал каких-либо альтернатив выбору между Западом и Востоком, апеллирование к опыту Второй Речи Посполитой, как к

¹⁸⁰ Nowak J. M. Op. cit. S 368.

образцу суверенного польского государства и восприятие дезинтеграции Советского Союза в качестве гарантии польской независимости.

Опираясь на эти идеологические установки, бывшие оппозиционеры в основу своего понимания международных отношений положили принципы суверенитета, антисоветизма и западоцентричности. Но до тех пор, пока Советский Союз сохранял свои военные, экономические и кадровые ресурсы влияния в Польше эти принципы проявлялись сдержанно и скорее в латентной форме. По мере углубления внутреннего кризиса в Советском Союзе, пришедшие во власть польские диссиденты, могли всё более открыто и настойчиво реализовывать свои внешнеполитические установки, включавшие и последовательное отдаление Варшавы от Москвы.

Конечно, говоря о значении пути, проделанного польской оппозицией в 1970–1980-е гг., трудно не согласиться с мнением известного социолога и публициста Э. Внук-Липиньского, который отмечал, что без этих многолетних усилий и того интеллектуального багажа, который был накоплен за годы борьбы диссидентов и властей ПНР, демонтаж социалистического режима и пересмотр основных направлений внутренней и внешней политики «был бы более длительным и, скорее всего, сопровождался насилием и кровопролитием»¹⁸¹. Представляется, однако, что именно генезис польской оппозиции и сформировавшиеся в ней представления о международном положении Польши предопределило то, что далеко не все бывшие диссиденты смогли стать ответственными политиками, способными отказаться от стереотипов времён холодной войны и борьбы за демократизацию режима. Именно на этих лидерах (а также и на советском руководстве того периода) лежит ответственность за то, что был упущен исторический шанс, который дала политика перестройки для пересмотра советско-польских отношений на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Реформы, начатые в СССР, и поддержанная Москвой конструктивная позиция ПОРП на переговорах с лидерами

¹⁸¹ Э. Внук-Липиньский «Солидарность», «круглый стол» и общественные процессы в Польше. Мир перемен. 2005. № 3. С. 99.

«Солидарности» сделали возможными проведение «круглых столов», но их итогом стал приход власти в Польше сил, нацеленных на дистанцирование Москвы и Варшавы друг от друга.

1.3. Влияние Запада на ход «системной трансформации» в Польше

Целый ряд польских и иностранных авторов¹⁸², исследовавших процессы демократической трансформации в государствах восточного блока, отмечали в своих работах, что внешние бенефициары этого процесса – Соединённые Штаты и государства Западной Европы – играли заметную роль на всех этапах преобразований. Уже в 1980-е гг. западные правительства использовали широкий набор мер, направленных на ослабление социалистического режима в ПНР и его трансформацию:

- 1) моральное воздействие;
- 2) экономическое давление;
- 3) информационные кампании;
- 4) прямая финансовая поддержка оппозиции.

Так, ещё в период администрации Дж. Картера (1977–1981) важным инструментом американской политики на польском направлении и механизмом, обеспечивавшим вмешательство США во внутривнутриполитический процесс в ПНР, стала разрабатываемая Зб. Бжезинским концепция «защиты прав человека»¹⁸³. Она реализовывалась в том числе, через оказание помощи польским оппозиционерам и давление на социалистическое правительство с целью минимизации репрессий, направленных против профсоюза «Солидарность»¹⁸⁴,

¹⁸² Smith K. E. *Western Actors and the Promotion of Democracy // Democratic Consolidation in Eastern Europe, Vol. 2. International and Transnational Factors*. 2001. Pp. 31–57; Cziomer E. *Polityka zagraniczna Niemiec. Kontynuacja i zmiana po zjednoczeniu ze szczególnym uwzględnieniem polityki europejskiej i transatlantyckiej*, 2005; Żukrowska K. *Roła otoczenia międzynarodowego w transformacji systemowej / Transformacja systemowa w Polsce*, Warszawa, 2010.

¹⁸³ Mania A. *Détente i polityka Stanów Zjednoczonych wobec Europy Wschodniej*, styczeń, 1969–styczeń 1981. Kraków. 2003. S. 142–164.

¹⁸⁴ Brzezinski Z. *The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs*. 1992. № 4. S. 43.

ставшего к 1980-м гг. крупнейшим и самым влиятельным оппозиционным объединением страны¹⁸⁵.

В период президентства Р. Рейгана (1981–1989) политика Вашингтона на польском направлении приобрела ещё более жёсткий и последовательный характер¹⁸⁶. Уже в июле 1981 г., всего через несколько месяцев после своего избрания на пост Президента США, Р. Рейган встретился в Белом доме с представителями «Солидарности», пообещав им моральную и организационную поддержку со стороны Соединённых Штатов¹⁸⁷. Кроме президента представители польской оппозиции встречались с вице-президентом Дж. Бушем-ст., а также советником Р. Рейгана профессором Р. Пайпсом, специализировавшимся на истории России.

Как пишет о результатах этих переговоров американский исследователь П. Швейцер в своей вызвавшей противоречивые отклики работе «Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря»: «До середины февраля (1982 г.) у Кейси (*директор ЦРУ – прим. Дм. Буневича*) уже был готов план тайного финансирования «Солидарности». В плане было четыре пункта:

1) передача «Солидарности» основных средств на содержание движения. Средства могли передаваться наличными как в американских долларах, так и в польских злотых;

2) доставка современных средств связи с целью создания эффективной сети С-31 для «Солидарности» в подполье. Это должно было облегчить движению связь даже в условиях военного положения;

3) обучение отдельных людей, участвующих в движении, пользованию современными средствами связи;

¹⁸⁵ Слива М. Польская демократия. Идеи – люди – события. М., 2014, С. 239–265.

¹⁸⁶ MacEachin D. U.S. Intelligence and the Confrontation in Poland 1980 – 1981. Philadelphia, 2004.

¹⁸⁷ Pastusiak L. Stany Zjednoczone – Europa Zachodnia, Polska. –Szczecin: Wydawnictwo GLOB, 1987. S. 309.

4) использование источников ЦРУ, которые могли бы служить «Солидарности» глазами и ушами, а также предоставление в случае необходимости существенных разведанных»¹⁸⁸.

Наряду с экономическими санкциями, введёнными в качестве реакции на установление режима военного положения, основным инструментом американского давления на ПНР стало расширение помощи польским оппозиционерам из «Солидарности», которую президент Р. Рейган называл одним из ключевых элементов «демократической инфраструктуры» внутри восточного блока¹⁸⁹. Американское правительство до конца 1980-х гг. только через Национальный фонд поддержки демократии (National Endowment for Democracy) направило более 8 млн долларов на поддержку польской антикоммунистической оппозиции¹⁹⁰.

Усилия американской администрации привели к тому, что большинство западных лидеров стали на регулярной основе высказываться в поддержку «Солидарности». Говоря об этом, британский исследователь Т. Г. Эш отмечал единодушную поддержку «Солидарности» со стороны «Р. Рейгана и Э. Берлингуэра, папы римского и М. Тэтчер, пацифистов и НАТО, христиан и коммунистов, либералов и консерваторов»¹⁹¹. Общественные организации также подключились к программе помощи «Солидарности». Так, Конгресс американской Полонии организовал регулярный сбор денежных средств в поддержку деятельности профсоюза¹⁹². Можно предположить, что такое активное участие США в делах ПНР было обусловлено стратегической позицией Польши внутри Восточного блока – без Польши, самой большой по площади и населению страны Восточной Европы, СССР не мог бы контролировать ГДР, а серьёзная

¹⁸⁸ Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995. С. 141–142.

¹⁸⁹ Nycz G. Transformacja wspierana z zewnatrz. Polskie przemiany ustrojowe w polityce USA // 25 lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. Т.1. 2014. S. 190–191.

¹⁹⁰ National Endowment for Democracy, Annual Report (1984–1989). [Electronic resource]. – URL: <http://www.ned.org>. (accessed: 15.01.2018).

¹⁹¹ Ash T. G. Polska rewolucja. Solidarnosc. 1980–1981. Warszawa: Res Publica, 1990. S. 191.

¹⁹² Pastusiak L. Stany Zjednoczone – Europa Zachodnia, Polska. Szczecin: Wydawnictwo GLOB, 1987. S. 311–312.

дестабилизация Польши поставила бы под удар само существование советского военно-политического блока, если бы встал вопрос об организации интервенции по образцу 1968 г. в Чехословакии.

Как представляется, американское участие в польской трансформации было не просто безвозмездной благотворительной помощью в целях поддержки борьбы польской оппозиции за демократизацию режима ПНР. Поддерживая процесс транзита власти в Польше и проведение там реформ, США закрепляли победу в холодной войне и выгодное для себя направление эволюции Ялтинской системы: без формального пересмотра границ в Восточной Европе происходило усиление американского влияния в регионе и вытеснение российского. Успешная и процветающая Польша становилась бы примером для подражания, своеобразной «витриной» стран, выбравших прозападный курс, и примером для соседних государств. Зб. Бженский ещё до роспуска Варшавского блока признавал в связи с этим, что «в этой части мира Польша действительно является важной для Америки страной, особенно с геополитической точки зрения»¹⁹³.

Администрация Дж. Буша-ст. (1989–1993), во многом продолжавшая политику Р. Рейгана¹⁹⁴, внимательно отслеживала направление и динамику перемен, проходивших в Польше. Но главным успехом американской дипломатии на этом направлении стало решение М. Горбачёва полностью отказаться от вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран, о котором окончательно было объявлено в 1989 г. по итогам советско-американских переговоров на высшем уровне на Мальте¹⁹⁵ – это означало окончательный и бесповоротный разрыв СССР с «доктриной Брежнева»¹⁹⁶. Значение этого решения стало очевидным, когда правительство В. Ярузельского пошло на проведение серии «круглых столов» – переговоров между представителями властей ПНР и

¹⁹³ Збигнев Бжезинский в проблемах восточного блока // Брониславский Е., Вачнадзе Г. Польский диалог. Тбилиси, 1990. С. 630.

¹⁹⁴ Mazurkiewicz A. Dyplomacja Stanów Zjednoczonych wobec wyborów w Polsce w latach 1947 i 1989. Warszawa. 2007. S. 261–265.

¹⁹⁵ McGeorge B. From Cold War Toward Trusting Peace // Foreign Affairs. 1989/1990. № 1; Черняев А. С. Горбачев Буш: встреча на Мальте в 1989 году // Новая и новейшая история. 2001. № 3.

¹⁹⁶ См. подробнее о ней Hunt L. The Making of the West: Peoples and Cultures. London, 2009.

лидерами «Солидарности»¹⁹⁷, которые, о чём уже говорилось, привели к началу широкомасштабных преобразований. В ходе состоявшегося летом 1989 г. первого в истории визита американского президента было объявлено о том, что Вашингтон теперь рассматривает Варшаву в качестве своего ключевого партнёра в восточноевропейском регионе и намерен оказывать консультативную и финансовую поддержку проводимым в стране реформам¹⁹⁸.

Действительно, вскоре по американской инициативе были активизированы многочисленные специальные программы, направленные на поддержку реформ в Польше¹⁹⁹. Кроме того, Вашингтон способствовал присоединению Варшавы к международным финансовым институтам – МВФ и Всемирному банку, и получению там политически мотивированных кредитов, которые должны были помочь Польше стабилизировать финансовую систему и облегчить движение страны к рынку. Ключевым элементом американской поддержки стало списание двух третей польского национального долга, образовавшегося вследствие кредитов, полученных ПНР в 1970-е гг. Таким образом, только от Соединённых Штатов Польша получила безвозмездной финансовой помощи на сумму более 2 млрд долларов²⁰⁰, что, несомненно, поспособствовало более успешному ходу трансформации, чем у многих её соседей. Американские инвестиции в Польшу оправдались – страна сумела провести быстрые и (относительно других стран восточного блока) безболезненные реформы, и уже к 1994 г. добилась экономического роста²⁰¹.

Это следует расценивать как крупный успех американской дипломатии: на польском примере Вашингтону удалось продемонстрировать восточноевро-

¹⁹⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 838–856.

¹⁹⁸ Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. N. Y., 1998.

¹⁹⁹ Через такие инструменты как программы Support for East European Democracy Act – SEED Act и Trade Credit Insurance Program, а также через проекты, реализуемые в рамках деятельности Polish-American Enterprise Fund (PAEF).

²⁰⁰ Nycz G. Transformacja wspierana z zewnatrz. *Polskie przemiany ustrojowe w polityce USA // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania*. Т. 1. 2014. S. 195–196.

²⁰¹ The World Factbook. CIA, [Electronic resource]. – URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> (accessed: 15.01.2018); Lisiakiewicz R. *Zewnętrzne determinanty polskiej transformacji systemowej - zarys problematyki // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania*. Т. 2. 2014. S. 230.

пейским государствам, что США готовы оказывать щедрую поддержку и покровительство своим новым, но преданным союзникам в регионе. Поскольку процесс демократического транзита и институциональных реформ шёл на фоне постоянного политического сближения Польши и США, среди польского общества должно было укорениться представление о том, что между двумя процессами (модернизацией и военно-политической переориентацией на Вашингтон²⁰²) существует прямая зависимость. Второй процесс мог быть осмыслен в контексте «исторического ухода» от СССР/России. Так, постоянно поддерживая новое польское руководство на пути реформ, США выстраивали определённую логическую цепочку в сознании поляков и других восточноевропейцев: поддержка США – освобождение от влияния Москвы – модернизация – вступление в НАТО – гарантии невозвращения российского влияния – стабильное развитие. США в глазах поляков становились не просто военным союзником, но государством-гарантом незыблемости рыночных и демократических преобразований, проходивших после 1989 г.

Не только США, однако, поддерживали трансформацию в Польше – отдельные европейские страны и ЕЭС/ЕС в целом принимали самое активное участие в подготовке и корректировке преобразований в самой большой стране бывшего восточного блока. В первую очередь обращает на себя внимание активность Германии²⁰³. Для немцев, как и для поляков, 1989 г. стал переломным – падение берлинской стены обозначило конец разделения немецкого народа и привело к достаточно быстрому поглощению ГДР²⁰⁴. Как показывают последние

²⁰² Любопытной иллюстрацией этого тезиса служит заявление министра иностранных дел Польши В. Бартошевского, сделанное в Сейме 24 мая 1995 г. по вопросу вступления страны в НАТО: «Постепенное принятие новых членов из Центральной Европы будет доказывать поддержку и долговечность того пути трансформации, который эти страны выбрали». Informacja ministra spraw zagranicznych o głównych kierunkach polityki zagranicznej Polski. przedstawiona na 50. posiedzeniu Sejmu RP II kadencji. 24 maja 1995 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.ms.gov.pl/resource/bfa922e4-9a33-4fa6-8ae6-9a91b16a5871:JCR> (accessed: 15.01.2018).

²⁰³ Polska – Niemcy 1945–2007. Od konfrontacji do współpracy i partnerstwa / pod red. W. Goralskiego, Warszawa, 2008.

²⁰⁴ Подробнее об этом см. Андреев Е. Современная историография ФРГ о германском единстве // Обозреватель-Observei. 2005. № 6; Андреев Е. Объединение Германии и российско-германские отношения // Обозреватель-Observer. 2006. № 5.

архивные изыскания польских историков, уже с конца 1980-х гг., т. е. в период, когда в ПНР шло острое противостояние между властями ПНР и «Солидарностью», западногерманская элита как по официальным, так и по неформальным каналам оказывала моральную, дипломатическую, информационную и даже финансовую помощь польским оппозиционерам²⁰⁵, настаивавшим на необходимости скорейшего проведения либеральных реформ.

При этом, конечно, германское участие было значительно ниже американского, поскольку США выступали в качестве военно-политического лидера западного блока и рассматривали Польшу в контексте своего глобального противостояния с Советским Союзом. Для Германии же в тот момент на первом месте стояла проблема объединения страны и последующего усиления её экономического влияния на Востоке. В дальнейшем эта разница подходов привела к тому, что, несмотря на доминирующее экономическое влияние Германии, значительная часть польской правящей элиты в политическом смысле ориентировалась преимущественно на Вашингтон.

В период трансформации Германия активно использовала механизмы «мягкой силы» в польском обществе и приложила немало усилий для преодоления антигерманских настроений, традиционно присутствующих среди поляков²⁰⁶: в Польше активно действовали гуманитарные организации Германии²⁰⁷, способствовавшие постепенному перелому настроений в обществе. ФРГ продолжала и развивала политику, начатую ещё В. Брандтом, который, посетив в 1970-м г. ПНР, просил от имени немецкого народа прощения за преступления нацистов, публично преклонив колени.

В конце 1989 г. канцлер Г. Коль в ходе своего визита в Польшу встретился с премьер-министром Т. Мазовецким. В принятой по итогам встречи совместной

²⁰⁵ Świder M. 1989 – rok przelomu i relacje polsko-niemieckie. Wsparcie SPD dla Komitetu obywatelskiego «Solidarność» // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 2. 2014. S. 289–300.

²⁰⁶ Rotfeld A. Europejskie Poednanie? Narodowy konflikty – miendznarodowe rozwiazania // Polska europejska czy narodowa / red. M. Jarosz / Warszawa, 2014. S. 35–40.

²⁰⁷ См.: Wyligala H. Soft Power w niemieckiej polityce zagranicznej // Polityka zagraniczna zjednoczonych Niemiec: kontynuacja czy zmiana? Wrocław. 2011. S. 69–95; Woś R. Dyplomacja RFN w kontekście polityki zagranicznej // Biuletyn Niemiecki. 2010. № 5. S. 8–13.

декларации отмечалось в частности, что обе страны должны начать «новую главу в своих отношениях, стремясь к таким же тесным взаимосвязям, которые в послевоенный период установились между Германией и Францией»²⁰⁸. Заключение в 1990 г. Соглашения о подтверждении границы и большого Договора о добрососедстве и сотрудничестве в 1991 г. вывели польско-немецкие отношения на качественно новый уровень и открыли перед Германией дополнительные возможности для усиления своего гуманитарного и экономического влияния на востоке.

Огромную роль, как представляется, играли и немецкие образовательные программы, направленные на привлечение в университеты Германии молодых польских интеллектуалов – по прошествии 20 лет с начала трансформации более 30% среди всех студентов-поляков, обучающихся за границей, делают это именно в ФРГ. Немецкая активность была особенно интенсивной именно в направлении молодёжи: немецкий язык постепенно стал вторым иностранным в стране после английского, а немецкая гуманитарная политика привела к постоянному росту числа смешанных польско-немецких семей и способствовала переезду всё большего числа польских работников в Германию²⁰⁹. Немецкие гуманитарные усилия, вероятно, не дали бы такой высокой отдачи, если бы они не сопровождалась углублением экономических связей между двумя странами. По оценкам польских неправительственных экспертов, ФРГ уже в начале процесса трансформации стала крупнейшим инвестором в польскую экономику, а к концу 1990-х гг. ежегодные германские инвестиции в Польшу достигали 5 млрд долларов и превосходили совокупные вложения Италии и Франции²¹⁰. Среди всех стран Восточной Европы, начавших процесс «системной трансформации», Польша занимала первое место по объёмам ежегодно привлекаемых прямых и

²⁰⁸ Wspólne Oświadczenie Prezesa Rady Ministrów i Kanclerza Republiki Federalnej Niemiec z dnia 14 listopada 1989 roku.

²⁰⁹ Результатом этого стало то, что к началу 2010-х гг. польская диаспора стала второй в Германии после турецкой. См.: Balcer A., Woycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa, 2014. S. 176–177.

²¹⁰ Integracja ekonomiczna Polski z Unią Europejską // pod red. A. Limanskiego, M. Syreka. Warszawa, 2001. S. 144–150.

косвенных инвестиций из Германии²¹¹. В связи с этим нельзя не согласиться с американским исследователем Р. Капланом, который, солидаризируясь с Зб. Бжезинским, отмечал, что именно сближение с Польшей способствовало росту значения Германии в Европе в конце XX – начале XXI в., поскольку позволяло ФРГ распространить зону своего влияния на север (государства Прибалтики) и на восток (Украину и Белоруссию)²¹².

Спустя два десятилетия после начала «системной трансформации», польские эксперты с удовлетворением замечали, что одним из итогов преобразований 1989 г., явилось то, что Варшава со временем стала для Берлина «более важным экономическим партнёром, чем Москва», а в Польшу пошло больше прямых немецких инвестиций, чем в Россию²¹³. Но, несмотря на все приложенные немецкой стороной усилия, рост торгового оборота, экономической кооперации двух стран и объективное улучшение отношения к Германии среди польского общества по итогам процесса трансформации²¹⁴, рост немецкого влияния по-прежнему вызывает тревогу у части экспертов в Польше²¹⁵. Стоит отнестись с вниманием к тем польским аналитикам, которые утверждают, что «системная трансформация» и демократизация в Польше проходила при серьёзном давлении западных стран и исключительно в их интересах²¹⁶, а реализация неолиберальных реформ нанесла серьёзный урон польской индустрии и высокотехнологичным производствам. В связи с этим примечательно, что иностранные инвесторы практически игнорировали высокотехнологичные отрасли польской экономики, сосредотачивая свою активность, главным образом, на низкотехнологичных отраслях, что, в конечном итоге, и определило характер

²¹¹ Kalinowski T. Polska jako miejsce lokowania inwestycji niemieckich. Gdansk, 2005. S. 26–31.

²¹² Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М., 2015, С.169-170.

²¹³ Balcer A., Woycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa, 2014, S. 182–183.

²¹⁴ Polska – Europa – Świat: Opinia Publiczna W Okresie Integracji. Warszawa, 2005, S. 65, 90–91.

²¹⁵ Lisiakiewicz R. Zewnętrzne determinanty polskiej transformacji systemowej – zarys problematyki // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 2. 2014. S. 230.

²¹⁶ Kieżun W. Patologia transformacji. Warszawa, 2012. S. 112–113.

польского экспорта, где с конца 1990-х гг. стали доминировать в основном пищевая продукция, мебель, строительные материалы и продукция легкой промышленности²¹⁷.

Заметное участие в процессе польской «системной трансформации» приняла также и Франция, которая исторически имела «особые» отношения с Польшей²¹⁸ и, кроме того, конкурировала с Германией за лидерство в Европе. Символично, что польско-французский Договор о дружбе и солидарности 1991 г. был подписан за два месяца до заключения подобного «большого» польско-немецкого Договора. Именно Париж выступил инициатором и горячим сторонником создания в 1991 г. «Веймарской Тройки»²¹⁹ – неформального франко-польско-немецкого объединения, направленного на выработку единых подходов всех трёх стран по основным проблемам европейской политики.

При этом французы, понимая, что Варшава заинтересована в Париже, прежде всего, как в противовесе немецкому влиянию, не хотели, чтобы их в этом качестве заменили американцы. Французское руководство полагало, что стремление Польши к сближению с НАТО служит, прежде всего, интересам США и достаточно прохладно относились к этой перспективе. Так, министр обороны Франции в 1993–1995 гг. Ф. Леотар прямо заявлял: «Стучаться в дверь НАТО, значит стучаться в американскую дверь и просить американских гарантий. Нам это понятно, но это не наш подход. Мы хотим, чтобы просьба о безопасности была обращена к странам Европы»²²⁰. Однако во второй половине 1990-х гг., с

²¹⁷ Integracja ekonomiczna Polski z Unią Europejską // pod red. A. Limanskiego, M. Syreka, Warszawa, 2001. S. 148.

²¹⁸ В XVI и XVIII вв. правящие династии обоих государств были связаны династическими браками, в XVIII в. Речь Посполитая была одним из ключевых элементов французской дипломатической системы «восточного барьера». Особенно глубокое сближение французов и поляков имело место в XIX в., когда именно с политикой Наполеона I и Наполеона III польские патриоты связывали восстановление независимой Польши. Симптоматично также, что именно Париж в XIX в. стал крупнейшим центром польской политической эмиграции. В межвоенный период общие страхи перед ремилитаризацией Германии также способствовали сближению Франции и Польши.

²¹⁹ Szpor A. Trójkąt Weimarski – asymetria, struktura i agenda współpracy, Warszawa 2011; Wyligała H. Trójkąt Weimarski. Współpraca Polski, Francji i Niemców latach 1991–2004, Toruń, 2010.

²²⁰ Цит. по: Yost D. NATO transformed the Alliance's new roles in international security Washington, DC, 1998, P. 112–113.

приходом в Елисейский дворец администрации Ж. Ширака (1995–2007), Франция утратила первоначально высокий интерес к развитию отношений с Польшей²²¹: Париж не хотел портить отношения с Москвой, что было неизбежно в случае слишком активной поддержки им польских планов европейской и атлантической интеграции. Президент-голлист Ж. Ширак, как и его предшественник-социалист Ф. Миттеран, не поддержал идею вступления Польши в НАТО, отметив, что Франция не станет увеличивать свой финансовый вклад в бюджет блока для покрытия расходов на его расширение²²².

Вместе с тем, французская дипломатия, понимая необходимость уравновесить немецкую активность в Польше, постоянно расширяла экономическое сотрудничество с Варшавой – в начале XXI в. прямые французские инвестиции в Польшу даже на некоторое время превысили немецкие²²³.

В целом процесс «системной трансформации» в Польше проходил под знаком дистанцирования страны от России и её будущей интеграции в ЕС – Польша уже в начале 1990-х гг. подключилась к многочисленным программам партнерства (PHARE, ISPA, SAPARD)²²⁴ и стала их основным бенефициаром. С помощью этих программ Евросоюз мог задавать основные приоритеты польской политики и определять (через требование соответствия критериям) главные цели и направления трансформации²²⁵. Страны Западной Европы поощряли Польшу в её проевропейских стремлениях и модерировали ход преобразований, способствуя становлению новой Польши как члена

²²¹ Latosińska A. Rzeczpospolita Polska a V Republika Francuska. Wybrane Aspekty relacji Politycznych w latach 1989–2007 // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania, T. 2, 2014. S. 261–275.

²²² Россия и основные институты безопасности в Европе: Вступая в XXI век / под ред. Д. Тренина. М., 2000. С. 110.

²²³ Kalinowski T. Polska jako miejsce lokowania inwestycji niemieckich, Gdansk, 2005. S. 22.

²²⁴ Kawecka-Wyrzykowska E., Synowiec E. Polska w Unii Europejskiej, Warszawa 2004, S. 45–51; Mapa pomocy Unii Europejskiej udzielonej Polsce w ramach programu Phare 1990–2003, ISPA 2000–2003 oraz SAPARD, Warszawa, 2004.

²²⁵ Integracja ekonomiczna Polski z Unią Europejską // под ред. A. Limanskiego. M. Syreka, Warszawa, 2001. S. 54–74.

общеευропейского пространства²²⁶. Итогом этого стала полная переориентация польской экономики. Как пишет об этом краковский исследователь Р. Лисякевич: «Неожиданно быстро усилились позиции развитых экономических стран, которые за короткое время стали основными польскими торговыми партнёрами. Они же стали играть роль основных поставщиков. Не существует никаких сомнений в том, что сокращение торговли с Востоком повлияло на состояние многих предприятий и упадок целых отраслей»²²⁷. Говоря о роли Евросоюза в ходе «системной трансформации», необходимо подчеркнуть, что процесс евроинтеграции для Польши характеризовался не только изменениями в хозяйственном укладе, но и глубокими институциональными реформами, приведшими к принципиальным изменениям в политической²²⁸, государственно-правовой²²⁹, образовательной²³⁰ и культурной²³¹ сферах.

1.4. Международно-политическое положение Польши в условиях эрозии Ялтинской системы международных отношений

Окончание холодной войны и дезинтеграция Советского Союза кардинальным образом изменили международную ситуацию. Распад СССР обозначил конец эпохи биполярного разделения мира. Отказавшись от предложенной М. Горбачёвым концепции «сотрудничества сверхдержав», объединённых «общечеловеческими ценностями»²³², США сделали

²²⁶ Lach Z. Kształtowanie przestrzeni bezpieczeństwa państwa // Strategia bezpieczeństwa narodowego Polski / red. J. Gryz, Warszawa, 2013, S. 333–342; Jakimowicz R. Clonkowswo Unijne Polski jako determinant bezpieczeństwa politycznego i gospodarczego // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 1. 2014. S. 205–219.

²²⁷ Lisiakiewicz R. Zewnętrzne determinanty polskiej transformacji systemowej – zarys problematyki // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 2. 2014, S. 240–241.

²²⁸ Bankowicz M. Demokracja. Zasady, procedury, instytucje, Kraków, 2006; Blok Z. Transformacja jako konwersja funkcji wewnętrznych na przykładzie Polski. Poznań, 2006.

²²⁹ Polska lat dziewięćdziesiątych : przemiany państwa i prawa. T. 3. Lublin, 1999.

²³⁰ Edukacja w Polsce wobec wyzwan Unii Europejskiej // pod red. W. Bokajło, A. Wiktorską-Święcką, Wrocław, 2008.

²³¹ Krukowska M. Współpraca kulturalna Polski z Unią Europejską w przededniu członkostwa // Polska w przededniu członkostwa w Unii Europejskiej : nadzieje i obawy / pod redakcją Joachima Osińskiego. Warszawa, 2002. S. 235–251.

²³² Данная инициатива была озвучена в 1989 г. в ходе советско-американского саммита на Мальте, см.: Черняев А. С. «Горбачев–Буш: встреча на Мальте в 1989 году». [Электронный

принципиальный выбор в пользу глобального доминирования и стали рассматривать весь мир как зону своих национальных интересов. В 1990 г. американский исследователь Ч. Краутхаммер даже обозначил наступление «момента однополярности» – глобального положения, при котором Соединённые Штаты являются бесспорным мировым лидером и могут фактически в одностороннем порядке навязывать миру своё понимание общепланетарных процессов²³³.

В условиях нарастающего «кризиса Ялты» интеллектуалами было предложено несколько основных взглядов на новое положение в мире и на то место, которое в нём могут занять государства Восточной Европы. Исследование применения этих подходов по отношению к Польше представляет большой научно-исследовательский интерес и позволяет на конкретно-историческом материале рассмотреть реализацию теоретических положений, господствовавших в период кризиса и реформирования Ялтинской системы.

Сторонники мондиалистских концепций в этот период предложили теоретико-философское обоснование т.н. «однополярного мира» – системы, основанной на гегемонии Соединённых Штатов как признанного лидера «демократического сообщества». С их точки зрения, борьба СССР и США за влияние в Восточной Европе и отступление Москвы из региона в конце 1980-х гг. было не частным результатом советско-американского противоборства, а окончательным историческим выбором государств этого региона. Победители холодной войны объявлялись носителями универсальных политических, экономических и социальных ценностей²³⁴. У Польши, как и у других государств Восточной Европы, в рамках этой концепции, не существовало альтернативы союзничеству с США и постепенному включению в европейские и атлантические структуры. Необходимо признать, что события в Польше в конце 1980-х – 1990-е гг. в общем развивались в русле теоретических представлений мондиалистов –

ресурс]. – URL: http://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_152/ (дата обращения: 30.01.2018).

²³³ Krauthammer C. The Unipolar Moment by, Foreign Affairs, Winter 1990/1991.

²³⁴ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1992.

ещё в 1989 г. в стране начал осуществляться целый ряд экономических реформ, известный как «план Бальцеровича»²³⁵, включавший в себя дерегуляцию экономики и широкую программу приватизации государственной собственности²³⁶.

Стоит согласиться с экспертами, утверждавшими, что выработка и осуществление плана реформ проходили под впечатлением, которое на мир произвело отступление СССР из Восточной Европы на фоне роста экономической и политической мощи Соединённых Штатов²³⁷. Польша, первой в регионе начавшая проведение либеральных реформ, становилась моделью в процессе расширения пространства влияния Запада. Её географическое расположение на стратегически важном пограничье между Центральной Европой и Россией превращало страну в главного кандидата на вовлечение в западные структуры. При поддержке США и стран Западной Европы Польша провела институциональные реформы, начала военно-политическое сближение с Вашингтоном и Брюсселем. Это, по мнению сторонников «либерального универсализма», должно было принести стабильность в польскую социально-политическую систему и сделать Варшава примером для соседних постсоциалистических государств – ведь даже российские реформаторы 1990-х гг. указывали на значение опыта реформ Л. Бальцеровича для подготовки и реализации рыночных преобразований в новой России²³⁸. Роль Польши состояла также и в том, чтобы стать национальным эталоном преобразований в неолиберальном духе, которые должны были быть реализованы в бывших странах восточного блока. Третья Речь Посполитая становилась образцом, который

²³⁵ Назван так по имени польского экономиста, государственного деятеля и политика Лешека Бальцеровича (р. 1947), проводившего рыночные преобразования в Польше на посту вице-преьера и министра финансов в 1989–91 гг. См.: Balcerowicz L. Socjalizm. Kapitalizm. Transformacja. Szkice z przelomu epok. Warszawa, 1997.

²³⁶ Zaleski P.S. Neoliberalizm i spoleczenstwo obywatelski, Torun, 2009.

²³⁷ Paradoxy polskiej transformacji (aspect cywilizacyjny). Paradoxy liberalizmu, pod. Red. D. Karnowskiej I A. Modrzejewskiego. Torun, 2009.

²³⁸ Альбац Е. Докучаев Д. Год назад не стало Егора Гайдара. Воспоминания современников. // Новое время. 16.12.2010.

должен был продемонстрировать населению и элите постсоциалистических стран целесообразность проамериканского и проевропейского курсов²³⁹.

Вместе с этим, в самой Польше, несмотря на высокую поддержку демократических и рыночных преобразований²⁴⁰, постепенное распространение, начиная с середины 2000-х гг., получали и скептические настроения. Среди части политической элиты и в широких слоях польского общества распространялось мнение, что выбрав евроинтеграцию и неолиберальную модель экономики, страна в конечном итоге добровольно ограничила свой суверенитет и лишилась экономической самостоятельности. Тем не менее, Польше при поддержке Европы и США удалось пройти через демократическую трансформацию без острых политических кризисов. Однако итогом этого стало второстепенное положение страны внутри евроатлантического мира,²⁴¹ утрата ею части своих наукоёмких производств²⁴² и угроза, как считали представители «правого» политического лагеря, постепенного размывания польской национальной идентичности²⁴³, о чём ещё будет сказано далее.

Сторонники идеи об окончательной исторической победе Запада, достигнутой по результатам холодной войны, предложили Польше в пост-ялтинском мире присоединиться к победителям на правах младшего партнёра, который должен стать участником единственного оставшегося глобального проекта, а не автором своего собственного (национального). Польша, только

²³⁹ В последующие годы влияние польского опыта было особенно заметно в украинской политике. Например, в 2010 г. С. Тигипко, один из центристских кандидатов на президентских выборах на Украине заявлял, что «опыт Польши по проведению экономических реформ является чрезвычайно полезным для Украины, ведь Польша уже успешно провела экономические реформы, которые Украина только начинает внедрять... Мы высоко ценим последовательную поддержку Польшей нашего европейского выбора». Тигипко: опыт Польши полезен для Украины. [Электронный ресурс]. – URL: http://lb.ua/news/2010/05/19/45248_tigipko_opit_polshi_polezen_dlya.html (дата обращения: 30.01.2018).

²⁴⁰ Pankowski K. Oceny zmian po roku 1989 // *Opinia publiczna w okresie integracji*. Warszawa, 2005. SS. 103–109.

²⁴¹ Nasilowski M. Czy terapia szokowa byla w Polsce uzasadniona? *Transformacja gospodarki*. Warszawa, 1997.

²⁴² Szanse sa zawsze – prof. Witold Kiezun o przyszlosci Polski. [Electronic resource]. – URL: <http://niezломni.com/?p=12486> (accessed: 15.01.2018)..

²⁴³ Качинский Я. Портрет посткоммунизма // *Новая Польша*. 2006. № 11.

обретавшая подлинный национальный суверенитет после освобождения от советского господства, фактически вновь оказывалась на правах страны с ограниченным суверенитетом²⁴⁴. Разница с эпохой холодной войны заключалась в том, что в новых условиях ограничителем выступал не политический диктат Москвы и угроза военного вторжения, а предполагавшаяся историческая безальтернативность «западного выбора» страны.

Иной взгляд на ситуацию в мире по итогам холодной войны был предложен сторонниками теории неизбежности столкновения цивилизаций²⁴⁵, вдохновлёнными теоретическими наработками прошлого²⁴⁶. С их точки зрения характерный для XX века идеологический конфликт в восточноевропейском регионе трансформировался в цивилизационный. А поскольку столкновение цивилизаций происходит в пограничных районах (т. н. «линиях разломов») Польша оказывалась исторически зажатой на стыке евроатлантической (западной) и православной (российской) цивилизацией. Согласно этой трактовке, выбрав интеграцию в военные и политические структуры Запада, Польша не просто определилась со своими союзниками – страна в конце 1980-х – 1990-е гг. сделала «цивилизационный выбор»²⁴⁷, что требовало от неё кардинальных перемен в самом понимании внешнеполитической идентичности и приоритетов на международной арене.

Поскольку присоединение к цивилизации это в т. ч. принятие набора общих ценностей, в польском обществе и элите в тот период проходило усиленное внедрение т. н. «европейских ценностей», о чём не без гордости говорили некоторые эксперты²⁴⁸. Нельзя обойти вниманием, что сама концепция принятия

²⁴⁴ Доктрина ограниченного суверенитета (или «доктрина Брежнева») – сформулированная западными экспертами описание внешнеполитической доктрины Советского Союза, которая заключалась в представлении об ограниченном суверенитете стран социалистического блока. См: Hunt L. *The Making of the West Peoples and Cultures*. Boston, 2009. Pp. 994–945.

²⁴⁵ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2003.

²⁴⁶ Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. Сборник. М., 2001.

²⁴⁷ Rotfeld A. *Polska w niepewnym swiecie*. Warszawa, 2006. S. 31–32.

²⁴⁸ Эта точка зрения последовательно пропагандируется, например, в работах известного польско-американского аналитика Э. Эпплбаум, супруги польского политика и дипломата Р. Сикорского; «...четверть века назад поляки выбрали европейские ценности...ни Польша, ни

европейских ценностей содержала в себе скрытую мысль о том, что Польша этих идей по той или иной причине в себе не имеет. В связи с этим в обществе последовательно утверждалось представление о необходимости экспорта идей из Западной Европы и Соединённых Штатов в Польшу. Это подразумевало некоторую культурную и политическую вторичность Польши по отношению к Западу. Сама идея «цивилизационного выбора» означала, что Польша – это не вполне Европа, и чтобы стать европейской страной Польше необходимо взять за образец западноевропейские государства и автоматически перенести на свою почву их опыт. Так, посредством цивилизационной модели, утверждалось политическое, культурное и интеллектуальное господство США и ЕС в Польше.

Одновременно с этим и несмотря на многовековую историю соседства и тесное переплетение исторических судеб, в польском обществе последовательно насаждалось представление о России и о русских как о глубоко чуждом полякам народе²⁴⁹. При этом происходила определённая архаизация содержания политико-философских дискуссий, характерная для государств региона после краха социалистического проекта: делались попытки возродить в общественном мнении историософские концепции XVII–XVIII вв., которые представляли Польшу «форпостом Европы», защищающим континент от «азиатского влияния России» и её экспансии, угрожающей гибелью западной цивилизации²⁵⁰. Поскольку ресурсов самой Польши, очевидно, было недостаточно для противостояния даже с ослабленной Россией и другими соседями, Варшава должна была обратиться за помощью и покровительством к США и НАТО. Таким образом, цивилизационный подход позволял Западу установить своё господство в Польше

какая-либо другая посткоммунистическая страна не добились такого же богатства и процветания, как их западные соседи,... но они уже сейчас имеют сопоставимые политические системы, сходные экономики и идентичное обеспечение пограничной безопасности. В любом случае все они сейчас живут лучше, чем в 1989 году». Applebaum A. Europe is seeing a East-West clash of values // The Washington Post. 31.05.2014.

²⁴⁹ Так, известный польско-американский специалист-русист А. Валицкий отмечал, что «с самого начала польской независимости средства массовой информации вбивали полякам голову, что Россия – это страна цивилизационно чуждая и органически враждебная Польше и Европе». Walicki A. O polskiej rzeczywistosci moralnej // Res Humana. 2010. № 1. S. 25.

²⁵⁰ Неменкий О. Б. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // Вопросы национализма. 2010. – № 3 – С. 24-38.

под видом дружественной защиты цивилизационного пространства от влияния восточного конкурента.

Сторонниками цивилизационного подхода отрицалась также и возможность создания независимых центров силы в Восточной Европе – Польша должна была присоединиться либо к Западу, либо к православной цивилизации, т. е. к России. В условиях очевидного кризиса Ялтинской системы после окончания холодной войны, выбор был предопределён: Варшава не имела альтернативы евроатлантическому курсу – включению на правах младшего партнёра в экономические, политические и военные глобальные проекты, предложенные Вашингтоном и Брюсселем на условиях их культурного и институционального доминирования. Во всяком случае, так было на первом этапе после окончания холодной войны. Но сделав этот исторический выбор, Польша вступала в неизбежный конфликт с Россией на новом «цивилизационном пограничье» – на пространствах бывших республик Советского Союза (Прибалтика, Белоруссия, Украина, Молдавия), которым ещё только предстояло определиться, с кем они хотят интегрироваться, с Россией или Западом.

Другой подход к оценке ситуации в регионе, продолжавший логику времён холодной войны, был наиболее цельно сформулирован известным американским учёным и дипломатом польского происхождения Зб. Бжезинским²⁵¹. Сторонники этого взгляда считали, что США и их союзникам по холодной войне стоит укрепить свои позиции в Восточной Европе и не допустить возможного возрождения там российского влияния, используя традиционный инструментарий периода биполярного противостояния²⁵². США, согласно этой концепции, должны были подключить Польшу и другие страны Восточной Европы к выстроенной ими в ходе холодной войны системе трансатлантической безопасности и распространить благодаря этому влияние Соединённых Штатов вглубь континента. Неоатлантисты придавали особое значение Польше и надеялись закрепить победу США в холодной войне: формирование тесного военно-

²⁵¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 2013.

²⁵² Там же. С. 101

политического союза Варшавы и Вашингтона должно было означать не просто вытеснение России из региона Восточной Европы, но и утверждение его как зоны «особых интересов» США: именно неоатлантистами была выдвинута концепция «нового НАТО», которая исключала возможность исторического реванша России в регионе²⁵³. Примечательно, что сторонники этой концепции не выступали против расширения ЕС и вовлечения Польши в интеграционный процесс на континенте, т. к. не видели в этом угрозы американскому доминированию. Основным конкурентом в регионе по-прежнему называлась Россия, а не всё более консолидирующаяся Европа. В основе этого представления, вероятно, лежала надежда на то, что вступление в ЕС Польши, имевшей длительную историю конфликтов с Россией, должно было изменить в худшую сторону характер взаимоотношений между Россией и Евросоюзом в целом – польские элиты после окончания холодной войны (в отличие от многих западноевропейцев) продолжали видеть в Москве главную потенциальную угрозу безопасности в Европе.

Присоединение Польши к ЕС для неоатлантистов означало появление внутри ЕС ещё одной критически настроенной к России силы. То есть, способствуя европейской и атлантической интеграции Польши, США укрепляли своё присутствие в Восточной Европе и получали инструмент влияния на общеевропейскую политику на восточном направлении в выгодном для себя русле. Варшава была призвана исполнять роль проводника политической линии Вашингтона в Восточной Европе и консолидировать регион на проамериканской платформе, не допуская проникновения туда российского влияния. Особенное место отводилось в концепции Зб. Бжезинского Польше в вопросе вытеснения России с пространства бывшего СССР, и в первую очередь – с Украины²⁵⁴. Для неоатлантистов, в целом, Польша была в первую очередь проводником интересов США внутри Евросоюза и инструментом давления на Россию.

Таким образом, в конце холодной войны на теоретическом уровне было предложено три сценария поведения для Польши в условиях эрозии Ялтинской

²⁵³ Asmu R. D., Kulger R., Larabee S. F. Building a New NATO. Foreign Affairs, September–October 1993. Pp. 28–40.

системы международных отношений: мондиалистский, цивилизационный и неоатлантический. Каждый из них предусматривал вовлечение Польши в западные интеграционные проекты. Сторонники первого утверждали, что Польша, если она стремится стать современной и развитой страной, не имеет альтернативы либеральным реформам и сближению с Западом. Адепты цивилизационного подхода говорили об общности Польши и стран Запада и делали акцент на неизбежности её конфликта с Россией в Восточной Европе – зоне цивилизационного пограничья. Неоатлантисты же считали необходимым закрепить итоги холодной войны через продвижение военных и политических структур Запада на территорию бывшего восточного блока, чтобы не допустить стратегического реванша России. Польша должна была стать основным союзником США в этой части Европы, через которого западное влияние могло бы транслироваться далее на восток – на территорию бывшего СССР.

В Польше наибольшим влиянием пользовались именно сторонники взглядов Зб. Бжезинского – его идеи стали своеобразным «интеллектуальным наследием», которое польские диссиденты принесли во власть после трансформации Народной Польши в Третью Речь Посполитую. Например, польская дипломатия в высокой степени освоила выработанную в период холодной войны концепцию «продвижения демократии и соблюдения прав человека», являвшуюся одним из ключевых элементов концепции американского аналитика по реализации американских интересов в Евразии. Стратегия Республики Польша на постсоветском пространстве также определила «права человека» ключевым элементом в отношениях ЕС со странами региона и предусматривала нарастающую поддержку «прав человека» в данном регионе со стороны ЕС²⁵⁵. «Диалоги по правам человека» и рекомендации относительно мер, осуществления которых, по мнению руководства Польши, ЕС должен рассматривать в качестве приоритета в рамках своей политики защиты прав

²⁵⁴ Бжезинский Зб. Указ соч. С. 62.

²⁵⁵ См.: Беспалов А., Польская восточная политика после 1989 г. // Россия и современный мир. 2007. № 2 (55) С. 52–69; Он же. Польша и «оранжевая революция» на Украине // Россия и современный мир. 2006. № 2 (51), С. 68–82.

человека в этих странах, служат одним из важных инструментов польского влияния на бывшие республики СССР. Неслучайно поэтому в «Стратегии национальной безопасности» отдельно отмечалось, что «процессы демократической трансформации Центральной, Восточной и Южной Европы и желание многих государств этих регионов войти в НАТО и ЕС способствуют укреплению мира и стабильности на континенте. Поддерживая эти процессы, особенно диалоге с Украиной и Молдавией, государствами Западных Балкан и Южного Кавказа, Польша развивает партнерское сотрудничество с этими государствами с целью усиления их стремления к демократическому развитию. Позитивное влияние на безопасность Польши оказала бы и демократизация Белоруссии»²⁵⁶.

Польские диссиденты и политики националистических взглядов в свою очередь смогли многое подчеркнуть в идеях западных адептов цивилизационного подхода. В частности, активный участник КОС-КОР А. Мацеревич, сделавший успешную политическую карьеру в постсоциалистической Польше, заняв пост в правительстве страны, прямо заявил о своём понимании русско-украинского конфликта как цивилизационного противостояния, к которому Третья Речь Посполитая не может оставаться безучастной²⁵⁷. Немаловажным было и обратное влияние, поскольку для некоторых западных авторов успех польских оппозиционеров и демонтаж социалистического режима в ПНР воспринимались в качестве подтверждения тезиса о неизбежности победы либерально-демократической модели устройства общества²⁵⁸. Влияние теоретических западных концепций на политику Польши было многогранным, но важно отметить, что все ведущие концепции признавали желательность и даже необходимость вовлечения Варшавы в процесс европейской и атлантической

²⁵⁶ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/category/5-bezpieczenstwonarodowe?download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp> (accessed: 15.01.2018).

²⁵⁷ Rzeczpospolita, 29.09.2016.

²⁵⁸ Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М. 2008, С. 29–32.

интеграции с целью укрепления позиций Запада не только в Восточной Европе, но в дальнейшем и на территории бывшего Советского Союза.

Как представляется, исторический выбор Польши в конце 1980-х – 1990-е гг. мог осуществиться только в рамках этих трёх сценариев, поскольку, несмотря на очевидный кризис системы стран социализма, как составной части Ялтинского мироустройства, ни внутри польского общества (властями и оппозицией), ни извне не было предложено интеллектуальной альтернативы прозападному вектору трансформации польской внешней и внутренней политики.

В завершение главы отметим, что рыночные реформы и либерально-демократические преобразования в стратегическом смысле стали механизмом закрепления победы Запада в холодной войне и «отрыва» Польши от её традиционно крепких экономических и культурных связей с Россией. Вместе с тем, именно поддержка Запада в значительной мере обеспечила и достижение многих внешнеполитических целей, о которых говорили польские оппозиционеры времён ПНР: от нормализации отношений с Германией до ограничения российского влияния на польскую политику.

Эти итоги не было следствием стечения внешних обстоятельств: польская антикоммунистическая оппозиция уже в 1970–1980-х гг. переосмыслила внешнюю политику Польши и на теоретическом уровне сформулировала новые приоритеты страны на международной арене. Поскольку оппозиция решительно противопоставляла себя действующему в стране режиму, в основе её взглядов лежали две концептуальные идеи: отрицание опыта ПНР, которая воспринималась в качестве искусственного просоветского образования, и апеллирование к практике Второй Речи Посполитой.

Неприятие Народной Польши и её зависимого положения от Советского Союза привело оппозиционеров к выводу о том, что полный международный суверенитет Польши является несомненной базовой ценностью и необходимым условием проведения демократических преобразований в «польском

национальном духе», а его восстановление (и сохранение) должно быть в числе главных целей польской дипломатии.

Наряду с этим от Второй Речи Посполитой, которая воспринималась большинством польских диссидентов как подлинно польский национальный проект, были унаследованы подозрительное отношение к России и Германии, а также стремление быть самостоятельным центром силы в Восточной Европе, способным выступать в качестве «покровителя» народов, которые некогда входили в состав исторического Польского государства (украинцы, белорусы, литовцы). Поскольку Вторая Речь Посполитая была ликвидирована в ходе Второй мировой войны и на её месте в соответствии с Ялтинскими договорённостями возникла просоветская ПНР, большинство диссидентов выступали за демонтаж Ялтинской системы, понимая при этом, что такой пересмотр может поставить вопрос о западных польских границах, что также усиливало их подозрительное отношение к Германии. Кроме того, существование в условиях биполярного мира, который не предусматривал каких-либо альтернатив выбору между Западом и Востоком²⁵⁹, делало сознание диссидентов западнцентричным и манихейским, где США противостояли «империи зла» – СССР. Поэтому нельзя согласиться с современным российским историком Д. С. Будановой, которая полагает, что «в 1980–1981 годах польская политическая оппозиция только начала формироваться, а у многих оппозиционных партий, в том числе, у «Солидарности» еще не было четко сформулированных внешнеполитических концепций»²⁶⁰. Напротив, развитие событий показало, что формирование новой внешней политики Польши проходило под непосредственным влиянием идей, сформулированных в предшествующий период антикоммунистической оппозицией. Убедительным доказательством этого тезиса является стремительная корректировка польского

²⁵⁹ Полагаем, что Движение неприсоединения, несмотря на свои отдельные успехи, всё же не могло рассматриваться в качестве серьёзной альтернативы глобальной дихотомии Восток-Запад.

²⁶⁰ Буданова Д. С. Североатлантический Альянс и Европейский Союз во внешней политике Польши в 1989–2005 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 25.03.2011. Н. Новгород, 2011. С. 58.

внешнеполитического курса после формирования в стране первого же некоммунистического правительства.

Несмотря на то, что именно политика перестройки в Советском Союзе и конструктивная позиция властей ПНР (поддержанных в этом Москвой) позволили провести в стране серию «круглых столов» и начать мирный процесс постепенной демократизации, пришедшая к власти оппозиция не испытывала никакой благодарности к восточному соседу и практически сразу начала дрейф в сторону Запада. При этом коммунистическое руководство и В. Ярузельский так же, как и оппозиционеры, стремились к большей самостоятельности Польши и восстановлению её суверенитета в полном объёме. Однако они не считали, что суверенитет означает разрыв с Москвой. Напротив, лидеры ПНР хотели воспользоваться историческим шансом, предоставленным М. Горбачёвым, и вывести польско-советское партнёрство на новый уровень, избавившись от «патронско-клиентских» отношений, оскорбительных для польского национального чувства.

В силу своих идеологических установок, сформированных в период противоборства с властями ПНР, польские оппозиционеры оказались не способны взглянуть на реформированный Советский Союз (а впоследствии и Россию) иначе, как на угрозу польскому суверенитету. Пока СССР сохранял свои военные, экономические и кадровые ресурсы влияния в Польше, эти установки пришедших к власти оппозиционеров проявлялись ограниченно и латентно, однако, по мере углубления кризиса в СССР, новые власти всё более открыто и последовательно стремились дистанцироваться от Москвы.

Другим важным фактором, определившим направление трансформации польской политики, стало влияние Запада, который уже в конце 1970-х гг. наладил сотрудничество с польской оппозицией и, по мере ослабления влияния Советского Союза, всё активнее участвовал в процессе реформирования польского государства. Участие западных государств в «системной трансформации» обеспечило её успех и привело к полной внешнеполитической переориентации Польши с России на Запад: в военно-стратегическом измерении –

на США, а в социально-экономическом – на Евросоюз. Международно-политическое положение в данный период также не способствовало сохранению Польши в орбите влияния Москвы. Проходившая в конце 1980-х – начале 1990-х гг. эрозия многих принципов Ялтинской системы поставила на повестку дня проблему осмысления новой исторической реальности, характеризующейся бесспорным доминированием Соединённых Штатов в мире.

Теоретические построения большинства ведущих мировых представителей экспертного сообщества вращались вокруг трёх основных исторических концепций (мондиалистской, цивилизационной и неоатлантической), призванных дать всеобъемлющее описание новой стратегической реальности и предложить механизмы осмысления международного порядка после краха советского проекта. Практическое применение этих концепций так или иначе предусматривало вовлечение Польши в западные интеграционные проекты: постулировалась желательность и даже необходимость включения Варшавы в процесс европейской и атлантической интеграции с целью укрепления позиций Запада не только в Восточной Европе, но в дальнейшем и на территориях бывшего Советского Союза. Ни внутри польского общества, ни извне (например, из России) в тот период не было предложено привлекательной системной интеллектуальной альтернативы прозападному вектору трансформации Польского государства.

Таким образом, на формирование новой внешнеполитической идентичности Республики Польша оказывали влияние три основных фактора. Во-первых, идеологические установки польской антикоммунистической оппозиции. Во-вторых, участие США и стран Западной Европы в подготовке и осуществлении системных преобразований. В-третьих, полное господство в интеллектуальном пространстве концепций, предусматривающих включение новой Польши в евроатлантические институты и её исторический «разрыв» с Россией.

Именно поэтому пришедшая на смену Народной Польше Третья Речь Посполитая изначально формировалась как государственный проект, ориентированный на Запад.

Глава 2. ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР ТРЕТЬЕЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

2.1. Этапы евроатлантической интеграции Польши и реакция польского общества на новые приоритеты внешней политики

После роспуска Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи летом 1991 г. Польша, как и другие государства Восточной Европы, оказалась вне каких-либо военно-политических или экономических союзов. Однако свой «внеблоковый» статус страна сохраняла недолго – практически сразу после демонтажа Восточного блока и роспуска СССР, последовавшего в конце в 1991 г., постсоциалистическое польское руководство начало движение в сторону евроатлантической интеграции.

Представляется целесообразным проанализировать именно евроатлантический вектор интеграции в целом, т. к. процессы вступления страны в НАТО и ЕС не только шли параллельно друг другу, но и рассматривались тогда польской элитой как взаимодополняющие и лишённые внутренней конкуренции²⁶¹.

Оправданным является и пересмотр устоявшейся в российской историографии традиции, в соответствии с которой большинство исследователей предлагают две отдельные системы периодизации: одну для процесса вступления Польши в НАТО, и другую – для присоединения страны к ЕС²⁶². Напротив, в рамках сложного и многосоставного, но концептуально единого процесса евроатлантической интеграции можно выделить три больших периода. В ходе первого (1989-1993) на фоне фундаментальных изменений в ЦВЕ происходил переход посткоммунистического польского руководства от политики «импровизации» на международной арене и балансирования к принятию евроатлантической интеграции в качестве общенационального исторического приоритета. На втором этапе (1993-1999) евроатлантическая интеграция из

²⁶¹ Смирнов П. Е. Центральная и Восточная Европа между США и ЕС // США – Канада: Экономика, политика, культура. 2005.

перспективной цели стала центральным вопросом текущей внутренней и международной политической повестки, а также обрела реальное организационное и нормативное наполнение. Третий этап евроатлантической интеграции (1999–2004) характеризовался утверждением Польши в качестве активного участника НАТО и окончательным присоединением страны к ЕС, что ознаменовало собой завершение начатого в конце 1980-х гг. внешнеполитического поворота и начало нового периода внешней политики Польши, как полноправного члена евроатлантического сообщества.

Комплексный подход в этом вопросе позволяет убедиться в том, что присоединение к двум глобальным проектам было для Третьей Речи Посполитой не просто сменой союзников и внешнеполитических ориентиров, но важнейшей частью исторического выбора и ключевым элементом формирования новой идентичности государства, пришедшего на смену Польской Народной Республики.

Исходя из этого, *первый этап* единого процесса евроатлантической интеграции, который можно назвать «подготовительным», следует обозначить рамками 1989–1993 гг. Его начало относится к формированию первого некоммунистического польского правительства (правительство Т. Мазовецкого), которое, учитывая стремительные изменения в Польше и всей ЦВЕ, в значительной степени было вынужденно «импровизировать» на международной арене. Окончание периода оправданно будет обозначить 1993 г., когда польское руководство приняло окончательное решение о необходимости присоединения страны к НАТО и ЕС.

Уже в конце 1980-х гг. польское правительство, сформированное после «круглых столов», начало постепенное сближение с евроатлантическими структурами. Например, с лета 1989 г. начался интенсивный обмен визитами между представителями польского МИДа и Североатлантического Совета, что через год привело к установлению постоянных дипотношений между Польшей и

²⁶² См., напр. Буданова Д. С. Североатлантический Альянс и Европейский Союз во внешней политике Польши в 1989-2005 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена

НАТО. Однако Альянс пока не рассматривал возможность включения Польши и других стран Восточной Европы в НАТО. Это ясно видно при анализе Лондонской декларации 1990 г.²⁶³, где отмечалось, что взаимодействие со странами региона в условиях глобальных международных перемен должны выстраиваться именно на «межблоковой основе» и в соответствии с принципами Хельсинского акта 1975 г. Одновременно всем странам-членам ОВД предлагалось установить постоянные отношения со штаб-квартирой НАТО и укреплять взаимное доверие и сотрудничество.

Первоначально польская сторона также декларировала и своё стремление к созданию системы коллективной безопасности в Европе, а вовсе не к присоединению к западному военному альянсу. Это отчётливо прослеживается в программных выступлениях премьер-министра Т. Мазовецкого²⁶⁴ и министра иностранных дел К. Скубишевского²⁶⁵. А президент страны В. Ярузельский ещё летом 1990 г. в интервью французским журналистам признавал, что «Советский Союз остается главным гарантом нашей безопасности»²⁶⁶.

Одновременно с этим новые польские руководители всё больше внимания стали уделять вопросам роста экономической взаимозависимости в мире после окончания холодной войны. Так, выступая в Сейме 26 апреля 1990 г. К. Скубишевский особо подчеркнул, что перед демократической Польшей открываются «совершенно новые возможности для международного

25.03.2011. – Н. Новгород, 2011.

²⁶³ London Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance, issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in London on 5th – 6th July 1990

²⁶⁴ Tworzymy państwo prawa. Przemowienie T. Mazowieckiego w Sejmie (tezy) // *Zycie Warszawy*. 19.01.1990.

²⁶⁵ Sejmowe expose ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego. Warszawa, 26 kwietnia 1990 г. [Electronic resource]. URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1990/2/2.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁶⁶ Интервью В. Ярузельского и Т. Мазовецкого // *Известия*. 21.03.1990.

экономического сотрудничества»²⁶⁷. Тогда же польская сторона начала (пока неофициальные) переговоры о гипотетическом членстве страны в ЕС²⁶⁸.

Польские руководители имели некоторые основания для надежд на успех своих европейских устремлений, ведь за год до этого им удалось подписать торговое соглашение с ЕЭС. Министр иностранных дел в 1993-1995 гг. А. Олеховский впоследствии отмечал, что именно этот договор, заключённый в сентябре 1989 г., позволил обеим сторонам «нормализовать торговлю и экономические отношения, которые ранее не регулировались»²⁶⁹. А уже в августе 1990 г. был достигнут существенный прогресс на пути экономического сближения с Европой – Комиссия Европейского Союза предложила Польше пакет соглашений, которые предусматривали создание зоны свободной торговли сроком на 10 лет.

Сближение Польши с Европой, инициированное новыми польскими руководителями, было связано не только с экономическими мотивами. Как уже упоминалось в первой главе, для польских оппозиционеров, которые пришли к власти после 1989 г., проевропейский внешнеполитический курс имел глубокую культурно-историческую составляющую. Как замечал в связи с этим польский исследователь Р. Стемпловский, размышляя о значении европейского вектора интеграции для Республики Польша, это не только позволяло Варшаве принять участие в решении важнейших для Европы экономических вопросов, но и обозначило бы «возвращение Польши в Большую Европу», а сам Евросоюз становился для Польши «инструментом, способом, методом, институциональным проявлением процесса завершения польской интеграции в мировую систему»²⁷⁰.

²⁶⁷ Sejmove expose ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego. Warszawa, 26 kwietnia 1990 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1990/2/2.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁶⁸ Unia Europejska Przygotowanta Polski do członkostwa. Warszawa, 2001. S. 617–618

²⁶⁹ Oświadczenie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Andreja Olechowskiego przed Sejmem Rzeczypospolitej Polskiej na temat przystąpienia Polski do Unii Europejskiej. Warszawa, 7 kwietnia 1994 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/2/2.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁷⁰ Stemplowski R. Poland in the World System: Transformation of the Political System and Foreign Policy Making // The Polish Foreign Affairs Digest. – 2001. – № 1. – P. 279.

Среди основных факторов, способствовавших укреплению единства польской элиты в поддержке курса на евроатлантическую интеграцию Польши, стоит выделить также объединение Германии в 1990 г. Поскольку ФРГ после некоторых колебаний признала границу по Одере и Нейсе, Варшава окончательно утратила заинтересованность в сохранении ОВД в качестве гаранта своей безопасности и территориальной целостности. Устроившее Варшаву разрешение «германского вопроса» позволило К. Скубишевскому спустя всего несколько месяцев (в начале 1991 г.) открыто провозгласить, что долговременной целью Польши является вступление в Североатлантический альянс²⁷¹. Внутри атлантического сообщества в то время, однако, ещё не существовало консенсуса относительно возможности расширения на бывшие государства советского блока. Многие европейцы полагали, что страны Восточной Европы ещё долго не будут соответствовать стандартам НАТО, а их включение в Альянс вызовет ненужное обострение отношений с Москвой²⁷². В связи с этим руководство НАТО на встречах в июне 1991 г. в Копенгагене²⁷³ и в ноябре того же года в Риме²⁷⁴ приняло компромиссные решения по вопросу перспектив атлантической интеграции стран Восточной Европы: создавалась инфраструктура сотрудничества стран НАТО и бывших государств ОВД (Совет Североатлантического партнёрства), декларировалась необходимость взаимных консультаций и обмена опытом, а также постоянных контактов высшего командного состава. Необходимость расширения Альянса, впрочем, пока не проговаривалась, а архитектуру безопасности в Европе предлагалось строить на принципах Хельсинкского заключительного акта 1975 г. и Парижской хартии 1990 г.

²⁷¹ Problemy polityki zagranicznej u progu roku 1991 – wystąpienie sejmowe ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego w sejmie, Warszawa, 14 lutego 1991 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1991/2/5.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁷² Taylor T. NATO and Central Europe // NATO Review. 1991. № 5. Vol. 39. P. 17–22.

²⁷³ Partnership with the Countries of Central and Eastern Europe / Statement Issued by the North Atlantic Council Meeting in Ministerial Session Copenhagen, June 6-7, 1991

²⁷⁴ Rome Declaration on Peace and Cooperation [Electronic resource]. – URL: <http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c911108a.htm> (accessed: 15.01.2018).

Тем не менее, выступая в декабре 1991 г. в Сейме новый премьер-министр и бывший диссидент-правозащитник Я. Ольшевский²⁷⁵ заявил: «Как член Совета Североатлантического партнёрства Польша будет развивать связи с НАТО. Мы рассматриваем Альянс как краеугольный камень в системе европейской безопасности, а присутствие американских войск в Европе как стабилизирующий фактор. В соответствии с этим, правительство будет работать над всесторонним развитием связей с НАТО, что возможно благодаря нашему участию в ССАП»²⁷⁶.

Этот поворот нашёл своё отражение в польских стратегических документах – в ноябре 1992 г. Комитет обороны страны принял документ под названием «Политика безопасности и оборонная стратегия Республики Польши», а президент Л. Валенса утвердил «Принципы польской политики безопасности»²⁷⁷. В соответствии с официально объявленными новыми подходами к проблеме национальной безопасности, главным гарантом стабильности на континенте провозглашалось НАТО, а вступление в Альянс декларировалось стратегической целью Третьей Речи Посполитой. Варшава приветствовала сохранение военного присутствия США в Европе в качестве фактора, оказывающего позитивное влияние на процесс трансформации в странах бывшего советского лагеря. Однако, вплоть до окончания срока полномочий администрации Дж. Буша-ст. (1993 г.) вопрос о возможном вступлении Польши в НАТО не значился в повестке дня. Стоит согласиться с российским исследователем Д. Сергеевым, который объясняет это тем, что «к тому времени в администрации и

²⁷⁵ Ян Ольшевский – премьер-министр Польши в 1991–1992 гг. был близок к национал-католическому крылу польской оппозиции и получил известность тем, что настоял на исключении из состава своего кабинета автора либеральных экономических реформ Л. Бальцеровича, а также принятием закона о люстрации, который впоследствии был признан антиконституционным. «В общественном сознании сохранилась память о грубых попытках люстрации: многих лидеров Польши, включая Леха Валенсу, публично обвинили в том, что они являлись агентами тайной полиции; в печати были опубликованы десятки имён из числа руководителей страны». См. Смоляр, А. Польские радикалы у власти [Электронный ресурс] / А. Смоляр // «Pro et Contra» – 2006. – № 5-6. – URL: <http://polit.ru/article/2007/02/13/smolyar/> (дата обращения: 30.01.2018).

²⁷⁶ Statement of the Chairman of the Council of Ministers on the Proposed Composition and Agenda of the Government. 21 December 1991.

²⁷⁷ Przegląd Rzadowy. № 12. Grudzien. 1992; Polityka bezpieczeństwa i strategia obronna Rzeczypospolitej Polskiej, 1992, Założenia polskiej polityki bezpieczeństwa, 1992 [Electronic resource]. URL: koziej.pl/files/Strategia_RP_z_92_r.doc (accessed: 15.01.2018).

политической элите США сторонников “расширения” как пути реформирования НАТО было немного»²⁷⁸.

Сотрудничество с европейскими структурами в этот период также развивалось довольно медленно. Несмотря на то, что соглашение об ассоциации страны с ЕС было подписано ещё в декабре 1991 г., европейцам потребовалось целых два года, чтобы выработать перечень конкретных требований к кандидатам на вступление, которые были зафиксированы в Копенгагенской декларации 1993 г.²⁷⁹ При этом наличие таких абстрактных требований как «стабильность институтов, гарантирующих демократию» или «уважение и защита прав меньшинств» позволяли Брюсселю вести процесс переговоров столь долго, сколько это требовалось европейской стороне.

Важнейшей характеристикой данного этапа евроатлантической интеграции Польши является то, что первоначальная инициатива исходила, прежде всего, из Варшавы и далеко не всегда встречала полную поддержку со стороны Вашингтона и западноевропейских столиц. Из этого можно заключить, что руководство посткоммунистической Польши, руководствуясь собственными представлениями, которые были выработаны в период их политической борьбы с властями ПНР, сделало вполне осознанный и самостоятельный выбор, когда в 1991–1993 гг. предпочло дистанцироваться от новой демократической России и развернуть страну к Западу.

С другой стороны, сама Россия, переживавшая в этот период острый внутривластный кризис, связанный с окончательным демонтажем советской системы управления и экономическими преобразованиями, сфокусировала свою дипломатическую активность на выстраивании отношений с Западом и не предложила бывшим странам восточного блока конкурентоспособной альтернативы курсу на евроатлантическую интеграцию. При этом вызывает

²⁷⁸ Сергеев Д. В. Польша в системе европейской безопасности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 21.09.2007. С. 81.

²⁷⁹ Raport Rady do spraw ogólnych przedłożony Radzie Europejskiej na temat strategii przygotowania do członkostwa krajów stowarzyszonych Europy Środkowej i Wschodniej. Essen, 9–10 grudnia 1994 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/4/8.html> (accessed: 15.01.2018).

обоснованные сомнения популярная в западной литературе точка зрения, согласно которой выбор в пользу евроатлантической интеграции был сделан восточноевропейцами только на последнем этапе существования Советского Союза или даже позднее. Ярким выразителем этих взглядов в частности является британский исследователь С. Крофт, полагавший, что Польша и другие страны региона окончательно сделали выбор в пользу НАТО только после событий в Вильнюсе в январе 1991 г., августовского путча и распада Советского Союза²⁸⁰. Проведённый выше анализ вынуждает констатировать, за принятым посткоммунистической элитой решением стояли куда более серьёзные исторические основания.

Второй период интеграции Польши в НАТО и ЕС охватывает временной промежуток с 1993 по 1999 гг. На этом этапе евроатлантическая интеграция из отдалённой перспективы стала вопросом текущей повестки дня: были начаты официальные переговоры, подготовлена необходимая нормативно-правовая база, приняты «дорожные карты» интеграции, а сама проблема вступления в НАТО и ЕС заняла центральное место во внешней политике Польши и определяла её отношения с другими странами.

Перемены на атлантическом направлении интеграции были напрямую связаны со сменой администрации в Белом доме. Демократическая администрация Б. Клинтона в отличие от команды Дж. Буша-ст. благосклонно восприняла польское стремление к членству в Альянсе.

Поворотным моментом на этом пути стала состоявшаяся в апреле 1993 г. встреча лидеров восточноевропейских постсоциалистических государств с американским президентом. Как вспоминал служивший в администрации Б. Клинтона С. Бергер: «В. Гавел и Л. Валенса настаивали на скорейшем принятии их стран в НАТО. В тот момент для них существовал только один полюс – НАТО. Именно это было главным приоритетом для лидеров Польши и Чехии. Быть членом НАТО для них означало быть частью Запада. Именно с этого

²⁸⁰ Croft S. The EU, NATO and Europeanisation: The Return of Architectural Debate // Redefining Security? The Role of the European Security Structures. Proceeding from an ARENA

момента и началась дискуссия о расширении Альянса»²⁸¹. Возможно, на позицию новой администрации, которая с пониманием отнеслась к просьбе прозападных восточноевропейских лидеров, повлияли и усилия польского этнического лобби в США, которое исторически имело тесные связи именно с Демократической партией. Как отмечали американские исследователи, особо важную роль в этом процессе играли влиятельное Вашингтонское бюро Польского Американского Конгресса²⁸² и лично Зб. Бжезинский²⁸³, считавшийся одним из виднейших экспертов по внешней политике среди элиты Демократической партии.

В декабре 1993 г. глава МИД Польши А. Олеховский в специальном письме, адресованном лидерам всех государств-членов НАТО отмечал: «Польша хочет вступить в Альянс так скоро, как это будет возможно»²⁸⁴. А уже в январе следующего года на Брюссельском саммите НАТО было принято решение о расширении Альянса, хотя конкретные сроки так и не были названы²⁸⁵. Промежуточным этапом на пути к членству в НАТО для Польши и других государств региона стала программа «Партнёрство во имя мира», которая хотя и не давала юридически обязывающих гарантий со стороны Альянса, но всё же позволяла вывести процесс атлантической интеграции Польши на качественно новый уровень²⁸⁶. Однако в Польше многие восприняли создание этой программы в качестве уступки России, которая стремилась затормозить процесс расширения НАТО. Как с грустью отмечал Л. Валенса в интервью американской прессе по этому поводу: «О нашем членстве в НАТО мы должны говорить с президентом

Workshop. March 2000. ARENA Report № 7. Oslo 2000. P. 1-20.

²⁸¹ Asmus R. *Opening NATO's Door*. New York, 2002. P. 24.

²⁸² *Expansion of NATO Role of the Polish American Congress*. Chicago, 1999. P. 6.

²⁸³ Brzezinski Z A *Plan for Europe*// *Foreign Affairs*. January – February, 1995. – Pp. 26-42.

²⁸⁴ List ministra spraw zagranicznych RP Andrzeja Olechowskiego do 16 panstw czlonkowskich NATO. Warszawa. 22 grudnia 1993 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1993/4/13.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁸⁵ Declaration of Heads of State and Government. Meeting of the North Atlantic Council. 11.01.1994. Press Communique M 1(94)3. [Electronic resource] – URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24470/htm?mode=pressrelease (accessed: 15.01.2018).

²⁸⁶ Partnership for Peace: Framework Document issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. 10.01.1994. [Electronic resource]. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24469/htm?mode=pressrelease (дата обращения – 30.10.2016) (accessed: 15.01.2018).

Ельциным, а не с Западом»²⁸⁷. Тем не менее, Польша приняла деятельное участие в работе «Партнёрства» и даже стала, по мнению генсека НАТО Х. Соланы, его «самым активным участником»²⁸⁸.

Действительно, Варшава в 1994–1997 гг. постоянно участвовала в военных учениях Альянса и прикладывала усилия для того, чтобы адаптировать свои вооружённые силы к новым стандартам. Польское усердие было отмечено на Мадридском саммите НАТО в июле 1997 г., по результатам которого Варшава, Будапешт и Прага всё-таки получили официальное приглашение в Альянс²⁸⁹. В ходе последовавшего в сентябре того же года подписания Протокола о присоединении к Североатлантическому Договору министр иностранных дел Польши и бывший представитель «левого» спектра польской антикоммунистической оппозиции Б. Геремек подчеркнул: «Мы бы хотели жить в Европе без военных альянсов. Однако пока что военная сила остается гарантом безопасности, только НАТО может надежно обеспечить безопасность Европы»²⁹⁰. Последние сомнения относительно вступления Польши в Североатлантический альянс рассеялись после голосования по соответствующему вопросу в Сенате США, прошедшем весной 1998 г. Ещё год потребовался на ратификацию соглашения всеми странами-участниками и после завершения всех формальных процедур²⁹¹ Республика Польша 12 марта 1999 г. стала членом Альянса.

Европейский вектор интеграции в этот период также находился в центре внимания польского политического руководства. Руководство Третьей Речи Посполитой с большим энтузиазмом отнеслось к Копенгагенской декларации и уже в 1994 г. Польша (вместе с Венгрией) стали первыми

²⁸⁷ Wałęsa warns communism could reemerge in Europe. Polish president pleads for West to include E Europe in NATO // The Washington Post. January 3. 1994.

²⁸⁸ Przemowienie Sekretarza Generalnego NATO Javiera Solany na Uniwersytecie Warszawskim. Warszawa, 18 kwietnia 1996 г. [Electronic resource] – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1996/2/2.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁸⁹ Madrycka deklaracja w sprawie bezpieczeństwa i współpracy euroatlantycznej. Madryt, lipca 1997 г. [Electronic resource] – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1997/2/13.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹⁰ Новости // Пульс планеты. 18.12.1997. С. 4.

постсоциалистическими странами, подавшими официальную заявку на членство в ЕС²⁹².

Ключевым элементом институционального оформлением этого направления интеграции стало принятие в 1995 г. документа под названием «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза»²⁹³. Основные усилия польского правительства в последующие годы были сосредоточены на двух направлениях: достижение требований, сформулированных европейской стороной, а также сохранение и укрепление среди польских граждан веры в то, что евроинтеграция отвечает национальным интересам страны. Усилия поляков и других восточноевропейцев оказались отмечены в Брюсселе: Европейский Совет в 1996 г. утвердил график расширения Евросоюза²⁹⁴, а на последовавшем в следующем году Люксембургском саммите были названы пять стран (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия и Эстония), которые дальше других продвинулись по пути соответствия «европейским требованиям»²⁹⁵. Следующий год в Польше прошёл под знаком широких общественных дискуссий по проблеме вступления страны в ЕС, суть которых будет подробно рассмотрена ниже.

Одновременно стоит подчеркнуть, что пришедшаяся на этот период смена политического руководства (избрание в 1995 г. президента-«посткоммуниста»²⁹⁶ А. Квасьневского и формирование в 1997 г. правительства Е. Бузека, состоящего

²⁹¹ Akt Ratyfikacji w sprawie przystąpienia RP do Traktatu Polnocnoatlantyckiego sporządzonego w Waszyngtone 4 kwietnia 1949 r. Warszawa, 26 lutego 1999 г. [Electronic resource]. – URL: http://www.zbiordokumentow.pl/1999/l_2/7.html (accessed: 15.01.2018).

²⁹² Wniosek Rady Rzeczypospolitej Polskiej o członkostwo Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej. Warszawa, 5 kwietnia 1994 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/2/1.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹³ Przygotowanie krajow stowarzyszonych Europy Srodkowej i Wschodniej do integracji z rynkiem wewnetrznym Unii Europejskiej. Cannes, 26–27 czerwca 1995 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1995/2/1.1.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹⁴ Wnioski Prezydencji Rady Europejskiej Luksemburg, 12–13 grudnia 1997 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1997/4/4.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹⁵ Wnioski Prezydencji Rady Europejskiej Luksemburg, 12–13 grudnia 1997 г. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1997/4/4.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹⁶ Принятое в Польше обозначение политических лидеров – выходцев из партийных и комсомольских структур времён Народной Польши, которые после демократической

преимущественно из «умеренно-центристского» крыла бывшего оппозиционного движения) не привела к каким-либо существенным изменениям во внешнеполитической линии, определённой в начале 1990-х гг. Так, по-прежнему рефреном звучала тема прямой связи между демократической трансформацией и вступлением страны в ЕС, что особо подчёркивал новый министр иностранных дел. Б. Геремек, открывая очередной этап переговоров с Брюсселем в марте 1998 г.²⁹⁷ В этот период, как верно отмечали отечественные исследователи, идея евроатлантической интеграций превращается в Третьей Речи Посполитой в «консенсусную, консолидирующую политическую элиту, и практически не зависит от смены кабинетов министров и расстановки сил в Сейме».²⁹⁸

В 1999 г. Комиссия Европейского Союза отметила существенный прогресс Польши на пути к вступлению в ЕС, а также особо подчеркнула, что в стране за годы реформ сложилась современная рыночная экономика²⁹⁹, что означало переход Республики Польша на следующий этап интеграции.

Третий этап евроатлантической интеграции можно отнести к периоду 1999–2004 гг. В это время Варшава окончательно утвердилась в качестве активного участника Североатлантического альянса и благополучно провела процедуру вступления в ЕС, завершив тем самым фундаментальный внешнеполитический разворот, начавшийся ещё в конце 1980-х гг.

В этот период важной проверкой на прочность атлантических устремлений Республики Польша стала военная операция НАТО против Югославии – близкой территориально и отчасти культурно Польше славянской страны. Несмотря на господство прозападной точки зрения в польских СМИ, отношение к операции «Союзная сила» в стране было неоднозначным. Так, не больше 40% поляков

трансформации заняли позиции в левой части политического спектра Третьей Речи Посполитой.

²⁹⁷ Wystąpienie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej Bronisława Geremka na otwarcie negocjacji Polski o członkostwo w Unii Europejskiej. Bruksela. 31 marca 1998 [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.p1/1998/1/2.html> (accessed: 15.01.2018).

²⁹⁸ Сергеев Д. В. Польша в системе европейской безопасности: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 21.09.2007. С. 78.

²⁹⁹ Шишелина Л. Н. Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России. М., 2006. С. 164.

считали, что авиаудары будут способствовать решению конфликта, в то время как около четверти граждан были убеждены в том, что операция НАТО, напротив, усугубит ситуацию в Югославии. При этом значительная часть населения (43%) считала, что прекращение бомбардировок должно предшествовать началу переговорного процесса западной коалиции с Белградом. В целом, общество почти поровну разделилось на тех, кто поддерживал удары (50%) и тех, кто выступал против (40%)³⁰⁰.

Несмотря на очевидный раскол общества по вопросу операции против Югославии, официальная Варшава полностью поддержала атлантическую линию и даже направила польский военный контингент в Косово и Албанию в рамках реализации «миротворческой миссии НАТО»³⁰¹. Неудивительно поэтому, что комментируя операцию Альянса, премьер Е. Бузек подчеркнул: «Я верю, что мы успешно сдали тест, который получили с самого начала нашего членства»³⁰².

Стоит отметить, что избранная Польшей линия безоговорочной поддержки НАТО существенно отличалась от более осторожной и умеренной позиции Чехии и Венгрии, двух других новых членов Альянса. Таким образом, только вступив в НАТО, Третья Речь Посполитая использовала первый же международный кризис с участием Альянса для того, чтобы заявить о себе в качестве главной «атлантической силы» Восточной Европы.

Вскоре Польше представилась дополнительная возможность продемонстрировать свою лояльность идеям атлантической солидарности, поучаствовав в операции в Афганистане. Первые польские военнослужащие стали прибывать в Кабул уже в январе 2002 г., а, расходы Варшавы на содержание экспедиционного корпуса в Афганистане в период с 2002 по 2008 гг., по

³⁰⁰ Kosowo – wojna w mediach I w opinii publicznej. Warszawa, 1999.

³⁰¹ Decision of the President of the Republic of Poland the Use in the Peace-keeping Mission in Albania of a Polish Army Unit as a Constituent Part of the North Atlantic Treaty Organization Forces. Warsaw, 14 April 1999 [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1999/2/7.html> (accessed: 15.01.2018).

³⁰² Wistapienie premiera Rzeczypospolitej Polskiej Jerzego Buzka podczas posiedzenia plenarnego Zgromadzenia Polnocnoatlantyckiego. Warszawa, 31 maja 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1999/2/8.html> (дата обращения – 30.01.2018).

подсчётам исследователей, составили порядка 350 млн долларов³⁰³. Лидеры Республики Польша были готовы платить столь высокую цену за то, чтобы доказать важность своей страны в рамках атлантического сообщества. В этом же контексте следует рассматривать и поддержку Польшей операции США и их союзников против Ирака. И хотя внутри НАТО из-за позиции таких важных участников Альянса, как Франция и Германия, произошёл раскол по иракскому вопросу, Польша отчётливо заявила о своей полной поддержке «атлантической солидарности» с США и их планов по переустройству Ближнего Востока.

Любопытно, что это произошло, несмотря на то, что столь безоговорочная поддержка политики США могла затормозить процесс включения Польши в ЕС, ведь Франция, выступившая в тот период лидером антивоенных сил в Старом Свете, по сообщениям прессы, недвусмысленно намекала польским лидерам на такие риски³⁰⁴. Однако эти угрозы Елисейского дворца так и не были реализованы, а соглашения по вопросу процедуры вступления Польши в ЕС, достигнутые в ходе переговоров в 2001 г. в Ницце, продолжали работать, несмотря на длительный и трудный переговорный процесс, проходивший между Варшавой и Брюсселем.

Состоявшийся летом 2003 г. общенациональный референдум, в ходе которого 77,4% принявших участие в голосовании поляков высказались за вступление страны в ЕС³⁰⁵, продемонстрировал, что, несмотря имеющиеся трения с европейскими соседями по актуальным внешнеполитическим вопросам, Республика Польша не намерена делать выбор между атлантическим и европейским вектором интеграции. Этот же принцип был зафиксирован в принятой 22 июля 2003 г. «Стратегии национальной безопасности Польши»³⁰⁶,

³⁰³ Буданова Д. С. Указ. Соч. С. 106.

³⁰⁴ Сысоев Г. То ли воля, то ли неволя // Коммерсант. 20.03.2003.

³⁰⁵ Польша: референдум о вступлении в ЕС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,835443,00.html> (дата обращения – 30.01.2018).

³⁰⁶ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/category/5-bezpieczenstwonarodowe?download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp> (accessed: 15.01.2018).

которая была дополнена новыми положениями в 2007 г.³⁰⁷ Даже в условиях дефицита взаимопонимания с Парижем и Берлином, вызванного иракским кризисом, польские общество и элита были последовательны в своём стремлении завершить внешнеполитическую переориентацию с Востока на Запад и привести страну не только в НАТО, но и в ЕС.

Более того, именно Варшава после своего вступления в эти организации стала главным лоббистом их дальнейшего расширения в восточном направлении: на страны бывшего социалистического лагеря (Словакию, Румынию, Болгарию и Словению) и даже на бывшие республики СССР (Литву, Латвию, Эстонию, Украину, Грузию и Молдавию). Признавая значительные усилия Варшавы на этом направлении, американский посол в Польше К. Хилл в 2002 г., обращаясь к потенциальным кандидатам на вступление в НАТО, советовал им тесно взаимодействовать с Варшавой³⁰⁸.

Разумеется, эта линия Республики Польша объясняется не альтруистическими стремлениями к расширению евроатлантического пространства, а пониманием того, что дальнейшее продвижение НАТО и ЕС на восток приведёт к тому, что Польша перестанет быть пограничным (периферийным) государством в обеих организациях и, напротив, превратится в часть его центрального ядра, способного оказывать экономическое и политическое влияние на своих «клиентов» с востока.

Необходимо отметить также, что евроатлантическая интеграция Польши сопровождалась широкими общественными дискуссиями в стране о содержании и темпах этого процесса. Так, экономическое измерение европейской интеграции

³⁰⁷ Примечательно, что в редакции стратегии 2007 г. появились положения, касающиеся рисков, связанных с усилением позиций России, в том числе на межрегиональном рынке энергетических ресурсов. См. Довжик Н. Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 91–98.

³⁰⁸ Годовщина вступления Польши, Чехии и Венгрии в НАТО. [Электронный ресурс]. – URL: www.svoboda.org/archive/n_world/0302/1.031202-3.asp (дата обращения – 30.01.2018).

потребовало от Польши многолетних усилий, которые вызывали острые дискуссии в обществе о цене, заплаченной за «европейский выбор»³⁰⁹.

Важнейшим моментом в обсуждении экономической интеграции стал 1997 г., когда была принята «Национальная стратегия интеграции»³¹⁰, а выпущенный в том же году анализ Европейской комиссии реформ в Польше подтвердил, что страна в целом обладает характеристиками современного демократического государства и стабильными институтами. Такая оценка давала Польше возможность начать переговоры с ЕС, однако, в документе обращалось внимание на то, что проблемным сектором для вхождения в экономику единой Европы может стать сельское хозяйство страны. Действительно, наиболее тяжёлый этап переговоров стартовал в 2000 г., когда предметом дискуссии Брюсселя и Варшавы стали аграрный сектор, охрана окружающей среды, свобода передвижения и покупка земли иностранцами.

И если у европейских экспертов наибольшее опасение вызывала низкая эффективность сельского хозяйства³¹¹, то в польском обществе существовали совсем другие озабоченности. Польские фермеры не только боялись, что не смогут выдержать конкуренции с западноевропейскими производителями, существовали также опасения потери контроля над имуществом, которое в период до Второй мировой войны принадлежало гражданам Германии, но впоследствии было у них отобрано. На рубеже 1990–2000-х гг. тема возможной «реституции» и судебных исков от граждан Германии и их потомков, изгнанных с

³⁰⁹ См. 10 lat członkostwa Polski w Unii Europejskiej, komunikat z badań. Warszawa, 2014. № 52. S. 4–15; Мещерякова О. М. Соотношение национального и наднационального моментов в Европейском Союзе и вопросы суверенитета государств-членов. М., 2008. 103 с.; Stawarska R. Wybrane efekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej w perspektywie makro- i mikroekonomiczne // Studia Europejskie / Centrum Europejskie Uniwersytetu Warszawskiego. 2001. № 2. S. 95–122.

³¹⁰ Narodowa strategia integracji / Komitet integracji europ. Warszawa, 1997.

³¹¹ В докладе особое внимание уделялось проблеме низкой эффективности польского сельского хозяйства, а также его несоответствия стандартам Евросоюза. Так, отмечалось, что в сельской местности проживает около 40% населения страны, а среднегодовой доход аграрного сектора в 7 раз ниже среднего показателя по ЕС, в сельском хозяйстве занято 26% работающих, а его доля в ВВП страны составляет при этом только 6%. Авторы доклада обращали внимание на то, что, только 20–25% хозяйств являются перспективными, а ликвидация бесперспективных может повлечь заметное общественное сопротивление и социальную дестабилизацию. В целом нелестные оценки получала и польская индустрия. Raport o stanie polskiego rolnictwa, VI / Dyr. Gen Komisji Europ. Bruksela, 1998.

присоединённых к Польше территорий, стала одной из ключевых в переговорах Варшавы, Берлина и Брюсселя³¹².

Кроме того, в польском социуме существовало опасение, что даже без судебных исков богатые немцы попросту скупят сельскохозяйственные земли у разоряющихся польских фермеров и экономическими методами вернут себе контроль над территориями, утраченными Германией после Второй мировой войны. Путём длительных переговоров и компромиссов эти проблемы были юридически урегулированы, а польское общество перестало опасаться утраты национального контроля над собственностью в западных воеводствах страны³¹³.

Компромисс с Германией стал важнейшим элементом, обеспечившим успешную европейскую интеграцию Польши. Как пишет об этом польский политолог Р. Зенба: «Дорога Польши в Евросоюз стала наконец открытой только во время берлинского саммита в марте 1999 г.»³¹⁴ В ходе этой встречи новый немецкий канцлер Г. Шрёдер сумел убедить коллег по Европейскому союзу в необходимости принятия долгосрочной программы по выделению многомиллиардной помощи будущим членам ЕС³¹⁵. Несмотря на то, что Польша, согласно решениям саммита, становилась одним из основных получателей дотаций из Брюсселя, польские эксперты и спустя несколько лет не прекращали беспокоиться о недостаточном учёте интересов Польши Евросоюзом: «...усилия по лоббированию польских интересов не принесли никаких позитивных результатов последние несколько лет. Наше отсутствие в Брюсселе и молчание в отношении процессов, происходящих в ЕС, не остаётся незамеченными другими игроками»³¹⁶.

Вместе с тем, предположения европейских чиновников во многом оправдались: хотя за первые восемь лет членства в ЕС польские фермеры

³¹² Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*, Warszawa, 2015, S. 165–168.

³¹³ Лыкошина Л. Польша в Европейском Союзе и Вишеградской группе / Вишеградская Европа. Приложение к журналу Современная Европа. 2012. № 4. С. 55.

³¹⁴ Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*. Warszawa, 2015. S. 160.

³¹⁵ Wrobel I. *Rezultaty Przewodnictwa Niemiec w Unii Europejskiej // Przegląd Zachodni*. 2000. № 4. S. 184–200.

³¹⁶ Molega-Zdziech M. *Polski lobbings w Unii Europejskiej – nadzieje i obawy / Polska w przededniu członkostwa w Unii Europejskiej*. Warszawa, 2002. S. 196.

получили в виде прямых дотаций 50 млрд злотых, продавать свою продукцию на рынке стали лишь около 800 тыс. хозяйств, оставшиеся 600 тыс. сами потребляли произведённые товары, а дотации рассматривали скорее как государственные субсидии³¹⁷.

Проблема европейской интеграции, однако, помимо экономической, имела в себе также и политико-культурную компоненту. Социологические опросы конца 1990-х – начала 2000-х гг. показывали, что даже среди сторонников сближения с ЕС большинство считало приоритетом именно экономическое направление. Так, торгово-экономическое сближение с Евросоюзом приветствовалось около 65% поляков, в то время как на политической и социальной интеграции настаивало лишь 44% и 40% соответственно, ещё менее популярной была идея культурного объединения с Европой – категорическими противниками этой идеи заявили себя 65% респондентов³¹⁸. На фоне всё более вероятных перспектив европейской интеграции в польском обществе нарастали дискуссии о роле страны в Европе и соотношении польской политической и культурной традиции с общеевропейскими процессами³¹⁹. В обществе сталкивались два мнения относительно места Польши и поляков среди других европейских народов.

Представители первого, такие как известный общественный деятель А. Радван-Рёренерф, были убеждены, что «Поляки всегда ощущали себя частью Европы, мы просто «вернулись» в неё после долгих лет отсутствия»³²⁰. А президент А. Квасьневский, в чьё правление произошло вхождение Польши в НАТО и ЕС, отмечал, что «в присоединении к Евросоюзу мы, поляки, видим исторический шанс для развития нашей страны и ее продвижения по пути цивилизации»³²¹. Другие же полагали, что Польша, пройдя сложный исторический путь, обладает совершенно уникальным опытом и ценностями, основанными на христианской вере и чувстве национальной гордости, которые имеют не так уж много общего с либеральными и секулярными ценностями,

³¹⁷ Новая Польша. 2011. № 4 (129). С. 11.

³¹⁸ Polska, Europa, Swiat Opinia publiczna w okresie integracji. Warszawa, 2005. S. 53.

³¹⁹ Kaminska J. Sila zmiany. Torun. 2014. 28–33.

³²⁰ Хабера А. О европейском патриотизме // Новая Польша. 2014. № 4 (162). С. 12.

господствующими в странах ЕС³²². Для таких людей «ЕС стал бюрократическим Левиафаном, лишённым демократической легитимности» и они остро чувствовали «опасность ослабления, либо утраты национальной идентичности в процессе интеграции, в рамках аморфной панъевропейской идентичности»³²³.

Относительно невысокие показатели развития Польши³²⁴ в сравнении с ведущими странами Западной Европы вызывали алармистские настроения у части общества и заставляли политиков искать способы взаимодействия с обеспокоенными группами граждан в рамках политического и электорального процессов³²⁵. Дебаты о скорости и принципах евроинтеграции не утихали в польском обществе с начала 1990-х гг. и были частью более широкой дискуссии по вопросу европейского единства, роли региональных и общеевропейских структур, а также двухсторонних отношений Республики Польша с европейскими соседями (в особенности – с Германией). В этих дискуссиях участвовали лидеры парламентских фракций, политических партий, руководители профсоюзных и общественных организаций, церковные деятели и публицисты. В обсуждение проблемы европейской интеграции было вовлечена вся политически активная часть польского общества³²⁶.

Анализ программ политических партий³²⁷ и содержания общественных дискуссий в Польше позволяет выделить три крупные общественно-политически группы по проблеме европейской интеграции.

Первых можно назвать «еврооптимистами». Сторонники данной позиции решительно выступали за скорейшее вступление страны в ЕС, настаивая на том,

³²¹ Квасьневский А. Открытая Европа // Россия в глобальной политике. 2004. № 4. С. 20.

³²² Leczczynski A. Mohery I lemingi. Dwa modele polskiej tozsamosci // Polska europejska czy narodowa? Redakcja M. Jarosz. Warszawa, 2014. S.79–88.

³²³ Balcer A. Woycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa, 2014. S. 126.

³²⁴ Например, в середине 1990-х гг. число граждан с полным высшим образованием составляет лишь около 7%. Подробнее см.. Przystapienie czy integracja? Polska droga do Unii Europejskiej (Accession or integration? Poland's road to the EU)/ red. Wojtyna A. // Warszawa, 1998.

³²⁵ Knyzewski K. Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej. Warszawa, 1998.

³²⁶ Polski system partyjny, Warszawa, Wydawnictwo naukowe PWN, 2006. 272 s.

³²⁷ Wybory 1991. programy partii i ugrupowan politycznych. Warszawa, ISP PAN, 2001. 306 s.; Wybory 1993. Partie i ich programy. Warszawa: ISP PAN, 2001. 499 s.; Wybory 1997. Partie

что у Польши нет разумной альтернативы членству в Евросоюзе, а присоединение Варшавы к европейским институтам принесёт огромные экономические, политические и социальные выгоды стране, обеспечив историческое воссоединение Польши и «европейской семьи народов». На политической арене эту позицию отстаивали основанный Т. Мазовецким либеральный Союз свободы (Unia Wolności), политическая элита социал-демократического Союзом демократических левых сил (Sojusz Lewicy Demokratycznej)³²⁸, левая партия Союз труда (Unia Pracy), а также часть правоцентристской коалиции «Солидарность» (Akcja Wyborcza «Solidarność»).

К сторонникам второго направления, которых можно условно назвать «прагматики» следует отнести политические группы, выступавшие за евроинтеграцию, но отмечавшие риски (экономические, политические и культурные) этого процесса. Так, например, «прагматики» считали, что вступление в ЕС несёт в себе определённую угрозу утраты национальной и религиозной идентичности, а также может привести к скупке польских земель иностранцами. Политические эти группы были представлены центристской Польской крестьянской партией (Polskie Stronnictwo Ludowe), крайне правыми партиями «Конфедерация независимой Польши» (Konfederacja Polski Niepodległej) и Движение за возрождение Польши (Ruch Odbudowy Polski). На позициях близким к «прагматикам» также стояли многие активисты клерикального Национал-христианского объединения (Zjednoczenie Chrześcijańsko-Narodowe).

К группе «евроскептиков» могут быть отнесены только принципиальные и последовательные противники членства Польши в ЕС, выступающие не против конкретных условий Брюсселя, а против самой идеи вступления страны в наднациональные объединения. Мотивы и аргументы представителей данной группы были различны: крайние националисты и католические фундаменталисты (такие как Национал-демократическая партия (Stronnictwo Narodowo-

i ich programy. Warszawa, ISP PAN, 2004. 280 s.; Wybory 2001. Partie i ich programy. Warszawa, ISP PAN, 2002. 250 s.

³²⁸ Данная коалиция была широким объединением «левых» партий и политическим преемником распущенной в 1990 г. ПОРП.

Demokratyczne) и Национальная партия (Stronnictwo Narodowe) считали саму идею объединенной Европы угрозой национальному суверенитету в его традиционном понимании. Кроме того, ЕС и леволиберальная идеология, ассоциировавшаяся с Брюсселем, символизировали для данной части «евроскептиков» моральное падение Европы и утрату христианской веры под натиском мондиалистских концепций. Представители левого крыла группы «евроскептиков» (например, «Самооборона» (Samoobrona Rzeczpospolitej Polskiej), поддерживая саму идею объединения Европы, выступали одновременно против рыночного и капиталистического проекта интеграции, каким им представлялся Евросоюз. Принципиально важно отметить, что в 1990-е гг. все названные группы имели скорее маргинальное значение, не оказывая существенного влияния на политику³²⁹.

Результаты голосования в Сейме хорошо иллюстрируют последний тезис. Так, например, в марте 1998 г. парламентом было принято постановление о степени готовности к вступлению к ЕС. За принятие постановления, отражающее в себе позиции умеренных еврооптимистов, было подано 335 голосов. Единогласно голосовали депутаты от Союза Свободы, Союза демократических левых сил и большинство представителей избирательной акции «Солидарности». Против голосовали только 33 депутата, 31 – от избирательной акции «Солидарности», 1 – от Польской крестьянской партии, 33 депутата воздержались (представители Польской крестьянской партии). В принятом постановлении подчёркивалось, что важным условием интеграции в ЕС, помимо институциональных реформ, является получение общественной поддержки идеи интеграции в польском обществе.

Несмотря на это, с парламентской трибуны даже со стороны «еврооптимистов» нередко звучали речи, в которых выражались сомнения относительно условий, поставленных европейскими чиновниками перед

³²⁹ Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z 23 września 1993 r. o wynikach wyborów do Senatu Rzeczypospolitej Polskiej przeprowadzonych 19 września 1993 r., Rzeczpospolita, 27 września 1993 r.; Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z dn. 25 IX 1997 r., Monitor Polski. № 64. Poz. 620.

Польшей. Так, например, с неоднократной критикой экономических условий интеграции выступали лидеры Союза демократических левых сил³³⁰. Это объясняется тем, что многие польские политики, даже поддерживая вступление своей страны в ЕС, опасались, что она не сможет занять там достойного места и станет членом Евросоюза «второй категории»³³¹.

Эти политические дебаты находили живой отклик в польском обществе. Накануне вступления страны в ЕС несколько независимых центров изучения общественного мнения постоянно проводили опросы, связанные с перспективой присоединения страны к Евросоюзу. Анализ результатов проводимых в тот период социологических исследований, позволяет выявить несколько закономерностей. Против интеграции страны в ЕС выступали, прежде всего, жители сельских регионов Польши, крестьяне и граждане с низкими доходами. Это приводило к определённой «региональному размежеванию» Польши по вопросу об интеграции. Наблюдения конца 1990-х–начала 2000-х гг. показывали, что наибольший процент сторонников вступления в ЕС был в более экономически развитых регионах запада и юго-запада Польши, граничащих с Германией и Чехией и имеющих с ними развитые экономические контакты. В то время как в большинстве депрессивных и аграрных регионов восточной части страны процент сторонников евроинтеграции редко превышал отметку в 50%³³².

Сторонниками интеграции в основном были молодые люди (до 24 лет), люди с высшим образованием, руководители, представители интеллектуальных профессий, бизнесмены, учащиеся и студенты. Детализированные опросы и анкетирование показали, что поляки, выступавшие за интеграцию с ЕС, в подавляющем большинстве руководствовались желанием скорее присоединиться к глобальному Западу, идеей мирной, безопасной Европы без границ, нежели реальными знаниями о проблемах ЕС и механизмах его работы. Из этого факта проистекали определённые противоречия. Например, даже среди еврооптимистов

³³⁰ Na jakich warunkach do Europy // Rzeczpospolita. 31.03.1998.

³³¹ Józwiak W. Polskie gospodarstwa zdolne do rozwoju // Postępy nauk rolniczych. 1998. № 3. S. 53.

³³² Na drodze do Unii Europejskiej. Komunikat z badań, Warszawa, 1999. S. 25.

поддержка разрешения иностранцам покупать землю и селиться на ней составляла только 26–28%³³³. Небезынтересно также, что в период с 1994 по 1999 гг. поддержка вступления страны в ЕС снизилась с 77% до 55% и оставалась примерно на этом уровне вплоть до присоединения Польши к Евросоюзу – в польском общественном мнении со второй половины 1990-х гг. не происходило серьёзных колебаний по проблеме евроинтеграции.

Можно сделать вывод, что на первоначальном этапе поляки склонны были высоко оценивать степень возможного влияния интеграции на своё общество и культуру. Например, в 1994 г. только 55% поляков были твёрдо уверены, что вступление в ЕС никак не повлияет на религиозность польского народа, а в 2003 г. определённо убежден в этом был уже 71% опрошенных. Схожую динамику демонстрировало отношение поляков и к «проблеме толерантности». Только 28% опрошенных в 1994 г. полагали, что уровень «терпимости к другим» в польском обществе никак не изменится из-за присоединения к ЕС, в 2003 г. эту позицию разделяли уже 39%. Ещё одним фактором, обеспечившим стабилизацию числа сторонников и противников интеграции, стало, по-видимому, изменение мнения поляков о европейцах и о степени различий между жителями ЕС и собой. Наиболее примечательными кажутся здесь изменения в представлениях от трудовой этике. В 1992 г. только 47% опрошенных поляков были уверены, что их среднестатистический соотечественник хороший работник (при этом целых 88% были убеждены, что среднестатистический европеец хорошо выполняет свою работу). К началу первого десятилетия XXI в. уже 64% опрошенных считали поляков хорошими работниками (европейцев – 79%)³³⁴.

При этом сравнение общественного мнения в странах Вишеградской группы, готовившихся к вступлению в ЕС, демонстрировало довольно высокий уровень еврооптимизма среди поляков. Так, опросы на протяжении 2000 г. показывали, что в Польше около 55% населения в целом положительно

³³³ Ocena niekturzych konsekwencji przystąpienia Polski do Unii Europejskiej. Komunikat z badan. W. 1996.

³³⁴ Polska, Europa, Swiat. Ss. 20, 36, 42.

относились к перспективе вступления в ЕС, в то время как в соседней Чехии таких было всего 45%³³⁵.

Итак, можно утверждать, что по вопросу интеграции в ЕС в Польше существовал консенсус элит и значительная поддержка внутри общества этого процесса. Большая часть населения и политической элиты, очевидно, была согласна со словами министра иностранных дел Б. Геремека, сказанными в преамбуле к декларации правительства в связи с началом переговоров по вопросу о вступлении в Евросоюз: «Польша приступает к переговорам, будучи убеждена, что членство в Европейском союзе – это самый правильный выбор с точки зрения безопасности государства, стабильности демократического устройства, укрепления основ быстрого и сбалансированного экономического развития и построения современного гражданского общества»³³⁶. Важно подчеркнуть, что смена правящих партий, министров иностранных дел и президентов не меняла последовательного курса Польши на вступление в ЕС. Даже возвращение «посткоммунистов» во власть во второй половине 1990-х гг. никак не затормозило этот процесс. Как замечал спустя много лет по этому поводу журналист леволиберальной «Газеты Выборчей» В. Радзивинич: «...когда пришел к власти, побеждая Валенсу, президент Квасьневский. И все ждали красного реванша. Оказалось, что это никакой не красный реванш, мы вошли в НАТО, в ЕС»³³⁷.

Основным мотивом сближения с Европой, вхождения в европейские институты, для подавляющего большинства «простых поляков» были экономические выгоды. Доля тех, кто считал ценностью политическую интеграцию, оставалась в польском обществе незначительной. Сохранение политической самостоятельности во внутренних вопросах, отстаивание польской культурной идентичности, сохранение традиционных католических ценностей –

³³⁵ *Ib.* S. 20.

³³⁶ *Gazeta Wyborcza*. W. 31.03.1998. S. 1.

³³⁷ Эхо Москвы [Электронный ресурс]. – Особое мнение Вацлава Радзивинича. URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1688602-echo/> (дата обращения: 30.01.2018).

всё это было приоритетом даже для тех социальных групп, кто в целом положительно относился к европейскому вектору интеграции.

При этом на протяжении 1990-х – 2000-х гг. польское общество стало более спокойно относиться к проблеме интеграции. Присоединение к ЕС постепенно перестало рассматриваться как панацея от всех социально-экономических проблем и как полный отказ от национальной идентичности. Произошла постепенная рационализация представлений поляков о себе и своём месте в Европе и мире, а в обществе к началу 2000-х гг. возобладал умеренный еврооптимизм.

Параллельно с дискуссиями о принципах и темпах евроинтеграции в Польше в 1990-е гг. шло обсуждение вопроса вступления страны в Североатлантический альянс. При этом внутри политической элиты Третьей Речи Посполитой поддержка интеграции в НАТО была не ниже, а, вероятно, и выше, чем среди общества в целом. Подавляющее большинство политических лидеров и экспертов выступали сторонниками сближения с Североатлантическим альянсом. Как отмечал в связи с этим Р. Земба: «В польских политических элитах и обществе глубоко укоренилось мнение, что Польше угрожал СССР, а затем Россия, которая хотела удержать её в своей зоне влияния. В начале процесса трансформации в Польше не было сформулировано какой-либо реальной внешнеполитической концепции, кроме прозападной...Элиты были убеждены в существовании потенциальной военной угрозы с Востока и поэтому искали «твёрдых» гарантий безопасности»³³⁸.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что внутри политической элиты Польши поддержка интеграции в НАТО была не ниже, а, вероятно, и выше, чем среди общества в целом. Противниками польского вступления в НАТО были в основном маргинальные партии, такие как упомянутая выше в контексте евроскептицизма «Самооборона», не пользовавшиеся серьёзной электоральной поддержкой и не оказывавшие влияния на формирование внешнеполитического курса правительства. При этом все крупнейшие партии от левого Союза

³³⁸ Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*, Warszawa, 2015, S. 43.

демократических левых сил до консервативного Национал-христианского объединения были солидарны в том, что касалось целесообразности интеграции Польши в структуры НАТО.

Одним из немногих представителя правившей части политической элиты, выступившим против курса на атлантическую интеграцию, был уже упомянутый в первой главе П. Колодзейчик, беспартийный министр обороны в правительстве К. Мазовецкого, предложивший в конце весны 1991 г. рассмотреть возможность установления нейтрального статуса демократической Польши³³⁹. Впрочем, эта инициатива по «финляндизации» Республики Польша не получила развития, а сам министр вскоре вступил в конфликт с президентом Л. Валенсой и был вынужден покинуть свой пост.

Поскольку страна имела длительный опыт нахождения и активного участия в деятельности военно-политического блока³⁴⁰, сам факт нахождения в составе блока не был для польского общества и элиты чем-либо непривычным или непонятным. НАТО, однако, воспринималось, прежде всего, как организация, в которой ведущую роль играют Соединённые Штаты. А к США в польском обществе были большие симпатии, связанные как с историческим опытом, так и с надеждой на американскую помощь. Президент А. Квасьневский так говорил о проамериканских симпатиях поляков: «Отношения Польши с Соединенными Штатами строятся на солидном историческом фундаменте. Более 10 миллионов американцев имеют польские корни, а это значит, что между нами существует прочная эмоциональная связь. Америка помогла Польше в самое трудное время, когда нашу страну стерли с карты Европы. Позиция, занятая в начале XX века президентом США Вудро Вильсоном, помогла нам вновь обрести независимость. И в последние десятилетия Соединенные Штаты решительно поддерживали стремление Варшавы к полному суверенитету»³⁴¹.

³³⁹ Rzeczpospolita. 29.03.1991.

³⁴⁰ С 1955 г. по 1991 г. страна была членом Организации Варшавского договора. См. подробнее о польском участии в ОВД Kajetanowicz J. *Polskie wojska operacyjne w systemie bezpieczeństwa państwa w latach 1955–1975*, Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej, 2008.

³⁴¹ Квасьневский А. *Открытая Европа // Россия в глобальной политике*. 2004. № 4. С. 21.

Данные социологических опросов подтверждали правоту слов А. Квасьневского, фиксируя положительное отношение поляков к американцам как таковым. Например, замеры, проведённые в 1993–99 гг. демонстрировали, что рейтинг симпатии к американцам и США был стабильно выше 50%, а порой и приближался к 70%. Неприязнь же к американцам на протяжении многих лет наблюдений декларировали не больше 10% граждан Польши. Эти цифры тем более впечатляют, что к другим странам и народам поляки испытывали куда меньше симпатии: как к представителям Западной Европы – немцам, австрийцам, англичанам (положительно к ним относилось лишь около 40% поляков), так и народам Центральной и Восточной Европы. Примечательно, что особенно неприязненно поляки относились к своим бывшим союзникам по Варшавскому договору – антирейтинг Румынии и Болгарии достигал порой 55–60%³⁴². После краха биполярного мира и общего триумфа США поляки симпатизировали победителям и были негативно настроены к тем, с кем они были в союзе предыдущие 45 лет³⁴³.

В связи с этим стоит обратить внимание на существовавшее в тот момент в польском обществе отношение к новой России. Проведённые в 1993–99 гг. социологические опросы фиксировали, что не более 15% поляков симпатизировали восточному соседу. При этом о своих негативных чувствах к России и русским постоянно заявляли около 60–65% опрошенных. В тот период с меньшей симпатией, чем к русским, поляки относились только к китайцам и цыганам, антирейтинг которых достигал 70% и 75% соответственно. Таким образом, демократический преобразования и добровольный вывод войск, размещавшихся на территории Польши со времён Второй мировой войны, никак не поспособствовали росту симпатий к России в польском обществе. «Российский фактор» вообще можно рассматривать как определяющий для мотивации поддержки польским общественным мнением вступления страны в НАТО. Социологи фиксировали, что на протяжении всех 1990-х гг. польское общество

³⁴² Polska, Europa, Swiat 88–89.

было убеждено, что в перспективе ближайших 5–10 лет Россия активизируется в Восточной Европе и будет пытаться оказывать давление на страны этого региона: так полагало от 40% в 1993 г. до 70% в 1996 г.³⁴⁴

Вероятно, всплеск антироссийских настроений был связан с началом противостояния федеральных сил и чеченских сепаратистов на Северном Кавказе, к которым многие в Польше относились, как к «борцам за независимость»³⁴⁵. В пользу данного тезиса можно привести и ещё одно наблюдение: если в опросе 1994 г. сторонникам вступления в НАТО себя заявили несколько менее 75% респондентов, то в 1995 г. таких уже было более 80%. Наивысшую поддержку идея присоединения к НАТО приобрела летом 1996 г.³⁴⁶ – 83% поляков высказывались за скорейшую атлантическую интеграцию. В этот же момент наименьшей поддержкой пользовалась антинатовская позиция – всего 7% опрошенных выступали последовательными противниками сближения с Альянсом. В дальнейшем, когда как острота конфликта на Северном Кавказе временно снизилась (после заключения т.н. Хасавьюртовских соглашений в августе 1996 г.) и новости о нём, очевидно, стали занимать меньше места в информационном поле, цифра сторонников вступления в НАТО вновь стабилизировалась на отметке чуть менее 80%³⁴⁷.

Хотя политические объединения, выступавшие против атлантического вектора интеграции Польши, не пользовались общественной поддержкой, в среде экспертного сообщества Республики Польша было некоторое количество аналитиков, выражавших определённые сомнения в безальтернативно атлантической линии Варшавы. Например, известных польский русист

³⁴³ Кулеса Л. Досье по системе противоракетной обороны. Польская перспектива // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2007. № 2. С. 91–104.

³⁴⁴ Polska, Europa, Swiat 89, 64.

³⁴⁵ См. Bielecki T., Rosyjscy obrońcy praw człowieka protestują przeciw tajnej dyrektywie MSW // Gazeta Wyborcza. 08.06.2005.

³⁴⁶ Нельзя не отметить, что это время наиболее острой фазы операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике и советующего информационного фона в польских СМИ.

³⁴⁷ Polska, Europa, Swiat, S. 67.

А. Дравич³⁴⁸, служивший несколько лет внешнеполитическим советником премьера социал-демократа Ю. Олексы (1995–1996), полагал, что демократическая Польша в своём стремлении интегрироваться в западноевропейские структуры любым путём совершает крупную стратегическую ошибку, следствием чего станет неизбежное похолодание российско-польских отношений. А. Дравич считал, что вероятное ухудшение российско-польских отношений связано с позицией Варшавы, которая не учитывает естественные беспокойности России относительно расширения НАТО. Позицию А. Дравича на определённом этапе стал осторожно поддерживать министр иностранных дел А. Олеховский, заявивший в 1994 г.: «Мы стоим перед историческим шансом. Россия может стать членом семьи демократических государств. Было бы роковым историческим недоразумением, если бы на дороге к этому каким-либо образом встала Польша. Принятие Польши в НАТО сейчас и так невозможно. Из соображений тактических, оно не было бы правильным, потому, что могло бы вызвать в России чувство изоляции»³⁴⁹.

Примечательно, что сторонники учёта мнения Москвы отнюдь не были противниками «европейского выбора» Польши, но считали, что она должна пойти по этому пути аккуратно и вместе с Россией. Как вспоминал известный польский учёный-гуманитарий и ученик А. Дравича Г. Пшебинда: «Основой размышлений Дравича о России всегда была мысль, что «русские-то же европейцы». Не все у нас понимали это, а многие и до сих пор не понимают, слишком часто отождествляя такую точку зрения с прокоммунистическими и великорусскими симпатиями»³⁵⁰.

Впрочем, к 1995 г. на фоне обострившейся ситуации в Чечне и росту подозрительного отношения к России в связи с этим последние противники атлантической интеграции и сторонники компромисса с Россией были вынуждены признать своё поражение. Тот же Д. Дравич констатировал в связи с

³⁴⁸ См. Rosyjskie ślady Andrzeja Drawicza: materiały z sympozjum. Opole: Wydawnictwo UO, 1999.

³⁴⁹ Dziennik Liberalny. № 1255. 6 stycznia 1994.

этим, что «в результате перемен последних лет Польша и Россия действительно оказались в схожем – переходном – положении. Однако это не только не способствовало их сближению, но, напротив, ещё больше отдалило»³⁵¹. Одновременно с этим на посту главы польского внешнеполитического ведомства А. Олеховского сменили сторонники более активных контактов с НАТО В. Бартошевский и Д. Росати.

Таким образом, а отличие от процесса вхождения в Европейский Союз, процесс интеграции в НАТО не вызывал столь заметных дискуссий в польском обществе. Это может быть объяснено тем, что НАТО – прежде всего военно-политическая организация, которая в силу самой природы военных блоков не оказывает столь серьёзного влияния на экономическую, социальную, политическую или культурную жизнь интегрируемого общества, как это делает Европейский союз.

С другой стороны, внутри польского общества не было сколько-нибудь серьёзного противодействия процессу атлантической интеграции. Абсолютное большинство граждан Республики Польша на протяжении 1990-х гг. поддерживали атлантические устремления своих лидеров. Во многом это объясняется популярностью идее сближения с США, которые пользовались большим авторитетом в польском обществе. Другим объяснением служат существовавшие в Польше опасения относительно возможного возрождения российского влияния в Восточной Европе.

Итак, европейский и атлантический вектор на всех этапах интеграции Польши дополняли друг друга и рассматривались политическим классом Третьей Речи Посполитой, как часть единого процесса внешнеполитической переориентации страны с Востока на Запад, а идея институционального закрепления смены внешнеполитической идентичности в виде членства в НАТО и

³⁵⁰ Пшебинда Г. Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше, М. 2013. С. 18–19.

³⁵¹ Drawicz A. Przewartościowania w stosunkach polsko-rosyjskich // Polska – Rosja – czas przewartościowań. Warszawa, 1995. S. 10.

ЕС первоначально исходила из Варшавы, а не из западных столиц, которые, напротив, на определённых этапах пытались снизить скорость этого процесса.

В польском обществе существовала широкая проевропейская коалиция. Имевшие место в 1990-х гг. колебания общественного мнения и снижение доли еврооптимистов в польском обществе к концу десятилетия объясняется не разочарованием в европейской идее, а корректировкой чрезмерно восторженного к ней отношения, которое было характерно для первой половины этого периода.

Вхождение в европейские институты для подавляющего большинства поляков было привлекательным, прежде всего, по причине ожидаемых экономических выгод, но определённую роль играли также идеалистические устремления. Сохранение политической самостоятельности и польской культурной самобытности оставалось приоритетом даже для тех социальных групп, кто в целом положительно относился к европейскому вектору интеграции.

При этом вопрос о вступлении в НАТО вызывал значительно меньше дискуссий, чем проблема европейской интеграции поскольку поляки не видели в военном альянсе угрозы для своей экономической и культурной независимости. Отсутствие серьёзного политического противодействия атлантической интеграции способствовало два основных фактора: высокая поддержка Соединённых Штатов (политики сближения с ними) в польском обществе и опасение возрождения российского влияния в Польше и регионе Восточной Европы. Стоит отметить, что даже наиболее консервативные, часто религиозные и националистические круги в Польше, выступавшие в авангарде евроскептицизма, в основном были последовательными сторонниками сближения с НАТО.

Примечательно, что в руководстве страны, несмотря на довольно частую смену кабинетов и даже приход к власти в стране «посткоммунистов» в середине 1990-х гг., всегда доминировали сторонники европейской интеграции. Курс на вхождение в НАТО и ЕС был частью широкого политического консенсуса Третьей Речи Посполитой, что позволило постсоциалистической Польше всего за полтора десятилетия полностью переориентироваться на международной арене и

стать первым (вместе с Венгрией) государством бывшего восточного блока, присоединившимся к западным глобальным проектам.

2.2. Фактор «исторической памяти» в процессе формирования внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой

Конструирование и тиражирование после 1989 г. определённых исторических представлений было необходимо для формирования нового международного позиционирования Польши и, если говорить шире, для выстраивания новой идентичности Польского государства и поляков. Как писал об этом российский исследователь А. Васильев: «Между памятью и идентичностью существуют отношения взаимозависимости. Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью. Память же в свою очередь зависит от присвоенной себе идентичности»³⁵².

Действительно, многие польские исследователи, признавая большую роль «исторической политики» в значимых социальных процессах, протекающих в большинстве современных государств³⁵³, также подчёркивали, что в Польше она приобрела совершенно особые формы и степень политической значимости. Как писал в 2008 г. по этому поводу известный историк А. Фришке: «Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая – идёт настоящая война за память!»³⁵⁴. Конечно, во всех современных обществах формирование политической повестки происходит при участии большого количества заинтересованных групп³⁵⁵, которые пытаются апеллировать к общественному мнению и стремятся использовать в своих интересах «историческую память» и

³⁵² Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М., 2012. С. 16.

³⁵³ Wielkie rocznice w dyskursie publicznym i pamięci społecznej, Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM. Poznań, 2011.

³⁵⁴ Friszke A. Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza. 14 czerwca 2008.

³⁵⁵ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 220–235; Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М., 2014. С. 126–139.

представления граждан об исторически сложившихся политических приоритетах³⁵⁶. Однако в Третьей Речи Посполитой историческая проблематика заняла одно из центральных мест в политических дискуссиях, что, вероятно, связано с особенностями польской национальной истории и политической культурой страны в целом.

Так, в отличие от большинства европейских стран, Польша успела побывать одновременно и империей, осуществлявшей интенсивное расширение в XVI–XVII вв., и страной – жертвой экспансии соседей, приведшей к уничтожению государственности в конце XVIII в. Это привнесло некоторую двойственность в польское историческое сознание, что повлияло на формирование внешнеполитического курса Республики Польша: скрытая мессианская идея по отношению к территориям бывшей Речи Посполитой³⁵⁷ сочеталась с постоянным страхом внешней угрозы, ещё более усугублённым трагическим опытом середины XX в. Например, рассуждая о кризисе на Украине 2013–2014 гг. польский общественный деятель и в прошлом сотрудник знаменитой парижской «Культуры»³⁵⁸ Е. Помяновский отмечал: «Если мы позволим Украине остаться в одиночестве, обрекая её тем самым на милость или немилость огромного соседа, то в силу естественных обстоятельств это станет для Польши возобновлением старой геополитической ситуации. А для России? Стимулом к проведению имперской политики...»³⁵⁹.

Повторявшиеся разделы³⁶⁰ стали глубокой «исторической травмой»³⁶¹ польского национального сознания и привели к формированию у многих

³⁵⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8–25.

³⁵⁷ Czapliński P. Nowoczesność i sarmatyzm. Poznań, 2011.

³⁵⁸ «Культура» – издававшийся в Париже в 1947–2000 гг. польский общественно-политический журнал. Основателем и редактором издания был Е. Гедройц, один из авторов геополитической концепции «Новой восточной политики Польши».

³⁵⁹ Помяновский Е. Юзефчук Г. От Люблина до Украины недалеко // Новая Польша. 2014. № 4. С. 38.

³⁶⁰ Польское государство за последние 250 лет не менее шести раз становилось жертвой разделов или случаев определения границ и внутреннего устройства страны без учёта её позиции: три раздела в XVIII в., Венский конгресс 1815 г., Советско-германский договор 1939 г., решения Большой Тройки в Ялте и Потсдаме в 1945 г.

³⁶¹ Trauma and Cinema: Cross-Cultural Explorations / ed. by E. A. Kaplan. Hong Kong, 2008.

политиков и интеллектуалов специфического взгляда на роль Польши в мире и в Европе. Размышляя об этом, культуролог Е. Доманьска, с горечью замечает, что «категория «жертвы» – ключевая концепция для понимания польского подхода к польской истории»³⁶². В силу давления этого негативного опыта нормой для элиты Третьей Речи Посполитой стало гипертрофированное внимание к любым потенциальным внешнеполитическим рискам для страны. Кроме того, опыт разделов привил польскому обществу особенно трепетное отношение к своей национальной государственности и готовность мобилизоваться и забыть о внутренних противоречиях в случае внешних вызовов польскому суверенитету.

Наряду с памятью о разделах не меньшее влияние оказывал и польский исторический опыт, связанный с борьбой за суверенитет – опыт многочисленных восстаний, которые занимают совершенно особое место в исторической памяти поляков³⁶³. В центре этого своеобразного «нарратива восстания» находятся такие события, как Восстание Костюшко³⁶⁴ (1794), Январское восстание³⁶⁵ (1863-1864) и Варшавское восстание³⁶⁶ (1944). Примечательно, что все эти выступления окончились полным провалом и существуют серьёзные основания предполагать, что их организаторы в целом догадывались о бесперспективности своих начинаний. Впрочем, это не заставило предводителей восстаний поступить «рационально» и отказаться от безнадёжного дела. Кроме того, многие лидеры этих исторических восстаний безосновательно рассчитывали на внешнюю поддержку своих действий и привлечение внимания мировых держав к судьбе Польши, которые в действительности оставались равнодушны к проблемам поляков. Несмотря на это, восстания значительной частью поляков (и в первую

³⁶² Domańska E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) / Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond. Brussels, 2000. P. 257.

³⁶³ См. Миллер А. Историческая память в Польше. Почему в XIX веке многие считали польские восстания против Российской империи безрассудными, а в XX и XXI веке — только героическими. [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1336> (дата обращения: 30.01.2018).

³⁶⁴ Szyndler B. Powstanie kościuszkowskie 1794. Warszawa, 1994.

³⁶⁵ Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Макаров Н.А., М., 2014.

очередь романтиками-националистами) стали восприниматься как своеобразный пример для подражания и образчик национального героизма³⁶⁷. Даже в преамбуле к Конституции 1997 г., чьё принятие обозначило завершение процесса «системной трансформации» и окончательное преобразование Народной Польши в Третью Речью Посполитую³⁶⁸, говорилось не только об исторической преемственности нового государства с Первой и Второй Речью Посполитой и «горьком опыте того времени, когда...нарушались основные права и свободы человека», но также отдельно упоминалась благодарность «предкам...за борьбу за независимость, стоившую огромных жертв». Эти факты позволяют по-новому взглянуть и на внешне «безрассудные» действия Польши на международной арене после 1989 г. в периоды нахождения у власти национал-консерваторов с их «романтическими» представлениями о месте Польши в Европе и настойчивыми попытками противостоять державам³⁶⁹, которые по своему экономическому и политическому потенциалу и влиянию значительно превосходят Польшу.

Другой особенностью польской национальной истории, повлиявшей на формирование её внешнеполитической линии, является то, что поляки – единственный славянский народ (кроме русских), сумевший к началу XVI в. сохранить собственное государство и создать самобытную «высокую» европейскую культуру, предмет национальной гордости и повод с презрением относиться к «завоевателям с Востока», т. е. к русским³⁷⁰. Важно отметить, что

³⁶⁶ Носкова А.Н. Варшавское восстание 1944 г.: замыслы и результаты // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Воронеж, 2015. С. 133-145

³⁶⁷ «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/> (дата обращения – 30.01.2018).

³⁶⁸ Медушевский А.Н. Указ соч. С. 247-249, 265-273.

³⁶⁹ Офицеров-Бельский Д. Польский бунт и будущее Евросоюза. [Электронный ресурс]. – URL: [http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/polskiy-bunt-i-budushchee-evrosoyuz/?sphrase_id=9651654/](http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/polskiy-bunt-i-budushchee-evrosoyuz/) (дата обращения – 30.01.2018).

³⁷⁰ Выдающийся польский историк Ч. Милош так описывал впечатление, которое на «культурных поляков» производили русские ещё в XVI в.: «Московия – это варвары, с которыми вели войны на периферии, как и с татарами, и особенно ими не интересовались, в польской словесности чаще можно встретить характеристики венгров, немцев, французов и итальянцев, нежели упоминания о подданных царя». Кроме того, поляки, по мнению Ч. Милоша, «чувствовали свое превосходство (над русскими) благодаря католической традиции и принадлежности к Западу». Miłosz C. Rodzinna Europa, Paryż, 1959. S. 108–112.

разделы XVIII в. не лишили Польшу политической и культурной элиты (аристократии, высшего духовенства, интеллигенции), которая имела постоянное представительство среди высших слоёв Российской империи, а отчасти и в монархии Габсбургов. Поляки поэтому всегда сохраняли европейскую политическую традицию, достаточно высокий уровень культуры управления, а польская элита имела глобальное видение положения в Европе, что и стало существенным отличием Третьей Речи Посполитой от других государств региона.

Принимая во внимание такой историко-культурный фон, евроатлантическая интеграция после 1989 г. явилась не просто политическим движением в сторону сближения со странами Западной Европы и США, но восстановлением, с точки зрения польской элиты, «исторической справедливости» – возвращением Польши в её «естественное» положение важного участника европейского политического процесса. Стоит согласиться с польским исследователем Р. Зембой, который в связи с этим отмечает, что уже в 1991–1992 гг. были сформулированы основные приоритеты польской внешней политики: «Главная концепция западного вектора политики заключалась в «возвращении Польши в Европу» и опиралась на тезис о принадлежности Польши к западной цивилизации³⁷¹. Как представляется, совокупность этих специфических черт оказала существенное влияние на формирование основных международных приоритетов Республики Польша, а также методов их реализации. Внешняя политика Варшавы в этот период в значительной мере определялась историческими страхами (утрата независимости, антипольский «сговор» мощных соседей, прежде всего – русских) и надеждами (возрождение страны как значимой европейской державы, играющей важную роль в своей части континента). Как писал по этому поводу учёный-международник, а в прошлом министр иностранных дел А. Ротфельд: «... разделы создали в мышлении поляков уверенность в том, что в вопросе дальнейшего существования решающую роль играет сила. А такой силой обладает Россия. Одновременно поляки испытывают по отношению к русским манию величия.

³⁷¹ Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*. Warszawa, 2015. S. 27.

Поляки считают, что Польша принадлежит западному миру, вышла из греко-римско-иудео-христианской традиции»³⁷².

Говоря о влиянии истории на политику Республики Польша, стоит обратить внимание на тот факт, что внутри польского научного сообщества до настоящего времени не сформировалось единого мнения о самом содержании термина «историческая политика». Так, некоторые считают, что польская «историческая политика» – всего лишь продолжение немецкого дискурса и простой перевод термина «Geschichtspolitik». Другие полагают, что «историческая политика» в Польше – это один из специфических для Третьей Речи Посполитой механизмов государственной пропаганды, направленной на формирование у граждан особой «исторической памяти» в целях закрепления определённых форм национальной идентичности и легитимизации власти и всей созданной после ликвидации ПНР политической системы в глазах общества³⁷³.

Поскольку существование политического сообщества без «коллективной памяти» о значимых событиях практически невозможно, а государство заинтересовано в формировании определённого набора представлений о прошлом, власти любой страны в той или иной форме проводят «историческую политику» или «политику памяти».³⁷⁴ Однако в зависимости от конкретных обстоятельств (характер политического режима, степень плюрализма в обществе, культурно-образовательный уровень населения и т.д.) влияние государственной «исторической политики» на граждан и на политический процесс существенно различается. В Республике Польша значение «исторической политики» для государства и общества имеет тенденцию к увеличению: история и память о ней постепенно стали как бы «второй религией» для польского общества и

³⁷² Polskatimes: Adam Rotfeld: Nadal boimy się Rosji. [Electronic resource]. – URL: <http://www.polskatimes.pl/artukul/334226,adam-rotfeld-nadal-boimy-sie-rosji,id,t.html>: (accessed: 15.01.2018).

³⁷³ Olszewski, E. Polityka historyczna w procesie przemian społeczno-politycznych w Polsce /E. Olszewski // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 1. Kraków, 2014.S. 77–79.

³⁷⁴ Вяземский Е. Е. Историческая политика и историческое образование // История и политика в современном мире. Материалы международной научной конференции. (МГГУ им. М. А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г.). М., 2010. С. 13–33.

государства. Это стало особенно заметным в середине 2000-х гг., в период правления партии «Право и справедливость», реализовавшей целый ряд инициатив в целях формирования новой «коллективной памяти» нации³⁷⁵, призванной объяснить обществу специфику исторического пути, пройденного Польшей и актуальные задачи её внешней и внутренней политики. Как достаточно откровенно заявил по этому поводу в 2008 г. министр культуры Б. Здроевский, комментируя государственные задачи в области «исторической политики»: «Наша задача – оберегать национальную память и позаботиться о ней и связанных с ней символах, а также научиться излагать польскую историю современным и привлекательным языком. Дадим, наконец, возможность Европе и миру понять нас!»³⁷⁶.

Рассматривая эту проблему, необходимо также упомянуть и такой важный элемент польской «исторической политики» как концепция «Востока Центральной Европы». Как тонко подметил известный российский историк и культуролог, специалист в области «исторической памяти» А. Миллер, данная концепция, прежде всего, была выдвинута элитой Третьей Речи Посполитой с целью дистанцирования от цивилизационно непривлекательного образа «Восточной Европы»³⁷⁷ и акцентирования (или конструирования?) своей новой – центрально-европейской – идентичности, а также продвижения идеи общности исторических судеб стран региона, включая, разумеется, Литву, Украину и Белоруссию³⁷⁸.

Говоря о факторе «исторической памяти» во внешней политике Республики Польша следует рассмотреть два аспекта его применения: внешний,

³⁷⁵ Нора П. Озуф М. де Пюимеж Ж. Проблематика мест памяти // Франция-память. М., 1999. С. 17–50.

³⁷⁶ Zdrojewski В. Dajmy Polakom być dumnymi ze swojej historii / Gazeta Wyborcza. 14 listopada 2008.

³⁷⁷ Миллер А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001.

³⁷⁸ Данная концепция на протяжении многих лет разрабатывалась и популяризировалась известным польским историком Е. Клочковским, прямо заявлявшим, что она должна оказывать влияние на современную политику. См.: Historia Europy Srodkowo-Wschodniej. Т. 1 / Red. J. Kloczowski. Instytut Europy Srodkowo-Wschodniej, Lublin, 2000.

ориентированный на другие государства, и внутренний, направленный на само польское общество с целью формирования в нём выгодных властям представлений по внешнеполитическим проблемам. Относительно первого стоит отметить, что центральное место в нём занимает представление о Польше как о безусловной жертве Второй мировой войны, которая подверглась удару сразу с трёх направлений: со стороны нацистской Германии, сталинского СССР, и даже западных союзников, неоднократно «предававших» польские интересы в ходе войны. Исходя из этих представлений, руководство Третьей Речи Посполитой пыталось использовать фактор «исторической памяти» для усиления своих переговорных позиций по всем основным внешнеполитическим направлениям. Так, в отношениях с Германией польская сторона (особенно в период правления братьев Л. и Я. Качиньских) использовала тему ответственности немцев за агрессию против Польши с целью добиться от Берлина уступок по актуальным европейским проблемам³⁷⁹. Например, в ходе напряжённых переговоров с Германией о распределении голосов в Совете ЕС Л. Качиньский, настаивая на увеличении польской квоты, заявлял: «Мы требуем только одного: вернуть себе то, что у нас отняли. Если бы Польше не пришлось пережить 1939–45 годы, то, по расчетам демографов, ее население было бы около 66 млн. человек»³⁸⁰.

В переговорах с Россией с начала 1990-х гг. польскими представителями также постоянно поднималась проблема «трудных исторических вопросов», включавших в себя обсуждение советско-германского договора 1939 г., Катынского расстрела и т. д. Нельзя не согласиться с известным российским историком-полонистом Н. Бухариным, который писал по этому поводу: «...польская элита продолжает смотреть на дальнейшее развитие взаимных отношений преимущественно через призму прошлого, прежде всего советско-польских отношений межвоенного времени, кануна и периода Второй мировой

³⁷⁹ Sus M. Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech [Electronic resource]. – URL: <http://www.polska-niemcy-interakcje.pl/articles/show/42> (accessed: 15.01.2018); Quatremer J. Lech Kaczyński, mort d'un nationaliste réactionnaire. Liberation 13 avril 2010.

³⁸⁰ Русская служба BBC [Электронный ресурс]: ЕС: поляки припомнили немцам войну URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_6230000/6230238.stm (дата обращения: 30.01.2018).

войны. Она хотела бы, чтобы новая официальная Россия покаялась за ту политику, которую в отношении Польши и польского народа проводил в тот период И. Сталин. По мнению польской элиты, это создало бы оптимальную основу для примирения между поляками и россиянами, для дальнейшего беспрепятственного развития взаимных отношений. Однако российская сторона с самого начала отвергла концепцию необходимости декларирования российско-польского примирения, предложенную поляками по аналогии с немецко-польским примирением. Москва не могла согласиться на то, чтобы тем самым был поставлен знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией, между сталинскими репрессиями и фашистскими преступлениями»³⁸¹.

Западноевропейским государствам и США лидеры Польши в рамках реализации принципов «исторической политики» пытались напомнить об их «моральной ответственности» за то, что Польше не была оказана достаточная поддержка, когда она подверглась нападению нацистского Рейха в сентябре 1939 г., а также за то, что по итогам Второй мировой войны страна оказалась в советской зоне влияния. Существующая в Третьей Речи Посполитой традиция «упрёков Западу» за равнодушное отношение к польским трагедиям имеет длительную историю. Ещё в период Первой мировой войны польский общественный деятель К. Гурский возмущался отношением западноевропейских стран к судьбе Польши: «Франция, связанная союзом с Россией, и, тем более, Англия не отдавали себе отчёта о значении польского вопроса для Европы. Стотридцатилетняя зависимость Польши отучила народы Западной Европы считать с ней и с необходимостью её возрождения»³⁸².

Реальная политическая практика показала, что возможности Республики Польша по использованию «исторической политики» для давления на своих партнёров весьма ограничены. Хотя Германия как страна, проигравшая Вторую мировую войну и признающая ответственность немецкого народа за совершённые

³⁸¹ Бухарин Н. И. Россия – Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. СПб., 2013. С. 22.

³⁸² Цит. по Щепана-Войнарская А. М. Перед лицом союзника-врага // Новая Польша. 2014. № 10. С. 10.

в период национал-социалистической диктатуры преступления, никогда не отрицала моральной правоты Польши, Берлин всё же не был готов рассматривать историю как аргумент при решении актуальных политических проблем. Россия в зависимости от состояния польско-российских отношений стремилась либо отказаться от «политизации истории», передать рассмотрение исторических вопросов на суд академического сообщества и не задевать чувства «исторической памяти» поляков, либо прямо заявляла о том, что не считает советскую политику в отношении Польши заслуживающей сколько-нибудь существенного осуждения³⁸³. Представители же стран Западной Европы и США вообще не были склонны придавать большого значения польской апелляции к истории и руководствовались в своих отношениях с Республикой Польша текущими рациональными мотивами, лишёнными глубокой исторической рефлексии.

Стоит отметить, что в рамках выстраивания образа «страны-жертвы» политическая и интеллектуальная элита Третьей Речи Посполитой стремилась не акцентировать внимания на агрессивных действиях самой Второй Речи Посполитой в межвоенный период, которые объективно способствовали росту военно-политической напряжённости в Европе («пакт Пилсудского – Гитлера» 1934 г., присоединение Тешинской области, пронацистские симпатии части польского руководства во второй половине 1930-х гг.³⁸⁴). На официальном уровне только Москва позволяла себе напоминать о заслуживающих осуждения действиях польского руководства в преддверии Второй мировой войны. Так, например, накануне визита в Польшу в 2009 г. премьер-министр В. Путин

³⁸³ Хорошей иллюстрацией этому служат совершенно разные акценты, сделанные В. Путиным в 2009 и в 2015 гг. при размышлениях о значении Советско-германского договора 19 августа 1939 г. Если в первом случае российский лидер прямо указывал, что «без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова – Риббентропа, заключенный в августе 1939 года», то во втором уже заявлял «Советский Союз подписал договор о ненападении с Германией. Говорят: ах как плохо. А что же здесь плохого, если Советский Союз не хотел воевать?»

³⁸⁴ Эти симпатии не были исключительно односторонними. Во второй половине 1930-х гг. в нацистском руководстве также звучали голоса в поддержку идеи о необходимости сотрудничества Рейха с Польшей, а отношения двух стран долгое время находились на достаточно высоком уровне. Так, например, после смерти в 1935 г. Ю. Пилсудского в Соборе Святой Ядвиги в Берлине немецкими властями было организовано

написал статью для «Газеты Выборчей», в которой в частности отмечал: «Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 года? И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области»³⁸⁵.

В целом попытки руководства Республики Польша использовать образ «страны-жертвы» в диалоге с более мощными партнёрами не приводили к положительному эффекту: западноевропейцы и американцы попросту игнорировали их, Германия, соглашаясь нести моральную ответственность, отказывалась видеть историю аргументом в политике, а в России попытки поляков навязать свои трактовки истории Второй мировой войны вызывали исключительно раздражение.

Последовательные и целенаправленные усилия Польши по вступлению в НАТО и ЕС, обозначившиеся сразу после окончания холодной войны, также можно рассмотреть с точки зрения влияния фактора «исторической памяти»: евроатлантическую линию, ставшую основополагающей для Третьей Речи Посполитой, возможно понимать, как реализацию польской политической элитой целого комплекса своих страхов и опасений стратегического характера, связанных с положением страны между Россией и Германией. Интеграция в НАТО и ЕС, с этих позиций, означала окончательное «освобождение» страны от российского влияния и гарантию его невозвращения: Республика Польша получала юридически обязывающие гарантии военной защиты со стороны США и европейских стран в случае возникновения какой-либо угрозы для Польши. Как представляется, обеспечение безопасности посредством евроатлантической интеграции стало только первым этапом реализации Варшавой своих целей,

символическое отпевание пустого гроба польского маршала, на котором присутствовал лично А. Гитлер.

³⁸⁵ Putin W. Karty historii – powód do wzajemnych pretensji czy podstawa pojednania i partnerstwa? // Gazeta Wyborcza. 31 sierpnia 2009.

основанных на исторически обусловленном понимании ситуации в Европе. Поскольку в XVII–XVIII вв. Речь Посполитая была одним из крупнейших европейских государств, контролировавшим в т. ч. территории современных Украины и Белоруссии, в польской исторической памяти и национальной идентичности особое место занимает вопрос политического будущего этих территорий (Кресов)³⁸⁶ и проблема конкуренции с Россией за влияние на этих территориях³⁸⁷.

Закономерно поэтому, что став членом НАТО и ЕС, Польша заняла позицию одного из главных лоббистов дальнейшего расширения этих организаций на восток, на территории, в прошлом принадлежавшие Первой Речи Посполитой. Так, именно Польша в сотрудничестве со Швецией выступила инициатором программы «Восточное партнёрство», направленной на вовлечение бывших республик СССР (включая Украину и Белоруссию) в орбиту влияния Брюсселя³⁸⁸. Программу «Восточное партнёрство», следовательно, можно рассматривать в качестве мероприятия по реализации польской исторической политики – Третья Речь Посполитая, используя политический и экономический инструментарий Евросоюза, пыталась ослабить российское влияние на Кресах и способствовала вовлечению молодых постсоветских государств в европейский интеграционный проект. Поддерживая приход к власти в Киеве в 2005 и в 2014 гг. прозападных и антироссийских, сил польский политический класс выступал

³⁸⁶ «Кресы» («Kresy») – принятое в Польше обозначение бывших восточных пограничных земель Первой Речи Посполитой, находившихся в XVI–XVIII вв. под постоянным давлением мусульман (турки-османы, крымские татары) и православных (Россия и казачество Дикого поля). После разделов Польши Кресы стали частью Российской империи и именовались среди польской патриотической общественности «землями отторгнутыми» («ziemiami zabranymi»). Существование поляков в непростых условиях Западного края Российской империи привело к тому, что в их среде выработалось подчёркнуто внимательное и уважительное отношение к традициям собственной «польскости» («polskość») – ряда этнокультурных характеристик, свойственных польскому народу. Неслучайно поэтому, что после Первой мировой войны именно выходцы с Кресов (Ю. Пилсудский, Г. Нарутович, Э. Рыдз-Смиглы, В. Сикорский) стали важнейшими деятелями польского национально-политического возрождения.

³⁸⁷ Kresy wschodnie Rzeczypospolitej w obronie polskości. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 1999.

прямым продолжателем идей польского мыслителя и католического священнослужителя В. Калинки, который ещё в конце XIX в., размышляя о борьбе поляков и русских за будущее Украины, писал: «Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России»³⁸⁹. Также и президент А. Квасьневский, рассуждая после победы «оранжевой революции» о значении для Польши и Европы этого события, весьма откровенно заявлял, что «для каждой великой держав Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной»³⁹⁰, а несколько позднее польский лидер одной из своих главных заслуг на посту президента назвал то, что «во время «оранжевой революции» мы вовлекли Европейский союз в события на Украине.... Украина рассматривалась не как второстепенная проблема, а как важная для будущего Европы»³⁹¹.

Можно заключить, что Третья Речь Посполитая унаследовала постимперское мессианство и антироссийскую стратегическую установку, что оказало непосредственно влияние на формирование отношений Польши со странами, расположенным на некогда утраченных территориях. Это подталкивало польскую политическую элиту к поддержке различных интеграционных проектов, ориентированных на эти страны (Восточное измерение ЕС³⁹², Восточное партнёрство ЕС³⁹³), даже если такая политика в реальности скорее вела к кризисам, опасным для самой Польши, а не укрепляла её безопасность.

Чрезмерный страх потери суверенитета, основанный на «исторических травмах», провоцировал столь активные действия в области обеспечения безопасности, что они в конечном итоге приводили к своей противоположности – увеличению внешнеполитических рисков, частичному отказу от суверенитета и

³⁸⁸ О стратегическом значении программы см. Шишелина Л. Н. Восточное партнерство ЕС: путь к Объединению или разъединению Европы? // European Russian forum / European Parliament. 2014. № 7. С. 8–10.

³⁸⁹ Tarnowski A. Książd W. Kalinka. Kraków, 1887. S. 169.

³⁹⁰ Misja kijowska-rozmowa z prezydentem RP o sytuacji na Ukrainie // Polityka. 18 grudnia 2004.

³⁹¹ Квасьневский А. Быть русофобом – непозволительная роскошь // Новая Восточная Европа. Специальный выпуск. 2011/2012. С. 59.

³⁹² Восточное измерение Европейского Союза и Россия: сборник докладов международной конференции. СПб., 2004.

росту нестабильности в регионе. Вероятно, именно по культурно-историческим причинам польская дипломатия стала заложницей специфического «стратегического танатоса»³⁹⁴, подталкивавшего Варшаву к политике, в долгосрочной перспективе снижавшей уровень безопасности государства и увеличивавшей международную напряжённость вокруг Польши. Возможно также, что определённое влияние на чрезмерную «историзацию» внешней политики оказывало профессиональное образование высших политических руководителей Третьей Речи Посполитой, многие из которых были выпускниками исторических факультетов³⁹⁵.

Заметную роль фактор «исторической политики» играл и в развитии внутривнутриполитической ситуации, которая, конечно, косвенно влияла и на внешнюю политику государства. Хотя первые попытки артикулировать задачи «исторической политики» относятся ещё к 1990-м гг., заметным фактором внутривнутрипольских дискуссий она стала только в начале XXI в., когда её принципы стали активно использовать основатели национал-клерикальной партии «Право и справедливость» братья Я. и Л. Качиньские,³⁹⁶ а также поддержавшие их польские интеллектуалы³⁹⁷. Именно с их подачи был создан Институт национальной памяти – государственное научное учреждение, в чьи задачи входит исследование архивов органов госбезопасности времён Народной Польши с целью выявления преступлений, совершённых в этот период «против польского народа». Польские исследователи отмечали, однако, что данное учреждение в действительности стало инструментом национал-клерикалов в их внутривнутриполитической борьбе. Так,

³⁹³ Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией // Аналитический доклад. М., 2014.

³⁹⁴ Об общекультурном значении понятия «танатос» см. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть, М. 2000.

³⁹⁵ Корэйба Я. Концептуальные основы внешней политики Польши в отношении европейских стран постсоветского пространства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 236.

³⁹⁶ Polska polityka historyczna. Zapis dyskusji przeprowadzonej 30 marca 2006 roku w IPN // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. Warszawa, 2006. № 5. S. 34.

³⁹⁷ Примечательно, что этими же силами в ходе избирательной кампании 2005 г. был предложен и лозунг о необходимости строительства т.н. «Четвёртой Речи Посполитой» — принципиального обновления политической системы, сложившейся в Польше после

историк В. Сливовска, характеризуя деятельность Института, приходил к неутешительным выводам: «Издаются толстые тома, где без лишних раздумий приводятся очередные факты, компрометирующие людей уже покойных (которые не могут себя защитить), а также ныне здравствующих, известных и неизвестных»³⁹⁸. Сторонники «исторической политики» полагали, что важнейшей задачей государства является активизация и поддержание постоянной публичной дискуссии об историческом прошлом польского народа. Но, как подчёркивала российский исследователь Л. Лыкошина: «В реальной жизни историческая политика проявляется как некое конструирование прошлого, целенаправленная борьба за память»³⁹⁹. Действительно, центральное место в процессе этого «конструирования» занял образ «сенкевичевского» идеального поляка, который на протяжении столетий являлся хранителем христианских и демократических идеалов, нёс восточным народам свет просвещения и страдал от своих агрессивных и жестоких соседей (русских, немцев, шведов и турок), стремившихся покорить его и навязать чуждые ценности. Разумеется, такая примитивная концепция имела в себе существенный конфликтный потенциал и очень жёсткое разделение на «своих» и «чужих», «настоящих патриотов» и «капитулянтов», готовых предать национальные интересы Польши ради достижения компромисса с соседними странами⁴⁰⁰. Такими «предателями» для последовательных сторонников «исторической политики» были польские левые силы и консервативные либералы из проевропейской партии «Гражданская платформа». Их рационалистические аргументы и стремление снизить накал противостояния с соседями расценивались в национал-клерикальных кругах как равнодушие к польским трагедиям прошлого и забвение национальных идеалов, выдержавших проверку временем. Польский социолог М. Ярош, размышляя об

«системной трансформации». См. Szalamacha P. IV Rzeczpospolita - pierwsza odsłona. Dlaczego się nie udało, co trzeba zrobić. Poznań, 2009.

³⁹⁸ Śliwowska W. Dr Jekyll i Mr IPN: Historia i teczki // Gazeta Wyborcza, 13 czerwca 2009.

³⁹⁹ Лыкошина Л. Польская историческая политика в контексте политической жизни страны. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/05/25/polskaya_istoricheskaya_politika_v_kontekste_politicheskoy_zhizni_strany/

⁴⁰⁰ Leczczyński A. Mohery i lemingi. Dwa modele polskiej tożsamości // Polska europejska czy narodowa? Redakcja M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 79–88.

этой внутренней «польско-польской войне», связанной с несовпадениями в исторических представлениях, с грустью констатировал, что Польша «всегда принадлежала к культуре конфликта, апеллирующей к событиям давно минувшим, но всё ещё живущим в национальной памяти»⁴⁰¹.

В исследуемый период «историческая политика» приобрела большое значение для поддержания в Республике Польша памяти о том, что Кресы (после 1991 г. – независимые Литва, Белоруссия, Украина) некогда были частями польского государства и по-прежнему неразрывно связаны с его историей: в стране были созданы соответствующие музеи, научно-исследовательские центры⁴⁰², начато издание многочисленной литературы по данной проблематике, стали популярными многодневные экскурсии для молодёжи в соответствующие регионы Украины и Белоруссии⁴⁰³. Учитывая известную нестабильность ряда государств, расположенных между Польшей и Россией, поддержание (или конструирование) среди молодого поколения специфической памяти о «границах 1772 года»⁴⁰⁴ и исторического мифа о великой и свободной Первой Речи Посполитой было совершенно необходимым, если элита Третьей Речи Посполитой имела в отношении восточных территорий более амбициозные планы, чем об этом принято говорить в публичном пространстве. Наиболее последовательные и откровенные польские экспансионисты даже выдвинули концепцию новой «Речи Посполитой Четырёх народов»⁴⁰⁵, предусматривающую экономический, политический и «духовный» союз Польши с Литвой, Украиной и Белоруссией, направленный против России.

В целом, польскую «историческую политику» в её внутреннем аспекте можно рассматривать как способ мобилизации населения и его сплочения вокруг

⁴⁰¹ Jarosz M. Przejawy wykluczenia we współczesnym społeczeństwie // Polska europejska czy narodowa? Redakcja M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 51.

⁴⁰² Так, в 2006 г. в Варшаве даже был создан Институт Кресов – научно-просветительский центр, популяризирующий в польском обществе знания об истории и современности бывших восточных территорий Польши.

⁴⁰³ Kresy wschodnie Rzeczypospolitej w obronie polskości. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 1999.

⁴⁰⁴ Границы Первой Речи Посполитой до первого раздела.

⁴⁰⁵ Leszczyński J. T. Rzeczpospolita Czterech Narodów. Kielce 2005

клерикально-националистической части польской элиты. К основным издержкам данной политики, наравне с обострением отношений с соседями, относится провоцирование внутреннего раскола в польском обществе на «прагматиков», стремящихся отделить историю от актуальной политической повестки и «романтиков», уверенных, что исторический опыт должен быть решающим фактором при принятии решений по актуальным внешнеполитическим вопросам.

В связи с этим стоит напомнить, что накануне широкомасштабных преобразований 1980-х – 1990-х гг. большинство граждан и значительная часть политической элиты Польши руководствовались стратегическими внешнеполитическими установками, сформированными под влиянием сложного и иногда трагического исторического прошлого страны. Поэтому при строительстве Третьей Речи Посполитой создание демократической политической системы и переход к рыночной экономике рассматривались значительной частью элиты и общества не как самоценные явления, а в контексте процесса присоединения (политического, культурного, институционального) Польши к группе наиболее развитых стран мира, возглавляемых Соединенными Штатами и государствами Западной Европы⁴⁰⁶. При этом постсоциалистическая Польша стремилась к достижению безусловного суверенитета и обеспечению его долговременного сохранения, видя членство в НАТО и ЕС гарантией необратимости данного процесса. После того как эта цель была достигнута, элита Республики Польша стала всё более активно действовать на восточном направлении, используя в том числе инструментарий НАТО и Евросоюза. Такая политика имела серьёзное историческое обоснование в виде памяти о Первой Речи Посполитой, когда-то контролировавшей значительные территории Прибалтики, а также современные украинские и белорусские земли. «Правый» спектр польской политической и интеллектуальной элиты через «историзацию политики» стремился решить три основные задачи: консолидировать общество на национально-патриотической основе, утвердить страну в качестве суверенной, но неотъемлемой части

⁴⁰⁶ См.: Трансформации на постсоциалистическом пространстве/ под ред. И. Орлик. СПб., 2009.

евроатлантического сообщества, и заявить о своих особых интересах на пространствах, лежащих между Польшей и Россией.

Первая задача была отчасти решена, но чрезмерный радикализм «национал-клерикалов» привёл к тому, что заметная часть польского общества отвергла исторический детерминизм в вопросах внешней политики, что стало впоследствии одним из факторов, раскалывающих польский политический класс и общество на проевропейских «прагматиков» и националистических «романтиков», о чём ещё будет сказано подробнее. Вторая задача была решена только в части присоединения к европейским и атлантическим институтам. Однако, влияние исторических страхов, связанных с утратой суверенитета, привели к противоположному поставленной цели эффекту: Третья Речь Посполитая стала членом мощных надгосударственных организаций и потеряла значительную часть своего суверенитета и свободы внешнеполитического манёвра, а попытки Варшавы влиять на крупные страны с помощью эксплуатации исторических сюжетов в целом провалились. Решение третьей задачи дало противоречивые результаты: хотя Польше и удалось использовать своё членство в НАТО и ЕС для активизации политики этих организаций на восточном направлении, результатом такой активности наряду с ростом влияния Польши на Украине стали дестабилизация региона, обострение отношений Варшавы с Москвой и очевидное раздражение «старых» европейских столиц, которые после встречи в Нормандии в июне 2014 г. фактически исключили Польшу из диалога ЕС–Россия по украинскому кризису.

2.3. Эволюция Третьей Речи Посполитой в ключевого союзника США в Восточной Европе. Стратегическое значение польско-американского сотрудничества

После окончания холодной войны на Западе были сформулированы различные подходы к оценке её итогов⁴⁰⁷. Тем не менее, американская элита после

⁴⁰⁷ Один из подходов был ясно сформулирован М. Тэтчер: «Холодная война была войной за свободу, правду и справедливость. Победа в ней принадлежит антикоммунистам. И прежде всего, победил Рональд Рейган» См.: Тэтчер М., Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М., 2012. Другой, более умеренный, взгляд предложил Бр. Скоукрофт,

победы в полувековом противоборстве с советским блоком в целом утвердилась в представлении о т.н. «американской исключительности» и особой роли, которую США должны играть на мировой арене. Вместе с тем, к удовлетворению от победы примешивалось чувство стратегической обеспокоенности и даже растерянности, что отмечали многие аналитик⁴⁰⁸. Например, перед американским руководством возникла необходимость определения своих новых приоритетов в отношении стран Восточной Европы после падения в них промосковских социалистических режимов.

Одновременно с этим в Центральной Европе встал вопрос объединения Германии⁴⁰⁹, что привело к серьёзному столкновению мнений внутри западного блока: Великобритания и Франция (при довольно слабой и невнятной поддержке М. Горбачёва) пытались предотвратить или отсрочить процесс присоединения ГДР к ФРГ. Однако западногерманский канцлер Г. Коль, воспользовавшись поддержкой США, добился форсированного объединения Германии на своих условиях. Такой сценарий был выгоден Соединённым Штатам, поскольку означал автоматическое продвижение границы НАТО до Одера, и ослаблял позиции Франции (весьма проблемного партнёра для США⁴¹⁰), которая приобретала в качестве своего основного визави в Европе усилившуюся и проамерикански настроенную единую Германию.

служившим советником по национальной безопасности администрации Дж. Буша-старшего (1989–1993): «..когда рухнула Стена, чувства и президента, и мои можно было описать словами: Не надо злорадства. Если кончилась холодная война, не надо, как в конце Первой мировой, делить народы на победителей и побеждённых. Напротив – побеждают все. Побеждаем мы: побеждает Советский Союз». См. Бжезинский Зб., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М. 2012. С. 16–17.

⁴⁰⁸ Например, Зб. Бжезинский указывал: «Сразу после окончания холодной войны ещё не было ясно, что нас ожидает. Закончилась ли эра революций? Настал ли вечный мир вместо холодной войны? Стала ли триумфальная победа американской демократии в её длительной борьбе с советским тоталитаризмом свидетельством возникновения всеобщего демократического сообщества? Или появляются новые угрозы? Какое понятие могло бы определить смысл и суть этого времени и придать целеустремлённость новому глобальному статусу Америки? В самом деле, в чём же должна заключаться её глобальная роль?» См. Бжезинский Зб, Великая шахматная доска, М., 2013. С. 542.

⁴⁰⁹ Горбачев М. С. Как это было. М., 1999; Кузьмин И. Н. Крушение ГДР. М., 2002.

⁴¹⁰ Так, начиная с президентства Шарля де Голля (1959–1969), Франция позволяла себя демонстрировать независимую от Вашингтона линию во внешней политике: в стране в 1966 г.

Заметное усиление ФРГ вызывало определённые озабоченности в Восточной Европе и, прежде всего, в Польше, которая в прошлом неоднократно становилась жертвой немецкой военно-политической экспансии. В связи с этим США и их новым восточноевропейским партнёрам требовалось выработать новую модель взаимодействия, учитывавшую произошедшие в Европе глобальные изменения (ропуск ОВД и объединение Германии).

Вашингтон, однако, длительное время не мог сформулировать последовательную линию в отношении со странами Восточной Европы: США, бесспорно, одобряли и поддерживали сокращение влияния СССР, а затем и России, в этом регионе, но оказались не готовы предложить постсоциалистическим государствам какого-либо конкретного сценария, который бы подразумевал институциональное закрепление их отношений с США. В первой половине 1990-х гг. американская элита ещё не смогли выработать консенсус по вопросу необходимости и скорости включения стран Восточной Европы в структуры НАТО⁴¹¹. Например, был взят курс на поддержку рыночных демократических преобразований в регионе: в ноябре 1989 г. президентом Дж. Бушем-ст. было принято решение о выделении Венгрии и Польше помощи на сумму 915 млн долларов⁴¹². Тем не менее, эта щедрая финансовая поддержка никак не увязывалась с какой-либо конкретной программой действий, которую ожидали новые восточноевропейские лидеры. В ходе своего визита в Варшаву американский президент ограничивался общими фразами: «Мы не можем диктовать странам, малым или большим, необходимость перемен, но мы имеем право высказывать мнение, давать понять, что при совпадении наших взглядов наши отношения станут лучше»⁴¹³.

были ликвидированы военные базы США, был осуществлен выход из военной структуры НАТО, нормализованы отношения с Советским Союзом.

⁴¹¹ Представляется, что на фоне нестабильности на Ближнем Востоке и неопределённости в Москве, администрация Дж. Буша-ст. просто не смогла сформулировать последовательную американскую стратегию в Восточной Европе, которая бы вписывалась в то, что в 1990 г. в своём выступлении на объединённой сессии Конгресса США президент обозначил как «новый мировой порядок».

⁴¹² Шишелина Л. Н. Европейский Союз и Восточная Европа. М., 2005. С. 118.

⁴¹³ Washington post. 1989. May 31.

Несмотря на это, именно при поддержке США началась региональная реорганизация Восточной Европы – в феврале 1991 г. лидерами Польши, Венгрии и Чехословакии была создана Вишеградская группа. Это объединение должно было способствовать сближению восточноевропейских стран с европейскими и атлантическими структурами. Необходимо отметить, что заметную роль в создании группы сыграл уже неоднократно упоминавшийся Зб. Бжезинский. Согласно его концепции, именно «восточноевропейская тройка» должна была взять на себя функции буферной зоны, ограждающей ядро «развитой Европы» от нестабильности, нарастающей на территории распадавшегося СССР⁴¹⁴. По инициативе США в октябре 1991 г. в Кракове собрались министры иностранных дел Польши, Чехословакии и Венгрии. В официальных документах этой встречи выражалась признательность государственному секретарю США Дж. Бейкеру за его усилия по налаживанию тесного сотрудничества между НАТО и тремя восточноевропейскими государствами⁴¹⁵. По итогам переговоров была принята декларация, в которой подчёркивалось стремление стран к сотрудничеству нового типа с атлантическими и европейскими структурами, хотя формулировка практических шагов в этом направлении была общей и не имела обязательного характера⁴¹⁶.

В отношениях между восточноевропейцами и США в тот период отсутствовала стратегическая ясность. В отличие от элиты восточноевропейских стран, объединённой, как было показано выше на примере Польши, на атлантической повестке, в самих Соединённых Штатах продолжались дискуссии о целесообразности расширения Альянса. Если такие аналитики как Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер и Р. Холбрук в целом выступали сторонниками включения этих стран в атлантический блок, то их влиятельные коллеги

⁴¹⁴ Шишелина Л. Н. Указ. соч. С. 79.

⁴¹⁵ Grupa Wyszehradzka [Electronic resource]. – URL: www.vishegradgroup.org/declaration.html. (accessed: 15.01.2018).

⁴¹⁶ Руснак У. Вишеградское прошлое и будущее: факты и идеи // Центрально-Европейский ежегодник. М., 2003. С. 106.

(Дж. Кенан, Р. Пайпс и др.) считали, что США не должны спешить в этом вопросе, чтобы не испортить свои отношения с новой Россией⁴¹⁷.

Изменения в отношениях Варшавы и Вашингтона были связаны с приходом демократической администрации Б. Клинтона (1993–2001), не обладавшего внешнеполитическим опытом своего предшественника⁴¹⁸, но являвшегося сторонником теории глобализации и расширения американского влияния в мире. Уже 1993 г. польский президент Л. Валенса в ходе личной встречи с новым американским лидером смог добиться от того принципиального согласия на вступление своей страны в НАТО. Это, несмотря на господство прозападных настроений в тогдашнем российском руководстве, сразу же вызвало негативную реакцию в Кремле – российский лидер Б. Ельцин немедленно направил конфиденциальное письмо своему недавно избранному американскому коллеге, в котором говорил об опасностях, связанных с вхождением бывших стран советского лагеря в НАТО. Свою позицию Б. Ельцин аргументировал тем, что расширение Североатлантического альянса может привести к изоляции России и ухудшению её отношений с Западом. А для европейской и мировой безопасности отношение НАТО – Россия куда важнее, чем отношение НАТО со странами ЦВЕ⁴¹⁹.

В результате колебаний американской администрации, вызванных жёсткой позицией Москвы, на конференции министров обороны государств – членов НАТО, прошедшей в октябре 1993 г., было принято половинчатое решение: в ближайшей перспективе Польша и другие страны Восточной Европы не смогут стать членами альянса, но одновременно им предлагалось участие в совместных с Альянсом манёврах и учениях. Руководство Третьей Речи Посполитой было явно разочаровано тем, что ему не удалось форсировать вступление страны в НАТО,

⁴¹⁷ Офицеров-Бельский Д. В. Атлантический интеграционный вектор во внешней политике Польши // Мировое развитие. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность. М., 2007. С. 150–151.

⁴¹⁸ Дж. Буш-ст. до своего избрания президентом США успел побывать представителем США при ООН, директором ЦРУ и вице-президентом при Р. Рейгане. Клинтон же пришёл в Белый дом с поста губернатора Арканзаса.

⁴¹⁹ Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. М. 2011. С. 86–123.

тем не менее, польские политики уже с первой половины 1990-х гг. предпочитали относить себя (хотя бы мысленно и риторически) к западному военно-политическому блоку. Как говорил об этом депутат Сейма В. Рейхельт, явно вдохновляясь рассмотренными выше историческими представлениями о некой «особой миссии» Республики Польша в Европе: «Польша – это край континента, это ворота, ведущие на территорию России. Для НАТО мы являемся одним из бастионов обороны, для России мы тоже не безразличны с военной точки зрения»⁴²⁰.

В 1994–1996 гг. вопрос расширения НАТО на восток был постоянной темой диалога Вашингтона и Москвы. Администрация Б. Клинтона стремилась соблюдать баланс между резким неприятием этой идеи со стороны Кремля, проамериканскими устремлениями поляков и собственным видением интересов США в этом регионе⁴²¹. Отсутствие у России инструментов серьёзного влияния на политику восточноевропейских стран привело в конечном итоге к провалу попыток Москвы приостановить процесс расширения Североатлантического альянса. Окончательно это стало понятно после Мадридского саммита НАТО 1997 г., когда было объявлено о планируемом вступлении в альянс Польши, Чехии и Венгрии⁴²².

Присоединение Республики Польша к НАТО дало США широкий стратегический плацдарм в Восточной Европе, который открывал перспективы выхода как на балтийский регион, так и на страны, расположенные к востоку, Украину и Белоруссию. России же в конечном итоге пришлось удовлетвориться лишь некоторыми декларациями НАТО об уважении её интересов в будущем⁴²³.

⁴²⁰ 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dzień (30.04.1993) // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, Prace Sejmu I kadencji. [Electronic resource]. – URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/main/5FB85CCE> (accessed: 15.01.2018).

⁴²¹ Christopher W. American leadership at stake // US Department of State Dispatch. 1995. Vol. 6. Iss. 21. P. 411–416.

⁴²² Kobrinskaja I. Długi koniec Zimnej Wojny. Rosja I Europa Srodkowa 1991–1996. Warszawa, 1998.

⁴²³ основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией. // Дипломатический вестник. 1997. № 6. С. 4–10.

Восточноевропейские страны в этот период целенаправленно искали сближения с США и стремились доказать Вашингтону свою лояльность. Так, в ходе операции НАТО против Югославии в 1999 г. новые члены альянса (Польша, Венгрия и Чехия) полностью поддержали линию США на силовое разрешение конфликта. В конце 1990-х гг. польской элите удалось осуществить свои намерения по стратегическому развороту Республик Польша в сторону США. Однако окончательное решение, обеспечившее успех этого процесса, принималось не в Варшаве, а в Вашингтоне. Тем не менее, поляки и их соседи по восточноевропейскому региону были воодушевлены своими новыми отношениями с США и стремились упрочить свои военно-политические связи с заокеанским партнёром. Эти тенденции особенно усилились в период президентства Джорджа Буша-мл. (2001–2009), хотя вследствие терактов 11 сентября 2001 г. фокус внимания американской дипломатии и переместился в то время из Европы на Ближний Восток.

Американская активность в исламском мире, однако, открыла новые возможности для укрепления польско-американского партнёрства, к которому так стремились руководители постсоциалистической Польши. Лидеры Третьей Речи Посполитой воспользовались тем, что в 2003 г. США столкнулись с достаточно мощной оппозицией «старой Европы» и России своей операции против Ирака. Польша (а также в меньшей степени Чехия и Венгрия) объявила о полной поддержке американской интервенции против правительства С. Хусейна. Несмотря на противодействие, оказываемое европейскими лидерами (Францией и Германией) поляки выказывали себя в тот период последовательными сторонниками «атлантической солидарности» и стали ключевым инструментом реализации американской внешнеполитической линии на «раскол» континента с помощью бывших социалистических стран, ориентированных на Вашингтон.

Страны Восточной Европы не ограничивались декларациями поддержки военных операций, организованных Вашингтоном: в Ираке в период 2003–2005

гг. находилось около 5000 военнослужащих восточноевропейских стран⁴²⁴. Конечно, эти вооружённые силы не могли оказать заметного влияния на оперативную ситуацию, однако, присутствие нескольких тысяч солдат восточноевропейских государств администрация Дж. Буша-мл. использовала для того, чтобы продемонстрировать миру наличие у США союзников, готовых к участию в их военных акциях.

Одним из мотивов польского участия в иракской операции, как отмечал известный публицист Е. Редлих, было стремление экспортировать свой опыт перехода к демократии: «Составлен список нескольких десятков специалистов, которые готовы работать во временной администрации Ирака, передавать опыт экономики, организации местного самоуправления и рынка. Иногда они помогали бы иракцам избежать тех ошибок, которые были допущены при трансформации строя в Польше»⁴²⁵. При всей очевидной наивности этого взгляда на перспективы строительства демократического Ирака под американским контролем и при польском участии, нельзя упустить из вида, что данный пример ещё раз иллюстрирует тезис о «демократическом мессианстве» и «промететизме»⁴²⁶ как ключевых характеристиках внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой.

Стоит отметить, что в тот период Восточная Европа была практически единственным регионом в Европе, где американцы могли рассчитывать на поддержку своих планов со стороны местной правящей элиты, несмотря на падение авторитета Соединённых Штатов в мире вследствие агрессивной внешней политики неконсервативной администрации. Так, именно в восточноевропейских государствах располагались секретные тюрьмы ЦРУ⁴²⁷, где

⁴²⁴ См.: The White House [Electronic resource]. – URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030327-10.html>. (accessed: 15.01.2018).

⁴²⁵ Польша в новой роли. Европейская политическая динамика. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/ce/2003/ce.050503.asp> (дата обращения – 30.01.2018).

⁴²⁶ История и значение этого понятия будет подробно рассмотрено в третьей главе.

⁴²⁷ Amnesty International [Electronic resource]. – URL: <http://www.amnesty.org/en/library/info/POL30/003/2006/en>. (accessed: 15.01.2018).

содержались заключённые, подозреваемые американцами в терроризме, и к которым, по данным правозащитников, применялись пытки⁴²⁸.

Своего расцвета сотрудничество Республики Польша и США достигло в период 2006–2008 гг., когда между странами велись активные переговоры по вопросу размещения в Польше элементов глобальной системы противоракетной обороны, с инициативой создания которой Белый дом впервые выступил ещё в 2001 г.⁴²⁹ Несмотря на неоднократные протесты России и достаточно сдержанную реакцию западноевропейцев, уже к 2007 г. Вашингтон получил принципиальное согласие поляков на участие в создании глобальной ПРО. Однако к этому времени уже был поставлен под сомнение существовавший до того в польском обществе общенациональный консенсус по вопросу расширения сотрудничества с НАТО: в стране проходили демонстрации против размещения элементов американской ПРО⁴³⁰. Не только гражданские активисты, но и определённая часть политической элиты, в т. ч. парламентарии выражали сомнения в линии правительства братьев Я. и Л. Качиньских в этом вопросе⁴³¹. Вопрос о ПРО впервые за пятнадцать лет, прошедших с окончания холодной войны, вызвал дискуссию о границах атлантической солидарности Третьей Речи Посполитой.

Польша в этот период пыталась активно использовать в своих интересах «особые» отношения с США, которые окончательно сформировались ко второй половине 2000-х гг. Так, руководители Республики Польша в этот период всё настойчивее поднимали вопрос о дальнейшем расширении НАТО на Украину и Грузию, где после т.н. «революции роз» 2003 г. к власти пришла проамериканская администрация М. Саакашвили. В союзе с неоконсерваторами из американской администрации поляки продвигали идею расширения (при активном участии

⁴²⁸ Т. н. «более жёсткие методы допроса», которые включали в себя инсценировку казни через утопление – пытку водой и применение акустических ударов.

⁴²⁹ См. Коммерсант. 31.01.2001.

⁴³⁰ Piec tys. komunistów protestowało przeciw tarczy. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Piec-tys-komunistow-protestowalo-przeciw-tarczy,wid,8843960,wiadomosc.html>; Булахтин М. А. Внешняя политика США в зеркале общественного мнения Польши 2000-х гг. // Искусство управления. Научный журнал. 2012. № 2. С. 73–81.

⁴³¹ «Базы ПРО США в Польше не будет» – экс-премьер Лешек Миллер. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20090216/162254114.html>. (дата обращения: 30.01.2018).

Варшавы) стратегического американского плацдарма в Восточной Европе. Польша в ходе «цветных революций», поддержанных и отчасти обеспеченных американцами, выступала в роле то ментора, то посредника⁴³². А в период конфликта вокруг Южной Осетии в 2008 г. польские лидеры даже посетили Тбилиси в знак солидарности с режимом М. Саакашвили⁴³³.

Таким образом, ко второй половине 2000-х гг. постсоциалистическая Польша добилась того, что стала играть весьма заметную роль во внешней политике США: Варшава стала одним из немногих надёжных европейских партнёров Соединённых Штатов, готовым участвовать в их военных операциях и предоставить территорию для размещения элементов ПРО. Кроме того, элита Третьей Речи Посполитой активно поддерживала проамериканские режимы, установившиеся в ходе «цветных революций» в части стран постсоветского пространства.

Восточноевропейские государства, и в первую очередь Польша, в тот период активно включились в американскую стратегию по ослаблению единства Европейского союза, который в лице своих ведущих держав (Франции и Германии) выступал против политик США на Ближнем Востоке. Используя Польшу американцы стремились не позволить ЕС проводить скоординированную внешнюю политику, которая могла бы нанести ущерб Вашингтону. Это было чрезвычайно важно для США, чья внешняя политика в неконсервативном духе пользовалась всё меньшей поддержкой в мире.

Для усиления своего влияния в Варшаве Вашингтон, начиная с 1980-х гг. активно использовал ресурс «мягкой силы»: были созданы такие организации, как «Фонд Образование для Демократии» (Fundacja Edukacja dla Demokracji) и

⁴³² Например, экс-президент Польши А. Квасьневский в ходе кризиса на Украине в 2005 г. вёл активные переговоры с украинскими политиками и во многом способствовал победе сторонников В. Ющенко.

⁴³³ Примечательно, что президент был подвергнут за это критике со стороны премьер-министра Д. Туска. См. wPolityce.pl [Electronic resource]. – URL: <https://wpolityce.pl/polityka/154481-lech-Kaczyński-kontra-donald-tusk-konflikt-rosyjsko-gruzinski-ujawnil-roznice-w-ocenie-sposobu-prowadzenia-polityki-wobec-rosji-miedzy-rzadem-i-prezydentem> (accessed: 15.01.2018).

«Польско-Американский Фонд Свободы» (Polsko-Amerykańska Fundacja Wolności), предлагающие многочисленные гранты и стипендиальные программы, рассчитанные на студентов, учёных и гражданских активистов. С другой стороны, Варшава также имела определённый ресурс «мягкой силы» для влияния на США. Так, в Соединённых Штатах проживают миллионы граждан польского происхождения, которые являются важным ресурсом для усиления лоббистских возможностей Республики Польша. Наряду с фигурой Зб. Бжезинского, среди представителей американской политической и интеллектуальной элиты, симпатизировавших Польше, можно выделить историка и политолога Э. Аппельбаум, известную своими историческими сочинениями⁴³⁴ в духе концепций американского историка времён холодной войны Р. Конквеста, ставшую в 1992 г. женой Р. Сикорского – одного из самых влиятельных представителей польского либерально-консервативного движения, чья карьера была тесно связана с Великобританией, как, стоит отметить, и карьера многих других высокопоставленных политиков Третьей Речи Посполитой⁴³⁵.

Выгоды самой Польши от такого тесного сотрудничества были более чем скромными и ограничивались скорее повышением ощущения собственной значимости в мировой политике у элиты Республики Польша, чем реальными достижениями страны. Польша активно участвовала в американской политике по ослаблению Европы и России, а также мешала консолидации континента на антиамериканской повестке. Одновременно с этим польская правящая элита из числа национал-консерваторов из партии «Право и справедливость» вызывала всё большее раздражение партнёров из ЕС. Европейские публицисты, отражая общее

⁴³⁴ Примечательно, что в своих работах Э. Аппельбаум обращается в основном к тематике репрессий в СССР и изучению механизмов установления и удержания советского влияния в странах Восточной Европы. См. напр., Anne Applebaum. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944–1956*. N.Y., 2012.

⁴³⁵ The pretender [Electronic resource]. – URL: <https://www.politico.eu/article/the-pretender/> (accessed: 15.01.2018); Denis Macshane: Britain can help to shape a new Europe pretender [Electronic resource]. – URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/denis-macshane-britain-can-help-to-shape-a-new-europe-481214.html/> (accessed: 15.01.2018)

недовольство Польшей в западноевропейских столицах, не стесняясь называли Республику Польша «троянским ослом США в Евросоюзе»⁴³⁶.

«Правая» польская элита была обескуражена приходом в Белый дом демократической администрации Б. Обамы (2009-2017), которым была инициирована корректировка американской внешней политики по двум принципиальным для польско-американского союзничества направлениям: была начата подготовка к выводу войск коалиции из Ирака и Афганистана, а также провозглашена «перезагрузка» отношений России и США. Третья Речь Посполитая оказалась перед необходимостью корректировки своего внешнеполитического курса, поскольку США утратили заинтересованность в участии польских контингентов в своих операциях. Кроме того, для нормализации отношений с Россией и подписания Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений⁴³⁷ стал необходим пересмотр вопроса о развёртывании элементов системы ПРО в Восточной Европе, что и было сделано в течение 2008–2009 гг.

Реакция представителей польской политической элиты, наблюдавших за этим процессом, была близка к панической. В июле 2009 г. именно в польском издании «Gazeta Wyborcza»⁴³⁸ было опубликовано открытое письмо, подписанное двадцатью двумя бывшими лидерами государств Восточной Европы⁴³⁹. В этом достаточно эмоциональном документе экс-лидеры региона горячо благодарили США за поддержку в годы холодной войны, декларировали свой статус «голосов атлантизма в НАТО и ЕС», напоминали о том, что вместе с американцами «воевали бок о бок на Балканах, в Ираке, а теперь и в Афганистане». Основным же посылом письма стала просьба к администрации Б. Обамы не отказываться от стратегического партнёрства с Восточной Европой и не оставлять регион на

⁴³⁶ Wprost. 05.11.2003.

⁴³⁷ Договор СНВ III был подписан 8.04.2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения: 30.01.2018).

⁴³⁸ Gazeta Wyborcza, 16.07.2009.

⁴³⁹ Среди подписантов этого обращения два польских президента (Л. Валенса, А. Квасневский), президент Чехии (В. Гавел), президент Румынии (Э. Контанеску), президент Литвы (В. Адамкус), президент Латвии (В. Вике-Фрейберга), президент Словакии (М. Ковач), главы МИД и высокопоставленные дипломаты.

милость России, которая, согласно мнению авторов обращения, «использует явные и скрытые инструменты экономической войны, от энергетической блокады и политически мотивированных инвестиций до подкупов и манипуляции СМИ, чтобы продвигать свои интересы и оспаривать трансатлантическую ориентацию Центральной и Восточной Европы».

Кроме этих панических воззваний в письме содержались и конкретные предложения по новой американской стратегии в регионе, в частности предлагалось не отказываться от развёртывания ПРО и укрепить институты НАТО⁴⁴⁰. Это письмо тогда не оказало никакого влияния на позицию Вашингтона и не привело к переоценке приоритетов внешней политики США. Соединённые Штаты принесли своих союзников в регионе в жертву ради достижения более важных для администрации Б. Обамы целей⁴⁴¹. Более того, Польше пришлось адаптироваться к проблеме расширения НАТО на Восток, поскольку уже к 2009 г. администрация Б. Обамы дал понять, что США не намерены форсировать вступление в Североатлантический альянс Украины и Грузии – Соединённые Штаты вновь проигнорировали интересы своих преданных восточноевропейских союзников.

Можно резюмировать, что польско-американские отношения на рубеже XX и XXI вв. формировались в условиях глобального стратегического переформатирования по итогам холодной войны. Третья Речь Посполитая пыталась найти своё место в американской стратегии, которая оказывала решающее влияние на ситуацию в Восточной Европе. Первоначально Польша стремилась играть ведущую роль в процессе сокращения российского присутствия в регионе, а позднее успешно добилась поддержки со стороны США своего курса на вступление в НАТО.

При этом Республика Польша оставалась зависимой от поворотов внешнеполитической линии США. Польша была вынуждена постоянно

⁴⁴⁰ Например, авторы письма предлагали активизировать работы по вариантному планированию и предварительному позиционированию войск на случай кризиса, «изначально предусмотренного в основополагающем акте НАТО-Россия».

приспосабливаться к корректировкам американской политики в отношении России, поскольку Вашингтон без колебаний приносил интересы своих польских партнёров в жертву отношениям с Москвой, как это было в случае, когда под давлением России вместо форсированного включения в Североатлантический альянс полякам было предложено «Партнёрство во имя мира».

Расцвет польско-американского стратегического партнёрства пришёлся на вторую половину 2000-х гг., поскольку именно страны «новой Европы» показывали себя верными и не рассуждающими сторонниками США в тот период, когда в Западной Европе, как и во всём мире, распространялось всё более скептическое отношение к «экспорту демократии» в версии американских неоконсерваторов.

Лидеры Третьей Речи Посполитой, направляя свои вооружённые формирования для участия в американских интервенциях, подписывая соглашения по размещению ПРО и лоббируя дальнейшее расширение НАТО на бывшие советские республики, позиционировали себя в качестве основных стратегических союзников США. В действительности же оказалось достаточно смены администрации в Белом доме и небольшой корректировки американской политики, чтобы Соединённые Штаты отказались в тот период от развёртывания ПРО в Польше.

Представители польской элиты, в отличие от американцев, которые выстраивали двусторонние отношения в том числе под влиянием реалистической традиции, оказались заложниками своих идеалистических представлений и были вынуждены постоянно подстраиваться под изменение приоритетов национальной безопасности США и манеру Вашингтона быстро снимать с себя не отвечающие задачам времени обязательства. В результате формирования тесных польско-американских союзнических отношений США смогли достигнуть своих основных целей, используя Польшу как против России, так и против потенциальных конкурентов среди консолидирующихся держав Западной Европы. Вашингтон

⁴⁴¹ Уже через несколько месяцев Б. Обама заморозил все работы по размещению ПРО в Восточной Европе, поставив чехов, поляков и румын перед совершившимся фактом.

добился того, что бывшие страны советского блока вошли в НАТО и стали самыми проамериканскими его участниками, добровольно позиционирующими себя в качестве «главных атлантистов» Альянса. Кроме того, США обеспечили присутствие в Евросоюзе откровенно проамериканских стран, которые были способны тормозить принятие Брюсселем решений, не отвечающих интересам Соединённых Штатов.

Внешнеполитические достижения самой Республики Польша по итогам её сотрудничества с США в период с 1989 г. неоднозначны. Благодаря поддержке Соединённых Штатов Польша смогла вступить в НАТО и получить юридически обязывающие гарантии своей безопасности. Однако членство в Североатлантическом альянсе и откровенно проамериканская внешнеполитическая линия также привели Варшаву к необходимости участвовать в военных операциях США⁴⁴². Кроме того, такая позиция негативно отражалась на отношениях Польши с государствами Западной Европы и Россией. А ведь именно Россия и «старая Европа» (и прежде всего – Германия) были важнейшими польскими экономическими партнёрами, а отнюдь не США. При этом сами Соединённые Штаты, эксплуатируя тему трансатлантической солидарности, демонстрировали явное пренебрежение к интересам своих польских союзников. Так, поляки, которые имеют многомиллионную диаспору в США, не смогли, несмотря на неоднократные просьбы, добиться от Вашингтона введения безвизового режима. Польша своим курсом на безоговорочную атлантическую солидарность, проводившимся в конце XX – начале XXI вв., лишала себя пространства для внешнеполитического манёвра и ослабляла свои собственные позиции на мировой арене.

Конечно, внутри польской политической элиты были крайние «американофилы», такие как лидеры «правого» лагеря братья Качиньские, и лидеры с более умеренным и взвешенным подходом, стремившиеся уравновешивать укрепление польско-американского союза с развитием

⁴⁴² Цена этого участия оказалась достаточно велика. Польша, например, только в Ираке потеряла 60 человек убитыми и ранеными.

партнёрства с европейскими странами (например, упоминавшийся выше Р. Сикорский). Однако, общей установкой политического класса Третьей Речи Посполитой, несомненно, был курс на тесное сотрудничество с США – это была часть общенационального политического консенсуса, связанная, как отмечалось, и с наследием польских диссидентов, и с исторической памятью поляков, а также их представлениями об эффективных механизмах обеспечения суверенитета и безопасности постсоциалистической Польши.

В американском же экспертном сообществе вопрос выстраивания новых польско-американских отношений и степени сотрудничества США и Варшавы, напротив, вызывал дискуссии. В первом десятилетии XXI в. в Соединённых Штатах был сформулирован ряд новых подходов к пониманию долгосрочных интересов США в Восточной Европе и тому, какое место должна занимать Варшава в европейской стратегии Вашингтона.

В первую очередь следует отметить разработки одного из старейших американских исследователей в этой области С. Коэна⁴⁴³, получившего известность и признание ещё в период холодной войны⁴⁴⁴. В своих работах, вышедших в начале нового тысячелетия, американский учёный, рассматривая Центральную и Восточную Европу, отмечал, что Польша по своему стратегическому положению и историческому прошлому существенно отличается от других государств региона, таких как Чехия или Венгрия. Так, для С. Коэна представлялось очевидным, что интеграция Праги и Будапешта в евроатлантические структуры желательна и, вероятно, неизбежна, однако, подключение к этому процессу Варшавы чревато серьёзными осложнениями, связанными с недовольством России⁴⁴⁵. Польша, с точки зрения С. Коэна, в отличие от других стран региона, является стратегическим и культурным мостом между Европой (Западом) и Россией, поэтому чрезмерное усиление американского влияния в Варшаве может в перспективе привести к обострению

⁴⁴³ Cohen S., Geopolitical realities and United States foreign policy // *Political Geography*. 2003. № 22. – Pp. 1-22.

⁴⁴⁴ Cohen S. B. *Geography and Politics in a Divided World*. N.Y., 1964.

⁴⁴⁵ Cohen, S. B. *Geopolitics of the World system*. Lanham: 2003.

американо-российских отношений. Во-первых, Россия будет обеспокоена самим фактом присоединения Польши к НАТО, т. к. именно польские территории являются наиболее удобным стратегическим плацдармом на западной границы России, с которого потенциальный противник может угрожать Москве. Во-вторых, слишком тесный союз с Третьей Речи Посполитой с Соединёнными Штатами может стать причиной вовлечения Вашингтона в «польскую игру против России» на пространстве бывшего СССР даже против желания самих американцев. Именно поэтому С. Коэн выступал против инициатив администрации по размещению в Польше элементов американской системы ПРО. Это, по его мнению, способствовало бы росту антиамериканских страхов в России. Такая высокая цена за укрепление союза со «слабой Польшей» является чрезмерной для США, которые не заинтересованы в разрастании конфронтации с Москвой в условиях нарастания мировой нестабильности.

В качестве альтернативы польскому направлению С. Коэн предлагал сместить американскую активность на юг – в сторону более традиционных союзников в Турции и на Балканах. Это позволило бы сохранить и (при необходимости) расширить американское присутствие в Южной Европе и на Ближнем Востоке, не обостряя отношения Вашингтона и Москвы. Польше же в качестве альтернативы военно-стратегическому сближению с США С. Коэн предлагал развитие экономического взаимодействия с Германией, что должно было гарантировать постепенное усиление внешнеполитических позиций Республики Польша в Европе.

Концепция С. Коэна предлагала закрепить американскую победу в холодной войне через ограниченное расширение НАТО в Центральной Европе, а Польшу поддерживать в качестве буфера, не имеющего слишком тесных отношений с Вашингтоном в военной сфере. Основным побудительным мотивом для предложенной стратегии было желание сохранить конструктивные отношения с Москвой и не ввязываться в польские проекты, направленные на республики бывшего СССР.

Схожие предложения формулировал и другой известный политолог и эксперт в области военной стратегии Э. Люттвак, в прошлом сотрудник администрации Р. Рейгана и один из ведущих американских аналитиков на завершающем этапе холодной войны. С его точки зрения, Россия после поражения в 1991 г. была нужна США как союзник для будущего (в середине XXI в.) противостояния с набирающим мощь Китаем⁴⁴⁶. Э. Люттвак, несмотря на достаточно критическое отношение к российской внешней политике, неоднократно предупреждал в своих работах⁴⁴⁷, что США не могут себе позволить обострять отношения с Россией из-за Восточной и Центральной Европы, и Вашингтону необходимо учитывать интересы России в этом регионе⁴⁴⁸. В связи с этим особую роль начинало играть положение Польши, т. к. эта страна занимает стратегическое положение между Россией и Германией и постоянно выступает против углубления сотрудничества Берлина и Москвы. Потворство польским страхам и предоставление полякам поддержки в их внешнеполитических играх, направленных на раскол экономически обоснованного привилегированного партнёрства Берлина и Москвы, ударит, предупреждал Э. Люттвак, по интересам самих США, поскольку они лишатся шанса на сотрудничество с Россией⁴⁴⁹, которое необходима для уравнивания Китая в будущем⁴⁵⁰. Таким образом, Э. Люттвак (как и С. Коэн) отказывал Польше в самостоятельной ценности для американской стратегии в Европе и в своих исследованиях исходил из того, что польское направление при выработке задач американской внешней политики является производным от российского. И если США намерены сотрудничать с Россией – им нужно быть сдержанными в своём союзе с Польшей.

⁴⁴⁶ Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира, М., 2012.

⁴⁴⁷ Luttwak E. Add Poland, No Security, The Moscow Times. 22.04.1997.

⁴⁴⁸ Luttwak E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy, Massachusetts, 2012.

⁴⁴⁹ Luttwak E. Georgia conflict: Moscow has blown away soft power // The Telegraph. 16.08.2008.

⁴⁵⁰ Стоит отметить, что ведущими аналитиками рассматривался и альтернативный сценарий: стратегический союз Вашингтона и Пекина и «двуединое господство» США и КНР в XXI в. См. Kissinger H., On China, 2011.

Характерным примером военно-стратегического акцентирования при анализе стратегического положения Республики Польша в начале XXI в. явились разработки известного исследователя Дж. Фридмана, возглавляющего близкое к американскому правительству частное разведывательно-аналитическое агентство «Стрэтфор». В своих исследованиях⁴⁵¹ Дж. Фридман приходил к выводу, что у Польши, зажатой между потенциально враждебными ей Германией и Россией, существует всего три рациональные стратегии, которые могут в той или иной степени гарантировать безопасность Варшавы на достаточно длительный срок.

Во-первых, Третья Речь Посполитая может сделать ставку на укрепление институтов НАТО и ЕС и установление кооперации с Германией в рамках этих организаций. Это, с одной стороны, обезопасит Польшу от угрозы германской экспансии, а с другой – сделает невозможным чрезмерное давление со стороны России, которая крайне заинтересована в сотрудничестве с Германией и не станет обострять отношения с Берлином из-за поляков. Другая стратегия Польши заключается в постепенном выстраивании взаимовыгодных и равноправных отношений одновременно с Россией и Германией и преодолении благодаря этому взаимного недоверия, усугубляемого крайне негативным историческим опытом взаимодействия трёх держав. Третья же возможная стратегия для Польши, по мнению Дж. Фридмана, может основываться на установлении особенно тесных союзнических отношений с мощной страной-гарантом, обеспечивающей безопасность Варшавы. Польская политическая элита сделала выбор именно в пользу последнего варианта и связала вопрос обеспечения своей безопасности в первую очередь с тесным военно-политическим союзом с Вашингтоном⁴⁵².

В связи с этим Дж. Фридман обращал внимание на то, что в случае гипотетического конфликта между Москвой и Варшавой США окажутся в сложном положении. Неизбежный крах Польши в случае её столкновения с Россией «один на один» неприемлем для Вашингтона, т. к. лишит американцев

⁴⁵¹ Friedman G. Poland's Strategy. [Electronic resource]. – URL: <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy>; Friedman G. Perspectives on the Ukrainian Protests (accessed: 15.01.2018).

⁴⁵² Friedman G. Nowe mocarstwo nad Wisłą // Rzeczpospolita. 21.11.2008.

критически важного стратегического плацдарма на Северо-Европейской равнине. Но с логистической и военно-тактической точек зрения для мобилизации собственных сил и сил своих союзников в Европе США потребуется достаточно много времени, на протяжении которого они не смогут оказать существенную помощь Польше в её конфликте с Россией. Поэтому Республике Польша, учитывая, что угроза от России скорее теоретическая, чем реальная, необходимо постепенно, но последовательно укреплять свою экономику и оборонный потенциал, что возможно только в отдалённой перспективе.

Дж. Фридмана заключал, что постсоциалистической Польше будет необходимо постепенно определяться со своей «большой стратегией» на первую половину XXI в. Оптимистическая стратегия может заключаться в постепенном расширении сотрудничества с Германией при сохранении стабильных отношений с Россией, которые Варшава может выстроить, если не станет проводить агрессивную политику на восточном направлении – на территориях, к которым Россия традиционно относится как к своей зоне интересов. При выборе этой стратегии полякам, однако же, придётся опасаться неожиданного сближения Берлина и Москвы, которое нельзя полностью исключать, учитывая исторический опыт сотрудничества России и Германии. Консервативная же польская стратегия, считал Дж. Фридман, требует сохранения и развития тесных двусторонних отношений с Соединёнными Штатами. Однако в Варшаве должны понимать, что США в своих военно-политических инициативах для восточноевропейского региона исходят из концепции поддержания баланса сил и оказания политической, технологической и экономической помощи, а не прямого военного участия в обеспечении безопасности своих союзников в регионе.

Кроме того, в начале XXI в. всё больше экспертов стали обращать внимание на широко понимаемый «энергетический фактор» при оценке стратегического положения той или иной державы⁴⁵³. Ведь, несмотря на развитие ядерной энергетики и исследования в области возобновляемых источников, нефть и газ,

вероятно, на ближайшие десятилетия будут сохранять своё стратегическое значение. В связи с этим на первый план в международных отношениях будут выходить вопросы взаимоотношений производителей, транспортёров и потребителей энергии. Польша, традиционно выступавшая в качестве страны-потребителя и страны-транспортёра, в начале XXI в. стала стремиться к тому, чтобы стать производителем энергии⁴⁵⁴, что не ускользнуло от внимания американского экспертного сообщества.

Так, Р. Каплан, известный своим последовательным «географическим реализмом», отмечал, что добавление «энергетической компоненты» в союзнических отношениях разделённых тысячами километров Варшавы и Вашингтона совершенно необходимо для укрепления стратегического партнёрства двух стран. США, например, могут оказать финансовую и технологическую помощь Польше по разведке запасов сланцевого газа⁴⁵⁵. Если Польша сможет организовать добычу сланцевого газа на своей территории, это избавит Европу от энергетической зависимости от России, а также сделает Варшаву одним из ведущих центров силы внутри ЕС. Поскольку даже в своём новом статусе Республика Польша будет выступать в качестве «атлантической силы» внутри Евросоюза, США смогут одновременно снизить российское влияние в Европе и увеличить собственное, т. к. Польша даже в своём новом статусе сохранит прежний внешнеполитический курс.

Кроме того, Р. Каплан прогнозировал, что в XXI в. Польша будет остро конкурировать с Россией за влияние на Украине, а обретение Варшавой собственных энергетических ресурсов станет важным инструментом в борьбе за Украину, которая продолжала зависеть от поставок из России. Продолжая свои теоретические построения, основанные на значении энергетики для развития международных отношений, Р. Каплан предлагал проект направленного против

⁴⁵³ Боровский Ю. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. Том 6. №1. С. 212; Laar M. Time for a New Energy Policy. // The Wall Street Journal. 07.07. 2009; Hill F. «Energy Empire»: oil, gas and Russia's Revival. Washington: The brooking Institution, 2004.

⁴⁵⁴ Wojciechowski S., Fiedler R. Zagrozenia asymetryczne wspolczesnego swiata. Poznań , 2009. S. 95–117.

⁴⁵⁵ Kaplan R. D. Europe's New Map // The American interests. 2013. № 8. May/June 2013.

России союза Польша и Швеция, которые (при поддержке США) должны вовлечь в зону своего влияния балтийские государства через строительство на море транспортных терминалов для сжиженного газа. Учитывая, что в регионе по-прежнему высоки риски прямых военных столкновений, аналитик особо подчёркивал необходимость американской помощи в восстановлении и модернизации польских вооружённых сил.

С несколько иных позиций на энергетическое измерение польской внешней политики взглянул американский исследователь польского происхождения Дж. Ленчовски⁴⁵⁶. Он, как и многие его коллеги, обращал внимание, прежде всего, на позицию Польши между Россией и Германией: союз этих двух стран представляет угрозу для польской безопасности⁴⁵⁷. По его мнению, польская дипломатия должна всеми силами способствовать ослаблению российско-германских связей. Но Варшава не сможет полностью «оторвать» Германию от партнёрства с Россией до тех пор, пока российский газ жизненно необходим для эффективного функционирования растущей германской экономики. Поэтому Польша при поддержке США должна приложить максимум усилий для строительства через её территории (или при её участии) трубопроводов альтернативных российским. К таким проектам могут относиться трубопроводы из Украины (Odessa-Brody) и с территории Кавказа (Nabucco)⁴⁵⁸. Также Польше целесообразно лоббировать на общеевропейском уровне строительство трубопровода в Германию из Норвегии.

Разумеется, превращение Польши в ключевой перевалочный пункт для нероссийского газа, поставляемого в ЕС, повысит политическую роль Республики

⁴⁵⁶ Lenczowski J. Full Spectrum Diplomacy and Grand Strategy: Reforming the Structure and Culture of U.S. Foreign Policy, 2011.

⁴⁵⁷ Очевидно, что значительная часть польской политической элиты разделяет этот тезис: Польша последовательно выступала против сближения России и Германии в энергетической сфере в начале 2000-х гг. Польские официальные представители и неправительственные организации регулярно и весьма резко критиковали проект «Nord stream». Так, премьер К. Марценкевич говорил о попытке «перенести германо-российскую границу на запад от Польши», а тогдашний министр обороны Р. Сикорский сравнивал проект с пактом Молотова-Риббентропа. См. подробнее Gryz J. Rosyjska polityka energetyczna Implikacje dla bezpieczenstwa Polski // AON. 2009. S. 11; Wprost. 25.09.2005.

⁴⁵⁸ Жизнин Н. З. В поисках баланса интересов // Независимая газета. 12.01.2010.

Польша и её влияние по всей Европе. Кроме того, США смогут оказать помощь в развитии польской ядерной энергетики – это тоже станет элементом «освобождения» Польши от влияния России в топливной сфере. Однако Дж. Ленчовски предупреждал, что эти инициативы Польши могут столкнуться с противодействием как со стороны России, так и со стороны её давних партнёров в Европе, не согласных с тезисом о необходимости диверсификации поставок газа «любой ценой». Чтобы преодолеть это сопротивление внутри Европы Польше, отмечал исследователь, необходимо предпринять целый ряд шагов⁴⁵⁹.

Во-первых, полякам следует поддерживать свою национальную идентичность внутри ЕС, а также не соглашаться в вопросах энергополитики на диктат Брюсселя, который не имеет такого негативного исторического опыта общения с Москвой, как Варшава. Во-вторых, Польше необходимо на общеевропейском уровне продвигать идею о том, что создание польского альтернативного энергетического и логистического центров позволит Европе избежать риска «энергетического шантажа» со стороны России. В-третьих, Россию следует попытаться убедить, что эти инициативы не представляют угрозы для российских политических и экономических интересов, а направлены исключительно на укрепление экономической самостоятельности Варшавы. В-четвёртых, Польше (и здесь вновь потребуется поддержка США) необходимо усиливать систему своей национальной безопасности, чтобы в случае угрозы быть в силах обеспечить защиту своих энергетических и транспортных центров. Кроме усиления традиционных вооружённых сил, американский эксперт предлагает обратить особое внимание на выстраивание польской системы кибербезопасности.

Таким образом, на фоне сформировавшегося к началу 2000-х гг. «привилегированного» польско-американского партнёрства к концу первого десятилетия XXI в. экспертное сообщество сумело предложить целый ряд новых подходов к развитию союза Вашингтона и Варшавы: на смену общеисторическим

⁴⁵⁹ Lenczowski J. Poland on the Geopolitical Map // Sarmatian Review. Jan. 2013. Vol. 33. Issue 1. P. 1730–1733.

концепциям Фукуямы – Хантингтона – Бжезинского, рассмотренным в первой главе, пришли более предметные и прикладные стратегии, ориентированные на развитие и переосмысление сложившегося партнёрства Республики Польша и Соединённых Штатов.

Стоит подчеркнуть, что все рассмотренные подходы имели одну общую черту – роль Варшавы на политической карте мира и её место во внешней политике Вашингтона является производной от отношений США и России. При этом представители старшего поколения американских аналитиков (С. Коэн, Э. Люттвак) исходили из того, что приоритетом для США должно быть сохранение конструктивных отношений с Москвой как с силой всё ещё способной нанести вред интересам Соединённых Штатов или, напротив, выступить тактическим американским союзником. В этой связи особенно важна проблема реакции России на чрезмерно тесные отношения Польши и США, т. к. Третья Речь Посполитая в силу своего положения на европейской политической карте является постоянным антагонистом России в Восточной Европе и на постсоветском пространстве (особенно, на Украине).

Стратегическое положение Польши, как гигантского плацдарма на западной границе России, предопределяет возникновение обоснованных опасений со стороны Москвы в случае, если такая мощная во всех отношениях держава как США получит полный доступ к этому плацдарму. То есть, стратегический союз с Польшей, по мнению представителей этого направления внешнеполитической мысли, во-первых, неизбежно ввязывал США в польскую антироссийскую игру в Восточной Европе, а во-вторых, способствовал росту напряжения в отношениях с Россией, обеспокоенной контролем США над стратегически важным пространством у своих западных границ.

Представители же молодого поколения аналитиков, исследовавших значение польско-американского стратегического партнёрства, своим приоритетом видели не выстраивание конструктивного диалога с Россией, а использования потенциала сотрудничества Польши и США для недопущения роста российского влияния. Наиболее последовательные из них даже поднимали

вопрос о необходимости дальнейшего «сжатия» территорий, находящихся под российским влиянием. Для этого, по их мнению, необходим ещё более тесный польско-американский союз, направленный против интересов России в Восточной Европе. При этом некоторые аналитики (Дж. Фридман) достаточно прямо говорили, что подобная политика в перспективе может привести к тем или иным формам военного противостояния в регионе. И, поскольку Польша при любых внешних вложениях не будет обладать военно-экономической мощью, сравнимой с российской, США необходимо готовиться к тому, чтобы в случае резкого обострения российско-польских отношений вмешаться в ситуацию и оказать прямую военную поддержку Варшаве.

Однако крупнейшим нововведением начала XXI в. в стратегических исследованиях польско-американского союза стало изучение влияния энергетического фактора при оценке роли Польши в Европе и мире. На фоне постоянного роста значения энергетики для мировой стабильности аналитики отметили особый стратегический потенциал Польши, проистекающий как из её положения в Восточной Европе, так и от запасов сланцевого газа, обнаруженного в недрах страны в последние годы. Разумеется, эта проблема рассматривалась в том числе и в контексте противодействия росту российского влияния. Неслучайно поэтому, что советуемый «энергетический» антироссийский пассаж появился и в «Стратегии национальной безопасности»: «Используя конъюнктуру цен на энергоносители Россия интенсивно старается умирить свои позиции в трансрегиональном масштабе. Российское стремление наращивать сотрудничество избранными западными государствами сопровождается введением селективных ограничений и дискриминации некоторых членов НАТО и ЕС»⁴⁶⁰.

Польша при американской поддержке может стать крупнейшим транзитёром газа в ЕС, если включится в давно лоббируемые США проекты

⁴⁶⁰ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/category/5-bezpieczenstwonarodowe?download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp> (accessed: 15.01.2018).

строительства газопроводов из Азии в Европу в обход российских территорий. А разработка сланцевых месторождений в самой Польше открывает перед США ещё более привлекательные перспективы – полное вытеснение российских энергоносителей и замена их польскими. Кроме того, превращение Варшавы в ключевого поставщика энергоресурсов в Европу приведёт к усилению польского (а значит, и американского) влияния внутри ЕС: Третья Речь Посполитая, став энергетическим лидером Евросоюза, будет способствовать укреплению позиций проамериканских сил на континенте. Усиление Польши на энергетическом рынке также может привести к отдалению России от Германии, т.к. снизит зависимость германской экономики от российских поставок. Возникновение аналогичной ситуации возможно и на украинском направлении – польский сланцевый газ может стать для Киева полной альтернативой энергоносителям из России.

Эксперты признают, что реализация этих проектов потребует серьёзных финансовых и технологических вложений со стороны Соединённых Штатов. Однако заявления американских инвесторов и политиков, а также провал курса на «перезагрузку» российско-американских отношений и начавшийся в 2013 г. кризис на Украине позволяют утверждать, что США сделали выбор в пользу конфликтного сценария в отношениях с Россией. Следовательно, в ближайшей исторической перспективе будут востребованы именно те внешнеполитические подходы, которые делают акцент на потенциале Республики Польша в качестве стратегического противовеса России, в т. ч. и в энергетическом измерении.

2.4. Влияние внешнеполитического выбора Польши на внутриполитическое развитие страны

Как уже было отмечено, уже ко второй половине 2000-х гг. в правящей элите Третьей Речи Посполитой наметилось определённое расхождение в понимании внешнеполитических приоритетов государства. Особенно заметно это стало после парламентских выборов 2007 г., на которых основными противниками стали либерально-консервативная «Гражданская платформа» и национал-клерикальная партия «Право и справедливость».

Во внешнеполитической части программы национал-клерикалов ключевую роль играло НАТО: «Мы являемся активным и ответственным членом НАТО... Участие польских войск в миротворческих и боевых миссиях организации, в том числе ведущихся уже два года операциях в Афганистане и Ираке, усиливает международные позиции и безопасность Польши. Во имя польских национальных интересов мы участвуем и будем участвовать в миссиях, направленных на распространение свободы и укрепление мира. Польша – одна из наиболее важных стран, поддерживающих военную стабильность в мире. Мы хотим, укрепления НАТО...»⁴⁶¹. Для их либеральных оппонентов, однако, на первом месте стоял всё же ЕС: «В центре внешней политики Польши должна быть Европа, а конкретно – Европейский союз... Сильный ЕС должен быть в стратегических и партнёрских отношениях с Соединёнными Штатами. ЕС и НАТО должны нести ответственность за всеобщий мир, безопасность и поддержание международного порядка»⁴⁶².

Как верно замечает польский исследователь А. Ожельска-Сточек, именно отношения к НАТО и ЕС, «стало одним из пунктов, который отличал «Право и справедливость» от «Гражданской платформы» – в концепции «Права и справедливости» главную роль должно было играть НАТО»⁴⁶³. Этот «раскол», по-видимому, означал, что общество постепенно утрачивало существовавшее ранее общее понимание желательного сценария будущего страны и постепенно приходило к пониманию необходимости поиска новой модели развития и приоритизации стоявших перед Республикой Польша исторических задач. После завершения процесса евроатлантической интеграции и формирования тесного польско-американского партнёрства именно отношения по линии Польша-НАТО-ЕС стали одним из важных факторов, определяющих позиции крупнейших политических сил внутри страны.

⁴⁶¹ Dbamy o Polskę, dbamy o Polaków. Program Prawa i Sprawiedliwości. Warszawa, 2007. S. 49.

⁴⁶² Program wyborczy Platformy obywatelskiej // Wybory. 2007. Warszawa, 2007. S. 74, 76.

⁴⁶³ Orzelska-Stączek A. Znaczenie wspólnoty transatlantyckiej w polskiej polityce zagranicznej / Współpraca transatlantycka // Aspekty polityczne, ekonomiczne i społeczne. Warszawa, 2014. S. 173.

При этом ведущие политические партии Третьей Речи Посполитой не ставили под сомнение евроатлантический выбор, сделанный Польшей ещё в 1990-е гг. Однако для представителей либеральной части польской элиты приоритетным направлением была Европа, а для их основных конкурентов – НАТО. При этом важно отметить, что одним из основных аргументов сторонников атлантической линии было то, что Европа, по их мнению, слишком слаба и не готова брать на себя ответственность по обеспечению международной или хотя бы европейской безопасности. Весьма определенно на эту тему высказывался польский политолог из близкого к консерваторам Института безопасности в Кракове М. Кампион: «Главная проблема современной Европы заключается в том, что ЕС за много лет так и не смогла занять позицию стратегического игрока и самостоятельно центра силы... Для Польши сильное НАТО – гарантия безопасности и защиты»⁴⁶⁴.

Причины этого разделения, пролежавшего через политическое пространство Республики Польша, глубже, чем могут показаться на первый взгляд. Ведь евроатлантическая интеграция Польши была сложным процессом, имевшим многочисленные военно-политические, экономические и культурные последствия для страны. Принимавший активное участие в подготовке и осуществлении интеграции А. Ротфельд обращал внимание на её общеисторическое значение: «Все страны Центральной и Восточной Европы одновременно с вступлением в трансатлантические структуры оказались перед необходимостью корректировки своих приоритетов внешней политики... Увеличилось их чувство безопасности, а также они встали перед необходимостью определения своей политики в отношениях с миром, окружающим Евросоюз и НАТО, а не только их страны»⁴⁶⁵. Неизбежной ценой за интеграцию в наднациональные организации стал частичный отказ от суверенитета. Однако, как было показано выше, независимость и суверенитет, их восстановление и сохранение были частью

⁴⁶⁴ Campion M. Role Stanów Zjednoczonych oraz państw europejskich w ramach Sojuszu Północnoatlantyckiego w kształtowaniu bezpieczeństwa światowego // Bezpieczeństwo RP. Wczoraj i dziś. Kraków, 2014. S. 179–183.

⁴⁶⁵ Rotfeld A. Polska w niepewnym świecie. Warszawa, 2006. S. 31–32.

общенационального консенсуса при создании Третьей Речи Посполитой. Именно ценность суверенитета была ключевой для оппозиционного движения 1970–1980-х гг. и основывалась на многовековой исторической традиции борьбы поляков за свою независимость.

Поэтому успех интеграции автоматически создавал условия для возникновения дискуссий о том, насколько самостоятельную международную политику может теперь проводить Республика Польша, учитывая её новое положение. Размышляя о «дилемме суверенности и модели интеграции» польские авторы не без основания отмечали: «Главнейшей дилеммой польской политики является то, как найти компромисс между долгосрочными интересами ЕС и актуальными интересами Польши? Каждый раз, когда этот вопрос появляется, возникают трудности»⁴⁶⁶. Стоит подчеркнуть, что в позднейших стратегических внешнеполитических документах Польши (например, в «Приоритетах внешней политики 2012–2016») на первом месте среди международных целей стояли такие, как «сильная Польша в сильной Европе» и «поддержание доверия к НАТО в качестве оборонительного союза»⁴⁶⁷. Вместе с тем, в обществе проходили (и продолжают) дискуссии о соотношении целей этих глобальных проектов с национальными польскими интересами.

Аргументы сторонников линии на сохранение высокого уровня партнёрства с Вашингтоном и Брюсселем строились вокруг того, что цели Польши и цели глобального понимаемого Запада совпадают. Польские исследователи, разделяющие данные взгляды, отмечали, что Польша как «страна средней силы, лежащая на Центрально-Европейской равнине, на восточном фланге НАТО имеет важное геостратегическое положение. Существенную роль играет также то, что Польша граничит с Россией и другими менее стабильными постсоветскими государствами. Это накладывает на Польшу очень важную обязанность по мониторингу, приходящих с Востока вызовов...»⁴⁶⁸. Вместе с тем, концепция

⁴⁶⁶ Balcer A., Woycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa, 2014, S. 125.

⁴⁶⁷ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Marec 2012. S. 2.

⁴⁶⁸ ZiębaR. Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej. Warszawa, 2015. S. 58.

объединения Европы и идея трансатлантической солидарности, реализованные в двух наднациональных проектах (ЕС и НАТО), находятся в сложном взаимодействии и нередко вступают в конкуренцию⁴⁶⁹, в том числе и в сфере безопасности⁴⁷⁰. Понимание этого факта особенно важно для исследования истории становления и развития внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой, где изначально сильные позиции занимали проамериканские элиты, но которая при этом в экономическом смысле находилась в зависимости от своих европейских партнёров.

В постсоциалистической Польше многие сторонники атлантической версии современного западного универсализма обращали внимание на то, что конкуренция по линии ЕС-НАТО должна быть минимальной и двум проектам следует дополнять друг друга. Даже в «Стратегии национальной безопасности» было отдельно зафиксировано, что настоящей катастрофой для Польши стал бы «крах процесса европейской интеграции из-за возвращения государств к действиям исключительно сквозь призму национальных интересов, амбиций восприятия ЕС как противовеса Соединенным Штатам; а также неспособность ЕС выработать общую политику. Угрозой было бы также ослабление трансатлантических связей, что сопровождалось бы отдалением друг от друга государств по обе стороны Атлантики»⁴⁷¹.

Действительно, необходимость сохранения трансатлантического сотрудничества на достаточно высоком уровне в целом разделялась большинством представителей польского экспертного сообщества и политическим классом. Как писал по этому поводу Ю. Фишер, «...сегодня Соединённые Штаты нуждаются в сильной Европе и *vice versa*, Европа нуждается в сильной Америке..., нуждается в НАТО и усилении сотрудничества в рамках трансатлантической системы... Польша может и должна играть роль как

⁴⁶⁹ Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / отв. ред. Н. К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

⁴⁷⁰ Носов М. Зачем Европе собственная армия? // Современная Европа. 2005. № 1. С. 62–96.

региональная сила в евроатлантической системе, и сейчас и в будущем»⁴⁷². С течением времени, однако, многие польские эксперты, приходили к пониманию того, что добровольно взятая на себя роль главного сторонника США в Европе и основного евроскептика в Восточной Европе приносит всё меньше выгод Польше и портит её отношение с соседями. Большой интерес в этой связи представляют исследования Р. Зембы, выделившего на основе анализа внешней политики Польши последних 25 лет, определённый набор ролей, которая страна играла или пыталась играть на международной арене, а также выявившего противоречия между целями Третьей Речи Посполитой, её внешнеполитическим образом и реальными достижениями⁴⁷³.

Так, польский учёный предположил, что сами лидеры системы евроатлантической безопасности ожидали, что посткоммунистическая Польша будет выступать в качестве:

- государства – носителя идей демократической трансформации;
- стабилизатора ситуации в регионе;
- своеобразной «прихожей европейского салона»;
- активного участника европейской интеграции.

Эти ожидания были связаны в первую очередь с тем опытом, который Польша приобрела в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда находящееся в очень тяжёлом экономическом и политическом кризисе польское общество всё же смогло найти в себе внутренние резервы и продемонстрировало высокий уровень политической культуры в ходе «круглых столов» и мирной передачи власти от сторонников генерала В. Ярузельского к деятелям оппозиционной «Солидарности».

Кроме того, Польша наиболее благополучно из всех стран советского блока пережила переход к рыночной экономике и «шоковую терапию» Л. Бальцеровича, продемонстрировав, казалось, обоснованность неолиберальной экономической модели и истинность принципов Вашингтонского консенсуса. На фоне

⁴⁷² Fiszer J. Współpraca transatlantycka. Aspekty polityczne, ekonomiczne i społeczne. Warszawa, 2014. S. 31.

очевидного провала перестройки в СССР, сомнительных достижений российского опыта проведения «шоковой терапии» и общего экономического и социального обвала, царившего в Восточной Европе после краха просоветских режимов, Польша должна была казаться образцом успешной трансформации и примером для других стран региона.

Однако, как отмечал польский исследователь, Третья Речь Посполитая, утвердив свой суверенитет и освободившись от опеки Москвы, определила для себя иные (и, отметим, куда более амбициозные) роли, которые бы она хотела играть на общеевропейской сцене:

- инициатора и лидера демократических преобразований;
- регионального командира;
- экспортёра демократии на Восток;
- верного союзника США;
- сильного европейского государства.

Конечно, до окончательной интеграции в Евросоюз Польша должна была сдерживать свои внешнеполитические амбиции и желание играть совершенно особую роль в системе евроатлантической безопасности. Однако после 2004 г. и на фоне прихода на смену «президенту-посткоммунисту» А. Квасьневскому «президента-традиционалиста» Л. Качиньского польская внешняя политика приобрела удивительную активность и жёсткость. Например, одним из наиболее очевидных признаков того, что Республика Польша стремилась стать лидером региона и «экспортёром демократии» на Восток стала польская активность на постсоветском пространстве и, в частности такая инициатива как ГУАМ, которая должна была сплечь регион на прозападной и антироссийской платформе при моральном доминировании Варшавы. К этой же линии можно отнести и польские инициативы того периода по вопросам энергетической политики и создания альтернативных российским маршрутов поставки топлива.

⁴⁷³ ZiębaR. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*. Warszawa, 2015. S. 286–299.

Вместе с тем, несмотря на продекларированные цели, Польша в действительности, по мнению Р. Зембы, в 1989–2014 гг. выступала в следующих ипостасях:

- модель успешной трансформации;
- «обуздатель» имперских амбиций России;
- сателлит США;
- тормоз европейской интеграции;
- ангажированный и прагматичный участник европейской интеграции;

Рассуждая о чрезмерном увлечении польской элиты идеями атлантической солидарности и ничем не обоснованным представлением о неких «особых» отношениях с Вашингтоном, исследователь приходил к выводу о том, что Польша не смогла в полной мере реализовать свой потенциал, основанный на успехе трансформации, а вместо этого только подрывала свой авторитет внутри Европы и тратила силы на борьбу с Россией и скандалы в Брюсселе. «Вместо статуса стратегического партнёра Польша стала государством, зависимым от США, презрительно именуемым в Европе «троянским ослом» Америки. Такая политика усложнила Польше включение в процесс укрепления Евросоюза и усложнила отношения с Россией, а также со многими другими странами, не поддерживающими американскую гегемонию...» – к такому неутешительному выводу пришёл Р. Земба и заключил, что «будучи государством средней силы и ограниченных возможностей, мы должны сосредоточиться на роли активного участника европейской интеграции... Это, вероятно, должна быть не амбициозная и большая роль, а программа специализированной деятельности, в которой Польша могла бы одновременно подтвердить свою европейскую и национальную идентичность»⁴⁷⁴.

После политической эйфории и торжества еврооптимизма 1990-х гг. и начала 2000-х гг. в польском обществе началась сложная дискуссия, связанная с переоценкой идеологических установок, господствовавших в период трансформации ПНР, осмыслением последствий евроинтеграции и, в конечном

⁴⁷⁴ Zięba R. *Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej*. Warszawa, 2013, S. 301.

итоге, поиском новой модели развития страны. В центре этих дискуссий находилась проблема глобализации. Современные западные авторы отмечают, что процессы глобализации, начавшись в эпоху Великих географических открытий, усиливались вплоть до наступления периода мировых войн, когда ведущие государства планеты, чтобы не впасть в зависимость от поставок сырья, продукции и услуг из других стран, сделали ставку на самодостаточные экономические системы (автаркии)⁴⁷⁵. Завершение холодной войны дало новый импульс глобализации, в которую активно включилась постсоциалистическая Польша.

Наиболее дальновидные польские эксперты уже в начале 1990-х гг. отмечали, что сценарии глобализации, предложенные Восточной Европе, не предусматривают построения эффективных и сбалансированных экономик, но, напротив, провоцируют диспропорции экономического, социального и политического развития, характерные для стран «периферийного капитализма». Так известный польский политолог и социолог Я. Станишкис ещё в 1995 г. обращала внимание на риски, связанные с тем, что вовлечение Польши в процессы глобализации приводит к тому, что контроль над экономикой устанавливают выходцы из бывших внешнеторговых министерств и компаний, заинтересованные в «приватизации государства» в узкогрупповых целях, и ориентированные на интернационализацию экономической деятельности и потребление, а не инвестиции в национальную экономику⁴⁷⁶.

Постепенное осознание того, что вовлеченность в глобальные проекты представляет собой определённый вызов для польской идентичности, привело к тому, что вопрос соотношения выбранного страной пути евроатлантической интеграции и сохранения национальной самобытности Польши стал одним из самых значимых для польского общества. По мере углубления и расширения процессов интеграции в Европе в Третьей Речи Посполитой стали усиливаться

⁴⁷⁵ См. об этом Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. М., 2006.

⁴⁷⁶ Staniszkis J. Post-communist peripheral capitalism (pcpc): politics of institutionalisation // Jadviga Staniszkis. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях = Russia

дискуссии вокруг таких проблем, как вопросы эмиграции и иммиграции, унификации системы образования, места Католической церкви в общественной жизни, соотношения традиционной христианской морали и ценностей секулярного либерального общества.

Как уже отмечалось, реализация в Польше «Плана Бальцеровича» означала широкомасштабные рыночные реформы, принятие основных положений «вашингтонского консенсуса» и встраивание национальной экономики в глобальный рынок⁴⁷⁷. Республике Польша, действительно, удалось в сжатые сроки стать полноправным членом организаций, являющихся инструментами глобализации. Варшава присоединилась к ВТО в 1995 г., к ОЭСР – 1996 г. Кроме того, страна ещё в 1996 г. восстановила своё членство в МВФ и Всемирном банке, которые сыграли важную роль в процессе рыночной трансформации национальной экономики⁴⁷⁸. По индексу экономической глобализации, ежегодно рассчитываемому Швейцарским технологическим Институтом в Цюрихе (The Swiss Institute of Technology in Zurich), среднее значение для Польши в период с 1973 по 2014 гг. составило 49,61 баллов при минимуме в размере 38,87 баллов в 1973 г. и максимуме в 74,63 баллов в 2010 г.⁴⁷⁹

Вместе с тем, как польские, так и иностранные авторы обращали внимание на неоднозначные последствия включения страны в процесс глобализации для польской экономики. Так, неомарксисты и последователи И. Валлерстайна⁴⁸⁰, одного из авторов «мир-системного подхода» в социологии и международных отношениях⁴⁸¹, указывали, что Польша, в целом являвшаяся полупериферийным

and Central Europe in the new geopolitical realities: сб. ст. участников междунар. науч. конф. проходившей в Москве 27–30 янв. 1995 г. / [Ред.: Киселев, В. П., Шишелина Л. Н.]. С. 66–102.

⁴⁷⁷ Załęski P. S. Neoliberalizm i społeczeństwo obywatelskie. Toruń: UMK, 2012.

⁴⁷⁸ Польша твой экономический партнёр. Доклад Института исследования рынка, потребления и конъюнктуры. Варшава, 2007.

⁴⁷⁹ Poland Overall globalization. [Electronic resource]. – URL: http://www.theglobaleconomy.com/Poland/kof_overall_glob/ (accessed: 15.01.2018).

⁴⁸⁰ Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 2.

⁴⁸¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. М., 2006; Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М, 2008.

государством для мировой экономической системы, заплатила крайне высокую плату за включение в процесс глобализации⁴⁸².

Действительно, среди части польского научно-экспертного сообщества распространилось мнение, что присоединение страны к глобальной экономике привело в том числе к возникновению острых социально-экономических проблем. Так, например, большие опасения стали вызывать тревожные демографические изменения, связанные с тем, что молодые и инициативные поляки покидают страну в поисках работы и более комфортных условия жизни в странах Западной Европы. Отмечалось, что на фоне снижающейся рождаемости это может привести к значительной депопуляции в Польше и сокращению населения на 8 млн человек за ближайшие 30 лет. По оценкам ряда экспертов, в случае реализации такого негативного сценария польское государство «ещё сможет рассказывать о своей исторической значимости, но уже не будет иметь никакого значимого будущего»⁴⁸³.

Даже приток иностранного капитала, который либеральными экономистами традиционно рассматривается как несомненно позитивный фактор, являлся «серьёзным вызовом» для национальных польских предприятий, что отмечено в работах нелиберальных аналитиков⁴⁸⁴. Так, бывший диссидент и один из лидеров лево-либерального спектра политической элиты постсоциалистической Польши, сделавший успешную карьеру в Третьей Речи Посполитой, Я. Куронь незадолго до смерти с огорчением констатировал: «Я хотел создать демократию, но не продумал, каким образом. И вот доказательство: я думал, что капитализм может реформировать сам себя, всё необходимое, например, самоуправление рабочих... Вот доказательство моей слепоты... Единственное, о чём я сожалею – это о своём

⁴⁸² Starnawski M., Wielgosz P. Kapitalizm nad przepaścią, społeczeństwa wobec wyboru / wstęp do I. Wallerstein Analiza systemów-światów. Warszawa: Wprowadzenie, 2007.

⁴⁸³ Balcer A., Woycicki K. Polska na globalnej szachownicy. Warszawa: Politekt, 2014. S. 119.

⁴⁸⁴ Головин М. Ю. Денежно-кредитная политика России и стран Центральной и Восточной Европы в условиях глобализации: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.

участии в правительстве. Моё правительство помогло людям принять капитализм»⁴⁸⁵.

Другую группу критиков результатов включения Республики Польша в процессы глобализации составили авторы-традиционалисты, более всего опасавшиеся размывания польской национальной идентичности в новых условиях. При их активном участии вопрос о соотношении выбранного страной пути евроатлантической интеграции и сохранения национальной самобытности Польши стал одним из самых острых для польского общества и политической элиты страны. Так, общим местом в рассуждениях польских интеллектуалов-католиков являлась ссылка на «моральную деградацию»⁴⁸⁶, связанную с наступлением «либеральной парадигмы» развития общества и ростом популярности стандартизированных моделей потребления, копирующих «американский образ жизни». Католические иерархи и мыслители видели первопричину всех проблем, с которыми столкнулась постсоциалистическая Польша, в «глубоком моральном кризисе» польского социума, утрачивающего свои духовно-нравственные ориентиры. В качестве альтернативы либеральному сценарию глобализации ими была предложена т. н. «католическая глобалистика»⁴⁸⁷, которая видит решение экономических, социальных и международных проблем в трансформации современной «либеральной цивилизации» в цивилизацию христианскую со «всемирным приоритетом христианских ценностей».

Стоит отметить, что от внимания польских и российских исследователей часто ускользает, что данная традиция «христианской критики» либерального глобализма и его последствий берёт своё начало не только от социальных тезисов

⁴⁸⁵ Цит. по: Как правительство исцеляло польскую экономику после 1989 года. Радио Польша [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/174/Artykul/120134> (дата обращения – 30.01.2018).

⁴⁸⁶ Зарицкий Т. Традиционные символические ресурсы польской интеллигенции перед лицом вызовов глобализации // Восточноевропейские исследования. 2008. № 8. С. 139–153.

⁴⁸⁷ Круглова Г. А. Католическая глобалистика // Социально-гуманитарное знание. 2008. № 2. С. 163–171.

Иоанна Павла II (папская энциклика 1991 г. «Centesimus annus»)⁴⁸⁸, но и т. н. «Гарвардской речи» А. Солженицына 1978 г.⁴⁸⁹ В связи с этим примечательно, что на встрече российского писателя и римского понтифика в 1993 г. в день 15-летия интронизации «польского папы» также звучали тезисы о нежелательности «резкого перехода к капитализму», поскольку «разрушение духовной сферы при коммунизме угрожают возникновением исключительно потребительской психологии»⁴⁹⁰.

Либеральные эксперты и политики, напротив, акцентировали внимание на достижениях Республики Польша в результате её встраивания в глобальную экономику. Так, близкий к социал-либералам экономист Г. Колода, занимавший пост министра финансов в правительстве Л. Миллера, в своих многочисленных работах⁴⁹¹ доказывал, что польская экономика, несмотря на определённые трудности, в целом успешно встроилась в глобальную экономику, и ей предстоит лишь адаптироваться к постепенному «сглаживанию» уровня развития Польши по отношению к уровню развитых стран Западной Европы.

В целом, польские эксперты-либералы в своих работах обращали внимание на макроэкономические показатели и то, что относительно своих соседей по социалистическому лагерю Польша достаточно благополучно пережила встраивание в мировой рынок⁴⁹². Действительно, экономический спад, начавшийся во всех странах восточного блока после начала трансформации, в Польше окончился уже в 1993 г. А в 1994–1997 гг. среднегодовой рост национальной экономики составил 6,4%, что дало повод некоторым экспертам

⁴⁸⁸ Иоанн Павел II. Centesimus annus (1991) // Иоанн Павел II. Сочинения: в 2 тт. М., 2003. Т. 2. С. 85–163.

⁴⁸⁹ Солженицын А. Речь на Ассамблее выпускников Гарвардского университета, 8 июня 1978 // Вестник русского христианского движения. Париж; М.; Нью-Йорк, 1978. № 125. С. 275–291.

⁴⁹⁰ Цит. по Sołżenicyn u Ojca Świętego // Tygodnik Powszechny. Kraków. 28.11.1993. № 48.

⁴⁹¹ Kołodko G. W. Globalizacja, a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych. Toruń, 2001; Kołodko G. W. Polska z globalizacją w tle. Instytucjonalne i polityczne aspekty rozwoju gospodarczego. Toruń, 2007; Kołodko G. W. Wędrujący świat. Warszawa, 2008.

⁴⁹² Bąk M. Europa Środkowa i Wschodnia wobec wyzwania transformacyjnego. Gdańsk, 2006.

даже назвать страну «европейским тигром»⁴⁹³. В последнее десятилетие Польша также демонстрировала достаточно высокие темпы экономического роста (во всяком случае, для стран ЕС) и финансовую стабильность⁴⁹⁴.

Либеральные эксперты связывали это с тем, что польская экономика ещё до начала масштабных преобразований имела более открытый и рыночный характер, чем у других стран Восточной Европы⁴⁹⁵. Объективные же трудности, явившиеся последствием включения Польши в глобальную экономику, такие, как ликвидация части производств и целых отраслей, объяснялись отложенными последствиями социальных и экономических деформаций, вызванных продолжительным господством плановой экономики в стране, а также слабостью новых рыночных институтов. В качестве рецепта для преодоления этих проблем сторонники глобализации предложили последовательное увеличение открытости польской экономики для международного капитала на фоне интенсивных инвестиций в инфраструктуру, образование и науку в целях повышения национальной конкурентоспособности⁴⁹⁶. Основу взглядов либералов, таким образом, составило убеждение в том, что включение Республики Польша в глобальный рынок не результат сделанного внешнеполитического выбора, а следствие безальтернативной логики её экономического развития.

Следует подчеркнуть, что противники и сторонники включения Польши в глобализацию в целом были согласны с тем, что страна испытывала на себе разнонаправленные последствия от включения в этот процесс – дискуссии велись не вокруг того, нужно ли участвовать Польше в процессе глобализации, а в том, на каких условиях это должно происходить.

При этом некоторые эксперты отмечали, что Третья Речь Посполитая с её «демографическим, экономическим и культурным потенциалом» должна быть

⁴⁹³ The World Factbook. CIA. [Electronic resource]. – URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> (accessed: 15.01.2018).; Хромушкин И. Польша – европейский тигр? // Рынок ценных бумаг. 2000. № 2. С. 32–36.

⁴⁹⁴ Вишеградская Европа. Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной. С. 385–445.

⁴⁹⁵ Głowczyk J. Szalbierczy urok transformacji. Warszawa, 2003.

⁴⁹⁶ Мосей Г. Процессы глобализации и регионализации в мировой экономике // Экономист. 2002. № 9. С. 28.

естественным претендентом на роль лидера, способного консолидировать регион, включающий в себя пространства от Балтики до Балкан⁴⁹⁷. Как оптимисты, так и пессимисты по проблеме глобализации и её вызовов были согласны в том, что Польша в любом случае должна участвовать в процессе глокализации – и не только экономической. В частности, в середине 2000-х гг. популярностью среди некоторой части польского экспертного сообщества пользовалась концепция строительства «Речи Посполитой Четырёх Народов», которая должна была политически, экономически и культурно консолидировать пространства Польши, Литвы, Украины и Белоруссии⁴⁹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что вследствие сделанного страной внешнеполитического выбора и его последствий традиционная европейская политическая дихотомия «либералы-консерваторы» приобрела в Третьей Речи Посполитой специфические черты и гипертрофированные масштабы. На фоне непрерывных и всё более ожесточённых дискуссий, вызывающих поляризацию польского общества, ряд исследователей (историков, социологов, политологов) предложили к рассмотрению концепцию формирования по итогам десятилетий реформ «Двух Польш»: внутри страны оформился глубокий раскол на две почти во всём противоположные одна другой части⁴⁹⁹.

Первая, представленная жителями малых городков и сельской местности, искренне не поддерживала усиление глобалистских тенденций и ориентировалась на «традиционные польские ценности»: католическую мораль и социально-политический опыт исторического Польского государства⁵⁰⁰. Уверенные в величии Польши древности, преданные католическим идеалам, представители этой группы подозрительно относились к ценностям Евросоюза и опасались соседей, с которыми в историческом прошлом были конфликты – немцев и русских. Для обозначения этой группы поляков либеральными публицистами был предложен прижившийся и в науке термин «мохеры» – считается, что в качестве

⁴⁹⁷ Lach Z. Skrzyp J. Geopolityka I geostrategia. Warszawa, 2007. Ss. 81–82, 173.

⁴⁹⁸ Leszynski J.T. Rzeczpospolita Czterech Narodow. Kielce, 2005.

⁴⁹⁹ Leczczyński A. Mohery I lemingi. Dwa modele polskiej tozsamosci // Polska europejska czy narodowa? Redakcja M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 85–87.

головного убора немолодые малообразованные женщины из польской глубинки предпочитают носить именно мохеровые береты⁵⁰¹.

Другая часть общества, называемая в польской публицистике «леммингами», представляла собой скептически настроенную к польским традициям часть общества, которая в основном пыталась приспособиться к новой социально-экономической реальности и жить в ней с максимальным комфортом. Каждая из групп, чётко обозначившихся к середине 2000-х гг., обладала политическим представительством (партии «Право и справедливость» и «Гражданская платформа»), идеологизированными медийными ресурсами («Газета Выборча» и «Радио Мария») и моральными авторитетами (церковные лидеры и либеральная интеллигенция)⁵⁰².

Можно заключить, что в этот период произошёл определённый раскол общества Третьей Речи Посполитой на две большие группы: «национальную» и «универсальную». Это глубокое и губительное разделение социума образовало не имеющую позитивного завершения внутривнутриполитическую дискуссию – какой страной следует стать Польше, на кого ориентироваться во внешней политике и стоит ли держаться за те ценности, которые в своей совокупности составляют т. н. «polskość» («польскость»). Ведь для одной части политического спектра это слово стало символом всего лучшего, что есть в истории и современности страны, а для других – синоним её косности и отсталости. «Польский спор о современности», как его назвали исследователи из Института политических исследований Польской Академии наук, это спор о признании ценностей модернизации – светскости, прогресса, равенства полов и утверждения индивидуализма. Исследователь А. Лещинский в этой связи метко замечал, что признаком того, что Польша наконец-то стала «современным» и самодостаточным государством станет

⁵⁰⁰ Лыкошина Л. С. Польские правые накануне XXI в. М., 2004.

⁵⁰¹ Обращает на себя внимание параллель с российским публицистическим термином «ватник», которым некоторые прозападные авторы имеют обыкновение презрительно именовать бескомпромиссных сторонников правительственной линии и российских «государственников» в целом.

⁵⁰² Лыкошина Л. С. Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в. М., 2011.

прекращение споров вокруг тем, которые в развитых странах уже давно не вызывают вопросов⁵⁰³.

Говоря о внешнеполитическом измерении таких дискуссий в польском обществе А. Ротфельд, обращал внимание на отношения Польши с двумя самыми сложными (с исторической точки зрения) соседям – русскими и немцами⁵⁰⁴. Высоко оценивая движение на пути к взаимопониманию и примирению, проделанную Польшей и Германией, он отмечал, что этот опыт не может быть экстраполирован на русско-польские взаимоотношения, поскольку у России нет комплекса вины перед Польшей, как это было у немцев, и русские не ощущали и не ощущают ответственности за бедствия польского государства. Часть польского общества и элиты понимает это и стремится найти другие формы сближения позиций Польши и России (такие как работа Группы по трудным вопросам общей истории двух стран, созданной в 2002 г.). Разумеется, что к поиску компромисса с Россией склонны как раз более равнодушные к проблемам истории «лемминги», а не абсолютизирующие исторический опыт «мохеры».

При этом, говоря о последствиях евроатлантической интеграции Республики Польша, необходимо отметить, что одной из групп достаточно скептически оценившей итоги включения Польши в наднациональные универсалистские проекты стала молодёжь. Как отмечали польские исследователи, представители молодого поколения с большим недоверием относятся к политическим институтам, созданным после 1989 г. и склонны считать политическую систему циничной и равнодушной к проблемам большинства граждан. Более того, 5% молодых граждан Третьей Речи Посполитой назвали самой главной проблемой Польши – ограничение её суверенитета. Как писал об этой проблеме социолог Я. Мажецкий: «Новое «демократическое» поколение поляков разочаровано деятельностью

⁵⁰³ Leczczynski A. Mohery I lemingi. Dwa modele polskiej tozsamosci / Polska europejska czy narodowa? Redakcja M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 93.

⁵⁰⁴ Rotfeld A. Europejskie Poednanie? Narodowy konflikty – miendznarodowe rozwiazania \\
Polska europejska czy narodowa / red. M. Jarosz. Warszawa, 2014. S. 27–42.

политической элиты... Роль политиков, независимо от их партийной принадлежности, воспринимается как роль деструктивная»⁵⁰⁵.

Вместе с тем, нельзя обойти вниманием тот факт, что, несмотря на электоральные успехи партий, декларирующих своё несогласие с «линией Брюсселя» готовность жёстко отстаивать национальные интересы на европейских площадках, поляки по-прежнему остаются в числе европейцев, наиболее позитивно относящихся к Европейскому союзу как к идее⁵⁰⁶. Этот парадокс может быть объяснён тем, что польское общество разочаровано не европейским проектом как таковым, а несправедливым, на взгляд многих граждан Республики Польша, положением страны внутри ЕС.

Таким образом, вопрос о национальном и европейском самоопределении Третьей Речи Посполитой, несмотря на членство страны в НАТО и ЕС, в значительной степени остался нерешённым. Более того, в обществе началась борьба т.н. «леммингов» и «мохеров», что является весьма опасным явлением, т.к. фактически означает противопоставление ценностей модернизации ценностям патриотизма, гражданского и культурного национализма. В информационном и политическом пространствах Польши к концу 2000-х гг. отчётливо сложилась ложная дихотомия: либо гражданин является патриотом и тогда должен отрицательно относиться к «европейским ценностям» и быть поборником идейного наследия «сарматизма», которое означает отказ от социального динамизма и прогрессизма, либо он – разделяющий европейские ценности оптимист, равнодушный к традициям Польши и откровенно стесняющийся специфики своей национальной культуры.

Нельзя не признать, что вследствие сделанного внешнеполитического поворота польское общество оказалось в глубоком интеллектуальном и идейном кризисе, при котором каждый социально активный его член должен делать выбор между двумя деструктивными позициями: костным патриотизмом или

⁵⁰⁵ Marzęcki R. Rozczarowane pokolenie : opinie młodych Polaków o klasie politycznej // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. 2014. T. 1. S. 141–148.

антипатриотичным либерализмом. При этом так и не была предложена и интеллектуально оформлена наиболее разумная альтернатива в виде просвещённого и не отрицающего европейское культурное наследие польского патриотизма, который мог бы объединить в себе ценности прогресса с пониманием необходимости сохранения польской национальной идентичности.

Эта проблема нашла свое отражение и во внешней политике Республики Польша. Приход к власти «партии мохеров» означал сосредоточенность на «исторической политике» и неминуемый конфликт с соседями (немцами и русскими) при полном отсутствии какой-либо позитивной повестки дня. Победа же политиков, представляющих интересы «леммингов», приводила к сосредоточенности на прикладных социально-экономических вопросах при холодном равнодушии к проблеме исторической миссии Польши и определению её места в процессе исторического развития Европы. Обе эти группы элиты оказались не в состоянии предложить стране подлинно национального и прогрессивного проекта, а лишь стремились выбрать приоритеты (НАТО или ЕС).

Разочарование молодёжи в сложившейся за последние 25 лет политической системе и усиливающееся противостояние по линии «либералы-патриоты» позволяют сделать предположение, что Третья Речь Посполитая в будущем, вероятно, столкнётся с серьёзным кризисом, связанным падением доверия к политической системе, росту евроскептических и националистических настроений. Этот кризис поставит вопрос о необходимости выработки Варшавой собственного подхода к проблемам Европейского континента и собственной же модели адаптации к глобализации, который может отличаться как от атлантического, так и от брюссельского.

В завершение главы стоит отметить, что при создании Третьей Речи Посполитой внешнеполитическая переориентация Польши на Запад была частью широкого консенсуса польского народа и элиты, состоявшей как из бывших

⁵⁰⁶ См. данные европейского статистического агентства «Евробарометр» [Electronic resource]. – URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/>

оппозиционеров, так и из «посткоммунистов». Поворот к Западной Европе понимался в Польше не только в категориях «избавления» от влияния России и восстановления государственного суверенитета, но и как историческое «возвращение поляков в семью западных народов».

Кроме того, «западный выбор» был составной частью новой идентичности государства, пришедшего на смену Народной Польше. При этом евроатлантический курс был внутренним и в целом самостоятельным выбором поляков, пользовавшимся стабильной поддержкой населения, а инициатива по сближению с Западом первоначально всегда исходила из Варшавы. Интеллектуальной альтернативы этому пониманию нового места Польши в Европе и мире предложено так и не было.

В процессе евроатлантической интеграции Польши можно выделить три этапа (1989–1993, 1993–1999, 1999–2004). Принципиально важным для понимания этого протяжного процесса является то, что до начала 2000-х гг. европейский и атлантический векторы, с точки зрения польских лидеров, не конкурировали между собой, но органично дополняли друг друга. Однако, начиная с 2001 г. часть польского политического класса (в основном консерваторы-традиционалисты) под влиянием, прежде всего, исторических факторов (страха перед Россией и Германией, а также представления об особом историческом предназначении Польши в восточноевропейском регионе) попытались выстроить особые «привилегированные» польско-американские отношения и играть на американско-европейских противоречиях для достижения собственных внешнеполитических целей – упрочения позиций Республики Польша в ЕС и увеличения её влияния «на Востоке» (на западных территориях бывшего Советского Союза).

Со второй половины 2000-х гг. вопрос выбора приоритета из двух векторов (европейского или атлантического) стал одним из важных политических водоразделов между польскими либералами и консерваторами. При этом ни одна из двух ведущих политических сил не ставила под сомнение необходимость

сотрудничества по обоим направлениям, споры возникали о том, что должно быть на первом месте: трансатлантическая или европейская солидарность.

Кроме того, к началу XXI в. чётко обозначилась «мессианская» составляющая внешнеполитического курса Третьей Речи Посполитой, которая имеет прямые исторические отсылки к более ранним польским государственным проектам (Первой (1569–1795) и Второй (1918–1939) Речи Посполитой). Новая Польша стремилась стать ведущей державой региона, консолидировать его на «антироссийской повестке» и добивалась позиции «специалиста по Востоку» внутри ЕС и НАТО, одновременно лоббируя дальнейшее расширение этих организаций.

При анализе целей, стоявших перед Республикой Польша при её создании, и достигнутых за период 1989–2013 гг. результатов обращают на себя внимание системные противоречия внешней политики постсоциалистической Польши. Важнейшим из них является то, что страх потери суверенитета (в результате российско-германского «сговора») привёл Варшаву к делегированию части своего суверенитета в наднациональные институты (НАТО и ЕС), размыванию польской идентичности в результате включения страны в либеральные сценарии глобализации, предложенные в Вашингтоне и Брюсселе, и снижению уровня её безопасности в результате конфликтов с Россией и участия в украинском кризисе 2013–2014 гг., приведшем к долговременной дестабилизации региона.

При этом, несмотря на достаточно быструю интеграцию страны в западные институты, Республика Польша по-прежнему рассматривается западными аналитиками, прежде всего, в качестве «стратегического плацдарма» США в Европе, чьё значение имеет потенциал роста (например, вследствие энергетического фактора), но страна так и не приобрела самостоятельного значения для Вашингтона. Для США партнёрство с Польшей является лишь инструментом в выстраивании своих отношений с Европой и Россией. Кроме того, не оправдались польские надежды сделать Третью Речь Посполитую государственно-политической и социально-экономической моделью для всего восточноевропейского региона. Напротив, по мере углубления европейской

интеграции и всё большему вовлечению польской экономики и общества в либеральные сценарии глобализации, усиливались внутренние противоречия и социально-экономические диспропорции в Польше. К началу второго десятилетия XXI в. можно говорить о существовании глубокого внутреннего противостояния в польском обществе партийно-традиционалистов, склонных к политическому идеализму и национализму («мохеры»), и равнодушных к чувству национальной исключительности либеральных прагматиков, стремящихся трансформировать польское общество по западноевропейскому образцу («лемминги»). Более того, политические представители «мохеров», обеспокоенные положением Польши внутри Евросоюза, приобрели склонность демонстративно выступать против держав «старой Европы», несмотря на в целом высокую политическую и экономическую зависимость страны от них. В этом, вероятно, также можно проследить наследие польской «романтической» исторической «традиции восстаний» против заведомо более сильных конкурентов в расчёте на внешнюю поддержку (в данном случае – со стороны США, партнёрству с которыми консерваторы традиционно придают чрезвычайно высокое значение).

Деструктивное противостояние по линии традиционалисты-либералы, ставящее страну перед ложным выбором между патриотизмом и социальным модернизмом, на фоне нарастающего отчуждения молодёжи от общественно-политической системы позволяет говорить о существовании серьёзных рисков усиления кризисных тенденций в Третьей Речи Посполитой как политическом проекте. Вероятно, по мере эрозии либерального сценария глобализации и углубления противоречий между Старым и Новым Светом, вызванных в том числе диалогом вокруг условий гипотетического Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства⁵⁰⁷, встанет вопрос о серьёзном переосмыслении в польском обществе и политической элите опыта государственного строительства после 1989 г. и, возможно, серьёзной реконструкции современного польского национально-государственного проекта.

⁵⁰⁷ С приход Администрации Д. Трампа в США в 2017 г., впрочем, уместнее уже говорить о рисках американо-европейской «торговой войны», а не о трудностях в заключении ТТИП.

Глава 3. РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА ТРЕТЬЕЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

3.1. Исторический опыт русско-польского взаимодействия в Восточной Европе

Россия играла значительную роль в польской национальной истории и память об этом оказывала влияние на формирование двусторонних отношений после 1989 г., что неоднократно отмечалось в литературе⁵⁰⁸, поэтому для формирования верного понимания новейшего этапа российско-польского взаимодействия и конкуренции в Восточной Европе принципиально важно зафиксировать два отправных тезиса исследования.

Во-первых, время наивысшего расцвета и могущества Первой Речи Посполитой не только хронологически совпало с периодом относительного упадка Русского царства, вызванного Смутой. Успех Варшавы был прямым следствием ослабления Москвы: отсутствие сильного противника на восточных границах позволило полякам установить свою гегемонию на обширных пространствах от Балтики до Чёрного моря. Во-вторых, Первая Речь Посполитая в период своего расцвета являлась территориально интегрированной империей, границы которой включали в себя не только этнические польские территории, но и земли, населённые другими восточноевропейскими народами, в отношении которых польская политическая элита, имевшая мессианское самосознание, проводила политику полонизации.

При этом в истории российско-польских отношений можно выделить несколько ключевых периодов, опыт которых продолжает оказывать влияние на современные отношения двух стран. Так, *XVII в. был временем острой конкуренции Московского царства и Первой Речи Посполитой*⁵⁰⁹. Консолидированное после Смуты династией Романовых Русское государство

⁵⁰⁸ Столяров А.О. ... дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15: защищена 20.11.2015. СПб., 2015. 397 с.

⁵⁰⁹ Само образование Речи Посполитой Обоих Народов в результате принятия Люблинской унии 1669 г. было реакцией на успехи Москвы на первом этапе Ливонской войны (1558–1583). См. Филюшкин А. И. Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. // *Studia*

сумело в ходе Смоленской войны (1632–1634) утвердить себя на международной арене и добиться международного признания нового правящего дома, а затем вернуть утраченные ранее земли после изматывающей, но успешной войны 1654–1667 гг. Тогда же Варшава была вынуждена уступить Москве территории Левобережной Украины и Киев⁵¹⁰, что было окончательно закреплено в «Вечном мире» 1686 г. При этом примечательно, что как упадок Московского царства в конце XVI – начале XVII вв. привёл к установлению польской гегемонии в Восточной Европе, так и укрепление России в конце XVII – начале XVIII вв. стало прологом к закату польского могущества в регионе. Именно с XVII в., можно говорить о существовании определённого «стратегического маятника» в Восточной Европе – либо Россия ослабевала, и тогда в регионе начинала доминировать Польша, либо Россия усиливалась, а Польша оказывалась в положении «угасающей державы». Оба государства в этот период уже обозначили свои претензии на исключительную роль в качестве сил, способных консолидировать и интегрировать в себя обширные пространства, населённые различными этническими и религиозными группами: уже со второй половины XVII в. польско-русское стратегическое соперничество в регионе находит своё выражение, в том числе, и в идеолого-культурном противоборстве, а его основной ареной становятся спорные пограничные территории нынешних Литвы, Белоруссии и Украины⁵¹¹.

Slavica et Balcanica Petropolitana/ Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 197–202.

⁵¹⁰ Стоит отметить, что в этот период, как и во времена русских успехов в Ливонской войне, в Речи Посполитой вновь возникает «русская партия», ставящая своей целью избрание на польско-литовский трон русского царя. Сторонники этой политической комбинации видели в личной польско-русской унии залог мира и гарантии своих политических и имущественных прав, а также сословных привилегий, которые мог гарантировать московский самодержец. См. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006.

⁵¹¹ С этой точки зрения можно рассматривать и проведённую в царствование Алексея Михайловича церковную реформу, направленную на унификацию русского православного обряда с греческими и малороссийскими религиозными традициями⁵¹¹. Это подготавливало почву для русской экспансии на юг, в Малороссию и далее – на Балканы. Польша также использовала религиозную карту в своём противоборстве с Россией XVI в., попытавшись в конце отгородить от духовного влияния Москвы своих православных подданных, обратив их в грекокатоликов (Брестская уния). Лобачёв С. Патриарх Никон, СПб., 2003, С. 113–115.

Это важно отметить, поскольку Москва и Варшава – единственные в Восточной Европе центры, что смогли сформулировать свои универсалистские проекты, призванные дать их гегемонии не только военно-политическую, но и духовно-идеологическую основу. При этом для Польши и России Восточная Европа была не просто одним из направлений, где они действовали и реализовывали свои интересы (как это было в случае Швеции, Османской империи или монархии Габсбургов), а ключевым геополитическим регионом⁵¹².

На *следующем этапе* (1686–1772) российско-польские отношения развивались в условиях быстрого роста о влияния России в Восточной Европе и постепенной стагнации Польши. Северная война (1700–1721), выведшая Россию в число ведущих европейских держав, одновременно способствовала нарастанию хаоса и неразберихи в Польше, где враждующие иностранные державы пытались утвердить на престоле своих ставленников⁵¹³. Перестав быть опасным конкурентом, Речь Посполитая, тем не менее, представляла угрозу в качестве обширного плацдарма, с которого противник мог организовать наступление на Россию, как это было в период Северной войны. В связи с этим важнейшими задачами русской дипломатии на польском направлении стало установление в Польше пророссийского правительства, недопущение вовлечения Речи Посполитой в союз, направленный против России, и превращение Польши в дружественное буферное государство, прикрывавшее русские границы от возможной угрозы с Запада и позволявшее организовать транзит российских войск по своей территории в случае необходимости (как это было в период Семилетней войны (1756–1763)).

Стремящаяся решить «южный вопрос» Россия во второй половине XVIII пыталась опереться на дружественную Польшу⁵¹⁴, которая, однако, стала источником серьёзного беспокойства для восточного соседа, поскольку в ней разгорелась гражданская война, направленная с одной стороны против

⁵¹² Bobiatyński K. *Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654–1655.* Warszawa, 2004.

⁵¹³ Артамонов В. А. М., Наука, 1990;

⁵¹⁴ Konopczynski W., *Fryderyk Wielki a Polska.* Krakow , 2010, S. 90–98.

центрального правительства и его реформ, а с другой – против Санкт-Петербурга⁵¹⁵. История этого периода двусторонних отношений показала, что установление дружественного режима в ослабленной Польше является крайне непростой задачей для России, поскольку сильные внешние конкуренты стремятся использовать Варшаву в своей игре против России, а внутри самой Польши всегда находятся силы, готовые выступить с антироссийских позиций для решения своих внутривластных задач.

Следующий этап российско-польских отношений (1772–1815) ознаменовался стремлением России установить ту или иную форму контроля над Польшей и попытками польской элиты воспрепятствовать этому, завершившимися гибелью Польского государства.

Так, в 1772 г., правительство Екатерина II в 1772 г., столкнувшись с риском создания широкой антироссийской коалиции, была вынуждено согласиться с прусской инициативой и принять участие в первом разделе Польши⁵¹⁶, идеологическим основанием чего стала защита религиозных «диссидентов» – православных и протестантов⁵¹⁷. Не представляется возможным в рамках данной работы подробно говорить о причинах, побудивших российское правительство принять участие в во втором (1793 г.) и третьем (1795 г.) разделах Польши,

⁵¹⁵ Оппозиционные королю Станиславу Понятовскому (русско-австрийскому ставленнику) магнаты составили в 1768 г. т. н. «Барскую конфедерацию» и, опираясь на Францию и Турцию, выступили против легитимного правительства. В ходе преследования конфедератов русские войска, принявшие участие в конфликте по просьбе короля, вторглись на территории Крымского ханства, что дало туркам формальный повод объявить войну России. Подробно см. Konopczynski W.: *Konfederacja barska*. Т. 1.-2. Poznań, 2017.

⁵¹⁶ Хотя официальное польское правительство и было дружественно России, конфедераты стремились заручиться поддержкой Франции, Австрии, Пруссии и совместно выступить против России, которая испытывала серьёзные трудности, связанные с напряжённой русско-турецкой войной (1768–1774).

⁵¹⁷ Используя образ защитника религиозной толерантности, Россия решала две важные информационно-пропагандистские задачи: добивалась ещё большего уважения в глазах православных и представала образцом современного государства и рационализма, борющимся против религиозного фанатизма и нетерпимости. Учитывая настроения XVIII в., неудивительно, что большинство французских философов-просветителей, которые оказывали серьёзное влияние на европейское общественное мнение, выступили в поддержку Первого раздела. См. Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003. С. 386–392.

приведших к ликвидации Первой Речи Посполитой⁵¹⁸, однако, стоит отметить, в российская императрица Екатерина II, осуществляя эту внешнеполитическую акцию, стремилась позиционировать себе одновременно носителем идей Просвещения, защитником европейских ценностей и объединителем русских земель, которые по трагической исторической случайности оказались отторгнуты от России⁵¹⁹. Непосредственно же польские земли оказались разделены между Австрией и Пруссией.

Французская революция и Наполеоновские войны привели к стратегической разбалансировке европейского континента, в ходе которой Франция пыталась переформатировать политическую систему Европы и создать ряд зависимых от Парижа государств, одним из которых было Великое Герцогство Варшавское (1807–1815), составленное из польских территорий, отошедших по итогам трёх разделов к Австрии и Пруссии, с помощью которого Франция оказывала постоянное давление на Берлин, Вену и, прежде всего, Санкт-Петербург⁵²⁰. Польская элита мечтала о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г., надеясь добиться этого, используя поддержку Франции: именно с территории Варшавского герцогства во время Отечественной войны 1812 г. в Россию вторглись основные части Великой армии Наполеона, где служило до 100 000 поляков⁵²¹, которые и после поражения в России показали себя преданными и последовательными союзниками проигрывавшего французского императора.

После окончания Наполеоновских император Александр I на Венском конгрессе (1815) предложил, заручившись поддержкой Пруссии и преодолев сопротивление Великобритании, Австрии, Франции, совершенно новый подход к

⁵¹⁸ См. об этом фундаментальное исследование Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II, М., 2002.

⁵¹⁹ Для реализации этих целей российским правительством была осуществлена полномасштабная «информационная кампания», в которой лично участвовала императрица. «Отторженная возвратих» – стал основным девизом, характеризующим присоединение новых земель, которое должно было представать в общественном мнении как возвращение некогда утеренных территорий их законному владельцу – России. См. Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II, Ленинград, 1989, С. 166–174.

⁵²⁰ Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980.

⁵²¹ Zamoyski A. 1812. Wojna z Rosją. Kraków, 2007. S. 92–93.

разрешению проблемы русско-польского стратегического соперничества в Восточной Европе: добился восстановления Польского государства под своим правлением⁵²². Это, а также либерализм, проявленный императором в отношении поляков, обеспокоил многие консервативные круги в России и послужил толчком к началу продолжительной дискуссии в русском обществе по «польскому вопросу»⁵²³. Начало этого процесса справедливо связывают с «Мнением русского гражданина»⁵²⁴ – письмом придворного историографа Н. М. Карамзина императору, в котором тот высказывает свои опасения, касающиеся «восстановления Польши»⁵²⁵.

Анализируя исторический опыт рассмотренных периодов (XVI–начало XIX вв.) стоит отметить, что уже к началу XVII в. русско-польская стратегической конкуренции стала постоянным международным фактором в Восточной Европе. Длительность этой конкуренции во времени заставляет рассматривать её как закономерность, проистекающую из объективной реальности, а не как ряд случайных и не связанных между собой конфликтов. Несмотря на ряд

⁵²² Созданное решением конгресса Королевство Польское оказывалось в личной унии с российским императорским домом, при этом в стране была введена весьма либеральная для той эпохи конституция, учреждён парламент. Император Александр I, ставший польским королём, обеспечил в новом государстве господство польского языка, культуры и католической религии. Кроме того, была создана собственная польская армия, которая не могла использоваться за пределами королевства. Примечательно, что по условиям соглашений, заключённых в Вене в 1815 г., за Александром сохранялось право расширить территории Королевства Польского за счёт присоединения к нему территорий, отошедших к России по итогам трёх разделов.

⁵²³ См. подробнее Аржакова Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.

⁵²⁴ Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М. 2002. С. 436–438.

⁵²⁵ В этом политическом сочинении Карамзин весьма прямо высказывает императору свои опасения, связанные с теми милостями, которые царь проявил по отношению к полякам. Русский историк, признавая разделы Польши небезупречными с моральной точки зрения, обращает внимание императора на то, что не одна Россия несёт ответственность за этот акт международной политики. Несмотря на то, что император не стал расширять пределы Царства польского, передавая ему земли Западных губерний, «польский вопрос» на протяжении всего XIX в. входил в круг проблем, к которым постоянно обращались русские мыслители, занятые осмыслением места, которое занимает Россия в европейской и мировой политике. Два польских восстания, поднятых против власти Российской империи в 1830 г. и 1863 г., привлекли большое общественное внимание и делали «польский вопрос» одним из самых болезненных и важных для русского интеллектуального класса XIX в.

особенностей и масштаб этого продолжительного конфликта, он всё же не является чем-то уникальным в мировой истории⁵²⁶.

Учитывая это, трагическую гибель Первой Речи Посполитой с исторической точки зрения можно рассматривать как закономерный итог продолжительного соперничества двух конкурирующих глобальных политических проектов для Восточной Европы, польского и русского. Обеими сторонами на протяжении нескольких веков были опробованы самые различные способы разрешения двухсторонних противоречий: военные, дипломатические, династические, культурные, религиозные. Однако к началу XIX в. единственным способом снятия проблемы русско-польской стратегической конкуренции стала ликвидация одного из её участников, что сразу же привело к возникновению новой проблемы – «польского вопроса», выразившегося в настойчивом стремлении польской шляхты восстановить свою страну в границах 1774 г.

Наступивший затем *этап двусторонних отношений (1815–1917)* связан с нахождением большей части польских земель в составе Российской империи. Если постараться систематизировать направление развития русской геополитической мысли на протяжении XIX – нач. XX вв., то можно выделить несколько основных подходов к «польскому вопросу»: славянофильский, западнический, государственнический и панславистский⁵²⁷. Несмотря на определённые различия в понимании места Польши в мире и её значения для России, по многим позициям взгляды мыслителей XIX–начала XX в. совпадали: практически все они соглашались с тем, что поляки (или польская элита) имеет свой, альтернативный русскому, политический проект, который включает в себя стремление к государственно-политической самостоятельности и

⁵²⁶ Примерно в этот же период дипломатической константой Западной Европы была стратегическая конкуренция Французского королевства и Дома Габсбургов, а турецко-персидский конфликт на протяжении XVI–XIX вв. оставался важнейшим фактором, определявшим положение на Кавказе и Ближнем Востоке.

⁵²⁷ Дискуссии по «польскому вопросу» внутри российского общества в период между двумя восстаниями подробно рассматриваются в подготовленной на богатой источниковой базе монографии Г. А. Малютин «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. См. Малютин Г. А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.: монография. М.; СПб, 2013.

распространению польского культурного и политического влияния на обширные территории Литвы–Белоруссии–Украины⁵²⁸.

Представители всех направлений русской общественно-политической мысли, за исключением крайних западников и демократов, выступали категорически против этих польских планов и настаивали на неразрывной связи территорий Западного края с Россией. Отношение же к полякам и Польше различалось от откровенно подозрительного и враждебного до вполне примирительного. Русские мыслители того периода выделяли две основные угрозы, которые могут исходить от независимой Польши⁵²⁹. Во-первых, она может начать свою экспансию на восток, в те земли, которые только в конце XVIII в. были присоединены к России и ещё не до конца русифицированы. Во-вторых, она могла попасть в зависимость и стать орудием в руках соседних держав – Австрии и Германии, которые могут использовать Польшу в своей игре против России.

Славянофилы двойственно относились к Польше и полякам. Они противопоставляли славянство «латинству» (И.С. Аксаков или Ю.Ф. Самарин были склонны видеть в поляках орудие католического Запада, направленное против православной России)⁵³⁰ и одновременно допускали возможность «исправления» поляков и примирения их с русскими, для чего требовалось усиление в польском обществе народных, национальных начал, которые бы противостояли католическому универсализму⁵³¹. В целом, славянофилы считали, что поляки выиграли от присоединения к России – это спасло их от онемечивания и окончательной утраты своей связи со славянским миром, которым грозила

⁵²⁸ Это стало совершенно очевидно после Ноябрьского восстания 1830–31 гг., которое привело к ликвидации польской автономии в рамках Российской империи.

⁵²⁹ Дискуссии внутри польского общества по рассматриваемым ниже проблемам и исторические рефлексии, связанные с утратой независимости, на русском языке исчерпывающе проанализированы А. Васильевым, поэтому далее в настоящем параграфе автор сосредоточил своё внимание на анализе взглядов именно русских мыслителей. См. Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 215–248.

⁵³⁰ Аксаков И. С. Наши нравственные отношения к Польше // Полное собрание сочинений Т. 3. С. 9; Самарин Ю. Ф. Православие и народность. 2008. С. 345–346.

германизация. Не исключали славянофилы и предоставление автономии или даже независимости Польше, если примирение с поляками не удастся⁵³². Славянофилы, однако, выступали последовательными противниками полонизации Западного края и твёрдо стояли на позициях исторических прав России на земли, населённые православными, которые в период господства над ними Речи Посполитой испытывали на себе постоянный гнёт католиков⁵³³. Полякам, как опасались славянофилы, была нужна не независимость, а восстановление собственного глобального имперского проекта для Восточной Европы, который означал отторжение от России земель Западного края. Поскольку славянофилы считали утверждение триединства русского народа, состоящего из велико-, мало- и белорусов, важнейшей задачей своего интеллектуального движения, они видели в польском государственном проекте своего противника.

Славянофильство как первая историческая ступень развития русского национализма⁵³⁴, стояло на позициях в целых оппозиционных по отношению к традиционно имперскому решению «польского вопроса», предложенному Александром I. Опыт польских восстаний (Ноябрьского 1830 г. и Январского 1863 г.) убеждал их в том, что политика примирения не оправдывает себя. Во-первых, польская дворянская элита не испытывала благодарности за особый правовой статус, полученный в рамках империи. Во-вторых, как считали славянофилы, польская шляхта использует свои привилегии для культурной

⁵³¹ Аксаков И. С. Как узнать где именно Польша // Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 63–66.

⁵³² Аксаков И. С. В предположении войны // Полное собрание сочинений Т. 3. С. 118.

⁵³³ Славянофилы поэтому полностью отвергали претензии поляков на восстановление страны в границах 1774 г. Такая Польша для них автоматически становилась не только врагом России, но и врагом православных славян и орудием католической и протестантской Европы в её борьбе против единственной надёжной опоры православия – России. Вне зависимости от решения «польский вопрос», славянофилы настаивали на полном культурном и цивилизационном отделении народов Западного края от польского влияния. Политика русификации, усилившаяся после Январского восстания 1863–64 гг., встретила полную поддержку с их стороны. См. Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 2008. С. 356.

⁵³⁴ Тесля А. А. Первый русский национализм и другие. М. 2014.

экспансии на Восток, на территории Литвы, Украины и Белоруссии, проводимой в интересах Запада⁵³⁵.

Среди русских *западников* наблюдался относительно широкий спектр мнений по «польскому вопросу». Наиболее *радикальные* представители этого интеллектуального течения, такие как А. Герцен и И. Панаев, с сочувствием относились к полякам и в целом негативно оценивали роль России в разделах Польши. Герцен полагал, что именно участие в расчлени Речи Посполитой стало «первым чёрным грехом» России, вся ответственность за уничтожение независимого польского государства лежит на политике Санкт-Петербурга. При этом он считал, что после победы над общим для русских и поляков врагом, царским самодержавием, оба народа смогут наладить конструктивное взаимодействие в новом государстве, основанном на федеративном начале⁵³⁶.

При этом радикальные западники и демократы полагали, что западнорусские народы, такие как украинцы, не меньше поляков или русских имеют право на национальное самоопределение⁵³⁷ и собственную государственность. В связи с чем А. Герцен и его единомышленники выступали против претензий поляков на восстановление своей государственности в границах 1772 г., считая их проявлением «польского имперского мышления», которое ничем не отличается от «русского имперского мышления».

Умеренно-либеральные мыслители-западники, такие как издатель «Вестника Европы» М. Стасюлевич, осуждая политику русификации выступали против идеи предоставления полной государственной независимости Польши⁵³⁸. Несмотря на всё возмущение, которое вызывали у западников попытки ограничить польский язык из образования и системы управления в Польше, они понимали, что существует и обратная угроза – полонизация белорусов и украинцев, проживавших на территории западных губерний Российской империи. Многие

⁵³⁵ Славянофилы также были склонны рассматривать русско-польский конфликт как один из элементов более широкого исторического конфликта России и Западной Европы, в котором последний использует поляков в качестве своеобразной «пятой колонны» в среде славянских народов.

⁵³⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1957. Т. 14. С. 35.

⁵³⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1957. Т. 14. С. 18–19.

видные мыслители-западники (К. Кавелин, Н. Кареев, С. Соловьёв) в целом считали вхождение Польши в состав России неизбежностью, которая при определённых условиях может стать благом, как для поляков, так и для русских⁵³⁹.

Западники полагали, что для предотвращения русско-польского антагонизма и превращения Польши в лояльную провинцию империи (наподобие Финляндии) русскому правительству необходимо сочетать языковую и культурную толерантность по отношению к полякам в регионах, где они исторически составляли большинство населения, с заботой об экономическом процветании своих польских территорий. Это, по мнению умеренных западников, привело бы в будущем к появлению там «среднего сословия», которое своим существованием будет обязано России и станет благодаря этому русской опорой в Польше⁵⁴⁰. Одновременно с этим западники выступали против возможности проникновения польского влияния на территории Западного края, рассматриваемого ими как чуждая для Польши территория⁵⁴¹.

Можно заключить, что русские западники в своём видении отношений России и Польши во многом были продолжателями стратегии Александра I, стремившегося с помощью либеральных методов управления и инкорпорации верхушки польского общества в имперскую элиту примирить поляков с русским господством. Однако вместо инкорпорации аристократической элиты западники видели возможности русско-польского примирения в создании в Польше нового социального класса, который бы своим положением был обязан русскому

⁵³⁸ Вестник Европы. 1868. Кн. 3. С. 121.

⁵³⁹ Кручковский Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии 2-й пол. XIX – нач. XX вв. // Славяноведение. 1993. № 5. С. 76–78.

⁵⁴⁰ Вестник Европы. 1868. Кн. 4. С. 842–844.

⁵⁴¹ Даже П. Я. Чаадаев (чьё отнесение к западникам носит весьма условный и даже спорный характер, однако, в данном конкретном случае представляется оправданным, учитывая характер его полемики с А. С. Пушкиным относительно идей, выдвинутых в «Философических письмах») весьма положительно оценивавший историческое значение католицизма, одобрительно воспринял подавление польского восстания и восторженно называл А. С. Пушкина «национальным поэтом» после того как последний опубликовал своё стихотворение «Клеветникам России», направленное как против польских повстанцев, так и против западного вмешательства в восстание. См. Багратион-Мухранели И. Л. «Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А. С. Пушкина». Т. 2. М., 2004. С. 121.

правительству и экономическому взаимодействию в рамках империи и не был поэтому связан с мятежной польской аристократией, которая неоднократно демонстрировала свою нелояльность по отношению к Санкт-Петербургу⁵⁴².

В противоположность западничеству русские политические *мыслители-«государственники»*, занимали непримиримую позицию по отношению к «польскому вопросу». Они были равнодушны к проблеме взаимодействия католичества и православия в рамках русско-польского конфликта. Для таких влиятельных «государственников» как М. Катков ключевым было осознание угрозы, исходившей от польской независимости. Они считали, что поляки, стремящиеся к воссозданию Речи Посполитой, представляют собой серьёзный исторический вызов для русских – ведь восстановление независимой Польши будет автоматически означать «уничтожение всяческого политического значения» России⁵⁴³.

Поскольку «государственники» считали Западный край неотъемлемой частью России, они настаивали на скорейшей русификации этих земель, и не возражали против русификаторских усилий в самой Польше, а польские восстания «государственники» расценивали, как выступления амбициозной и неблагодарной России польской элиты, которая не была поддержана народом. «Государственники» считали политический проект польской шляхты сугубо элитарным и лишённым серьёзной массовой поддержки, поэтому они не видели в польском народе противника России и считали решением польско-русских противоречий полную интеграцию польских земель в империю.

⁵⁴² Уже в XX в. крупный русский либеральный мыслитель П. Б. Струве в своих размышлениях о проблемах русского могущества приходил к мнению, что Польша экономически полностью интегрирована в территориальное единство, созданное Российской империей, и поэтому поляки нуждаются в русских больше, чем русские – в поляках. Это положение в полной мере соответствовало интересам России, т. к. позволяло ей укрепить свой престиж в славянском мире, а, значит, и усилить вес на Балканах – регионе, который для Струве был главным направлением, куда должны быть устремлены усилия по укреплению русского экономического и политического влияния. См. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль, Кн. 1, С. 143–157.

⁵⁴³ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских «Ведомостей» 1863 год. М. 1897. С. 571.

Таким образом, «государственники» выступали с универалистских, бюрократических позиций и видели в Польше и поляках только очередной регион, присоединённый к империи, который при этом обладает стратегической важностью для страны и не может поэтому быть уступлен. Ведь в противном случае эти территории будут заняты Пруссией и Австрией, что ослабит позиции России и в конечном итоге может привести к её вытеснению из Европы⁵⁴⁴. На последнем этапе существования Российской империи эта политика была отчасти поддержана и продолжена П. Столыпиным, который в 1911 г. преодолел сопротивление консервативных аристократических групп и сумел добиться введения земского самоуправления в Западном крае, что ограничивало влияние поляков-землевладельцев в этом регионе⁵⁴⁵.

Идеологи *панславизма*, такие как консервативный историк М. Погодин, обращая внимание на многочисленные русско-польские войны в прошлом, полагали, что уничтожение Первой Речи Посполитой было совершенно необходимо, т. к. в противном случае Польша бы сама продолжила свою экспансию на восток и уничтожила Россию. Панслависты считали, что только слияние двух стран в рамках одного государства обеспечит мир между двумя народами, а также будет способствовать процветанию самих поляков⁵⁴⁶. Впрочем, учитывая постоянные возмущения поляков против российских властей, Погодин не возражал и против предоставления Польше независимости ровно до тех пор, пока поляки «не пожелают сами теснейшего союза» в рамках общеславянского государства. Для русских панславистов XIX в. характерна надежда на преодоление русско-польского непонимания через объединение в рамках Всеславянского союза. И если Погодин считал, что в рамках этого крупного политического объединения Россия всё равно будет занимать доминирующее положение, то мыслитель-панславист Н. Данилевский, полагавший, что проблему

⁵⁴⁴ Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских «Ведомостей» 1863 год. М. 1897. С. 255–256.

⁵⁴⁵ История рассмотрения в Госсовете изложена по работам: Аврех А. Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991.; Западные окраины Российской империи. М. 2007.

Польши нельзя решить вне «общего решения всех славянских вопросов», выступал за более равноправное сотрудничество русских и поляков внутри союза, объединяющего в себе все славянские народы⁵⁴⁷.

При этом в отличие от большинства славянофилов, панслависты не видели в поляках славян, «испорченных латинством». Для панславистов поляки – проблемная, но неотъемлемая часть славянского единства, без которого невозможно подлинное объединение всех славянских народов. Равнодушные к дихотомии православные-католики панслависты противопоставляли славянство романскому и германскому мирам. В этой мысли панславистов убеждала также статус бывших польских земель в рамках трёх держав (России, Германии и Австро-Венгрии), поскольку наиболее сильный удар по польской культуре был нанесён в тех частях Польши, который находились под управлением Берлина, проводившего последовательную политику германизации поляков⁵⁴⁸.

Внимание крупнейших русских мыслителей XIX в. к «польскому вопросу» не было случайностью – эта проблема была одним из главных вызовов, с которым столкнулась Российская империя и русские интеллектуалы. В лице Польши империя впервые встретила с цивилизационным вызовом, готового ответа на который у неё не нашлось.

Первоначально русские власти не ставили перед собой задачи русификации Западного края и Польши, но польские восстания показали центральному правительству, что местная знать в значительной степени нелояльна России и сама надеется культурно и политически «полонизировать» Западный край⁵⁴⁹. Ответом на это стала политика русификации, включающая в себя также и борьбу

⁵⁴⁶ Стайцов Р. Е. Тема Польши в публицистике М. П. Погодина (50-е годы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 222–228.

⁵⁴⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа, М., 2003. С. 428.

⁵⁴⁸ Nieszporek В. Pruska polityka Kulturkampfu i osadnictwa na terenach wschodnich [Electronic resource]. – URL: <http://www.republikasilesia.com/Bruno/GSOS/PruskaPolitykaKulturkampfu.htm> (accessed: 15.01.2018).

⁵⁴⁹ Долбилов М. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ Врага. М., 2005.

с униатством⁵⁵⁰. Таким образом, даже после присоединения к России Польша продолжала оставаться источником напряжения на западной границе государства. Это было связано с тем, что она не вписывалась ни в один из основных сценариев развития Российского государства: имперский и национальный.

Имперский сценарий предполагал сохранение за Польшей культурной самобытности, требуя взамен лишь лояльности по отношению к русскому императору. Но польские восстания XIX в. показали, что данный сценарий неприемлем для значительной части польской элиты и полученные от империи привилегии не перевешивали в их глазах надежд, связанных с восстановлением государственной независимости Польши в границах 1772 г.

Национальный сценарий развития Российской империи, предусматривающий политику русификации окраин, также не мог быть полностью реализован в Польше в связи с тем, что польская культура в момент политического присоединения земель Речи Посполитой к России, уже находилась на весьма высоком уровне и ощущала себя неотъемлемой частью западно-христианской цивилизации. Польская культурная идентичность во многом строилась на противопоставлении себя России и всему русскому, а её носители стремились к экспансии на территории Западного края. Задачей русского правительства в этих условиях становилась не бесперспективная русификация Польши, а недопущение полонизации западных губерний России.

Польша в историческом смысле оказалась слишком слабой, чтобы противостоять натиску Российской империи и одновременно слишком сильной, чтобы стать простой русской провинцией, принять имперскую идентичность и отказаться от собственного глобального восточноевропейского проекта. Россия же, испробовав различные варианты решения «польского вопроса», убедилась в невозможности полной интеграции польских территорий в состав империи и

⁵⁵⁰ Однако при оценке этого процесса необходимо учитывать, что сама Уния была направлена прежде всего на то, чтобы расколоть культурно-религиозное единство русских и жителей Литвы – Белоруссии – Украины.

постепенно склонялась к вариантам, предусматривающим ту или иную форму государственной независимости для Польши⁵⁵¹.

К началу Первой мировой войны Российская империя продолжала рассматривать Польшу как ненадёжный, и слабый элемент государственного тела. При этом существовало широкое польское лоялистское движение, связанное с деятельностью Национал-демократической партии Р. Дмовского, видевшего в России единственную силу, способную остановить Германию, которая стремилась германизировать поляков и лишить их собственной культуры⁵⁵². Несмотря на опасения царского правительства, большинство польских подданных остались лояльны России после вступления страны в войну и приняли активное участие в мобилизационных мероприятиях и боевых действиях с войсками Германии и Австро-Венгрии. Реакцией властей стало издание Воззвания Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, в котором тот обещал, что по итогам войны все части Польши будут объединены под властью русского царя и получат определённую автономию и самоуправление. Примечательно, что больше ни один народ Российской империи не получил таких обещаний: императорское правительство проявило особое отношение к Польше, понимая её стратегическую важность для целей русской политики в Европе⁵⁵³.

Даже после оставления русскими войсками Польши в 1915 г. абсолютное большинство поляков, служивших в императорской армии, сохранили верность своей присяге и в конце 1916 г. русское правительство предприняло последнее в своей истории крупное мероприятие по «польскому вопросу» – в ответ на германо-австрийскую декларацию, обещающую восстановление Королевства польского, русское правительство признало, что восстановление «свободной

⁵⁵¹ Однако исторический опыт и память о тех угрозах, которые на протяжении веков исходили от Польши или с польских территорий для русского государства, заставлял правительство империи проявлять большую осторожность в этом вопросе. Ведь независимое Польское государство, как показывал исторический опыт XVI-XVIII в., может быть как серьёзным антагонистом России, так выступать в качестве партнёра более мощных европейских держав, конкурирующих с Россией.

⁵⁵² См. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос / под ред. Д. С. Буневича, Г. В. Холодова. СПб., 2017.

Польши, состоящей из трёх частей, которые до сих пор были разделены»⁵⁵⁴ является одной из целей России в Мировой войне. К концу своего существования Российская империя, готовившаяся к наступлению на германском фронте, официально признала, что сражается в том числе и за интересы будущего Польского государства.

Рассматривая историческое значение попыток решения Россией «польского вопроса» в XIX в. можно сформулировать несколько ключевых тезисов. Во-первых, Россия так и не смогла в полной мере включить польскую элиту в имперскую иерархию на правах прочих элит завоёванных территорий, несмотря на все привилегии, которые ей были дарованы⁵⁵⁵. Во-вторых, даже в условиях ликвидации польской государственности поляки продолжали свою культурную конкуренцию с Россией за территории Западного края. В-третьих, Польша, несмотря на присоединение, оставалась инструментом давления на Россию со стороны других великих держав. В-четвёртых, только сочетание различных политических, экономических и социальных стратегий, включавших в себя создание в Польше социальных групп, ориентированных на Россию, и использование фактора немецкой угрозы для создания пророссийских настроений, позволили России добиться лояльности польских подданных.

Первая мировая война, революция и распад Российской империи, крах монархий Габсбургов и Гогенцоллернов привели к смене стратегического ландшафта во всём мире и особенно – в Центрально-Восточной Европе, а также к началу *нового этапа (1918–1939)* польско-российских (советских) отношений. В условиях общеевропейской перекройки границ и при прямой поддержке Антанты народы Восточной Европы восстанавливали и создавали свою

⁵⁵³ Позняк С. В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. статей. Вып. 1. БГУ, 2004. С. 159–173.

⁵⁵⁴ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926. С. 131.

⁵⁵⁵ Наиболее показательным примером служит судьба князя Адама Чарторыйского (1770–1861), который в 1801–06 гг. занимал ключевой пост министра иностранных дел Российской империи, а после 1830 г. перешёл к оппозиции России и стал главой польской консервативной эмиграции во Франции.

государственность в рамках новых политических проектов, одним из которых стала провозглашённая в ноябре 1918 г. Вторая Речь Посполитая⁵⁵⁶.

Это государство было важной частью т.н. «санитарного кордона» – группы стран, постиравшихся широкой дугой от Балтики до Балкан, которые в рамках версальской системы международных отношений должны были стать «заслоном», направленным как против потерпевшей поражение Германии, так и против большевистской России⁵⁵⁷. Историческое соперничество России и Польши не исчезло с социалистической революцией в России и с обретением Польшей своей государственности, а приобрело новые, соответствующие времени черты. Так, в отношении земель Литвы, Белоруссии и Украины поляками была предложена концепция «прометеизма»⁵⁵⁸, ставшая своеобразным переосмыслением опыта Первой Речи Посполитой в её экспансии на восток.

Эта доктрина, утверждавшая ведущую роль Польши в Восточной Европе, содержала в себе отчётливую антироссийскую составляющую – предполагалось, что ослабление России возможно через поддержку в ней этнорегионального национализма⁵⁵⁹. Польша должна была выступать в качестве покровителя народов, борющихся с «национальным угнетением», организованным Советской Россией (хотя в рамках СССР с момента его основания существовали национальные республики белорусов и украинцев, в то время как во Второй Речи Посполитой с середины 1920-х гг. проводилась политика полонизации и

⁵⁵⁶ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. 2010 С. 24–28; 53–55.

⁵⁵⁷ Своё стратегическое значение Польша продемонстрировала уже в 1920 г., когда в битве под Варшавой поляки, возглавляемые Ю. Пилсудским, смогли остановить, а затем и обратить вспять Красную армию, рвавшуюся через польские земли на Запад, чтобы поддержать революцию в Германии. В ходе войны 1920–21 гг. и Рижского мира была утверждена новая советско-польская граница, зафиксировавшая разделение территорий, населённых украинцами и белорусами, на две части.

⁵⁵⁸ Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej, Warszawa, 1971.

⁵⁵⁹ В межвоенной Польше при правительственной поддержке работали такие организации как Восточный институт и Научно-исследовательский институт Восточной Европы, занятые актуализацией идей основанного в 1926 г. в Париже общества «Прометей», объединявшего представителей «угнетаемых народов»: азербайджанцев, грузин, горцев Северного Кавказа, казаков, карел, народов Средней Азии и т.д. Отдельным направлением исследований польских учёных было изучение положения украинцев и белорусов в СССР, а также перспектив создания национальных государств этих народов.

преследования украинских и белорусских национально-политических организаций). В межвоенной Польше при правительственной поддержке работали такие организации как Восточный институт и Научно-исследовательский институт Восточной Европы, занятые актуализацией идей основанного в 1926 г. в Париже общества «Прометей», объединявшего представителей «угнетаемых народов»: азербайджанцев, грузин, горцев Северного Кавказа, казаков, карел, украинцев, народов Средней Азии и т.д.⁵⁶⁰

Другим измерением внешней политики возрождённого Польского государства стало «Междуморье»⁵⁶¹ – проект создания широкой конфедерации в составе Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Украины, Белоруссии, Молдавии, Венгрии, Румынии, Югославии, Чехословакии. Это объединение, опиравшееся на традиции Первой Речи Посполитой, должно было объединить страны Центрально-Восточной Европы и обеспечить их независимость от России или Германии. Её инициатор Пилсудский полагал, что если государства региона останутся разобщены они неизбежно попадут в зависимость от более мощных в политическом и экономическом смысле Берлина и Москвы. Однако проект создания «Междуморья» не получил широкой поддержки ни Восточной Европе, ни в странах Запада, которых удовлетворяла роль этого региона в качестве «санитарного кордона», который можно использовать в своей игре против Германии и СССР. Кроме того, нашлись и противники в самой Польше – в основном национал-демократы (последователи Р. Дмовского), которые видели Польшу мононациональным государством, где белорусы и украинцы должны быть полностью ассимилированы.

Учитывая эти факторы, Советская Россия (СССР) на протяжении 1920–1930-х гг. находилась в постоянном соперничестве с Польшей, которое не прекратилось даже после подписания в 1932 г. советско-польского договора о ненападении. Советская сторона опасалась попыток польско-германского сближения, которые продолжались и после прихода в 1933 г. к власти в Германии

⁵⁶⁰ Bączkowski W. O wschodnich problemach Polski. Wybór pism. Kraków, 2000.

нацистов. Вторая Речь Посполитая не только заключила договор с Германией (т.н. «пакт Пилсудского–Гитлера» 1934 г.)⁵⁶², но и склонялась к тому, чтобы расценивать Советский Союз, а вовсе не нацистскую Германию, своим основным стратегическим противником. Особенно заметным польско-германское сближение стало в период Судетского кризиса 1938 г. – после того как были подписаны Мюнхенские соглашения, фактически означавшие отторжение чехословацких территорий в пользу Германии, Польша ввела свои войска Тешинскую область и оккупировала её. Кроме того, Польша всячески противилась попыткам Советского Союза сформировать систему коллективной безопасности в Европе – в 1938 г. Варшава заявила, что не пропустит советские войска в Чехословакию даже через воздушные коридоры. Схожую позицию поляки заняли и летом 1939 г., когда отказывались, несмотря даже на давление Франции, дать согласие на проход советских войск через свою территорию в случае агрессии Германии⁵⁶³.

Польско-советское соперничество, проходившее в контексте подготовки к новой мировой войне, завершилось тем, что СССР, окончательно разочаровавшись в попытках создать широкую антигерманскую коалицию с участием Польши, заключил в августе 1939 г. соглашение с Германией, определившее гибель Второй Речи Посполитой в сентябре того же года. Два десятилетия взаимного недоверия и постоянного соперничества, как это уже было в истории двух народов, закончились утратой государственности одного из них при прямом участии второго. Советский Союз в результате занял территории восточной Польши и присоединил их к УССР и БССР, а также передал Вильно Литве.

Анализ советско-польской взаимодействия 1920–1930-х гг. показывает, что интернациональная риторика не помешала коммунистическому правительству рассматривать Польшу, прежде всего, как стратегического конкурента в

⁵⁶¹ Okulewicz P., *Koncepcja «Międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Jozefa Piłsudskiego w latach 1918-1926*, Poznań, 2001.

⁵⁶² Волос М. Кантор Ю. *Треугольник Москва – Варшава – Берлин*. Спб., 2011, С. 81–129.

⁵⁶³ Нарочницкая Н. *Партитура Второй мировой войны*. М., 2009. С. 120–155.

Восточной Европе. В соответствии с предложенной выше концепцией «стратегического маятника» Варшава и Москва продолжили бороться за культурно-идеологическое влияние на спорных территориях Украины и Белоруссии. Гибель Второй Речи Посполитой продемонстрировала, как это уже было в XVIII и XIX вв., что одним из способов прекращения соперничества является ликвидация Польши, на которую Москва оказалась готова пойти, поскольку это было необходимо для стабилизации (пусть и временного) отношений с Германией.

После окончания Второй мировой войны начался новый *этап двустороннего взаимодействия (1946–1991)*, в ходе которого Советский Союз попытался переосмыслить свои отношения с Польшей и предпринял целый ряд радикальных шагов, направленных на прекращение соперничества.

Так, хотя в соответствии с Ялтинскими договоренностями Польша и становилась частью советской сферы влияния и в ней было установлено промосковское коммунистическое правительство⁵⁶⁴, однако, Польская Республика стала независимым государством, имевшим все признаки польского национального государства, а её связь с Советским Союзом основывалась только на международных договорах и сотрудничестве правящих партий. Кроме того, были пересмотрены границы Польши – она получила часть бывших немецких земель (Силезия, большая часть Восточной Пруссии и Восточной Померании), а также Белостокскую область, отторгнутую от БССР⁵⁶⁵. В результате этих изменений Польша стала практически моноэтническим государством и должна была утратить своё влияние на украинских и белорусских землях. Кроме того, в целях укрепления двусторонних отношений на протяжении всего периода существования советского блока СССР предоставлял Польше техническую, военную и экономическую помощь⁵⁶⁶. Как в виде прямых займов и безвозмездной

⁵⁶⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 483–562.

⁵⁶⁵ Также был проведён обмен населением – поляки из приграничных советских территорий переселялись в Польшу, а белорусы и украинцы из ПНР – в Советский Союз.

⁵⁶⁶ См., напр., Орлов И.Б. Советско-польские отношения в 1950-1960-е годы // Духовность. Научный журнал, Сергиев Посад. 2010. № 1. Общее прошлое России и Польши: работая над ошибками. С. 216-235.

передачи, так и в виде продажи товаров по ценам существенно ниже рыночных. Эти меры дали определённые позитивные результаты: во второй половине XX в. Польша оставалась непростым, но вполне лояльным младшим партнёром Советского Союза. Несмотря на регулярно происходившие в ПНР политические кризисы (такие как в 1956, 1968, 1970–71 гг.) ситуация никогда не доходила до необходимости прямых военных интервенций, как это было в Венгрии или Чехословакии. Даже масштабный кризис начала 1980-х гг. удалось решить без прямого привлечения советских сил – генерал В. Ярузельский самостоятельно ввёл в стране военное положение и стабилизировал ситуацию (в том числе с помощью массивной экономической помощи из Москвы)⁵⁶⁷.

Важным фактором, позитивно влиявшим в этот период на общую атмосферу двусторонних отношений, были польские опасения немецкого реваншизма. Поскольку СССР сам способствовал установлению новых польских границ, он не имел никаких территориальных претензий к Польше. Германия, напротив, была лишена своих земель в пользу Польши и, несмотря на соглашения (с ГДР в 1950 г. и с ФРГ в 1970 г.), продолжала рассматриваться в Варшаве как потенциальная угроза.

Опыт послевоенных отношений СССР и ПНР показал, что сглаживание напряжённости между двумя государствами возможно при условии соблюдения целого ряда условий, главным из которых было существование в Польше зависимого правительства, заинтересованного в политической, военной и экономической поддержке со стороны Москвы. В то же время это, как было продемонстрировано в первой главе, одновременно культивировало среди польской антикоммунистической оппозиции последовательно антимосковские настроения, которые стали оказывать влияние на польскую внешнюю политику, стоило только ослабнуть власти местных коммунистов.

В постсоциалистический период двусторонних отношений (1991–2013)
Польша, как было показано первых двух главах, сделала бесспорно прозападный

⁵⁶⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 826–836; Лавренов С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах, М., 2003. С. 392–410.

выбор, однако, в России в условиях идеологического и методологического плюрализма в это же время были предложены новые подходы к пониманию отношений двух стран. Так, российский политический философ-«традиционалист» и ультраправый публицист А. Дугин, синтезируя идеи представителей классической немецкой геополитической традиции и русских евразийцев (Н. Трубецкой, П. Савицкий), рассматривал Польшу, прежде всего, как один из элементов в «глобальной борьбе Суши и Моря», составляющую, по его мнению, суть международного процесса⁵⁶⁸. Рассчитывая на постепенную консолидацию Европы вокруг Германии, которая в будущем заключит стратегический антиамериканский союз с Россией. А. Дугин и его последователи-«неоевразийцы» видели в Польше часть проамериканского «санитарного кордона», который призван разделять русских и немцев. Поэтому они, поддерживая в целом расширение Евросоюза на восток, выступали категорическими противниками интеграции восточноевропейских стран в НАТО. Ослабление Польши, её вовлечение в орбиту могущества Германии, по мнению «неоевразийцев», отвечало интересам России. Более того, А. Дугин для заключения стратегического союза с Германией и её усиления в Европе предлагал даже передать немцам территории, утерянные ими по итогам Второй мировой войны, – Калининградскую область и часть западных польских земель⁵⁶⁹.

Российские «неоевразийцы» выступали категорически против каких-либо сценариев региональной интеграции восточноевропейских стран, как могущих остановить продвижение и усиление Германии – ведущий континентальной силы, которая должна объединить вокруг себя Европу, установить союз с «Россией-Евразией» и бросить вызов американскому господству. «Неоевразийцы» видели в Польше не самостоятельную силу в Восточной Европе, а помеху к установлению русско-германского («европейско-евразийского») антиатлантического союза. Россия, с точки зрения «неоевразийцев», было выгодно попадание Польши под

⁵⁶⁸ Дугин А. Г. Основы геополитики. М., 2000. С. 220–229, 297–300; 423–427; 298. Новак А. Соблазны геополитики [Электронный ресурс] Новая Польша. – 2002. – № 6. –URL: <https://novpol.org/ru/НyJYiOzwoW/SOBLAZNY-GEOPOLITIKI> (дата обращения: 30.01.2018).

⁵⁶⁹ Цымбурский В. Л. Остров Россия. М., 2007. С. 5–11.

влияние Берлина и даже территориальные изменения в восточноевропейском регионе в интересах Германии. Возможность какого-либо примирения или сближения между Россией и Польшей «неоевразийцы» полностью отвергали из-за атлантических симпатий поляков, которые, по их мнению, не могут быть скорректированы.

Иное видение проблемы было предложено выдающимся российским философом-геополитиком В. Цымбурским, который рассматривал отношения Польши и России через осмысление последней как «острова» – отдельной геополитической единицы, которая не является частью ни Европы, ни Азии, ни даже Евразии⁵⁷⁰. Вокруг этого «Острова Россия» расположены пограничные государства, одно из которых – Польша, являющаяся периферией Европы и русским пограничьем одновременно. Россия то распространяет своё влияние на Польшу, то вновь теряет его, но даже в периоды своего максимального усиления Россия не может установить над ними полного господства, т.к. эти земли находятся вне русской «цивилизационной плиты» и любое господство на них может носить только временный, нестабильный характер. В. Цымбурский и его последователи («национал-консерваторы») рассматривали Польшу как часть «Великого Лемитрофа» – пространства, лежащего между российской и романо-германской цивилизациями, и одновременно как «Лимес» – неустойчивую окраину имперской или «цивилизационной платформы». Уход России из Польши и Восточной Европы для В. Цымбурского был не катастрофой, а освобождением от непосильной ноши, поскольку Россия избавилась от необходимости тратить свои ресурсы для поддержания господства над территориями, которые всё равно никогда не смогут войти в её цивилизационное пространство и будут настроены антироссийски.

Обосновав возможность «освобождения» от борьбы за Восточную Европу и стратегической самодостаточности, В. Цымбурский предлагал смотреть на Польшу и другие страны Восточной Европы, как на территории переходящие в статус третьестепенных после того утраты к ним и интереса со стороны России.

⁵⁷⁰ Цымбурский В. Л. Остров Россия. М., 2007. С. 210–212.

Без внимания Москвы Польша и окружающие её государства вновь станут европейскими маргиналами, какими они были начиная с XVI в., когда наметилось их критическое отставание от Запада континента. В случае отказа России от участия в судьбах Восточной Европы, этот регион может стать ареной стратегической конкуренции между Соединёнными Штатами и Европейским Союзом, что также не нанесёт вреда России. Оппонируя неоевразийцам, В. Цымбурский обосновывал принципиальное ограничение участия России в делах Польши. Согласно такому подходу, ценность для России Польша представляла не сама по себе, а главным образом как территория, через которую осуществлялась русская экспансия и проникновение в Европу. Поскольку Россия вернулась на западе к границам XVI в. и не имеет больше намерения господствовать в Восточной Европе, этот регион становится всего лишь периферией западноевропейской цивилизации, к которому у России нет исторической заинтересованности. Вместо борьбы за доминирование в Восточной Европе России следовало бы бороться за установление такого порядка в странах «Великого Лимитрофа», который бы не мешал, а способствовал освоению и развитию коренных русских территорий.

Два этих взгляда, А. Дугина и В. Цымурского, представляют две крайние позиции, с которых после распада СССР и Восточного блока российские теоретики-геополитики смотрели на российско-польские отношения и ту роль, к которой должна стремиться Россия в ЦВЕ. «Неоевразийцы», эклектически объединив традиции русского евразийства с классической германской геополитикой, предлагали России участвовать в борьбе «Моря» и «Суши», пусть даже на правах младшего партнёра, каким стала бы Москва для Германии после краха коммунистического лагеря. Они рассматривали Польшу как «троянского коня» атлантистов в Европе, мешающего установлению русско-германского союза. Их оппоненты-«националисты» полагали, что Польша и другие восточноевропейские государства привлекали внимание Европы и США лишь поскольку являлись территориями, на которые распространялась экспансия Российской империи и Советского Союза. Учитывая отсутствие у постсоветской

России ресурсов и устремлений для очередного «броска в Европу» национал-консерваторы предлагали Москве уклониться от активного участия в восточноевропейских делах и позволить этим странам находиться в их положении периферии западноевропейского мира, обречённого на постоянную «погоню за Европой» и на полумаргинальный статус в ней.

Резюмируя этот пространный историко-теоретических параграф, стоит отметить, что русско-польское взаимодействие на территории Восточной Европы на протяжении последних веков имело самые разные выражения, а его изучение даёт богатейший эмпирический материал для выявления закономерностей, характеризующих отношения Москвы и Варшавы. При этом российскими стратегами на протяжении столетий были предложены и опробованы несколько основных подходов к русско-польской конкуренции, которая на протяжении нескольких столетий являлась стратегической константой восточноевропейского региона.

Первый подход можно называть «мирным сосуществованием». Он включает в себя широкий спектр политических практик, исходящих из общего представления о том, что интересам России отвечает существование независимой и дружественной Польши, которая, с одной стороны, «прикрывает» западные границы России от мощных европейских держав, а с другой – не представляет угрозы для безопасности самой России. Впервые появление этого подхода можно зафиксировать в период правления Петра I, когда русским удалось установить покровительственные отношения по отношению к Речи Посполитой, но они при этом не проявляли интереса к её ликвидации. Эта же политика была продолжена Екатериной II, которая на первом этапе своего правления стремилась поддерживать существования независимой дружественной Польши с мощной пророссийской партией, но впоследствии оказалась вынуждена изменить свою политику. Теоретические наработки русских радикальных западников по польско-русскому вопросу середины XIX в. так же исходили из представления о том, что независимая Польша в справедливых национальных границах не будет представлять угрозы для свободной России. В постсоветский период традиция

«мирного сосуществования» были продолжены В. Цымбурским и его последователями-«националистами», предложившим ограничить участие в проблемах Восточной Европы и предоставить её своей собственной судьбе.

Второй подход можно назвать «прогерманским». Он заключается в согласии России на передачу Польши в зону интересов Германии и ликвидации через это русско-польского соперничества. В наиболее радикальных формах этот сценарий был осуществлён Екатериной II по итогам разделов Речи Посполитой и Сталиным в 1939 г. В обоих случаях коренные польские земли были переданы под управление немецких государств, а Россия (СССР) получила литовско-белорусско-украинские земли, за которые шла конкуренция с поляками. Этот подход нес для России большие репутационные издержки, связанные с участием в уничтожении польского государства, а также предусматривал обретение непосредственной границы с Германией, которая может потенциально представлять угрозу для России. В постсоветский период традиции «прогерманского» подхода к русско-польскому соперничеству продолжили «неоевразийцы» с их идеей континентального союза Москвы и Берлина, скреплённого передачей в зону германского влияния не только Польши, но Прибалтики.

Третий подход, «инкорпорационный», включает в себя те или иные формы объединения России и Польши в рамках общих политических структур. Впервые эта стратегия была опробована императором Александром I, попытавшимся включить польскую элиту в русский имперский проект на правах привилегированного меньшинства с обширной автономией и льготами. В XIX в. в результате польских восстаний Российская империя несколько раз корректировала свою политику по адаптации Польши внутри России для пресечения угрозы полонизации белорусских и украинских земель. Своё собственное понимание этой проблемы в XIX в. предложили умеренные западники, панслависты и славянофилы. Все они исходили из того, что для укрепления связи с Россией в Польше необходимо создать широкий социальный класс, чьё экономическое и политическое благополучие будет основываться на

союзе с Россией. Опыт Первой мировой войны показал, что такой подход был оправдан – поляки в целом проявили большую лояльность по отношению России в ходе конфликта. Важную роль в этом подходе играло сотрудничество русского правительства с польскими националистами, настроенными антигермански. Традиция «инкорпорационного» подхода была продолжена после Второй мировой войны Советским Союзом, который включил ПНР в свои военные (ОВД), политические (Коминформ) и экономические (СЭВ) структуры. Немаловажное значение для польско-советского сотрудничества имела потенциальная угроза со стороны Германии, которая заставляла Варшаву оставаться лояльной Москве. В постсоциалистический период данная политическая и интеллектуальная традиция была практически утрачена, поскольку демократическая Россия не выдвинула какого-либо большого проекта сотрудничества для государств ЦВЕ.

Последователи всех трёх подходов исходили из представления о том, что как бы ни складывались польско-русские отношения, важнейшей задачей России является недопущение польской цивилизационной экспансии на Восток – на территории Литвы, Белоруссии и Украины. Эта экспансия, как показала история, может принимать самые разнообразные формы: от прямого военного вторжения до поддержки местного национализма и насаждения церковной Унии. Анализ исторического опыта XVI–XX в. позволяет говорить о существовании определённой стратегической константы: усиление позиций России в Восточной Европе означает ослабление Польского государства, а усиление Польского государства неизменно совпадает с ослаблением России⁵⁷¹. История русско-польских отношений показывает также, что своих целей России удавалось достигать только при нахождении политических партнёров внутри польской

⁵⁷¹ То есть, существует своеобразный «геополитический маятник» Восточной Европы, который перемещается от Варшавы к Москве, но никогда не может быть окончательно зафиксирован. При этом, учитывая все сложности русско-польской конкуренции, не следует видеть в них нечто уникальное: в мировой истории немало примеров, когда два крупных государственно-политических проекта на протяжении веков конкурировали и через своё соперничество определяли политическую повестку в мировых макрорегионах.

элиты⁵⁷². И, напротив, отсутствие пророссийских сил в Польше с высокой долей вероятности приводило к полному краху политики России в Польше. Таким образом, всякая активная российская политика на польском направлении должна иметь в числе своих первостепенных задач поиск союзников в Польше.

История русско-польских отношений показывает, что обе державы достигли своего наивысшего внешнего могущества в тот момент, когда являлись универсалистскими (имперскими) проектами. Наследие имперской идентичности и «имперского сознания» продолжают оказывать серьёзное влияние на политику двух стран. Обе имперские идеи, русская и польская, сформировались в условиях жёсткого и иногда трагического противостояния держав друг другу: Польша для России и Россия для Польши стали теми образами «Другого», на противопоставлении которому в значительной мере строилось их самоопределение. В связи с этим историческая конкуренция России и Польши давно перешла из строго рациональной политической плоскости также и в плоскость иррациональную, включающую в себя конфликты исторической памяти («войны памяти»), которые подробно рассматривались во второй главе.

В истории европейских стран, однако, были примеры того, как длительное противостояние держав заканчивалось историческим компромиссом⁵⁷³, и казалось, что с завершением холодной войны шансы на обретение такого компромисса получают обновлённые Россия и Польша, вставшие в последние десятилетия XX в. на путь демократической трансформации и радикальных экономических преобразований в неолиберальном духе. Две державы обрели

⁵⁷² В XVIII в. такой группой были православные «диссиденты» Речи Посполитой, в XIX в. русское правительство пыталось наладить взаимодействие с польской аристократией и одновременно способствовало появлению в польском обществе новых индустриальных классов, связанных с Россией. В начале XX в. имперское руководство активизировало своё сотрудничество с польскими национал-демократами, что дало заметные позитивные результаты. Позднее этот опыт был использован Советским Союзом при создании Народной Польши.

⁵⁷³ Например, противоборство Франции и Пруссии (Германии) наметилось ещё в середине половине XVIII в. и в привело к целой серии кровопролитных войн, изменивших облик Европы и всего мира. Но к середине XX в. обе нации, осознав бесперспективность ситуации перманентного конфликта, смогли начать движение по пути взаимовыгодного сотрудничества. Конечно, противоречия между Парижем и Берлином сохраняются, однако, конкуренция в

возможность пересмотреть свои отношения и отказаться от традиционных дипломатических схем, ставших уже привычными за целые столетия их сосуществования.

3.2. Становление и развитие российско-польских отношений в 1990-е гг.

Отношения Российской Федерации и Польши в 1990-е гг. формировались в условиях новой международной реальности, созданной роспуском Варшавского договора, распадом Советского Союза, объединением Германии, ускорением и расширением процесса европейской интеграции, а также установлением глобального доминирования Соединённых Штатов Америки. Определение основных стратегических приоритетов двух стран проходило одновременно с глубинными политическими, экономическими и институциональными изменениями, осуществлявшимися во всех странах бывшего восточного блока⁵⁷⁴.

Важным фактором, повлиявшим на характер отношений Москвы и Варшавы в конце XX в. стало изменение границ: Россия и Польша утратили общую границу (за исключением небольшого участка калининградского эксклава), а между двумя странами возникли новые независимые государства Прибалтики, Украина и Белоруссия. Кроме этого, были значительно ослаблены экономические связи обеих стран (хотя и не в такой степени, как контакты России и других государств ЦВЕ), которые существовали в рамках работы СЭВ. Сократились культурные и образовательные российско-польские связи. Вместе с тем, в тот период перед обеими державами открывалась уникальная, не имевшая прецедентов в прошлом, возможность выстроить заново двусторонние отношения и преодолеть многовековые противоречия, о которых подробно говорилось выше.

Главным внешнеполитическим приоритетом Российской Федерации в 1990–93 гг. было признание за собой статуса составной части «демократического мира» и преодоление логики биполярного разделения, характерной для эпохи холодной

целом ряде областей больше не означает принципиальной враждебности двух держав друг другу.

войны. Действуя в рамках этого стратегического целеполагания, Москва заявляла о своей готовности полностью отказаться от советской модели доминирования в Восточной Европе. Третья Речь Посполитая также надеялась пересмотреть своё положение внутри системы международных отношений и «вернуться в Европу». Приход в России и Польше антикоммунистических лидеров Л. Валенсы и Б. Ельцина, казалось, должен был способствовать строительству принципиально новых отношений между двумя странами⁵⁷⁵.

На примере истории российско-польского диалога в 1990-е гг. можно исследовать динамику отношений новой демократической России со всеми бывшими странами восточного блока, сделавшими, как и Москва тогда, выбор в пользу сближения с Западом. Российскому руководству в этот период пришлось проделать непростой путь от «демократической эйфории» к «новому реализму» и пониманию того, что отказ от военно-идеологического противостояния с Западом не означал прекращение конкуренции за влияние в Восточной Европе.

Первый этап (1991–1993) новых российско-польских отношений характеризовался, прежде всего, готовностью России идти навстречу польским пожеланиям и стремлением Варшавы использовать «демократический идеализм» российских властей в своих интересах. Тон этой внешнеполитической линии задавала деятельность либерального министра иностранных дел России А. Козырева⁵⁷⁶. Так, в 1992 г. в ходе визита в Россию польского президента стороны говорили о новом формате отношений двух держав и даже о возможности

⁵⁷⁴ Особое значение влиянию глобальных изменений на формирование новых отношений России с бывшими странами восточного блока придавал прозападный российский министр иностранных дел в 1990-1996 гг. А. Козырев. См. Козырев А. В. Преображение. М., 1995. 333 с.

⁵⁷⁵ Так, в начале 1992 г. Л. Валенса писал своему российскому визави: «Господин Президент и я открываем новую эру в отношениях Польши и России». Цит. по: Matelski D. Losy polskich dobor kultury w Rosji I ZSRR. Poznań, 2003. S. 193

⁵⁷⁶ А. В. Козырев следующим образом определил российское понимание новых отношений с Польшей и другими странами Восточной Европы: «Цель нашей политики в отношении Польши, Чехии и Словакии – сохранение уже существующей инфраструктуры взаимных отношений при одновременном изменении основ, на которых эти отношения опирались. Речь идёт о том, чтобы придать нашим отношениям демократический характер, исключая какой-либо диктат или неравенство». *Polityka*. 1993. № 36. S. 1.

настоящего «дипломатического прорыва», который позволит начать «новое летоисчисление» в истории России и Польши⁵⁷⁷.

Действительно, в этот период были достигнуты некоторые успехи, позволявшие оптимистам надеяться на наступление вскоре качественно нового этапа в двусторонних отношениях. Наиболее значимым событием в связи с этим стало заключение в 1992 г. договора «О дружественном и добрососедском сотрудничестве», подтверждавшим готовность Москвы отказаться от логики блокового мира и признать равноправие своих отношений с Варшавой⁵⁷⁸. Однако тогда же наметились и первые разногласия между двумя постсоциалистическими странами, находившимися в процессе экономической и политической трансформации. Во-первых, Москва не поддержала польские инициативы по включению в преамбулу готовившегося договора положений, касающихся осуждения сталинских преступлений в отношении поляков и выплаты компенсаций жертвам репрессий, на которых настаивала польская делегация и лично Л. Валенса. Во-вторых, между двумя лидерами установились непростые личные отношения, связанные с излишне агрессивной манерой ведения переговоров, характерной для президента Польши Л. Валенсы – бывшего электрика с судоверфи⁵⁷⁹.

Трудности двусторонних отношений на этом этапе объясняются также тем специфическим отношением, которое в новой, демократической Польше существовало по отношению к постсоветской России. С одной стороны, Третья Речь Пополитая стремилась к тому, чтобы Российская Федерация рассматривала её как абсолютно равного партнёра, а когда этого не удавалось добиться в полной мере, Варшава спешила обвинить Москву в «империализме»⁵⁸⁰. С другой

⁵⁷⁷ Россия – Польша. Визит Л. Валенсы в Россию // Дипломатический вестник. 1992. № 12. С. 21–26.

⁵⁷⁸ Бюллетень международных договоров. 1993. № 7. С. 72–78.

⁵⁷⁹ Пресс-секретарь российского лидера В. Костиков вспоминал в своих мемуарах: «Вознамерившись поиграть словесными мускулами перед Ельциным, Валенса нанёс себе серьёзный ущерб. Надо сказать, что о поляках и польском этикете у нас было иное представление». Костиков В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 132.

⁵⁸⁰ Польский министр иностранных дел К. Скубишевский в 1989–93 гг., говоря о трудностях в своих переговорах с Россией указывал: «Периодически в Москве

стороны, новое польское руководство, как было показано во второй главе, в целом было ориентировано на Запад и даже в демократической России видело скорее потенциальную угрозу, нежели партнёра. Опираясь на свои исторические представления, большая часть польской элиты считала, очевидно, что Польша может измениться, «преодолеть авторитаризм», «вернуться в Европу», построить современную рыночную экономику и демократию, а Россия таких шансов не имеет, т.к. «исторически обречена» быть империей и проводить соответствующую экспансионистскую внешнюю политику.

Эти факторы и определили основное содержание польско-российского диалога в тот период. Ключевым вопросом для Польши стало не широкое переосмысление двусторонних отношений, а лишь проблема вывода российских вооружённых сил с территории страны. Такая задача впервые была озвучена ещё в 1989 г. первым некоммунистическим премьер-министром ПНР Т. Мазовецким, заявившим: «В польско-советских отношениях мы открыли новую главу. В них уже не решает идеология и коммунистическая партия, они стали нормальными отношениями государств и правительств, руководствующихся благом своих народов и государственными интересами... Нашим исходным пунктом во взаимоотношениях является независимость польского государства»⁵⁸¹. Полный государственный суверенитет, как считали в Варшаве, подразумевал не только самостоятельность государства во внутренних делах⁵⁸², но и свободу выбора военных и политических союзников на международной арене.

Первые признаки того, что Польша больше не рассматривает Советский Союз (а позднее и Россию) как такого союзника были продемонстрированы вскоре после назначения Т. Мазовецкого, который сумел добиться от советского руководства обещания о выводе советских войск с территории ПНР до 1991 г. Польский премьер впоследствии признавался, что тогда это решение ещё не

демонстрировался такой подход, что государства подобные Польши не могут быть полноценными партнёрами России. Этот подход был порождением российского империализма и отягощал наши отношения». Nie obecni sie nie licza // Rzeczpospolita. 15.07.2006.

⁵⁸¹ Expose Premiera RP Tadeusza Mazowieckiego w Sejmie. Warszawa, 18 stycznia 1990 // Trybuna Ludu. 1990. 19 stycznia. S.1

означало бесспорного прекращения сотрудничества с Москвой: «Подвергнуть сомнению наше участие в ОВД или СЭВ ни к чему бы тогда не привело...Мы стремились преобразовать эти договоры в международные соглашения, в которых участвовали бы независимые государства без права вмешательства в политику остальных. Однако дальнейшие изменения были возможны только в рамках общеевропейского процесса, главным принципом которого было бы сокращение армии»⁵⁸³. Трагические события августа 1991 г., отставка М. Горбачёва и распад Советского Союза в конце того же года перенесли решение этого вопроса на более поздний срок – Варшава должна была решать проблему вывода войск уже не с советским, а с новым российским руководством.

Хотя новые российские лидеры и подтвердили намерение полностью вывести с польской территории свои вооружённые силы и доставшиеся от СССР военные базы, подготовка к этому сложному процессу в 1991–1993 гг. продемонстрировала усиливающиеся противоречия между Москвой и Варшавой. Польская сторона проигнорировала российские инициативы по созданию на базе бывших объектов Советской Армии совместных российско-польских предприятий в целях минимизации финансово-экономических потерь от вывода войск. Напротив, Варшава даже выдвинула требования компенсации за нахождение на её территории в 1945–1993 гг. подразделений советских вооружённых сил. В свою очередь Россия выставила встречный счёт за освобождение польских земель во время Второй мировой войны. В конечном итоге обе стороны отказались от взаимных претензий по этому вопросу, но напряжение и подозрительность в двухсторонних отношениях заметно усилились⁵⁸⁴.

В Москве на том историческом этапе полагали, что окончание холодной войны означает наступление новой эры в международных отношениях, в которой не будет места острому соперничеству государств и военно-политических блоков.

⁵⁸² Признание этой самостоятельности со стороны Советского Союза обыкновенно связывают с отказом М. Горбачёва от «доктрины Брежнева» на Мальтийском саммите 1989 г.

⁵⁸³ Мазовецкий Т. Разрешения у Москвы мы не спрашивали // *Nowa Europa Wschodnia*. С. 77.

Исходя из этой концептуальной установки, российская дипломатия в тот момент основным направлением для себя выбрала развитие диалога по линии Москва–Вашингтон, контакты с Западной Европой стояли на втором месте, а Восточно-Европейскому региону и в частности Польше уделялось незначительное внимание. В целях развития партнёрства России–США и формирования «единого мира» Москва на данном этапе с пониманием относилась к проблемам, которые польская сторона поднимала в рамках диалога с Москвой. Заключение в 1992 г. договора «О дружественном и добрососедском сотрудничестве» продемонстрировало готовность России отказаться от логики блокового мира и признать равноправие своих отношений с Варшавой. В Варшаве, однако, все уступки, на которые шла Москва, казались недостаточными, либо сделанными под давлением. Если Россия проявляла готовность к поискам компромисса, то Польша требовала всё новых уступок, как это проявилось в ходе визита Л. Валенсы в 1992 г. Если же Москва пыталась проявить твёрдость в отстаивании своих интересов – польская сторона расценивала это, как рецидив «имперской политики» и нежелание выстраивать равноправные отношения. Таким образом, односторонние уступки Москвы в российско-польском диалоге привели к тому, что к 1993 г. в отношениях двух стран доминировала предложенная поляками повестка: было признано полное взаимное равноправие, выполнены все договорённости по выводу войск⁵⁸⁵, создана юридическая база для принципиально новых двусторонних отношений в области экономики, культуры, консульских представительств и т.д.

Одновременно с этим лидер Третьей Речи Посполитой предпринимал усилия по выработке новых предложений по реорганизации Восточной Европы – в 1992 г. в ходе визита в Германию Л. Валенса озвучил идею формирования т.н. «НАТО-бис». В эту международную организацию, по мысли польского президента, на переходный период переговоров о возможном расширении НАТО

⁵⁸⁴ Бухарин Н. И. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений. М., 2013. С. 17.

⁵⁸⁵ Из страны были выведены около 46 тыс. военнослужащих, 685 танков, 965 бронированных машин, 440 орудий и минометов калибра свыше 120 мм, 300 самолетов, 134 вертолета. См. Баранец В. Н. Генштаб без тайн. М., 1999. С. 335.

должны были войти бывшие члены восточного блока⁵⁸⁶. Хотя идея Л. Валенса и не получила развития⁵⁸⁷, само это предложение ясно показывало истинное устремления посткоммунистического польского руководства.

Вследствие этой польской активности в ЦВЕ московское руководство постепенно приходило к пониманию того, что Варшава имеет принципиально отличное от российского понимание системы международных отношений, складывавшейся после окончания холодной войны. Получив от России признание свободы выбора союзников, поляки сразу же активизировали свои трансатлантические контакты.

Первые признаки этого проявились во время визита Б. Ельцина в Варшаву в августе 1993 г. В ходе этой поездки Л. Валенса, используя известную склонность российского лидера, сумел убедить его дать в ходе пресс-конференции устные заверения в том, что Варшава сама, без консультаций с Россией, может выстраивать свои отношения с Североатлантическим альянсом⁵⁸⁸. После окончания президентского визита МИД России был вынужден сделать специальное заявление, в котором фактически дезавуировал слова президента Б. Ельцина, касающиеся перспектив членства Польши в НАТО. Визит 1993 г. и поведение польского президента в ходе него ознаменовали собой серьёзный негативный поворот в двусторонних отношениях – президент Б. Ельцин после этого ни разу не посетил Польшу, а министр иностранных дел России А. Козырев, оказывавший существенное влияние на формирование российской внешней политики того периода, стал относиться к полякам с недоверием и даже отказался от намеченного на конец 1993 г. визита в Варшаву.

Отношения Российской Федерации с Рн и другими странами бывшего социалистического лагеря достигли в это время небывалого прежде спада: стало очевидно, что лозунгов о строительстве «единого демократического мира»

⁵⁸⁶ Бухарин Н., Марков Д. Новый регионализм в Европе. // Обозреватель. 1993. № 22. С. 85–89.

⁵⁸⁷ Skubiszewski K. Stosunki między Polską i NATO w latach 1989–1993 – przyczynek do historii dyplomacji w III Rzeczypospolitej / Wykłady Polskiej Rady Biznesu 2005, Warszawa 2006, S. 4-41.

недостаточно для формирования новых, взаимовыгодных отношений. Особенно явно эта тенденция проявилась в контексте изменения внешнеполитического курса США, обозначившегося с приходом в 1993 г. новой администрации. Если в период Дж. Буша-ст. вопрос о вступлении стран Восточной Европы и в том числе Польши в НАТО не находил уверенной поддержки в США, то с приходом администрации Б. Клинтона такая перспектива стала вполне реальной⁵⁸⁹, и на встрече с новым президентом США в 1993 г. Л. Валенса добился принципиального согласия того на вступление своей страны в НАТО⁵⁹⁰.

На фоне всё более явных атлантических устремлений Польши и других бывших стран советского блока начался процесс постепенной прагматизации внешней политики России, в том числе и по отношению к Варшаве. Российский МИД с нарастающим недовольством оценивал перспективы расширения альянса на восток и включение в него Польши. Основным аргументом А. Козырева стало то, что НАТО пока не сумело адаптироваться к новой политической реальности и продолжает действовать в логике холодной войны. Демократическая Россия не ставила под сомнение право Польши на выбор союзников, но считала, что перед тем, как поднимать вопрос о расширении Альянса на Восточную Европу необходимо в целом пересмотреть систему европейской безопасности и создать новую архитектуру международных отношений, где бы Россия заняла место партнёра и союзника США⁵⁹¹. Поскольку главной осью отношений Варшавы и Москвы на этом этапе было российское противодействие скорому вступлению Польши, Венгрии и Чехии в НАТО, именно стремление постсоциалистической

⁵⁸⁸ В. Костиков вспоминал, что польский президент откровенно пытался напоить российского лидера и добиться от него нужных заявлений. См. Костиков В. Указ. соч. С. 133.

⁵⁸⁹ Clinton W. Reforming the UN // *Vital Speeches of the Day*. 1993. October 15. P. 10.

⁵⁹⁰ Wałęsa I. *Moja III RP. Straciłem cierpliwość*. Warszawa, 2007, S. 24-26; Совместная российско-польская декларация. Варшава. 25 августа 1993 г. // *Дипломатический вестник*. Сентябрь 1993. № 17-18. С. 14.

⁵⁹¹ Спустя несколько десятилетий в беседе со своими бывшими товарищами по правительству Е. Гайдара российский министр вспоминал: «Я всегда выступал против ускоренного, слишком быстрого расширения НАТО. Я считал, что сначала нам надо построить с НАТО новые отношения, а потом уже пусть расширяются. Но я не был против расширения в принципе – против этого выступать абсурдно. НАТО не может не принять Польшу, если она хочет туда вступить». См. Авен П., Кох А. *Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук*. М., 2013. С. 285.

Польши и других стран Вишеградской группы к атлантической интеграции стало одним из основных факторов, которые повлияли на корректировку Россией своей политики в отношениях с США.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. России и Польше удалось решить наиболее актуальные вопросы, унаследованные от повестки последних лет существования СССР и ПНР, однако, в это же время выявилось взаимное подозрение, расхождение стратегических целей и как следствие – наступило похолодание в двусторонних отношениях. К концу 1993 г. был завершён первый этап строительства новых российско-польских отношений. Две державы смогли решить ряд острых проблем, таких как вывод войск и взаимное признание в качестве суверенных государств, заключить несколько межгосударственных и межправительственных соглашений, но доверие между Варшавой и Москвой оказалось подорвано. Третья Речь Посполитая не пыталась выстроить новых отношений с Российской Федерацией, а просто использовала «демократический идеализм» Москвы для того, чтобы развязать себе руки в отношениях с Западом. Осознание этого пришло к российским лидерам только после того, как стремление поляков вступить в НАТО стало совершенно очевидным.

На втором этапе (1994–1996) отношения между двумя странами приобрели отчётливо проблемный характер, что было связано с их окончательным взаимным разочарованием и всё более явным атлантическим курсом Республики Польша. Нельзя сказать, что Польша совсем не получала контрпредложений от России, выступающей против её атлантических устремлений. В феврале 1994 г. в ходе своего последнего визита в Варшаву А. В. Козырев выступил с инициативой трансформировать Северный совет атлантического сотрудничества в военно-политическую организацию, в которой бы наравне с Польшей участвовала и Россия. Однако поляки отвергли эту альтернативу НАТО, предложив в свою очередь план широкого экономического сотрудничества «Партнёрство для трансформации», который, однако, не был поддержан российской стороной⁵⁹².

⁵⁹² Kozyriew A. Polska w rosyjskiej polityce zagranicznej // W strone nowego partnerstwa. Polsko-rosyjska konferencja. Krakow, 23-25 lutego 1994. S. 28–29.

С конца 1994 г. (после посещения саммита НАТО и переговоров со своим американским коллегой У. Кристофером (1993–1997)) А. Козырев признал, что отношения двух стран должны превратиться в нечто новое, фактически лишённое духа «вильсоновского идеализма», свойственного им ранее⁵⁹³. При этом европейское направление интеграции Польши, сближение Брюсселя и Варшавы, не вызывало такого интереса в Москве.

Анализируя российско-польские отношения в первой половине 1990-х гг. необходимо в первую очередь учитывать идеологические представления, господствовавшие среди варшавской и московской политической элиты в тот период. Российскую внешнеполитическую позицию первых лет после краха Советского Союза можно рассматривать как «либерально-американоцентричную», при которой США (бывший противник в холодной войне) стали рассматриваться в качестве главного партнёра и даже союзника, а все остальные направления внешней политики утратили свою значимость. Для российской политической элиты понятия «Запад» и «США» были тождественны, внимание к Западной Европе было сниженным, а к Восточной Европе оно отсутствовало практически полностью. Некоторая корректировка курса наметилась только после заявлений Польши и других стран ЦВЕ о своём намерении вступить в Североатлантический альянс, но и после этого Россия считала, что решение всех вопросов в этом регионе следует искать не в диалоге с местными правительствами, а в компромиссе с Вашингтоном. В связи с этим Диалог о нерасширении вёлся практически исключительно по линии Кремль–Белый дом. Поскольку всё внимание козыревской дипломатии было сосредоточено на российско-американских отношениях, Россия на том этапе не формулировала собственной повестки для Восточной Европы, а лишь пыталась более или менее успешно реагировать на процессы, которые инициировали там другие игроки, включая и Польшу. Парадоксальным образом в тот период Варшава оказалась в более сильной позиции на международной арене, чем

⁵⁹³ Коммерсант. 1994. 3 декабря. № 230.

Москва: она имела ясные цели на атлантическом (Польша–НАТО), европейском (Польша–ЕС) и региональном (Польша–Вишеградские страны) уровне.

Разумеется, не способствовало усилению российской стороны в диалоге с Варшавой и положение внутри страны – конституционный кризис 1993 г. и способ его разрешения произвёл крайне неблагоприятное впечатление на польский политический класс – подтверждались их опасения относительно того, что Россия является нестабильной державой, где либеральное прозападное правительство может быть вскоре смещено и заменено куда более консервативными и экспансионистскими силами⁵⁹⁴. В противоположность России польское общество было консолидировано – цель «возвращения в Европу» объединяла как бывших диссидентов, так и польских «посткоммунистов», которые готовились взять политический реванш во второй половине 1990-х, используя исключительно правовые и демократические механизмы.

Ещё одним ударом по двусторонним отношениям стала реакция в Польше на начало конфликта в Чечне. Война правительства России с сепаратистами на окраине вызывала в польском обществе и элите ожидаемые ассоциации с борьбой поляков против Российской империи и Советского Союза. В Польше были учреждены различные организации, поддерживавшие сепаратистов (комитеты «Свободный Кавказ» и «Польша–Чечня», Чеченский информационный центр), что рассматривалось в Москве как крайне недружественные жесты⁵⁹⁵.

Единственным бесспорным успехом польско-российского диалога первых лет последнего десятилетия XX в. следует признать начало взвешенного обсуждения сложных вопросов двусторонней истории. Так, в 1992 г. Р. Пихоя, специальный представитель президента Б. Ельцина, передал Л. Валенсе копии документов по Катынскому расстрелу, которые были засекречены на протяжении многих десятилетий. Одновременно в интервью польскому радио президент России сформулировал официальную позицию Москвы по этому трагическому

⁵⁹⁴ Бухарин Н. И. Россия – Польша. С. 24.

⁵⁹⁵ Подробнее о влиянии конфликта в Чечне на российско-польские отношения См. Лыкошина Л. С. Современные политические процессы и российско-польский диалог // Звенья. 2011. № 1. С. 86–88.

эпизоду общей истории: «Россия не может взять на себя ответственность за катынское преступление. Сделала это партия, сделал это тоталитаризм»⁵⁹⁶. В 1993 г. в рамках визита российского президента в Варшаву была принята Совместная российско-польская декларация, в которой говорилось в том числе, что сторонами «были выявлены обстоятельства катынского преступления, виновники которого будут наказаны»⁵⁹⁷.

Начало второй половины 1990-х гг. характеризуется определённым поворотом в польско-российском диалоге, связанным с изменениями, произошедшими в политическом руководстве обеих стран. Как и в большинстве постсоциалистических государств, в России и Польше в это время происходит определённая политическая и социально-экономическая корректировка, связанная с нарастанием усталости обществ от негативных последствий системных реформ.

Сперва принципиальные изменения произошли в польском руководстве – на смену Л. Валенсе, проигравшему выборы в конце 1995 г., пришёл новый президент А. Квасьневский, представитель Союза демократических левых сил и бывший министр по делам молодёжи в правительстве генерала В. Ярузельского. Новый польский лидер и его команды выразили готовность к пересмотру двусторонних отношений на основе большего внимания к интересам России как державы, имеющей большой вес в мире⁵⁹⁸. Хронологически это совпало с приходом в самом начале 1996 г. на Смоленскую площадь Е. Примакова (1996-1998), имевшего репутацию сторонника евразийской интеграции и последовательного критика концепций однополярного мира. Это назначение обозначило новый этап российской внешней политики на польском направлении: уже в марте 1996 г. российский министр совершил официальный визит в Польшу для переговоров с президентом А. Квасьневским, продемонстрировав тем самым своё внимание к прямому диалогу с Варшавой. В ходе переговоров ключевой вновь стала проблема вступления Польши в НАТО – Москва выразила своё

⁵⁹⁶ Rzeczpospolita. 16.10.1992.

⁵⁹⁷ Совместная российско-польская декларация. Варшава, 25 августа 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 17-18. С. 14.

принципиальное несогласие с этой перспективой. При этом Е. Примаков пытался противопоставить атлантической солидарности европейскую и в целом позитивно высказался о возможностях укрепления европейских структур и включения в них новых членов, в т. ч. Польши⁵⁹⁹. Это вписывалось в его концепцию многополярного мира, где наравне в США должны существовать и другие центры силы, например, объединённая Европа⁶⁰⁰. Польская сторона, заверяя Россию в желании развивать сотрудничество, тем не менее, заявила, что процесс вступления страны в НАТО не может быть остановлен или отложен. Несмотря на это и в подтверждение своих намерений сотрудничать с Россией президент А. Квасьневский весной 1996 г. дважды посещал Россию, встречаясь не только с официальными лицами, такими как тогдашний губернатор нижегородской области Б. Немцов, но и с представителями польской диаспоры в России. Непреклонно придерживаясь курса на вступление в НАТО, польский лидер одновременно проявлял заинтересованности во взаимодействии с Россией по экономическому и гуманитарному направлениям: в 1996 г. были подписаны российско-польские соглашения о безвизовом режиме и молодёжном сотрудничестве⁶⁰¹.

Параллельно с экономическими и гуманитарными вопросами Польша и Россия попытались начать практически прерванный после распада Советского Союза диалог по вопросам военного сотрудничества. В феврале 1996 г. оборонные ведомства организовали экспертный круглый стол, а позднее на московской встрече министров обороны С. Добжанского и П. Грачёва приняли решение о подписании соглашения о военном сотрудничестве и поставках российских запасных частей для польской военной техники советского

⁵⁹⁸ Sienkiewicz M. Wspolczesne polskie nurty polityczne wobec Ukrainy, Bialorusi I Litwy w latach 1989–1999. Wroclaw, 2005. S. 93.

⁵⁹⁹ Коммерсант. 1996. 16 марта. № 43.

⁶⁰⁰ Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. На горизонте многополюсный мир // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

⁶⁰¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о молодёжном сотрудничестве // Дипломатический вестник. 1996. № 5. С. 21–23; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством

производства. Впрочем, некоторые польские эксперты полагают, что Варшава в тот период сознательно пыталась симулировать заинтересованность в сотрудничестве с Россией, чтобы снизить обеспокоенность Кремля по вопросу расширения Североатлантического альянса⁶⁰². В любом случае, эти инициативы имели определённый позитивный эффект: после обвального снижения товарообмена между двумя странами в начале десятилетия был зафиксирован некоторый рост торговли между двумя странами⁶⁰³. Позитивная динамика, однако, оказалась непрочной.

Известный польский исследователь-международник В. Родкевич предлагает отсчитывать начало нового периода российско-польских отношений с лета 1997 г.⁶⁰⁴, однако, представляется более точным выделить в качестве поворотной точки октябрь 1997 г., когда в Польше прекратило свою работу лево-центристское правительство В. Цимошевича (1996–1997), декларировавшее стремление к диалогу с Москвой, и был сформирован настроенный крайне проамериканский либерально-консервативный кабинет Е. Бузека (1997–2001), где на смену беспартийному министру иностранных дел Д. Розати (1995–1997) пришёл последовательный сторонник проамериканской линии из партии Уния Свободы Б. Геремек (1997–2000).

Именно эти изменения в польском руководстве ознаменовали наступление *третьего этапа (1997–2000)* становления российско-польских отношений. Новое польское правительство, демонстрируя свою лояльность НАТО, стало проводить откровенно пренебрежительную политику по отношению к Москве.

Республики Польша о безвизовых поездках граждан // Дипломатический вестник. 1996. № 12. С. 8 - 10.

⁶⁰² Magdziak-Miszewska A. Stosunki polsko-rosyjskie: próba bilansu. [Electronic resource]. – URL: www.omp.org.pl (accessed: 15.01.2018).

⁶⁰³ Например, если в 1992 г. экспорт России составлял всего 1648 млн долл., то в 2000 г. уже 4410 млн дол. Источник: Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. М., 2004, С. 296.

⁶⁰⁴ Родкевич В. Внешнеполитическое мышление польской и русской элит и шансы на прагматическое польско-российское партнерство // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: материалы IV Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях». М., 2002. С. 202–219.

Бывший советник президента Б. Ельцина С. Станкевич, живший тогда в Польше, вспоминал: «Польская элита внесла в охлаждение свою лепту. В прессе и на экране прочно утвердился образ России в виде тощего косматого медведя в шапке-ушанке, тянущего длинные когти то к крану на газовой трубе, то к границам новых независимых государств. Третирование едва ли не любых намерений и действий России как проявления «имперского синдрома» стало своеобразной интеллектуальной модой, почти ритуальной демонстрации вновь обретенной «европейскости». Так свежее обращенные неопиты стремятся активно и избыточно подтверждать свою лояльность принявшему их обществу, становясь зачастую «святое Папы»⁶⁰⁵. Антироссийских настроений, царивших в польской элите, стали опасаться и в НАТО, т.к. Североатлантический альянс не имел намерения обострять и без того непростые отношения с Москвой, диалог с которой был осложнен в связи с процессом расширения. Немецкие политики позже утверждали, что перед вступлением в альянс «строго-настроеного предостерегали поляков от попыток посорить нас с русскими»⁶⁰⁶.

Именно в этот период произошло т. н. «четвёртое расширение» НАТО, Польша стала членом альянса. Негативный эффект от этого события отчасти был сглажен заключением Соглашения Россия–НАТО в начале 1997 г., которое позволило хотя бы в некоторой степени снять опасения России, связанные с расширением альянса. В этот же период Е. Примаков попытался активизировать диалог между Россией и Польшей в рамках ОБСЕ, где польской стороне предстояло председательствовать в 1998 г. Кроме того, Москва попыталась начать сотрудничество с польской стороной на белорусском направлении – именно в 1998 г. было открыто официальное представительство ОБСЕ в Минске, чему в т.ч. способствовали усилия Варшавы⁶⁰⁷. Глава российского МИД пытался выстроить рабочие отношения со своим польским коллегой Б. Геремеком, которого

⁶⁰⁵ Цит. по Бухарин Н. И. Россия-Польша. С. 30.

⁶⁰⁶ Трибуна. 19.08.2005.

⁶⁰⁷ Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 1. С. 38–43.

стремился привлечь к решению проблемы Косово совместно с Россией, создав позитивную повестку в переговорах Москвы и Варшавы.

Несмотря на серьёзную обеспокоенность атлантической интеграцией Польши, Москва всё же надеялась выстроить диалог с Варшавой по экономическим и гуманитарным вопросам, что, однако, не меняло общего негативного вектора двусторонних отношений в связи с проатлантическим внешнеполитическим курсом Третьей Речи Посполитой.⁶⁰⁸ Несомненно, не добавляла динамики двусторонним отношениям и позиция Польши по Югославскому кризису, в ходе которого она полностью поддержала операцию НАТО, чему пыталась противодействовать Россия⁶⁰⁹.

Вместе с тем, среди части экспертов пользовалось поддержкой мнение, что вступление Польши в НАТО, хотя и будет воспринято в России болезненно, в конечном итоге позволит стабилизировать двусторонние отношения и приведёт к их постепенному улучшению взаимопонимания двух стран. В действительности же период сразу после вступления страны в НАТО 1999–2001 гг. оказался одним из самых тяжёлых для российско-польских отношений, которые сотрясали шпионские скандалы, антироссийские акции, связанные с операцией российских вооружённых сил в Чечне, и взаимные высылки дипломатов. Примечательно, что эту тенденцию, характерную для конца 1990-х гг., не смогли переломить даже личные инициативы президента Польши А. Квасьневского, который в этих непростых обстоятельствах старался демонстрировать свою заинтересованность в диалоге с Москвой. Так, он неоднократно совершал неофициальные визиты в Россию, посещал там культурные мероприятия и несколько раз приглашал своего российского коллегу приехать с визитом в Польшу⁶¹⁰. Однако президент России уклонялся от посещения Республики Польша, что, разумеется, воспринималось в польском обществе негативно – с 1993 г. и вплоть до своей отставки Б. Ельцин ни разу не был в стране.

⁶⁰⁸ Менкишак М. Польская политика в отношении России в 1989–2002 гг. // Центрально-Европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М. 2003. С. 243–245.

⁶⁰⁹ Шишелина Л. Н. Европейский Союз и Восточная Европа. С. 84–85.

Несмотря на это, А. Квасьневский следующими словами прокомментировал уход Б. Ельцина со своего поста 31 декабря 1999 г.: «Мы, поляки, особенно благодарны Вам за Ваш вклад в преодоление наследия польско-российской истории, за раскрытие горькой правды о Катынской трагедии, т.к. это заложило фундамент для нормализации отношений между нашими странами и открыло путь к сближению и примирению народов Польши и России»⁶¹¹. Действительно, единственным ярким успехом 1990-х гг. было раскрытие многих материалов, связанных с расстрелом польских офицеров в 1940 г. Но и этот, на первый взгляд, позитивный процесс, породил и обратную реакцию (т.н. «Антикатынь») – дискуссию вокруг трагической судьбы красноармейцев, попавших в плен в 1920 г. В частности, в 1998 г. Генеральная прокуратура России направила в Польшу запрос с просьбой выяснить судьбу погибших солдат. Более того, российские правоохранители утверждали, что гибель пленных является ни чем иным как геноцидом. Польская сторона весьма болезненно восприняла этот факт. Следует отметить, что начиная с 1990-х гг. дискуссии о Катынском расстреле неизменно присутствовали в российско-польской политической повестке и осложняли диалог по актуальным проблемам двусторонних отношений⁶¹².

Не менее спорным было и экономическое измерение российско-польского сотрудничества в 1990-е г. Разрыв экономических связей, существовавших внутри СЭВ, весьма болезненно ударил по обеим сторонам, но больше, как представляется, пострадала Польша, где в начале десятилетия остановилось около трети всех предприятий индустрии⁶¹³. Обе национальные экономики с трудом проходили через процесс рыночной трансформации и встраивания в систему мировых экономических связей, формировавшуюся в конце XX в. Польский политолог В. Родкевич, говоря об этом периоде польско-российских отношений,

⁶¹⁰ Российская газета. 30.05.1998.

⁶¹¹ List Prezydenta RP do Borysa Jelcyna. [Electronic resource]. – URL: www.prezydent.pl (accessed: 15.01.2018).

⁶¹² См. фундаментальное исследование на эту тему: Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009.

⁶¹³ Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М., 2002. С. 114.

также относил к числу факторов, способствовавших снижению взаимной заинтересованности, ухудшение мировой экономической конъюнктуры: финансовый кризис в Азии и России резко снизил привлекательность польских товаров для российского рынка⁶¹⁴.

Созданная в 1992 г. Российско-польская комиссия по торговле и экономике должна была создать необходимую инфраструктуру для сотрудничества в этой области, однако, не смогла переломить общую тенденцию, характерную для тех лет – взаимная экономическая заинтересованность постепенно снижалась. Польский экспорт в Россию сократился в начале 1990-х на 48%, а импорт – на 46%⁶¹⁵ и, несмотря на временный рост товарообмена в 1994–1997 гг., когда Россия стала вторым по важности (после Германии) рынком сбыта для польских товаров, обе страны всё больше зависели от прямых иностранных инвестиций, прежде всего европейских⁶¹⁶. Россия и Польша оказались на периферии мировой экономики, продукция их предприятий не могла выдержать конкуренцию с ведущими мировыми производителями в условиях рыночной конкуренции, а обе страны оказались не заинтересованы друг в друге как в торговых партнёрах.

Немаловажно и то, что Польша (в отличие от России) значительно быстрее оправилась от экономического спада, последовавшего за либеральными реформами Л. Бальцеровича⁶¹⁷, и уже через два года после их начала смогла продемонстрировать экономический рост. В России же снижение ВВП продолжалось на протяжении почти 10 лет⁶¹⁸. Разумеется, значительную роль в этом относительном успехе Польши сыграла поддержка и прямые иностранные инвестиции, которые Варшава получала из стран Западной Европы⁶¹⁹.

⁶¹⁴ Родкевич В. Указ. соч. С. 208.

⁶¹⁵ Polska-Rosja. Wczoraj, dzisiaj, jutro. Krakow, 2006, S.52.

⁶¹⁶ Лыкошина Л. С. Современные политические процессы и российско-польский диалог // Звенья. 2011. № 1. С. 89.

⁶¹⁷ См. Balcerowicz L. Socjalizm. Kapitalizm. Transformacja. Szkice z przełomu epok. Warszawa, 1997.

⁶¹⁸ Iskra W. Polska-Rosja-UE. Relacje ekonomiczne. Warszawa, 2004. S. 77.

⁶¹⁹ См. Бухарин Н. И., Синицина И. С., Чудакова Н. А. Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 38–57.

Хотя на протяжении всех 1990-х гг. взаимное значение России и Польши как торговых партнёров оставалось относительно невысоким⁶²⁰, возрастала роль польских территорий в транзите российских товаров, прежде всего энергоносителей из России в Западную Европу. В результате этого среди польских экономистов и специалистов-международников появилась идея о превращении Польши в своеобразный «стратегический мост», соединяющий Россию и Запад континента⁶²¹. Более того, в этот период стало заметно стремление Польши получать «геополитическую ренту» от своего географического положения и преодолеть образ страны, разделяющей континент, став место этого связующим звеном между Западной Европой и Россией. Отчасти этому способствовала и экономическая политика России – после постройки газопровода «Ямал–Европа» в 1999 г. польская сеть нефтепроводов стала работать в основном для экспорта российской нефти в Германию и другие западноевропейские государства. Однако и здесь не обошлось без конфликтов. Польша, руководствуясь политическими соображениями, выступила категорически против инициативы главы «Газпрома» Р. Вяхирева о строительстве второй нитки газопровода, которая должна была обеспечить транзит газа в обход территории Украины. Позиция российской стороны в этом вопросе тоже оказалась весьма спорной. Так, когда переговоры в очередной раз зашли в тупик, Р. Вяхирев пригрозил: «Если что, можем и по зубам!»⁶²². Разумеется, подобная риторика российской стороны не могла способствовать нормализации отношений и в конечном итоге играла на руку антироссийским силам, чьи позиции и без того были весьма прочны в польской политической элите. В целом, в последние годы XX в. российско-польские отношения находились на низком уровне, а ключевым событием, определившим этот негативный результат, стало вступление Польши в НАТО. Наиболее ёмко позицию Москвы по этому вопросу обозначил ещё в

⁶²⁰ См. Ершов А. Развитие российско-польских торгово-экономических отношений в 1991-1996 гг.: возвращение к нормальному состоянию // *Dynamika stosunkow polsko-rosyjskich w latach 1991–1996*. Krakow, 1997. S. 237.

⁶²¹ См. напр. Cholaj H. *Ekonomia Polityczna Globalizacji*. Warszawa, 2006. S. 23.

⁶²² А. Михник: Без демократии Россия – это Советский Союз // *Новая газета*. 05.04.2004.

бытность свою главой МИД Е. М. Примаков, сказавший, что вступление Варшавы в Североатлантический альянс станет «катастрофой» для России⁶²³.

Итак, исследуя польско-российские отношения в 1990-е гг. можно выделить несколько основных этапов, обладающих своими особыми характеристиками. На первом (1991–1993) Российская Федерация и Республика Польша пытались разрешить вопросы, оставшиеся в двусторонней повестке ещё со времён диалога СССР и ПНР. Ключевой проблемой отношений стран в тот период стал вывод российских войск из Польши.

Варшава добилась от Москвы и вывода войск, и формального признания полного суверенитета в международных вопросах. Кроме того, были заключены базовые двусторонние отношения, которые позволили сформировать собственную инфраструктуру дипломатических отношений, независимую от советского наследия. Был так же дан старт очень болезненному, но необходимому диалогу по сложным историческим вопросам и прежде всего – по Катыньскому расстрелу. Вместе с тем, следует признать, что на данном этапе прогресс в российско-польских отношениях был обеспечен фактически односторонними уступками со стороны Москвы, где после окончания холодной войны восторжествовали идеалистические взгляды на международные отношения. Российская дипломатия находилась под влиянием концепции построения единого «демократического мира» и поэтому рассматривала «избавление» Польши от российского военного присутствия и ограничений внешнего суверенитета в качестве элемента преодоления последствий биполярного разделения планеты. В свою очередь постсоциалистическая Польша стремилась как можно скорее избавиться от любых форм зависимости от России и начать процесс сближения (в том числе институционального) с Западом и прежде всего – с Соединёнными Штатами.

На втором этапе (1994–1996) всё отчётливее начинает прослеживаться взаимное разочарование двух стран, связанное в первую очередь с крахом российских надежд на создание «новой демократической системы

⁶²³ Pomiatowski J. Gran ad urwiskiem // Rzeczpospolita, 13.08.2005

международных отношений» и преодоление логики холодной войны. В действительности же, вакуум военно-политического влияния, возникший в ЦВЕ после «ухода» из региона Москвы, был вскоре занят Ваингтоном – Польша отчётливо дала понять, что независимость от России является только промежуточной стадией на пути в структуры НАТО. Попытки российской дипломатии обратиться непосредственно к США и заморозить процесс расширения Североатлантического альянса не принесли желаемого результата. Именно атлантический курс Третьей Речи Посполитой во многом привёл к постепенному угасанию «демократической эйфории», характерной для российского руководства того периода, и положил начало процессу «прагматизации» внешнеполитического курса Москвы. Эта тенденция получила своё развитие с приходом на пост главы МИД Е. Примакова, являвшегося сторонником концепции «многополярного мира», в котором наравне с США существуют и другие независимые центры силы. Однако предпринятые им на польском направлении усилия по улучшению двусторонних отношений, такие как введение безвизового режима, не имели большого эффекта, в связи бескомпромиссно проамериканской позицией Варшавы. Подписание в 1997 г. договора Россия–НАТО несколько сгладило нараставшие противоречия, но не изменило того факта, что США и Польша фактически проигнорировали протесты России и в вопросе расширения НАТО на восток действовали с позиции «антагонистической игры».

Третий этап (1997–2000) можно охарактеризовать как период наибольшего охлаждения в двусторонних отношениях в конце XX в. Польский президент А. Квасьневский отмечал в этой связи, что Россия даже после того как было подписано Соглашение 1997 г. так до конца и не смогла примириться со вступлением Польши в НАТО⁶²⁴. Поддержка Польшей операции НАТО против Югославии стала ещё одним свидетельством того, что Варшава не намерена считаться с мнением Москвы и видит своё будущее исключительно в союзе с Вашингтоном. Ситуация усугублялась ещё и тем, что российско-польский диалог

⁶²⁴ Rzeczpospolita. 22.12.2005

не имел под собой прочного экономического фундамента – существовавшие в рамках СЭВ связи оказались повреждены (хотя и не столько сильно, как с другими странами региона), а новые формировались медленно. Даже попытки взаимодействовать по вопросу транзита газа из России в Европу приводили не укреплению отношений, а к новым скандалам, ответственность за которые справедливо было бы возложить как на польскую, так и на российскую сторону. В этих неблагоприятных условиях постепенный переход России к внешнеполитическому реализму не улучшил российско-польские отношения, а просто заморозил их на крайне низком уровне. Российская дипломатия была разочарована польской позицией, но не имела ни возможности оказать давления, ни желания идти на односторонние уступки. Ведь как показал опыт начала 1990-х гг., подобная тактика не приводит нормализации отношений, а только ослабляет и без того не самые сильные позиции Москвы в диалоге с Варшавой.

Таким образом, итог российско-польского взаимодействия в первое десятилетие после окончания холодной войны был достаточно негативным. Республика Польша, действующая в рамках реалистической парадигмы международных отношений, сумела добиться своих основных целей на тот период: вывести российские войска, получить свободу в выбор союзников и вступить в НАТО. Россия же, изначально рассчитывавшая на «демократизацию» мировой системы, оказалась глубоко разочарована как политикой НАТО в Восточной Европе, так и позицией своих бывших союзников, которые оказались большими атлантистами, чем страны «старой Европы». Причина этой «концептуальной асимметрии» российско-польских отношений заключалась, вероятно, в том, что польские политические философы, оппозиционные политики, диссиденты и журналисты-эмигранты, начиная, как минимум, с середины 1960-х гг. тщательно изучали, обсуждали и проблематизировали историю российско-польских отношений.

Благодаря этому к моменту образования Третьей Речи Посполитой её руководство уже имело ясную концептуальную основу для внешней политики нового государства, а российскому правительству не на что было опереться при

формировании новых отношений с Польшей. Старые советские доктрины перестали работать, а новые были чистым «демократическим идеализмом», оторванным от исторического контекста двусторонних отношений. И даже убедившись, что построение «демократического мира» не стоит на повестке дня, Россия оказалась не в силах сформулировать внятную политическую и идеологическую альтернативу атлантическому курсу, избранному Третьей Речью Посполитой. Отдельные удачи, такие как диалог по Катынскому расстрелу или стремление А. Квасьневского активизировать культурное измерение сотрудничества, не меняли общего итога: к концу 1990-х гг. отношения находились в глубоком кризисе, в основе которого лежало вступление Республики Польша в НАТО и отсутствие сколько-нибудь проработанной и конструктивной платформы для новых отношений двух стран.

3.3. Влияние евроатлантического вектора польской внешней политики на характер российско-польских отношений после окончания холодной войны

После 1989 г. одной из стратегических задач внешней политики Польши стало избавление от экономической и военно-политической зависимости Варшавы от Москвы и ликвидация самой возможности её реставрации в будущем. Это достаточно ясно было заявлено первым некоммунистическим премьер-министром Народной Польши и представителем «Солидарности» Т. Мазовецким ещё в 1990 г.: «В польско-советских отношениях мы открыли новую главу. В них уже не решает идеология и коммунистическая партия, они стали нормальными отношениями государств и правительств, руководствующихся благом своих народов и государственными интересами... Нашим исходным пунктом во взаимоотношениях является независимость польского государства»⁶²⁵. Одним из основных факторов, который, по мнению новых польских лидеров, должен был обеспечить независимость Варшавы от Москвы, стало сближение Польши с НАТО и Вашингтоном.

⁶²⁵ Expose Premiera RP Tadeusza Mazowieckiego w Sejmie. Warszawa, 18 stycznia 1990 r. // Trybuna Ludu. 1990. Styczeń 19. S.1.

Во время визита польского президента Л. Валенсы в Москву в 1992 г. был подписан польско-российский договор, который провозглашал, кроме прочего, что «стороны строят свои отношения в духе дружбы, добрососедского партнёрства и равноправия»⁶²⁶. Однако реализация этого положения проходила с трудностями. Уже ко времени подписания договора в российских влиятельных общественно-политических кругах существовали группы с опасением относившиеся к перспективам расширения НАТО за счёт бывших стран-участниц Варшавского договора. В известной степени эту позицию разделяло и тогдашнее российское руководство: в 1993 г. президент России Б. Ельцин направил конфиденциальное письмо лидерам ведущих стран Запада, в котором говорил о своей обеспокоенности, связанной с вхождением бывших стран советского блока в НАТО. Свою позицию Б. Ельцин аргументировал тем, что расширение Североатлантического альянса может привести к изоляции России и ухудшению её отношений с Западом, а для европейской и мировой безопасности отношение НАТО–Россия куда важнее, чем отношение НАТО со странами ЦВЕ⁶²⁷. Схожие аргументы использовались и в российской политической публицистике, дискуссиях в прессе. В частности говорилось, что такая политика бывших социалистических стран и НАТО может привести к возобновлению блокового противостояния в Европе и возвращению России в рамки авторитарной системы. Утверждалось, что позиция Варшавы неконструктивна и необоснованна, т. к. ей никто не угрожает⁶²⁸. Вместе с тем, ряд российских экспертов и политиков считали позицию России и её «неоимперскую» риторику стимулами, которые закономерно усиливают страхи Варшавы и ещё больше склоняют Польшу к сближению с Вашингтоном.⁶²⁹

⁶²⁶ Polska-Rosja. Traktat o przyjaznej i dobrososiedzkiej współpracy oraz inne dokumenty. Warszawa. 1992. S. 9.

⁶²⁷ Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. М., 2011. С. 86–123.

⁶²⁸ Арбатов Л. Пора начать «переналадку» отношений // Независимая газета. 1998. 21 июля. С. 6; Пушкин А. Опустошающая ясность // Независимая газета. 1999. 28 ноября. С. 3.

⁶²⁹ Заявление ЦКС ДС России «Сопrotивление расширению НАТО – доказательство его необходимости» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ds.ru/arch/a1997/021897n.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

Опасения России вскоре проявились в официальных документах, определяющих внешнюю политику государства в области международной безопасности. В январе 1993 г. МИД России обнародовал Концепцию внешней политики, а ноябре этого же года публике была представлена новая российская военная доктрина. В обоих документах подчёркивалось существование «исторических интересов России» в регионе Центральной и Восточной Европы, а также говорилось о необходимости сохранения «дружественного нейтралитета» расположенных там государств⁶³⁰.

В связи с этим польские эксперты отмечали, что противодействие расширению Североатлантического альянса на Восток не ограничивалось лишь проблемой влияния в регионе ЦВЕ. Они считали его элементом глобальной российской стратегии, относящейся к проблеме новой архитектуры безопасности в Европе, которая была призвана обеспечить за Россией возможность «получения права голоса по политическим и военным вопросам, одновременно ограничивая американское присутствие на старом континенте». Отчасти эти оценки подтверждались и официальными заявлениями руководителей российской политики тех лет⁶³¹. Закономерно, что варшавское заявление Б. Ельцина о согласии на вступление Польши в НАТО, прозвучавшее в 1993 г., вскоре было фактически дезавуировано российской стороной. Российский министр А. Козырев после этого неоднократно подчёркивал в своих публичных заявлениях прерогативу сотрудничества вооруженных сил НАТО и Российской армии, т.к. «это было бы важнее для дела безопасности в Европе, чем поспешное расширение НАТО на Польшу и Венгрию»⁶³².

На конференции министров обороны государств–членов НАТО, прошедшей в октябре 1993 г., было объявлено, что в ближайшей перспективе Польша и другие страны Восточной Европы не смогут стать членами Альянса, однако им было предложено участие в совместных манёврах и учениях. Пребывавший тогда

⁶³⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1-2. С. 3–23; Внешняя политика России. Сборник документов. М., 1997. С. 59–75.

⁶³¹ Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. На горизонте многополюсный мир // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13;.

с официальным визитом во Франции А. Козырев критически высказался о таком сотрудничестве, а вот в польской прессе прозвучали отдельные оптимистические заявления. Вероятно, совместные военные учения рассматривались как первый шаг к началу переговоров о вступлении в Альянс.

Именно противодействие России заставило США искать компромиссные формулы, которые должны были устроить и Москву, и Варшаву. Результатом этого стало появление в 1994 г. программы «Партнёрство во имя мира», которая должна была обеспечить новый формат отношений Альянса и бывших стран восточного блока. В декларации НАТО говорилось, что альянс сохраняет открытый характер и готов в будущем принять новых членов, однако, сейчас не готов предложить более тесное сотрудничество Варшаве и другим восточноевропейским столицам⁶³³. Российская сторона расценила Брюссельскую декларацию, как своё несомненное достижение. Глава российского МИД А. Козырев даже назвал её «главным внешнеполитическим успехом 1993 г.»⁶³⁴. Видимо, это укрепило надежду российского министра на то, что возможно не допустить расширения НАТО, ведя интенсивный диалог исключительно с Вашингтоном и столицами Западной Европы, без привлечения к нему Варшавы. Развивая свой успех, глава российского внешнеполитического ведомства, находясь в Кракове в феврале 1994 г. заявил о необходимости ограничить роль НАТО и превратить ОБСЕ в основной институт, обеспечивающий решение проблем безопасности в Европе. Полякам, а также чехам, венграм и словакам российская дипломатия в качестве альтернативы атлантической интеграции предложила коллективные гарантии безопасности со стороны как России, так и крупнейших держав Запада⁶³⁵.

Позиция, заявленная российским министром, не встретила понимания в Варшаве. Напротив, посткоммунистические польские руководители восприняли

⁶³² Dziennik Liberalny. 1 pazdziernika 1993. № 1190.

⁶³³ Kobrinskaja I. Dlugi koniec Zimnej Wojny. Rosja I Europa Srodkowa 1991–1996. Warszawa, 1998.

⁶³⁴ Simon J. NATO Enlargement: opinions and options. Washington, 1995.

⁶³⁵ Данилов Д., Де Спигелейре С. От размежевания к сближению. Новые отношения России и Западной Европы. Париж, 1998. С. 7.

её как отказ России признать полный суверенитет Польши. Совершенно не устраивали лидеров Третьей Речи Посполитой и перспективы сокращения роли США в обеспечении безопасности в Европе. О значении, которое в Польше придавали присутствию Вашингтона в Европе, вполне откровенно писал польский военный и политический деятель Б. Клич: «..НАТО – уникальный форум для консультаций между Европой и Америкой. Участие США в альянсе рассматривается как абсолютно необходимое условие мощи и жизнеспособности организации, обеспечивающей своим членам ключевые гарантии безопасности...Варшава соответственно поддерживает те инициативы, которые закрепляют США в Европе, содействуют тесному сотрудничеству между европейскими и американскими союзниками на континенте»⁶³⁶.

Как уже отмечалось, и после 1995 г. проблему расширения НАТО на Восток Москва пыталась решать главным образом в диалоге с Вашингтоном⁶³⁷, а не со столицами восточноевропейских стран, включая Варшаву. Ряд экспертов считают, что это было связано с тем, что команда Б. Ельцина во внешней политике ориентировалась в основном на диалог по линии Москва–Вашингтон и «степень детализированности, нюансированности восприятия окружающего» был у неё предельно низкий. По мнению российской политической элиты 1990-х гг., особенно первой половины десятилетия, понятие «Запад» было тождественно понятию «США».⁶³⁸ Другие же исследователи полагают, что причина такой российской политики была более рациональной. Внимательное отношение со стороны России к Польше, как к партнёру по переговорам, могло бы укрепить международные позиции Варшавы в целом и на переговорах с НАТО в частности. Стоит отметить, что американское руководство тоже стремилось держать польское правительство в определённом неведении относительно своих контактов

⁶³⁶ Klich Bogdan. NATO: A view from Central Europe // *Politique étrangère*. 2009. № 4. P. 83–85.

⁶³⁷ Т. е. после того, как Х. Солана (генеральный секретарь НАТО в 1995–99 гг.) объявил о том, что принятие новых членов совсем не отдалённая перспектива. См. Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 1997. № 1. С. 101–103.

⁶³⁸ Мальгин А. В. Отношения Россия-ЕС в контексте европейской политики// *Свободная мысль*. 2002. №1. С. 13–20.

с Кремлём на тему расширения НАТО⁶³⁹. Это вызывало естественную тревогу Польши и делало её особенно лояльной по отношению к Соединённым Штатам. Закономерно, что строгая ориентация Москвы на диалог непосредственно с Вашингтоном, а также отсутствие у Кремля в 1990-е гг. инструментов серьёзного влияния на политику Варшавы, привели к провалу попыток России приостановить процесс атлантической интеграции постсоциалистической Польши⁶⁴⁰. Окончательно это стало понятно после Мадридского саммита НАТО 1997 г., когда было объявлено о скором вступлении в Альянс Польши, Чехии и Венгрии⁶⁴¹.

Примечательно, что с этого момента вопрос расширения НАТО в определённой мере перестал быть предметом активной критики с российской стороны⁶⁴², а ещё в конце 1996 г. российские политики начали переговоры о подписании документа между Россией и НАТО, который до некоторой степени регулировал бы права и обязанности сторон в процессе расширения. «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО» был подписан в Париже в мае 1997 г. Согласно тексту документа, обе стороны провозглашались партнерами, а России давались некоторые гарантии, впрочем, вполне декларативные⁶⁴³. Поддержка Польшей, Венгрией и Чехией операции НАТО в Югославии в 1999 г. стала сигналом их окончательного включения в фарватер американской политики, в то время, как

⁶³⁹ Офицеров-Бельский Д.В. Атлантический интеграционный вектор во внешней политике Польши // Мировое развитие. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность. М., 2007. С. 154.

⁶⁴⁰ Премьер-министр Польши Л. Миллер указывал на естественность и закономерность польской ориентации на НАТО: «После прекращения действия Варшавского договора и распада Советского Союза Польша искала свое место и новые возможности для повышения своей безопасности. НАТО оказалось наиболее естественной и желаемой системой коллективной безопасности». Цит. по: Нарочницкая Н.А. Польша. 10 лет в НАТО [Электронный ресурс]. URL: <http://narochnitskaia.ru/in-archive/polsha-10-let-v-nato.html> (дата обращения: 30.01.2018).

⁶⁴¹ Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. С. 127.

⁶⁴² Белые пятна – черные пятна... М. 2010, С. 665.

⁶⁴³ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией // Дипломатический вестник. 1997. № 6. С. 4–10.

российское государство и общество в целом солидарно выступили против операции НАТО, а союзников Альянса в Восточной Европе в российской прессе подвергли жёсткой критике. В начале 1999 г. Польша, Чешская Республика и Венгрия присоединились к Договору, став полноправными членами Альянса⁶⁴⁴.

Как отмечалось ранее, ключевым фактором, обеспечившим успех атлантической интеграции Польши несмотря на противодействие Москвы, стало единство мнений польской политической элиты по данному вопросу. Как подчёркивал президент А. Квасьневский, вопрос вступления в НАТО был фактически «надпартийным консенсусом»⁶⁴⁵ в Третьей Речи Посполитой и смена правящих коалиций и президентов не влияла на стратегический выбор, сделанный постсоциалистической Польшей после окончания холодной войны. Этот тезис хорошо иллюстрируется на примере президентских выборов 1995 г., когда на смену антикоммунистическому лидеру «Солидарности» Л. Валенсе пришёл экс-коммунист А. Квасьневский, имевший репутацию сторонника более гибкой линии по отношению к России, процесс атлантической интеграции не только не остановился, но, напротив, ускорился.

В связи с этим, говоря об атлантическом векторе польской интеграции в контексте российско-польских отношений, необходимо учитывать не только исторический опыт конкуренции Москвы и Варшавы, о котором подробно говорилось в первом параграфе, но и восприятие в польском обществе и элите реальностей, сложившихся после окончания холодной войны. Именно НАТО являлось основным каналом, обеспечивающим трансатлантическое измерение польской политики. Кроме того, Польша, становясь ареной противоборства НАТО и России, увеличивала благодаря этому собственную стратегическую значимость и роль в Европе и мире. Разумеется, на польской внешнеполитической позиции сказывалась и память о Ялтинских соглашениях 1945 г., в ходе которых западные союзники фактически признали Польшу сферой интересов «сталинского

⁶⁴⁴ Polska przystępuje do NATO // Rzeczpospolita. 1999. Marzec 12. S. 1.

⁶⁴⁵ Цит. по: Звенья. 2011. № 1. С. 85.

СССР»⁶⁴⁶. Поэтому Польша видела залог своей безопасности не просто в партнёрских отношениях с США и странами Западной Европы, но в заключении юридически обязывающего соглашения, т.е. во вступлении в Североатлантический альянс на правах полноценного члена.

В целом можно заключить, что и Российская Федерация, и Польша основной темой своих двухсторонних отношений в рассматриваемый период считали вопрос об атлантической интеграции Польши. Осознание этого процесса, как ключевой проблемы межгосударственного диалога привело к частичному замораживанию двусторонних политических контактов⁶⁴⁷. При этом переговоры о своей главной проблеме Москва и Варшавы предпочитали вести не напрямую, а через посредство Вашингтона. Противодействие Москвы процессу интеграции Польши в НАТО изменили как его скорость, так и механизмы, но не остановили, а фактически и способствовали усилению позиций США на двухсторонних переговорах с Россией или Польшей. Основной проблемой диалога, как представляется, являлось то, что Россия не смогла предложить ни Польше, ни Восточной Европе никаких привлекательных альтернатив атлантическому направлению интеграции. Даже вопрос модернизации армии Польша эффективно решала в сотрудничестве с НАТО, а не с Россией, хотя большая часть оружия и техники, стоявших на вооружении в Войске Польском, были советского производства⁶⁴⁸.

Менее конфликтным (хотя также приводившим к разногласиям и непониманию с Россией) был европейский вектор польской интеграции. Первоначально расширение Европейского союза вообще не рассматривалось в Москве как потенциально враждебное интересам России. Это, как можно предположить, объяснялось политическим наследием холодной войны с её доминирующей логикой военно-политических блоков. Однако в процессе сближения Варшавы и Брюсселя в Кремле постепенно стали осознавать реальное

⁶⁴⁶ Вечоркевич П. Польский вопрос на Ялтинской конференции. Новая газета, 2005. № 32.

⁶⁴⁷ Достаточно сказать лишь, что в 1990-е гг. российский министр иностранных дел совершил лишь один официальный визит в Варшаву (Е. Примаков в 1996 г.).

значение происходящих изменений и его возможные отрицательные последствия для России. При этом форма, в которой Москва стала выражать своё недовольство, по мнению некоторых польских экспертов, носила в себе, прежде всего, черты политической демонстрации, имевшей целью показать, что расширение Европейского союза не превращает Россию в периферийное государство⁶⁴⁹.

Одним из основных «сложных вопросов» польско-российского диалога в связи с евроинтеграцией Варшавы стала проблема Калининградской области, которая заключалась в том, что после вхождения Польши (и затем Литвы) в ЕС, российский эксклав оказывался со всех сторон окружён странами Евросоюза. Проблему усугубляло и то, что, по мнению экспертов, регион мог превратиться в депрессивную изолированную зону внутри ЕС. По оценкам европейских аналитиков, более 30% населения Калининградской области жило за чертой бедности, а в целом уровень жизни здесь был даже ниже, чем в среднем по остальной России. Высказывались опасения, что если такие тенденции будут нарастать, то увеличение социальной напряжённости скажется не только на ситуации в самой области, но и проявится в её отношениях с соседями. Российская сторона подчёркивала наиболее острые проблемы, которые могут встать перед Калининградом в случае скорого вступления Польши в ЕС, важнейшей из которых был вопрос обеспечения свободного передвижения российских граждан в Калининград через территорию Литвы и Польши в связи с Шенгенскими соглашениями.

Другой существенной проблемой, связанной с переходом новых членов Евросоюза с национальных стандартов на стандарты ЕС и подключением к европейской энергосистеме, были трудности в энергообеспечении Калининграда, который самостоятельно обеспечивал свои потребности лишь на 20%. В стратегии развития отношений России с ЕС, подчёркивалась необходимость

⁶⁴⁸ Бухарин Н. И., Синицина И. С., Чудакова Н. А. Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 38–57.

⁶⁴⁹ См. Menkiszak M. Rosja w wobec Unii Europejskiej: kryzys strategicznego partnerstwa // Ośrodek Studiów Wschodnich. 2006. Styczeń 15. S. 2.

«заклучения при необходимости с Европейским Союзом специального соглашения, обеспечивающего защиту интересов Калининградской области как субъекта Российской Федерации в процессе расширения ЕС, а также по возможности превращения ее в «пилотный» российский регион сотрудничества России и Европейского Союза в XXI веке»⁶⁵⁰.

Принимая во внимание эти и другие вызовы, российская сторона в начале 2000-х гг. активно поднимала вопрос о вероятных негативных последствиях от вхождения новых стран в ЕС для связи Калининграда с основной частью России. Нередко это приводило к росту напряжения между Московской и восточноевропейскими столицами. Так, например, Литва с большим подозрением отнеслась к вариантам решения этой проблемы, которые в будущем могли помешать ей присоединиться к Шенгенскому соглашению, а Польша выступила с критикой российского предложения о создании экстерриториального коридора через её территорию. «Калининградский вопрос» продемонстрировал различия в позициях всех его участников (Брюссель-Москва-кандидаты на вступление в ЕС) относительно взаимоотношений Евросоюза с Россией и готовности идти на уступки Москве по вопросам, которые она воспринимала болезненно. Брюссельская бюрократия, подчёркивая что не имеет намерения делать каких-либо уступок или исключений из правил режима Шенгена, тем не менее, была готова облегчить процедуру выдачи виз (сделать её более быстрой и эффективной форме, снизить визовый сбор, оказать помощь в создании инфраструктуры по соблюдению контроля и безопасности)⁶⁵¹. Эта позиция получила формальное подтверждение в виде официальных заявлений представителей ЕС на состоявшихся в мае 2002 г. специальном заседании Комитета сотрудничества Россия–ЕС и девятом саммите Россия–ЕС⁶⁵². При этом ЕС объяснял свою позицию опасениями относительно нелегальной миграции, проникновения на

⁶⁵⁰ См. Иванов И. Россия и Европа на рубеже столетий // Международная жизнь. 2000. № 2. С. 25–29.

⁶⁵¹ La Union Europea y Rusia: el problema de Kaliningrado// El Pais. 2002. Marzo 7. P. 3.

⁶⁵² Chris Patten, Speech at the Plenary session of European Parliament, Strasbourg, 14 May 2002. EU-Russia Summit and Hoff Report on Kaliningrad. [Electronic resource]. – URL: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/patten/sp02_235.htm (accessed: 15.01.2018).

территорию ЕС преступных элементов и наркотиков. Представители Евросоюза, расширение этой организации не угрожало Калининграду, а, напротив, предоставляло ему большое количество возможностей⁶⁵³.

Стоит отметить, что на определённом этапе министр иностранных дел Литвы А. Валионис (2000–06 гг.) стал занимать более уступчивую по отношению к России позицию, чем его польские коллеги. Так, он заявлял о намерении провести переговоры с ЕС о сохранении безвизового режима для жителей Калининграда, а мэр Клайпеды высказался за сохранение безвиза для всех российских граждан. В результате посредничества Европейской комиссии в июне 2003 г. был достигнут компромисс, который устанавливал облегчённый транзит исключительно через Литву. Проблема же визового режима между Россией и Польшей, введённого с 1 октября 2003 г., была решена в результате интенсивных переговоров, итогом которых стало заключение соглашения, по которому определялся целый круг лиц, имевших существенные послабления при получении виз⁶⁵⁴. Диалог отчасти был облегчён тем, что Польша и Россия уже имели позитивный опыт сотрудничества по калининградскому вопросу в рамках еврорегиона «Балтика», одним из учредителей которого в 1998 г. стала Калининградская область. Ряд муниципальных образований Калининградской области также выступали в качестве наблюдателей в еврорегионах «Неман» и «Янтарь»⁶⁵⁵. Работа в рамках проектов еврорегионов позволяла сторонам лучше понять интересы и проблемы друг друга. В конечном итоге этот опыт позволил Польше и России увидеть во взаимных требованиях реальное экономическое и социальное наполнение, а не только политическое противостояние⁶⁵⁶.

Другой проблемой, осложнявшей российско-польские отношения в связи с интеграцией Варшавы в Европу, была проблема торгово-экономических последствий данного шага. Ещё 31 октября 2003 г. Варшава официально

⁶⁵³ См. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002.

⁶⁵⁴ Бухарин Н. И. Россия – Польша... С. 44.

⁶⁵⁵ Вардомский Л. Б. Ук. соч. С. 39.

⁶⁵⁶ Вовенда А. В., Плотников А. В. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60–68.

уведомила Москву об аннулировании Договора о торговле и экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Польша, заключенного в 1993 г. Сообщалось, что действие этого договора прекращается с момента официального вхождения Польши в ЕС. Вместе с тем, уже существовали соглашения о партнёрстве, регулировавшие экономические отношения ЕС–Россия, и новые члены Евросоюза могли автоматически к ним присоединиться. Но этот процесс протекал достаточно проблематично. За несколько месяцев до расширения Россия потребовала от своих партнёров подписания дополнительной декларации, которая регулировала бы спорные вопросы экономических взаимоотношений с Польшей. Третья Речь Посполитая стремилась к тому, чтобы Соглашение о партнерстве и сотрудничестве Россия–ЕС автоматически перешло на отношения с ней. Москва же считала, что до момента, пока Польша не станет полноправным членом Совета постоянного сотрудничества Россия–ЕС, должны были действовать некие переходные положения, которые ещё только предстояло разработать. Российская сторона настаивала также на том, чтобы присоединение к упомянутому Соглашению Польши было связано с необходимостью ратификации специального протокола со стороны Государственной Думы и Европарламента. Напряжённые переговоры завершились только в апреле 2004 г., когда польская сторона и Евросоюз приняли большинство российских предложений, отклонив, однако, российское предложение о смягчении санитарных норм ЕС для товаров, экспортируемых из России во вступающие в ЕС страны⁶⁵⁷.

Можно заключить, что, несмотря на возникающие трудности в ходе подготовки к вступлению Польши в ЕС, этот процесс никогда не приобретал той остроты, какая была характерна для атлантического направления интеграции Варшавы. Решение возникавших проблем шло как в двустороннем, так и многостороннем формате, что в целом привело к высоким результатам и позволило всем сторонам добиться принятия единых и приемлемых для всех условий. Польско-российское взаимодействие по вопросам, связанным с вступлением Польши в Евросоюз, оказалось более продуктивным, чем в случае с

⁶⁵⁷ Белые пятна – черные пятна... М. 2010. С. 657.

диалогом по проблеме расширения НАТО. Этот опыт продемонстрировал высокую эффективность организации прямого и рационального диалога по линии Варшава–Москва, а также переговоров в многостороннем формате, при которых все стороны могли напрямую обмениваться своими обеспокоенностями.

3.4. Концепция «восточной политики» Е. Гедройца и российско-польская конкуренция за влияние в постсоветских странах

Несмотря на фундаментальные геостратегические изменения, произошедшие в Европе в конце XX в., константой отношений России и Польши продолжала оставаться разница потенциалов, характеризующаяся превосходством России в территориальных, демографических и военно-стратегических ресурсах⁶⁵⁸. Осознание этого факта оказывало серьёзное влияние на политику Польши в отношении России и стран, лежащих между Москвой и Варшавой. Уже к середине 1990-х гг. польское руководство при реализации своей стратегии попыталось преодолеть отставание в материальных ресурсах при помощи качественно новых внешнеполитических подходов. Важным элементом, повлиявшим на формирование внешней политики постсоциалистической Польши на востоке в тот период, стал приход в общественную жизнь польской эмигрантской мысли. Этот процесс вряд ли затронул широкие массы населения страны, но оказал серьёзнейшее влияние на польский интеллектуальный класс и политическую элиту⁶⁵⁹.

Ключевым элементом эмигрантской мысли в области международных отношений была концепция новой «восточной политики» Польши. Этот тезис хорошо иллюстрирует простой факт – в ходе своего первого заграничного визита в качестве главы польского государства в Париж А. Квасневский в 1995 г. счёл необходимым встретиться с известным польским публицистом-эмигрантом Е. Гедройцем, главным редактором знаменитого журнала «Культура»,

⁶⁵⁸ Мальгин А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Том 6, № 4. С. 94–117.

⁶⁵⁹ Белые пятна - черные пятна... М. 2010. С. 628.

издававшегося во Франции с 1947 г.⁶⁶⁰. Советник президента Е. Помяновский утверждал впоследствии, что именно беседа с Е. Гедройцем, прожившим более полувека вне Польши, позволила третьему президенту пересмотреть польскую политику на Востоке⁶⁶¹.

В популярной интерпретации концепция «восточной политики» базировалась на представлении о том, что Польша, отказываясь от «имперских амбиций» в духе Ю. Пилсудского, должна стремиться к выстраиванию равноправных отношений со своими соседями, что поможет ей сбалансировать взаимодействие с Россией или даже обезопасить себя от неё в случае угрозы⁶⁶². Такое видение предполагало, что ключевое значение для российской политики в отношении самого Польского государства имеет ситуация в странах Восточной Европы – Украине, Литве и Белоруссии. Контроль Москвы над этими странами открывает путь к установлению российского господства и в Польше, а их независимость от России и государственный суверенитет являются факторами, прямо способствующими польской независимости.

В своих рассуждениях Е. Гедройц исходил из того представления, что относительно развитая Польша должна стать своеобразным «проводником» Востока в Европу. Особое внимание, как считал польский мыслитель, независимой Польши следует уделять сотрудничеству с Украиной, что невозможно без «процесса примирения с украинским народом»⁶⁶³. Украина, по мысли Е. Гедройца, является частью западной цивилизации и историческая миссия поляков заключается не в «ягеллонской идее»⁶⁶⁴ – экспансии на Восток и

⁶⁶⁰ Наиболее полное изложение взглядов Е. Гедройца на «восточную политику» см. Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010

⁶⁶¹ Pomianowski J. Gran ad urwiskiem // Rzeczpospolita. 13.08.2005.

⁶⁶² См. Giedroyc J., Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. № 9. S. 9–14.

⁶⁶³ Teczki Giedroycia, S. 116.

⁶⁶⁴ Стоит отметить, что в польской историографии и публицистике приятно противопоставлять Ягеллонскую идею (Idea jagiellońska) и пястовскую идею (idea piastowska). Первая предусматривает стремление к созданию мультинационального, многоконфессионального государства, ориентированного на Восток в направлении Литвы, Белоруссии и Украины и конкурирующего с Россией. В то время как вторая концепция проповедует необходимость объединения этнических польских земель и строительства моноэтнического государства, геополитически скорее смещенного на северо-запад и

восстановлении Речи Посполитой в границах XVIII в., а в поддержке строительства демократических национальных государств украинцами, белорусами и литовцами⁶⁶⁵.

В отношении России Е. Гедройц и его единомышленники предлагали начать процесс нормализации отношений и преодоления исторических обид: «Мы знаем лишь то, какой вред причинила нам Россия, и русские также видят нашу страну в искажённом свете. Это можно изменить только с помощью упорного труда, прежде всего идя путём культурного сотрудничества»⁶⁶⁶. Однако выстраивание партнёрских отношений с Россией воспринималось сторонниками новых подходов к «восточной политике» всё же как второстепенная, хотя и важная, цель, а на первом месте было укрепление связей Польши с независимыми национальными украинским, литовским и белорусским государствами. Более того, даже польские эксперты признавали, что в основе доктрины Е. Гедройца «лежало глубокое убеждение в том, что Украина и Белоруссия настроены достаточно антироссийски»⁶⁶⁷. Здесь необходимо вновь обратить внимание на влияние римского папы Иоанна Павла II на формирование концептуальных установок внешней политики Третьей Речи Посполитой на восточном направлении. Так, ещё в 1991 г., выступая на конференции польских епископов, папа-поляк отмечал, говоря о Белоруссии, Украине и Литве: «Мы знаем, насколько все эти территории на протяжении столетий были не предметом... польской колонизации, но территорией общего государства, общей Речи Посполитой, Commonwealth Польши, Литвы и Руси. Эти народы стремятся к своей автономии, к самоопределению, самостоятельности, в том числе

конкурирующего с Германией за территории со сложной исторической судьбой, такие как Силезия. См. Васильев А. Г. «Родная земля» в польской национальной памяти эпохи разделов // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 64–78; Eberhardt P. Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej. Lublin: 2004; Troebst S., Miedzymorze I zaslabiny z morzem: Mapy mentalne a polityka historyczna w Europie srodkowo-wschodniej / Zapiski historyczne, T. LXXI, Zeszyt 4. Torun, 2006; Dutka, J. Wplyw realizacji geopolitycznej koncepcji Miedzymorza na bezpieczenstwo militarne Polski i Europy Wschodniej w XXI wieku // Przegląd Geopolityczny. 2016. T. 16. S. 120–137.

⁶⁶⁵ Teczki Giedroycia, S. 88.

⁶⁶⁶ Ib. S. 264.

⁶⁶⁷ Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001.

и политической... Мы рады этому развитию, этому созреванию народов к востоку от нас»⁶⁶⁸.

Учитывая огромный авторитет папы-антикоммуниста среди политической элиты постсоциалистической Польши, особенно его национал-консервативного крыла, кажется оправданным предположить, что установки, данные понтификом, могли оказать самое существенное влияние на формирование долгосрочных стратегий Третьей Речи Посполитой в этом направлении. Как отмечал в своём выступлении в начале 2010 г. в Сейме депутат Л. Дорн: «Иоанн Павел II со своей европейской идеей... является тем же для Польши, чем был для Германии Аденауэр, а для Италии де Гаспери. Важно, чтобы этот капитал был умелым образом использован»⁶⁶⁹. Кроме того, и среди широких слоёв польского общества Иоанн Павел II (и его идеи) пользовались твёрдой поддержкой. Так, в ходе социологического опроса 2010 г., посвящённого важным для Польши событиям недавней истории, 33% польских респондентов признали, что испытывали чувство гордости от его избрания на Святой престол⁶⁷⁰, а пятью годами ранее 98% опрошенных полгали, папа-поляк положительно влиял на мир⁶⁷¹.

Внимание Иоанн Павла II как выходца из Польши к европейскому было Востоку закономерно и отражало общую заинтересованность польских интеллектуалов в регионе. Как отмечал известный польский историк-международник С. Дембский, концепция «восточной политики» входит в «элитарный круг великих идей, которые изменили судьбы народов. Она внесла вклад в деимпериализацию польского мышления о Восточной Европе, ликвидируя искушения реваншизма, что следует считать одним из важнейших достижений польской политической мысли»⁶⁷². Вместе с тем, под влиянием «восточной политики» многие общественно-политические силы в Польше уже в 1990-е гг. стали проповедовать переосмысленный «прометеизм» по отношению к молодым

⁶⁶⁸ Jan Paweł II. Pielgrzymki do Ojczyzny. S. 766–767.

⁶⁶⁹ Sprawozdanie Stenograficzne z 64 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 8 kwietnia 2010 r. (drugi dzień obrad). Warszawa, 2010. S. 157–159.

⁶⁷⁰ Bitwa pod Grunwaldem w pamięci zbiorowej Polaków. Warszawa: CBOS, 2010. Lipiec. S. 5.

⁶⁷¹ Polacy, Węgrzy, Czesi i Słowacy o papieżu Janie Pawle II. Warszawa: CBOS, 2005. Czerwiec. S. 3/

восточным государствам. Можно даже говорить о частичной реанимации в интеллектуальном дискурсе внешнеполитических концепций 1920–30-х гг.⁶⁷³, которые подразумевали распространение польского влияния на Восток с основной целью – противодействовать русскому влиянию⁶⁷⁴. Так, под видом «творческого развития» концепции Е. Гедройца, декларировавшего отказ от идеологии «прометеизма», в действительности происходила модернизация политических подходов прошлого, которые теперь не включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись своеобразной версией старой доктрины – «прометизмом 2.0».

При этом ещё в начале 1990-х гг. в Польше был принят принцип «двойственности» в отношении с восточными соседями: Варшава стремилась одновременно интенсифицировать контакты с союзными республиками и сохранить хорошие отношения с Москвой. Действительность, однако, заставляла поляков определять, отношения с какой из сторон для них важнее на данный момент: например, Польша стала только двадцать шестым государством, признавшим государственную независимость Литвы⁶⁷⁵, а вот независимость Украины Варшава, напротив, признала первой в мире (и ещё до Беловежских соглашений, которые зафиксировали роспуск Советского Союза!)⁶⁷⁶. Такая непоследовательность Польши в конечном итоге не позволяла ей на том этапе добиться существенных успехов ни в отношениях с Кремлём, ни с молодыми государствами.

Можно было бы предположить, что основные цели «восточной политики» оказались достигнуты уже 1991 г., когда вследствие распада Советского Союза стали независимыми государствами Украина, Литва и Белоруссия. В действительности же в этот момент были лишь заложены основы будущего

⁶⁷² Debski S. W elitarnym gronie // Nowa Europa Wschodnia. 2009. № 2. S. 22–24.

⁶⁷³ В связи с этим примечательно, что заместителем главы МИД Польши А. Фотыги в 2006–2007 гг. был крупнейший польский специалист по истории «прометеизма» П. Коваль. См. Корэйба Я. Указ. соч. С. 239.

⁶⁷⁴ См. Libera P. Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczono? // Pressje. Т. 22–23. Krakow, 2010. S. 89–97.

⁶⁷⁵ См. Strzelczyk J. Ucieczka ze Wschodu. Warszawa 2003. S. 276.

⁶⁷⁶ Белые пятна – черные пятна... М., 2010. С. 659–661.

польско-российского противостояния в регионе. Сутью его было разное видение порядка в Восточной Европе. И для России, и для Польши будущее региона было принципиально важным с точки зрения интересов национальной безопасности. В Польше полагали, что эти страны должны двигаться по пути «системной трансформации»: демократизация, рынок и ускоренная интеграция в европейские и атлантические структуры. Естественно, что такой подход польской стороны вызвал понятную озабоченность со стороны России. Для Москвы характер политической или экономической системы, которая сложится в молодых государствах, изначально не имел принципиального значения. Главным было сохранение военно-стратегических, экономических и гуманитарных связей с Россией. Эта позиция оказала существенное влияние на отношение Кремля к перспективам евроатлантической интеграции молодых государств Восточной Европы.

Следует отметить, что в отличие от времён создания концепции Е. Гедройца в постсоциалистической Польше Литва уже не рассматривается как одно из направлений «восточной политики», о чём вполне ясно дал понять министр иностранных дел В. Бартошевский ещё в 1995 г., заявивший, что не хочет объединять Литву с Россией, Украиной и Белоруссией, потому что «сегодня литовцы обостренно реагируют на это»⁶⁷⁷. Литва, как известно, после распада Советского Союза быстро дистанцировалась от своего советского прошлого и стран СНГ, взяв, как и Польша, курс на европейскую и атлантическую интеграцию. Это служит ещё одним доказательством того, что под «восточной политикой» (вопреки положениям самого Е. Гедройца) польские политики понимали, прежде всего, политику в отношении тех стран, которые после распада СССР продолжали ориентироваться на Москву или, во всяком случае, колебались между Россией и Западом.

В начале 1990-х гг. польско-российское противостояние на постсоветском пространстве ещё не было острым, несмотря на то, что Россия с 1991 г.

⁶⁷⁷ Bartoszewski W. Informacja ministra spraw zagranicznych o glownych kierunkach polityki zagranicznej Polski. 50. Posiedzenie Sejmu, 25 maja 1995 г.

декларировала своё стремление сохранить позиции в регионе. Как было показано в предыдущих параграфах, негативные тенденции в российско-польских отношениях начали усиливаться с 1993 г., когда стало складываться новое понимание внешней политики России и начался постепенный отход руководства страны от идеалистических подходов при оценке международных отношений. Программным выражением этого процесса стала Концепция внешней политики Российской Федерации, а также военная доктрина страны 1993 г., где впервые появились положения «об особой ответственности России на пространстве т.н. «ближнего зарубежья»⁶⁷⁸. Реакция Польши на эти изменения была заметно обеспокоенной, министр иностранных дел А. Олеховский прямо заявлял: «Очевидным образом нас беспокоят мнения об «особых интересах» и «особой роли» России на Украине. Такие подходы не способствуют стабильности в Европе. Мы их не принимаем, глубоко веря, что независимость Украины способствует в долгосрочном периоде также развитию демократии и экономики России»⁶⁷⁹. Новое понимание Россией своих национально-стратегических интересов было зафиксировано и в Стратегическом курсе России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств, утверждённом 14 сентября 1995 г. указом Б. Ельцина. При описании целей и задач внешней политики России в традициях неореалистической школы говорилось не об абстрактных ценностях и идеалистических конструктах, а подчёркивалось, что целью России является политико-экономическая интеграция СНГ и при реализации этого принципа основным моментом должно быть ненанесение ущерба интересам России. А ключевой задачей российской дипломатия в регионе было объявлено «укрепление России в качестве главной силы формирования новой системы межгосударственных отношений на территории постсоветского пространства»⁶⁸⁰.

⁶⁷⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1-2. С. 3–23; Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 45. Ст. 4329.

⁶⁷⁹ Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbiór Dokumentów. 1994. № 1. S. 42–54.

⁶⁸⁰ Российская газета. 23.09.1995.

В связи с этим важно отметить, что с самого начала существования Республики Польша и Российской Федерации как независимых демократических государств была очевидна асимметрия их военных, политических и экономических возможностей по оказанию влияния на ситуацию в странах региона. Польской «восточной политике» в период 1990-х гг. не слишком благоприятствовала и международная атмосфера. Большинство западных стран не рассматривали государства Восточной Европы как важные европейские державы – доминировал подход «прежде всего Россия и только Россия», который *de facto* предоставлял президенту Б. Ельцину положение основного гаранта стабильности на постсоветском пространстве⁶⁸¹. Кроме того, польская дипломатия не могла позволить себе активную «восточную политику» в условиях, когда основной внешнеполитической проблемой страны оставался вопрос членства в НАТО, чему стремилась воспрепятствовать Россия.

На рубеже 1990–2000-х гг., как было показано выше, российско-польские отношения находились в крайне низкой точке, а в диалоге двух стран фактически отсутствовала позитивная повестка дня. Избрание президентом России В. Путина первоначально не изменило этого положения – польское общество и правительственные круги регулярно выступали с критикой нового российского лидера за военную операцию в Чечне⁶⁸². Однако гибкая и прагматичная позиция нового руководства России и заявление главы МИД И. Иванова (1998-2004) о том, что Россия смирилась с новым статусом Варшавы как полноправного члена Североатлантического альянса и не возражает против вступления страны в ЕС, произвели сильное впечатление в Польше и открыли возможности к нормализации отношений⁶⁸³. Важно вехой этого процесса стал обмен визитами на высшем уровне – летом 2001 г. А. Квасьневский посетил Москву, а уже через полгода российский президент совершил поездку в Варшаву. По итогам первой встречи польский лидер выразил уверенность, что этот визит позволил

⁶⁸¹ См. Шевцова Л. Ф. *Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом*. М., 2010. С. 27–38.

⁶⁸² Бухарин Н. *Россия – Польша...* С. 33.

«растопить лёд» в отношениях двух стран⁶⁸⁴. Российский президент в ходе своей поездки посетивший Экономический форум «Россия–Польша» также отметил улучшения отношений Москвы и Варшавы: «Мы...рассчитываем на долгосрочную перспективную работу и считаем, что такое сотрудничество России и Польши исторически предопределено и неизбежно»⁶⁸⁵. Примечательно также, что именно посещение Польши российский лидер решил использовать для того, чтобы подчеркнуть тогда, что демократическая «Россия – европейская страна, а не евроазиатская»⁶⁸⁶.

Период 2001–2004 гг. можно рассматривать как период частичной нормализации российско-польских отношений: страны признали новый статус друг друга, заявили о взаимном уважении интересов и активизировали сотрудничество в области энергетики и инвестиционных программ, развивалось также и гуманитарное сотрудничество, в том числе по болезненному Катынскому вопросу⁶⁸⁷. Вместе с тем, необходимо отметить, что это происходило на фоне потепления отношений между Россией и Западом в целом, наметившегося поле террористических атак 11 сентября 2001 г. и продолжавшегося вплоть до начала войны в Ираке в 2003 г.⁶⁸⁸. Россия в тот период сотрудничала с США и НАТО по широкому спектру вопросов, включающему в себя миротворческую деятельность на Балканах и борьбу с международным терроризмом, с агрессией которого столкнулись в Москве и Вашингтоне. В этих условиях Республика Польша, как новый член НАТО, всецело ориентированный на США, и кандидат на вступление в ЕС, просто не могла позволить себе проводить «восточную политику», которая

⁶⁸³ Fedorowicz K. Stosunki polsko-rosyjskie w polityce wschodniej 1991–2001 // Sprawy Wschodnie. 2004. № 1. S. 50.

⁶⁸⁴ Rzeczpospolita. 11.07.2001.

⁶⁸⁵ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на II Экономическом форуме «Польша-Россия» 17 января 2002 г. Познань. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21475> (дата обращения: 30.01.2018).

⁶⁸⁶ Цит. по: Кловер Ч. Чёрный ветер, белый снег. Новый расцвет национальной идеи, М., 2017, С. 382.

⁶⁸⁷ См. Волос М. Научное сотрудничество Польши и России: история, современность, планы на будущее // История и современность. 2008. № 2.

⁶⁸⁸ См. Шаклеина Т. А. Дискуссии по проблемам отношений России и США // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия: в 4 тт. / сост. Т. А.

бы наносила ущерб интересам России. Одновременно Польша в этот период попыталась укрепить своё влияние на Украине, в Литве и Белоруссии, используя возможности и инструментарий, предоставленный ЕС и НАТО. Довольно быстро польскому руководству стало очевидно, что поддержка процессов «демократической трансформации постсоветских стран» и их интеграции в евроатлантические институты невозможна без подключения к этому процессу крупнейших стран «старой Европы» и США.

Одной из первых попыток в этом направлении стала подготовленная польским МИДом в 2001 г. декларация «Восточная политика Евросоюза в преддверии расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы», которая провозглашала в качестве общеевропейской задачи «на востоке» необходимость «убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС»⁶⁸⁹. Позднее, в декабре 2002 г., польское руководство повторно выступило с инициативами, относительно «новых восточных соседей». Очередная польская декларация предлагала сосредоточить восточную политику ЕС на трёх странах (Украине, Белоруссии и Молдавии), но говорила также и о принципах партнёрского взаимодействия с Россией. Определённую моральную поддержку польской стратегии вновь оказал папа Иоанн Павел II, который в ходе визита на Украину в 2001 г. отметил, обращаясь ко всем украинцам «от Донецка до Львова», особую роль их страны, как «границы между Востоком и Западом...и привилегированным перекрестком разных культур, точкой встречи культурных сокровищ Востока и Запада»⁶⁹⁰. Предложенная папой формула, очевидно, носила более умеренный характер, чем радикальные трактовки концепции Е. Гедройца, предусматривающие евроатлантическую интеграцию Украины, и учитывала сложную этно-культурную ситуацию в молодом государстве.

Шаклеина. Т. III. М., 2002; Баталов Э. Я., Кременюк В. А. Россия и США: соперники или соратники? // США – Канада: ЭПК. 2002. № 6. С. 19-36.

⁶⁸⁹ Чернова А. В. Указ. соч. С. 43.

⁶⁹⁰ Jan Paweł II Chrystus drogą, prawdą i życiem. Pielgrzymka Ojca Świętego na Ukrainę 23–27 czerwca 2001, Kraków, 2001. S. 85.

С точки зрения Варшавы, перспективы развития отношений с Москвой в этот период были менее значимы, чем сближение со странами, которые в будущем могли бы стать членами ЕС. В России польские «восточные инициативы» были встречены с непониманием и даже раздражением, ведь Кремль продолжал отстаивать концепцию того, что ему не нужны посредники из Варшавы для полноценного диалога с ЕС по любой повестке дня, в том числе и по отношениям ЕС со странами постсоветского пространства⁶⁹¹. Примечательно, что польская дипломатия пыталась привлечь и использовать европейский ресурс «на Востоке» в тот период, когда сама Республика Польша только готовилась к вступлению в Евросоюз. Как справедливо отмечала по этому поводу российский исследователь А. Чернова, Польша стала «первой в своем роде страной, которая, ещё не будучи членом Евросоюза, официально представила предложения, касающиеся его долгосрочной внешней политики»⁶⁹².

Настоящая активизация польской «восточной политики» в духе идей Е. Гедройца произошла только с 2003–04 гг., когда Польша утвердилась в роли полноправного члена ЕС и зарекомендовала себя последовательным атлантистом в ходе дипломатического противостояния, возникшего между большинством стран «старой Европы» и США по вопросу вторжения в Ирак. Стоит отметить, что хронологически активизация польской «восточной политики» совпала с началом похолодания в отношениях России и США, вызванным американским вторжением в Ирак. Польское понимание европейской политики на Востоке в экспертных кругах России вызывала озабоченность, по-видимому, от того, что предлагаемые самой Москвой схемы интеграции не пользовались тогда особенной поддержкой в среде политической элиты бывших республик СССР. Хотя инициативы сближения этих стран с Европой и не вызывали такого раздражения в Москве как их контакты с НАТО, реакция эта тем не менее не была одобрительной: «Стремление новых независимых государств в НАТО отражает недоверие к России, сомнения в её перспективах как стабильного, успешного

⁶⁹¹ Dębski S. «Polityka wschodnia» – mit i doktryna // Polski Przegląd Dyplomatyczny. 2006. № 3. S. 5-18.

государства. Это порождает встречное недоверие России к странам-соискателям. Стремление тех же стран в ЕС отражает усиление экономического контроля Брюсселя над ними и ослабление влияния России в этих странах, что имеет свое экономическое и культурное, и психологическое измерение»⁶⁹³.

После присоединения Республики Польша к ЕС в 2004 г. Варшава предприняла немалые усилия к пересмотру в духе декларации 2001 г. Европейской политики соседства, которая изначально адресовалась странам, не имевшим перспективы членства в Евросоюзе, и выступала в качестве альтернативы ему⁶⁹⁴. Так, критикуя Европейскую политику соседства, польский министр иностранных дел Р. Сикорский, стремился обозначить различия между разными группами стран, участвующими в нём: странами СНГ, которые имеют перспективы евроинтеграции, и странами южного побережья Средиземного моря, которые таких перспектив, по его мнению, были лишены⁶⁹⁵. Временем же настоящего перелома в польской политике на восточном направлении стал рубеж 2004–2005 гг. Ещё осенью 2004 г. в ходе своего очередного визита в Москву А. Квасьневский с оптимизмом отмечал, что «демократическая, плюралистическая, стабильная и развивающаяся Россия – это надежда всего демократического мира и Польши»⁶⁹⁶. Но уже вскоре между двумя странами выявились серьёзнейшие противоречия, в основе которых лежало неприятие Москвой принципов польской «восточной политики», направленной в конечном итоге на ослабление российского влияния в «ближнем зарубежье».

⁶⁹² Чернова А. В. Указ. соч. С. 43.

⁶⁹³ Вардомский Л. Б. Регионализация постсоветского пространства. Факторы, особенности, тенденции. М.: Институт экономики РАН, 2008. С. 24.

⁶⁹⁴ Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. Brussels. 11.03.2003. P. 4. [Electronic resource]. – URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf (accessed: 15.01.2018).

⁶⁹⁵ Польский министр использовал интересный способ лингвистического акцентирования, назвав страны к востоку «европейскими соседями», а страны на юге от ЕС «соседями Европы». См. Goldirova R. «Eastern Partnership' could lead to enlargement», Poland says // EU Observer, May 27, 2008. [Electronic resource]. – URL: <http://euobserver.com/foreign/2621> (accessed: 15.01.2018)..

⁶⁹⁶ Квасьневский А. Россия и Польша нуждаются в диалоге: лекция, прочитанная в Московском государственном университете им. Ломоносова // Новая Польша. 2004. № 10. С. 3.

Свидетельством этого стало активное участие польского руководства на самом высоком уровне в событиях, происходивших тогда на Украине.

Именно президент Польши А. Квасьневский вёл интенсивные переговоры с украинскими политиками и способствовал реализации сценария выхода из украинского внутривластного кризиса 2004–2005 гг., который в итоге был реализован. К явному неудовольствию Москвы пользовавшийся её поддержкой кандидат в президенты В. Янукович проиграл прозападному оппозиционному политику-националисту В. Ющенко. В ходе «оранжевой революции» на Украине именно польский лидер стал той фигурой, которая контактировала со всеми сторонами противостояния, в том числе и с иностранными⁶⁹⁷. Ещё хуже, с точки зрения Москвы, было то, что польская «посредническая миссия» на Украине не выглядела политическим экспромтом Варшавы или случайностью: уже в самом начале противостояния В. Ющенко лично обратился к польскому экс-президенту Л. Валенсе с просьбой приехать в Киев поддержать оппозицию, что тот и сделал⁶⁹⁸.

Участие в киевских событиях как Л. Валенсы, так и его многолетнего политического противника А. Квасьневского стало явным признаком того, что активная политика на украинском направлении является консенсусом польской политической элиты⁶⁹⁹. Именно «оранжевая революция» и роль в ней Польши обозначили активизацию польской «восточной политики», а также стали отправной точкой очередного обострения российско-польских отношений. Обеим сторонам стало ясно, что нормализация 2001–2004 гг. носила временный характер и обуславливалась с одной стороны общим улучшением отношений России и США, а с другой – со слабостью положения самой Польши, которая нуждалась во времени для адаптации к членству в ЕС и не могла в связи с этим тратить ресурсы на борьбу с Россией за влияние в постсоветских странах.

Как только оба этих фактора прекратили действовать, укрепившая свои экономические и внешнеполитические позиции Польша, активизировала

⁶⁹⁷ Бухарин Н. Россия – Польша... С. 45–46.

⁶⁹⁸ Чернова А. В. Указ. соч. С. 143.

активность на Востоке. Польская пресса не скрывала своего восторга относительно геополитического поражения России в ходе украинской «оранжевой революции»: «Рухнул один из последних мифов геополитики XX века, будто Украина обречена быть буфером и сателлитом России. Только на развалинах этого мифа можно построить новую Европу»⁷⁰⁰. Казалось, этот польский сценарий вовлечения Украины в западные структуры начал реализовываться после «оранжевой революции»: в 2005 г. НАТО предложила новому украинскому правительству начать «интенсивный диалог по поводу перспектив членства», а также был подписан трёхлетний план действий по развитию сотрудничества Киева и ЕС.

Ещё явственнее эта тенденция обозначилась после весьма напряжённых и наполненных взаимными обвинениями парламентских и президентских выборов 2005 г., в результате которых к власти в Варшаве пришли националистически настроенные консервативные христиане, представленные партией «Право и справедливость». Её лидеры братья-близнецы Я. и Л. Качиньские, занявшие два главных политических офиса в стране, сделали ставку на конфронтационную внешнеполитическую стратегию и попытались изменить поведение Польши на европейской арене, в том числе и по отношению к восточным соседям страны. Польская дипломатия в тот период, вооружённая теоретическим наследием Е. Гедройца, исходила из того, что залог безопасности Польши в «укреплении независимости» Белоруссии, Украины и Литвы. Под независимостью понималась в первую очередь независимость от России. Уходящий в отставку президент А. Квасьневский вполне чётко сформулировал этот польский взгляд на проблему: «Для каждой великой державы Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной...Россия восстанавливает свои позиции в мире, это нормально. Но почему она должна воспользоваться для этого пятьюдесятью миллионами украинцев?»⁷⁰¹. Именно эта линия – на отдаление постсоветских стран от России – и была продолжена новыми польскими лидерами. Фактически они попытались

⁶⁹⁹ Корэйба Я. Указ. соч. С. 234.

⁷⁰⁰ Gazeta Wyborcza. 27.12.2004.

совместить доктрину Е. Гедройца и геополитическую концепцию Зб. Бжезинского, подробно рассмотренную в первой главе, согласно которой лишённая Украины Россия является «простым государством», а Россия с Украиной автоматически становится «евразийской империей»⁷⁰².

Период 2005–2010 гг. в Польше прошёл под знаком реализации новой «восточной политики» – политики активной конкуренции с Россией за влияние в бывших республиках Советского Союза. Эта борьба включала в себя несколько измерений: политическое, военно-стратегическое, экономическое и гуманитарное. Ключевым элементом этой конкуренции явилось вовлечение постсоветских стран в атлантические проекты. Будучи членом Североатлантического альянса, Республика Польша выступала активным сторонником включения в него бывших советских республик: «Три раунда расширения НАТО после окончания холодной войны представляют собой серьёзное доказательство жизнеспособности и привлекательности альянса и его стабилизирующей роли в Европе. Благодаря расширению НАТО евроатлантическое пространство сейчас более спокойное и безопасное, чем в предыдущие десятилетия. Соответственно предельно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации. Никто не должен удивляться, что Польша остаётся сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса» – говорил в 2009 г. министр обороны Польши Б. Клих⁷⁰³. Польша с этого времени стала главным лоббистом сближения Киева с Евросоюзом и НАТО, т.к на протяжении всего периода президентства В. Ющенко Варшава неизменно оказывала ему международную поддержку и использовала имеющиеся в её распоряжении ресурсы для того, чтобы способствовать сближению Киева с Вашингтоном и Брюсселем.

⁷⁰¹ Polityka. 22.12.2004.

⁷⁰² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска... С. 62.

⁷⁰³ Klich Bogdan. NATO: A view from Central Europe // Politique étrangère. 2009. № 4. P. 83–85.

Так, именно по предложению Польши Европейским Союзом в 2008 г. была принята программа «Восточное партнёрство», которая распространялась на Украину, Молдавию, Армению, Грузию, Азербайджан, Молдавию и в определённой степени – Белоруссию. Эта программа была польской инициативой, которую внутри страны поддерживали как национал-консерваторы, контролировавшие Бельведерский дворец, так и либералы из «Гражданской платформы», сформировавшие правительство по итогам парламентских выборов 2007 г. – в очередной раз был продемонстрирован консенсус элит Третьей Речи Посполитой по вопросу приоритетов восточной политики, базирующейся на теории Е. Гедройца.

Поскольку польская дипломатия стремилась придать «Восточному партнёрству» видимость инициативы, отвечающей интересам не только стран «четвёртого расширения» ЕС, но и всего Евросоюза, к разработке программы была привлечена «нейтральная» в военном смысле Швеция – на презентации программы в 2008 г. в Брюсселе «Восточное партнёрство» представляли Р. Сикорский и шведский глава МИД К. Бильдт. Кроме того, Варшава пыталась привлечь к проекту Германию, рассчитывая, что поддержка ФРГ обеспечит консенсус стран-членов ЕС по одобрению программы⁷⁰⁴. Если декларированной целью Европейской политики соседства было «не допустить появления разделительных линий между новыми членами ЕС и их соседями»⁷⁰⁵, а также «перенести преимущества расширения, такие как мир, стабильность и процветание на территорию соседних государств», то в ходе обсуждения «Восточного партнёрства» зимой 2008 г. в Совете ЕС и Европарламенте, его инициаторы уже прямо говорили, что «стратегическим императивом и одновременно политической инвестицией Евросоюза»⁷⁰⁶ должна быть поддержка

⁷⁰⁴ Wojna B., Gniazdowski M. (ed.). Eastern Partnership: the Opening Report. The Polish Institute of International Affairs. Warsaw, 2009. P. 6. [Electronic resource]. – URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=3055. (accessed: 15.01.2018).

⁷⁰⁵ Beyond Enlargement: Commission shifts European Neighbourhood Policy into higher gear IP/04/632 Brussels, 12 May 2004.

⁷⁰⁶ Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels. 3.12.2008. P. 15. [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf. (accessed: 15.01.2018).

стремление стран постсоветского пространства провести демократические и рыночные реформы для сближения с ЕС.

Строго говоря, эта политика не была новаторской, а воплощала принципы, сформулированные польскими эмигрантами и оппозиционерами времён холодной войны. Так, ещё в 1953 г. редколлегия «Культуры» провозглашала из Парижа: «Мы утверждаем, что участвовать в будущем европейском федеративном союзе имеют право не только народы, обладавшие независимыми государствами в 1939 году, также и украинцы с белорусами»⁷⁰⁷. При этом «Восточное партнёрство» принципиально отличалось от Европейской политики соседства тем, что вместо строительства двусторонних отношений с каждым государством-участником, Евросоюз предусматривал создание многосторонних структур. Однако, распределение 1,9 млрд евро европейских ассигнований среди стран-участниц было отнюдь не равным: 31,3% от этой суммы было выделено Украине, Молдавии - 17,8%, Грузии – 11,4%, Армении – 9,7%, Азербайджану – 6,8% , а Белоруссии – 4,7% (18,3% было потрачено на «регион в целом»)⁷⁰⁸.

Стоит обратить внимание, что вполне в духе теории Е. Гедройца диалог Евросоюза с Украиной в рамках «Восточного партнёрства» строился с позиций дихотомии: либо сотрудничество с Брюсселем, либо с Москвой. Пришедший на смену В. Ющенко президент В. Янукович, стремившийся нормализовать отношения с Россией, даже был вынужден специально подчёркивать, что активизация диалога с Россией не означает отказа от европейского вектора интеграции⁷⁰⁹.

Интересно также, что уже вскоре после начала реализации программы «Восточное партнёрство» наметился определённый раскол между странами «старой Европы» и государствами Вишеградской группы по вопросу о степени сотрудничества Евросоюза и Украины. Как отмечают в связи с этим российские

⁷⁰⁷ Nieporozumienie czy tani patriotyzm. Nota redakcji // Kultura. 1953. № 1. S. 82–83.

⁷⁰⁸ Implementation of the Eastern Partnership: Report to the meeting of Foreign Affairs Ministers. 13.12.2010. P. 16 [Electronic resource]. – URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/nest/dv/nest_20110503_14/nest_20110503_14en.pdf (accessed: 15.01.2018).

⁷⁰⁹ Bulletin Quotidien Europe. 25.08. 2010. № 10199.

исследователи Е. Пономарёва и Л. Шишелина расхождения между «новыми» и «старыми» европейцами на саммите 2009 г. в Праге нашли своё отражение даже в терминологии: «В то время как страны «старой Европы» продолжили называть бывшие советские республики «восточными соседями», страны Вишеградской Европы и Прибалтики предпочитали именовать приглашенных на саммит новичков из числа бывших республик СССР «европейскими странами»⁷¹⁰. И это было неудивительно, учитывая, что продвигавшаяся поляками трактовка «Восточного партнёрства» фактически была переложением на современные реалии концепции Е. Гедройца, заочно выступавшим в качестве идеолога программы. То, что безоговорочно поддерживалось польской элитой и с некоторыми оговорками их партнёрами по Вишеградской группе, для многих западноевропейских лидеров казалось слишком радикальным и не отвечавшим долгосрочным интересам ЕС. Так, польская инициатива находилась в явной оппозиции к предложенной Германией в 2007 г. концепции «Новой восточной политики ЕС», предполагавшей приоритет развития «стратегического партнерства» с Россией, а также привлечение стран Средней Азии к Европейской политике соседства⁷¹¹.

Впрочем, в этой линии Варшавы не было ничего принципиально нового – консервативные элиты Третьей Речи Посполитой не впервые и вполне осознанно использовали свой статус внутри ЕС для подрыва отношений Евросоюза и России. Например, ещё в 2006 г. Варшава наложила вето на переговоры о новом Базовом соглашении Россия–ЕС, используя в качестве предлога российское эмбарго на поставки некачественного мяса из Польши. Эта крайняя мера, направленная на провоцирование российско-европейского конфликта, как отмечали российские эксперты, была принята не только против желания стран «старой Европы», но и без консультаций с восточноевропейскими партнёрами

⁷¹⁰ Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад, М., 2014. С. 27.

⁷¹¹ Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М., 2015. С. 238.

Польши по Вишеградской группе, что привело к ухудшению репутации страны в Евросоюзе⁷¹².

Внутри польского экспертного сообщества также звучали отдельные голоса скептиков, призывавших обратить внимание на конфликтный потенциал «Восточного партнёрства» и на угрозу провоцирования кризиса между Евросоюзом и Россией. Так, в 2011 г. польский исследователь и впоследствии (2014–2016) посол в России К. Пелчиньска-Наленч на страницах авторитетного в журнале «Nowa Europa Wschodnia» обращала внимание на то, что программа не способствовала сближению государств ЕС и, напротив, выявила наличие существенных разногласий между ними по вопросу выстраивания отношений с Россией и государствами постсоветского пространства⁷¹³.

Другим ярким примером, характеризующим степень польской активности на Востоке и готовности Варшавы бросить стратегический вызов Москве на постсоветском пространстве, стал визит в Тбилиси президента Польши Л. Качиньского 14 августа 2008 г. – сразу после прекращения вооружённого конфликта в Южной Осетии. Польский лидер выступил с категорической поддержкой президента Грузии М. Саакашвили и всю ответственность за конфликт возложил на Россию. Возможно, непреклонно поддерживая антироссийские и прозападные силы в Грузии, польские консерваторы реализовывали в политической плоскости то, что провозгласил Иоанн Павел II в плоскости идеологической. Так, ещё в 1999 г., папа-поляк посетил с апостольским визитом эту страну, а позднее отмечал, что Грузия «...пользуясь вновь обретённой независимостью, готовится отмечать 3000-летие своего существования и должна также отвечать на важнейшие экономические и социальные вызовы. Она, однако, полна решимости отважно на них ответить, чтобы стать достойным доверия членом объединённой Европы.⁷¹⁴»

⁷¹² Вишеградская Европа. Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной... С. 377.

⁷¹³ Pelczynska-Nalecz K. Szklany Mur // Nowa Europa Wschodnia. 2011. № 5. S. 46–58.

⁷¹⁴ Jan Paweł II. Światło i moc Ewangelii niech kierują waszymi krokami. Tbilisi. 9 listopada 1999 // Idem. Dzieła zebrane. T. 1–16. Kraków / red. Paweł Ptasznik, Mieczysław Mokrzycki,

Одобрение Республикой Польша антироссийского курса правительства М. Саакашвили и его военной авантюры летом 2008 г. была не случайным эпизодом, а последовательной линией польских консерваторов, которые уже в 2005 г. с энтузиазмом поддержали создание и развитие «Содружества демократического выбора» – своеобразного «антироссийского клуба», куда вошёл целый ряд постсоциалистических (преимущественно, постсоветских) государств, ориентированных на атлантический вектор интеграции⁷¹⁵. Как отмечал российский исследователь в Д. Офицеров-Бельский, в работе Содружества Польша участвовала как «сторонний, но при том самый серьёзный игрок, призванный быть посредником, лоббирующим интересы Грузии и Украины на международной арене»⁷¹⁶. Поддержка Грузии Польшей во время конфликта 2008 г. было только самым ярким эпизодом польской активности в этом направлении и имело большое значение для позиционирования польских консерваторов внутри страны в качестве последовательных противников политики России на постсоветском пространстве. Так, вернувшись с саммита ЕС в Лахти в октябре 2006 г. польский президент счёл необходимым особо подчеркнуть, что задал В. Путину, двусторонняя встреча с которым так и не состоялась, «вопрос про Грузию»⁷¹⁷.

В гуманитарной сфере польская политика на восточном направлении опиралась как на присутствие своих гражданских и околоправительственных структур в бывших республиках СССР, так и на всё большую активность польской Католической церкви, в особенности на Украине и в Белоруссии. Стоит отметить, что такая деятельность Католической церкви вступала в прямое

Tadeusz Dzidek, et al. T. 13: *Homilie i przemówienia z pielgrzymek: Azja, Afryka, Australia i Oceania*. 2009. S. 259.

⁷¹⁵ В «сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона» вошли Литва, Латвия, Эстония, Украина, Грузия, Молдавия, Румыния, Македония, Словения.

⁷¹⁶ Офицеров-Бельский Д. В. Россия и Польша: неизбежное соседство? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 39 (6). С. 22.

⁷¹⁷ Kaczyński L. Z Putinem m.in. o sytuacji w Gruzji. *Wiadomości*, 20.10.2006 [Electronic resource]. – URL: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114873,3695517.html>. (accessed: 15.01.2018).

противоречие с идеями Е. Гедройца, который подчёркивал, что католический прозелитизм на востоке «противоречит интересам польского государства»⁷¹⁸.

Отдельно следует обратить внимание на польскую «восточную политику» в её белорусском измерении. Правительство Качиньских стремилось к изоляции правительства президента А. Лукашенко и оказывало поддержку демократической прозападной оппозиции, рассчитывая, очевидно, что в случае «цветной революции» новое белорусское руководство сократит своё сотрудничество с Россией и станет ориентироваться на США и ЕС, где его интересы будет лоббировать Варшава.

Важным элементом восточного вектора внешней политики Республики Польша было противодействие российско-немецкому сотрудничеству в сфере энергетики, в частности строительству трубопровода «Северный поток», который должен был снизить риски, вызванные ненадёжностью стран-транзитёров. Руководители польской дипломатии, не стесняясь, сравнивали российско-немецкое сближение с Московским договором 1939 г., пытались блокироваться с Украиной и Литвой с целью противодействовать инициативам Германии и России в сфере энергетики. Кроме того, польское правительство выступило инициатором переговоров с Казахстаном, Азербайджаном, Грузией и Украиной по вопросу строительства нефтепроводов в обход территории России⁷¹⁹.

Фактически национал-клерикальное крыло элиты Третьей Речи Посполитой в лице братьев Качиньских с середины 2000-х гг. предпринимала попытки консолидации государств Восточной Европы против России и её интеграционных проектов. Результатом деятельности польских лидеров по реализации стратегических положений концепции «восточной политики» стало то, что во второй половине 2000-х гг. российско-польские отношения вернулись примерно к тому же плачевному состоянию, в котором они пребывали в конце 1990-х гг. и которое в польской прессе традиционно называли «холодным безразличием»⁷²⁰.

⁷¹⁸ Teczki Giedroycia... S. 45.

⁷¹⁹ Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2006–2007 гг. С. 98–99.

⁷²⁰ Raczyński, Z. Zimny pokój na Bugu. Polska-Rosja 60 lat później // Polityka. 1999. № 3. S. 20-22.

Важно подчеркнуть, что среди самого польского экспертного сообщества так и не сложилось единого мнения о том, насколько успешным проектом стала «восточная политика». Авторитетный польский публицист и специалист по международным проблемам М. Сикорский, характеризуя действия польской дипломатии на Востоке, отмечал, что его «удивляет отсутствие новых, свежих стратегических импульсов во взгляде на восточную политику, что противоречит общепринятым убеждениям о наличии у Польши особых компетенция в этом вопросе... Наша «восточная политика» постоянно вращается вокруг давних схем и образов»⁷²¹. Сложно не согласиться с ним в этой оценке. Действительно, теоретические схемы, разработанные в основном польской эмиграцией в послевоенный период, были реализованы на практике исключительно догматически и выборочно. Польская политическая и интеллектуальная элита не адаптировала их под новые политические, социальные и экономические реалии. Кроме того, Варшаве не хватало последовательности: активность польской дипломатии на Востоке находилась в зависимости от отношений Москвы и Вашингтона, на которые Польша практически не могла повлиять.

«Восточная политика» Третьей Речи Посполитой в значительной степени не смогла достигнуть декларируемых целей, а НАТО и ЕС не стали теми институтами, чей потенциал стал бы работать на достижение польских интересов при реализации. Теоретически (в рамках неореалистической теории международных отношений) это может быть объяснено тем, что Польша существенно не увеличила в указанный период свой внутренний потенциал, а увеличение её внешнего потенциала (через включение в НАТО и ЕС) было недостаточным для того, чтобы расширять своё собственное влияние к Востоку, преодолевая встречное влияние России, чей внутренний потенциал оставался несоизмеримо большим, чем польский.

Приход в 2007–2010 гг. администрации Д. Туска и Б. Коморовского обозначил постепенную (и ограниченную) коррекцию польской политики на востоке. Реакцией на слова Президента России Д. Медведева, заявившего в 2009 г.

⁷²¹ Sikorski M.A. Powrot starych problemow? // Nowa Europa Wschodnia. 2009. № 2. S. 22–24.

на саммите Россия–ЕС, что «мы не хотели бы, чтобы «Восточное партнёрство» превратилось в партнёрство против России»⁷²² стала польская инициатива по созданию группы друзей «Восточного партнёрства», куда была приглашена и Москва⁷²³.

Невероятным образом частичной нормализации отношений двух стран поспособствовала и страшная трагедия – катастрофа Ту-154 в Смоленске 20 апреля 2010 г., в результате которой погибли, направлявшиеся на траурные мероприятия по случаю 70-й годовщины Катынского расстрела, президент Польши Л. Качиньский с супругой, представители высшего военного командования и духовенства, политики и общественные деятели. Подчёркнутое внимание к этому трагическому событию российского президента Д. Медведева⁷²⁴, объявившего общенациональный траур в России, его видеообращение со словами поддержки к польскому народу, а также многочисленные искренние соболезнования, высказанные простыми гражданами страны, способствовали улучшению отношений двух стран и народов⁷²⁵. По всей видимости, это поспособствовало и тому, что на досрочных президентских выборах, состоявшихся через три месяца после трагедии под Смоленском, победу одержал представляющий «Гражданскую платформу» центрист Б. Коморовский, выразивший России благодарность за поддержку и помощь в час беды, а не брат

⁷²² Пресс-конференция по итогам саммита Россия – Евросоюз. [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/22/0937_type63380_216699.shtml. (дата обращения: 30.01.2018).

⁷²³ Польша зовет Россию дружить с Восточным партнёрством. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/05/100525_poland_friends_partnership.shtml. (дата обращения: 30.01.2018).

⁷²⁴ Примечательно, что российский лидер посетил похороны Л. Качиньского и его супруги в Кракове, в то время как, ссылаясь на риски, связанные с вулканическим пеплом в атмосфере из-за извержения вулкана в Исландии, в траурных мероприятиях отказались принять участие президент США Б. Обама, президент Франции Н. Саркози, канцлер Германии А. Меркель, премьер-министр Италии С. Берлускони, делегации из Великобритании и Испании, глава Еврокомиссии Ж.М. Баррозу и др. лидеры стран-союзников Польши по НАТО и ЕС.

⁷²⁵ Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. // История и современность. 2011. № 1. С. 210–222.

покойного президент Я. Качиньский, считавший, что падение самолёта может быть следствием «антипольского сговора»⁷²⁶.

Уже в ноябре 2010 г. президент Б. Коморовский на страницах крупнейшей национальной газеты «Rzeczpospolita» написал о необходимости переосмысления политического наследия Е. Гедройца. В статье особо подчёркивалось, что сотрудничество стран постсоветского пространства с Польшей и ЕС вовсе не означает, что они должны делать выбор между Россией и Евросоюзом, и такое противопоставление не соответствовало бы польским интересам⁷²⁷. Новое польское руководство, не отказываясь в целом от принципов «восточной политики» осознало необходимость хотя бы частичного пересмотра тех внешнеполитических методов и технологий, которые использовались правительством Качиньских. Их позицию можно обозначать как более гибкую и менее конфликтную по отношению к Москве редакцию «восточной политики»: «Наша вечная проблема состоит в том, что по отношению к России мы чувствуем своё цивилизационное и культурное преимущество и вместе с тем отсутствие силы»⁷²⁸.

Некоторое сокращение польской активности на Востоке было обусловлено и новым пониманием глобальных приоритетов польской внешней политики, предложенным администрацией Туска-Коморовского. Генеральной задачей было объявлено формирование новых отношений не с восточными, а с западными соседями – Польша демонстрировала стремление к тесному сотрудничеству, прежде всего, с Германией в рамках ЕС. Отчасти это было созвучно идеям всё того же Е. Гедройца, писавшего о необходимости партнёрства Варшавы и Берлина и высказывавшегося резко против герmanoфобских настроений в польском обществе и элите⁷²⁹. Эта перемена была открыто озвучена главой польского МИДа Р. Сикорским уже в конце 2011 г.: «Для меня не так страшно могущество Германии, как её бездействие. Ведь не терроризм и не русские танки

⁷²⁶ Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М., 2015. С. 163–164.

⁷²⁷ Komorowski B. O wizji Jerzego Giedrojca // Rzeczpospolita. 09.11.2010.

⁷²⁸ Komorowski B. Prawa strona. Zycie, polityka, anekdota, Warszawa, 2005.

сейчас представляют основную опасность для Польши, а крах зоны евро.... Я требую от Германии, чтобы ради нашего блага и ее собственного она помогла еврозоне уцелеть и достичь процветания". Это обращение, ставшее предметом острых политических дискуссий в Польше и Европе в целом, ознаменовало собой принципиальный поворот во внешнеполитической линии Польши⁷³⁰. Тогда же польский министр обозначил своё новое видение отношений Варшавы и Москвы, косвенно признав истинные принципы польской внешней политики предшествующего периода: «Мы отказались от той логики, согласно которой всё, что плохо для России, хорошо для Польши»⁷³¹.

Можно зафиксировать, что в период 2010–2012 г. в рамках работы «Восточного партнёрства» консервативно-либеральная («германофильская») часть политической элиты Третьей Речи Посполитой взяла курс на постепенное снижение до «необходимого минимума» своих лоббистских усилий по вопросу сближения с ЕС и НАТО государств постсоветского пространства. Работа на этом направлении была в основном сосредоточена на экономическом и гуманитарном измерениях сотрудничества: либерализация визового режима, образовательные программы и т.д. В 2011 г. был начат проект Межпарламентской ассамблеи стран-участниц «Восточного партнёрства» (EURONEST), в рамках которого были созданы постоянно действующие комитеты по правам человека, по вопросам образования, по энергетической безопасности и по интеграции. При этом в значительной степени все выдвинутые инициативы являлись декларациями о намерениях, а не реально действующими механизмами⁷³².

В 2012 г. наиболее крупным событием восточной политики Евросоюза стало заседание Совета министров иностранных дел стран «Восточного партнёрства» в Брюсселе, результатом которого вновь были общие заявления о важности продолжения диалога. Примечательно, что фактически единственной

⁷²⁹ Teczek Giedroycia S. 95-97

⁷³⁰ Sikorski R. I fear Germany's power less than her inactivity // Financial Times. 29.11.2011.

⁷³¹ Цит. по: Василенко И. А. Новый этап в российско-польских отношениях: трудный путь к диалогу и согласию // Studia Politologiczna (Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa). 2013. № 28. С. 22–28.

темой, которая вызывала острое обсуждение на форуме, стала критика Белоруссии за несоответствие демократическим стандартам, принятым в Европе. По итогам встречи была подчеркнута, что основой проекта является именно уважение странами-партнёрами ЕС европейских ценностей: демократии, прав человека и верховенства закона. Представляющая на Совете Евросоюз Верховный представитель ЕС по иностранным делам баронесса К. Эштон сочла необходимым подчеркнуть, что перспективы заключения соглашений об ассоциации с Евросоюзом находятся в прямой зависимости от соответствия стран «Восточного партнёрства» европейским политическим стандартам. Учитывая реальное положение дел в государствах Закавказья, на Украине, в Белоруссии и Молдавии, это означало, что в ближайшее время каких-либо прорывных решений в рамках программы партнёрства не ожидалось⁷³³.

Могло показаться, что к 2012 г. польская дипломатия в целом отказалась от теории Е. Гедройца в качестве глобальной польской стратегии на Востоке или, во всяком случае, кардинально пересмотрела её. Действительно, работа администрации Туска-Коморовского способствовала внешней прагматизации позиции Варшавы. Исходя из стоящих перед Польшей задач углубления и расширения модернизации, проевропейское польское руководство свои основные усилия направило на укрепление позиций внутри ЕС и на развитие связей с Германией – важнейшим экономическим партнёром страны. Одновременно с этим были постепенно стабилизированы отношения с Россией, которые до того находились на небывало низком уровне (достаточно сказать, что Президент России в 2005–2010 гг. ни разу не посетил Польшу). Во многом этому способствовал отказ тогдашнего польского руководства от откровенной политики «прометеизма» в отношении стран постсоветского пространства: Варшава в тот период снизила свои лоббистские усилия, направленные на поддержку скорейшей евроатлантической интеграции стран, лежащих между Польшей и Россией. Эти

⁷³² Лыкошина Л.С. Польша в Европейском Союзе и Вишеградской группе // Вишеградская Европа / Современная Европа. 2012. № 4. С. 54–77.

изменения были с одобрением встречены в Кремле и в отношениях двух стран наметились определённые улучшения.

Вместе с тем, эти корректировки польской внешней политики на восточном направлении не были результатом консенсуса политической элиты Третьей Речи Посполитой. Многие национал-консерваторы продолжали считать «восточную политику» Качиньских в целом правильной и весьма критически относились к повороту, инициированному «Гражданской платформой». Например, известный польский политолог А. Новак неоднократно выступал с критикой изменений правительственного курса на страницах консервативной газеты «Rzeczpospolita»: «Нынешний постоянно подогреваемый политический спор в Польше, связанный с оценкой причин смоленской катастрофы, прекрасно служит дополнительному, уже полному параличу польской восточной политики, независимо от ранее принятого правительством премьер-министра Туска решения не вести такой активной, как в 2002–2007 годах, политики. Такая позиция польских властей позволяет России достичь очередных целей в восстановлении контроля на пространстве бывшего Советского Союза»⁷³⁴.

Стоит отметить, что частичный пересмотр поляками концепции «восточной политики» совпал с приходом в Белый дом администрации Б. Обамы, для которого в тот период Восточная Европа находилась на периферии внешнеполитических интересов. Кроме того, Вашингтон стал инициатором «перезагрузки» отношений с Москвой, которой совершенно не соответствовала бы активная польская «восточная политика», неизменно вызывавшая раздражение России⁷³⁵. В условиях мирового финансово-экономического кризиса, ни США, ни Евросоюз не выказывали стремления активно привлекать постсоветские страны к своим глобальным военно-политическим и интеграционным проектам. К тому же

⁷³³ Интерфакс: ЕС и восточноевропейская «шестерка» подтвердили верность проекту Восточного партнерства. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.by/news/world/114373> (дата обращения: 30.01.2018).

⁷³⁴ Rzeczpospolita, 08.08.2010.

⁷³⁵ См. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. [Electronic resource]. – URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf> (accessed: 15.01.2018).; Приходько О. В. Кризис Атлантизма или смена традиционной модели США и Канада: экономика, политика, культура. 2004, № 8. С. 3–25.

наиболее прагматичная часть политических элит этих государств, от Молдавии до Грузии, в тот момент постепенно утверждались во мнении, что их страны по своим политико-экономическим и социальным параметрам слишком далеки от европейских стандартов, чтобы всерьёз рассчитывать на членство в ЕС или даже НАТО в хотя бы среднесрочной перспективе. Намного выгоднее, с их точки зрения, было бы выстраивать параллельные отношения как с Вашингтоном–Брюсселем, так и с Россией, стремясь извлечь максимальные выгоды от конкуренции этих центров силы на евразийском пространстве.

Сочетание данных факторов открывало перед Россией потенциальную возможность для осуществления различных сценариев частичной реинтеграции тех пространств Восточной Европы, которые в последние 250 лет так или иначе считались зоной российского влияния. Одним из таких проектов стал Евразийский Союз, в основе программы развития которого лежали экономические и политические принципы, служащие цели всесторонней модернизации государств-участников⁷³⁶. При этом Россия, выдвигая свои инициативы, старалась прямо не апеллировать к историческому опыту Российской империи и Советского Союза, в то время как реализация доктрины Е. Гедройца в трактовке братьев Качиньских очевидно являлась продолжением традиций «прометеизма» Второй Речи Посполитой, лишь несколько адаптированным под политические реалии начала XXI в. и опирающимся на поддержку США, действовавших под влиянием в том числе тезисов Зб. Бжезинского о необходимости препятствовать союзу Украины и России.

Небезосновательным кажется и другое предположение. Некоторые политические группы в Соединённых Штатах могли покровительствовать активной польской внешней политике на Востоке, поскольку видели в ней потенциал создания «новой Речи Посполитой» – определённой формы конфедерации (или хотя бы кооперации) Польши–Литвы–Белоруссии–Украины, которая, будучи зажата между Россией и Западной Европы, должна была стать

⁷³⁶ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 03.10.2011.

надёжным партнёром США. Ведь Иракский кризис 2003 г. продемонстрировал Вашингтону, что его союзники из «новой Европы», такие как Польша, склонны идти в фарватере американской внешней политике даже в тех случаях, когда это вступает в противоречие с позицией традиционных партнёров США в западной части континента. В связи с этим Вашингтон, поддерживая восточные инициативы польской дипломатии, мог рассчитывать, что создание «новой Речи Посполитой» будет способствовать увеличению американского влияния в Европе. С этой точки зрения, можно рассматривать «восточную политику» Польши не только как конкуренцию с Россией, но и в более широком контексте соперничества США с германо-французским ядром Евросоюза⁷³⁷.

Кроме того, Польша в этот период всё отчётливее стремилась избавиться от статуса «стратегического фронта» Европы и переместить поле российско-европейской конкуренции на территории бывших советских республик: «...то, что нас более всего интересует, и что делает Польшу партнёром Америки, а также крупнейших стран Запада, воплощается в нашей политике на Востоке»⁷³⁸. Единственным способом добиться этой цели могло быть только разрушение возможностей стратегического партнерства внутри восточноевропейского «восточнославянского треугольника» России, Украины и Белоруссии.

Это понимание позволяет говорить об исторической преемственности «восточной политики» Третьей Речи Посполитой с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: «ягеллонской идеей» и «прометеизмом» Ю. Пилсудского. Парадоксальным образом теоретическая концепция «восточной политики» Е. Гедройца, направленная против «польского империализма», в своём реальном политическом воплощении стала мессианской идеей в неолиберальном духе – на место территориальной экспансии пришла идея экспансии ценностей и институтов на Восток. Фактически, политики Третьей Речи Посполитой взяли из сложной и глубокой теории Е. Гедройца только то, что

⁷³⁷ Най Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль. 2004. XXI, № 10. С. 20–24; Kagan R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

могло отвечать целям по увеличению польского влияния на Востокею При этом политиками было полностью проигнорировано предупреждение единомышленника и соратника Е. Гедройца Ю. Мирошевского, также внёсшего заметный вклад в разработку концепции «восточной политики»: «...мы сами должны отказаться раз и навсегда от Вильно, Львова и от какой-либо политики или планов, которые были бы направлены на установление в благоприятных условиях нашего господства на Востоке ценой вышеназванных народов. Поляки, как и русские, должны понять, что только неимпериалистическая Россия и неимпериалистическая Польша имели бы шанс установить и упорядочить свои взаимоотношения»⁷³⁹.

Особенно заметным это стало в 2012–2013 гг., в период нарастания напряжённости внутри и вокруг Украины в ходе переговоров о будущем этого государства в рамках реализации программы «Восточное партнёрство». Представители Брюсселя предъявили в конце 2011 г. президенту Украины В. Януковичу целый ряд требований, от выполнения которых зависело подписание соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Несмотря на то, что украинская сторона фактически саботировала их (например, не было пересмотрено дело экс-премьера Ю. Тимошенко) польские представители всеми силами стремились добиться прогресса в переговорах Киева и Брюсселя. Так, даже победу пропрезидентской партии на парламентских выборах 2012 г., раскритикованных многими западными лидерами, Б. Коморовский посчитал проявлением европейского курса Украины, т.к. «все прошедшие в парламент в партии, кроме коммунистов провозглашали своей целью европейскую интеграцию»⁷⁴⁰. Всё более очевидным в этот период становилось противопоставление политики «Восточного партнёрства» и предложенного Россией собственного интеграционного проекта – Евразийского союза.

⁷³⁸ Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji zorganizowanej w dniach 28-29 października 2005 roku we Wrocławiu. 2005, S. 79.

⁷³⁹ Mioszowski J. Rosyjski "kompleks polski" i obszar ULB // Gazeta Wyborcza. 2004. № 254. 4 grudnia. S. 14.

⁷⁴⁰ Komorowski: Wybory szansą dla Ukrainy / Rzeczpospolita. 31.10.2012. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/artukul/947817.html> (accessed: 15.01.2018)..

Неслучайно, что именно в начале 2013 г. была принята и торжественно обнародована «Стратегия развития системы национальной безопасности Республики Польша до 2022 г.»⁷⁴¹, в которой провозглашалось пять ключевых целей, достижение которых необходимо для обеспечения национальной безопасности страны:

- 1) повышение эффективности работы двусторонних и многосторонних соглашений, прежде всего, с США;
- 2) решительное укрепление военного потенциала Польши;
- 3) усиление сопротивляемости по отношению к «непредвиденным и чрезвычайным» угрозам национальной безопасности;
- 4) интеграцией политики безопасности и политики развития (экономика, экология, социальная сфера);
- 5) создание условий для развития интегрированной системы национальной безопасности, обеспечивающей управление кризисными ситуациями.

Примечательно, что вслед за принятием стратегии были сразу же подписаны законы о финансировании противоракетной и противовоздушной обороны и модернизации вооруженных сил, а на официальном уровне подтверждено стремление властей вернуться к теме размещения на территории Польши элементов американской ПРО, что в очередной раз было крайне болезненно воспринято в России⁷⁴².

Таким образом, польская сторона последовательно усиливала военно-политическое напряжение в восточно-европейском регионе накануне решающего саммита «Восточного партнёрства», который должен был внести ясность в будущее Украины. Апофеозом нагнетания напряжённости стал Вильнюсский саммит 28–29 ноября 2013 г. в ходе которого европейцы фактически предложили В. Януковичу подписать соглашение об ассоциации без каких-либо условий, что,

⁷⁴¹ Strategia rozwoju systemu bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022. - przyjęta uchwałą Rady Ministrów z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/> (accessed: 15.01.2018).

⁷⁴² Rosyjsko-polskie konsultacje w sprawie bezpieczeństwa // Polskie Radio «Gos Rosji», 27 February 2013 [Electronic resource]. URL: http://polish.ruvr.ru/2013_02_27/Rosyjsko-polskiekonsultacje-na-temat-bezpieczenstwa (accessed: 15.01.2018).

однако, было отвергнуто украинским лидером из опасения разрыва экономических связей с Россией. Польша, бывшая самым главным лоббистом скорейшего подписания соглашения, вслед за этим выступила в числе главных сторонников занявшей киевский Майдан украинской оппозиции, требовавшей немедленного заключения соглашения с ЕС⁷⁴³.

Вильнюс, несомненно, показал, что польское понимание «восточной политики», вопреки брюссельским декларациям, строится, главным образом, не на экономическом базисе и распространении лучших европейских практик в государственном администрировании и правовой защите, а на в отрыве постсоветских стран от России и усилении в них польского влияния, даже ценой гражданской смуты в этих государствах. Так, выступая в польском Сейме в разгар вызванного итогами Вильнюсского саммита кризиса на Украине, который уже привёл к кровопролитию, глава МИД Р. Сикорский, чья подпись стояла на Соглашении об урегулировании политического кризиса на Украине, торжественно провозглашал: «...то, что происходит сейчас на Украине – это её возвращение на путь интеграции с ЕС, и является реализацией основ польской внешней политики»⁷⁴⁴. Это лишь подтверждает, что борьба за Украину, как было показано в первом параграфе, действительно, является одной из констант конкуренции Варшавы и Москвы на протяжении последних столетий. Отдельные периоды ослабления этой конкуренции не меняли общей ситуации – стратегические интересы России и Польши сталкивались на этом направлении острее всего. В разные эпохи под влиянием социально-политической обстановки и международного положения технологии и формы российско-польской конкуренции эволюционировали, но её причины оставались неизменными.

Ещё одним важным выводом, который можно сделать на основе исследованного материала, является неэффективность идеалистических подходов

⁷⁴³ Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад. М., 2014. С. 29–30.

⁷⁴⁴ Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radoslawa Sikorskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. 08.05.2014. [Electronic resource]. – URL: http://www.ms.gov.pl/pl/c/MOBILE/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku (accessed: 15.01.2018).

к международным отношениям в регионе. Неудачи России в её политике на польском направлении в 1990-е гг. во многом были обусловлены господством среди тогдашнего российского руководства идеалистических представлений о новом и едином «демократическом мире», который должен прийти на смену блоковому противостоянию. Польская же элита в тот период действовала, в целом, в рамках неореалистического подхода к пониманию международных отношений и связывала гарантии своей национальной безопасности с сотрудничеством с США и НАТО – победителями в холодной войне.

С первой половины 2000-х гг. политика Варшавы и Москвы серьёзно изменилась. Новое российское руководство выбрало прагматичную линию в отношениях с Варшавой, что в 2000–2003 гг. способствовало частичной нормализации двусторонних отношений. Однако переход польской дипломатии на идеалистические позиции, ознаменованный участием президента А. Квасьневского в событиях «оранжевой революции», остановил, а затем и вовсе прекратил российско-польскую нормализацию. Польская активность в бывших советских республиках, особенно активизировавшаяся в 2004–2008 гг., содержала в себе мессианский элемент и была ориентирована не только на привлечение стран региона к программам сотрудничества НАТО и ЕС, но и на экспорт политических, культурных и экономических ценностей. Итогом агрессивной и последовательно проамериканской «восточной политики» братьев Качиньских стало существенное ухудшение российско-польских отношений на фоне незначительных успехов Польши на Украине, в Белоруссии и на Кавказе, а также рост напряжённости между Варшавой и столицами стран «старой Европы»⁷⁴⁵. В связи с этим обоснованным представляется тезис о том, что отказ от идеократических представлений о внешнеполитической миссии России и Польши в Восточной Европе является необходимым условием для нормализации российско-польских отношений и стабилизации региона.

⁷⁴⁵ См. Ротфельд А., Войцеховский М. Как мысли и концепции влияют на мир? // Новая Польша, 2011. № 12; Rzeczpospolita. 23.09.2012.

Особенно важно подчеркнуть, что хронология и характер российско-польского соперничества в постсоветских странах демонстрируют зависимость польской активности на Востоке от общего фона отношений России и глобального Запада. Периоды обострения российско-польской борьбы совпадали с ростом непонимания по линии Москва–Вашингтон. А сближение позиций России и США, как это было в начале 2000-х гг. и на рубеже 2009–10 гг., предшествовало периодам нормализации российско-польских отношений. Лидеры Республики Польша, видимо, понимали, что Варшава, несмотря на свои амбиции и претензии на лидерство в Восточной Европе, не обладает достаточными ресурсами для борьбы с Россией на постсоветском пространстве, если эти действия не пользуются политической, институциональной и экономической поддержкой более мощных игроков.

Некоторое сокращение польской активности на Востоке, связанное с утверждением у власти либерально-консервативной партии «Гражданская платформа», следует поэтому рассматривать как временный фактор и попытку рефлексии неоднозначного опыта братьев Качиньских на этом направлении. Однако этот процесс не менял главных целей в «восточной политике» — переместить линию русско-европейского цивилизационного и военно-политического соприкосновения из Центрально-Восточной Европы в бывшие республики Советского Союза. Польша, долго сама бывшая таким русско-европейским пограничьем, понимала, какими вызовами грозит такое положение. И именно поэтому Варшава продолжала видеть залог собственной стратегической безопасности в переносе линии противостояния далее на Восток. Ведь ещё президент Л. Валенса в афористичной форме выразил польское понимание «восточной политики»: «Нет свободной Польши без свободной Украины»⁷⁴⁶. Следует признать, однако, что под свободой Украины и других постсоветских стран лидеры Третьей Речи Посполитой понимали, прежде всего, свободу от России и русского культурного, экономического и политического влияния.

В заключение данной главы и на основе проведённого анализа обширного материала, характеризующего русско-польское взаимодействие на протяжении последних веков, необходимо зафиксировать следующие выводы.

Соперничество России и Польши за преобладание в Восточной Европе, начиная с Нового времени, стало одной из стратегических констант европейского континента. Основной ареной русско-польской конкуренции явились обширные территории от Балтики до Чёрного моря, большую часть автохтонного населения которых составляли балты и восточные славяне. Борьба за эти территории, не прекращавшаяся даже в периоды утраты Польшей своего суверенитета, кроме очевидного военно-политического, имела в себе также религиозное, культурное, языковое и идеологическое измерения.

Польская культура и сознание польской политической элиты были сформированы в условиях глубокого противостояния с Россией за господство над названными территориями, поэтому даже лишённые государственности поляки стали одним из главных вызовов для Российской империи периода её расцвета и не были полностью интегрированы в российское государство и русское культурное пространство.

Российские государственные деятели и политические мыслители на протяжении нескольких веков предлагали и реализовывали различные стратегии по отношению к Польше, которые можно условно классифицировать на три широких направления: «мирное сосуществование», «прогерманское» и «инкорпорационное». Каждое из них было реализовано на различных этапах русско-польского взаимодействия с большим или меньшим успехом. Но наибольшего позитивного эффект политика России по «польскому вопросу» достигала тогда, когда ей удавалось сочетать в себе уважительное отношение к естественным польским интересам в регионе с наличием привлекательного для польского общества и\или элиты глобального политического проекта и

⁷⁴⁶ Polskie winy wobec Ukrainy. [Electronic resource]. – URL: <https://pl.sputniknews.com/opinie/201708306190850-sputnik-polskie-winy-wobec-ukrainy/>

поддержкой (или созданием) внутри Польши мощной пророссийской «партии». Тем не менее, даже сочетание таких факторов, стоивших России существенных политических и экономических издержек, не прекращало, а только снижало интенсивность русско-польской стратегической конкуренции.

В период после окончания холодной войны, в условиях формирования новой стратегической реальности, обновлённые Россия и Польша получили возможность пересмотреть и заново выстроить двусторонние отношения. Однако период 1990-х гг. продемонстрировал, что хотя странам и удалось «закрыть» повестку, доставшуюся в наследство от социалистических ПНР и СССР, и создать собственную инфраструктуру отношений, они вскоре вернулись к ситуации противостояния, исторически характерной для России и Польши.

Причиной этого следует считать, с одной стороны, слабость Российской Федерации, которая не смогла предложить Третьей Речи Посполитой нового привлекательно формата сотрудничества, и была ориентирована главным образом на диалог с США. А с другой – господствовавшие в польской элите представления об атлантической интеграции, как о единственной гарантии независимости страны, и стремление постсоциалистической Польши отдалиться от нестабильной России. Обе державы в тот период стремились решать свои противоречия, в том числе и по вопросу членства Польши в НАТО, через диалог с Вашингтоном и Брюсселем, а не через непосредственный двусторонний контакт. Следует также отметить, что современные Россия и Польша – страны в значительной степени схожие с точки зрения самовосприятия и той роли, которую в них играет историческая память для формирования национальной идентичности и основных направлений внешней политики. Поэтому для нормализации отношений двух стран большое значение имел начатый в 1990-е гг. болезненный (но необходимый) процесс исследования и принятия трагических страниц общей истории, таких как Катынский расстрел.

Недостаток доверия, отсутствие общих российско-польских масштабных экономических и инфраструктурных проектов и незаинтересованность США

(и Запада в целом) в польско-российском сотрудничестве, привели к тому, что итогом первого десятилетия после окончания холодной войны стало нарастание негативных тенденций в польско-российских отношениях, усугублённое вступлением Польши в НАТО.

С конца начала 2000-х гг. вновь можно говорить о начале активной фазы российско-польской конкуренции за преобладание на территориях Восточной Европы – прежде всего в бывших республиках СССР: в Белоруссии, на Кавказе и особенно остро – на Украине. Идеологическим обоснованием польской политики в отношении этих стран стала концепция «восточной политики», разрабатывавшаяся во Франции польским мыслителем-эмигрантом Е. Гедройцем во второй половине XX в. В своём реальном политическом воплощении эта доктрина представляла собой симбиоз традиционного польского мессианства по отношению к народам, населяющим пространства между Польшей и Россией, и неолиберальной версии западного универсализма в трактовке Зб. Бжезинского.

Отказавшись от прямой территориальной экспансии, Польша в тот период организовала «экспорт ценностей» на Восток, используя для этого инфраструктуру НАТО и ЕС. Наиболее яркими эпизодами такого процесса были участие Польши в «оранжевой революции» на Украине и поддержка грузинского правительства в ходе конфликта августа 2008 г. Начиная с 2008 г. важнейшим инструментом, обеспечивающим укрепление польского влияния на Востоке, стала программа «Восточное партнёрство». Поскольку территория бывших республик СССР является «зоной безопасности» как для Польши, так и для России, «восточную политику» Третьей Речи Посполитой следует рассматривать как программу стратегического вытеснения российского экономического, политического и культурного влияния с территории бывших республик, которые находятся на «пограничье» России и Запада. Польская «восточная политика» явилась альтернативой и прямым вызовом российским сценариям реинтеграции постсоветского пространства, таким как Евразийский союз.

При этом на характер польско-российских отношений последних 25 лет существенное влияние оказывал общий фон отношений Москвы и Запада.

В периоды потепления и нормализации российско-американских и российско-европейских отношений Республика Польша не могла себе позволить как младший партнёр США и европейская держава «второго порядка», вести активное наступление на российские интересы в странах Восточной Европы и постсоветского пространства. Эта зависимость особенно ясно подтверждалась в 2001–2003 и 2009–2011 гг., когда на фоне временной стабилизации отношений Российской Федерации и США начинались периоды относительной нормализации российско-польских отношений. Можно поэтому утверждать, что широкая нормализация польско-российского диалога возможна только в более широком контексте пересмотра отношений России с Западом. Вместе с тем, опыт взаимодействия Варшавы и Москвы по проблемам, связанным европейским и атлантическим направлением польской интеграции, показал, что в целях минимизации негативных последствий Россия и Польша должны вести активный двусторонний диалог. Участие даже в локальных проектах сотрудничества (например, в рамках Калининградской области) позволяет существенно снизить уровень недоверия между странами.

Таким образом, отношения Российской Федерации и Третьей Речи Посполитой (включая их конкуренцию на Украине и в Белоруссии), могут строиться как на реалистических, так и на идеалистических представлениях о внешней политике. Анализ опыта последних десятилетий убедительно показал, что этапы господства политического идеализма (российская концепция «демократического мира» в 1990–1993 гг., «восточная политика» в версии братьев Качиньских в 2005–2010 гг.) становились периодами резкого роста непонимания в двусторонних отношениях, поскольку вместо апеллирования к фактам и ясной логике национальных интересов, стороны предпочитали обращаться к абстрактным идеологическим конструктам. Периоды же даже незначительной прагматизации отношений (2002–2004 и 2010–2011 гг.) становились временем относительно спокойного взаимодействия двух стран, где наряду с неизбежной конкуренции присутствовали и элементы сотрудничества.

Итак, российско-польская конкуренция в Восточной Европе является постоянным фактором, но формы этой конкуренции могут быть различны и исторический опыт показывает, что при разумной политике в духе политического реализма наравне с конкуренцией в российско-польских отношениях могут быть представлены и элементы кооперации. Восточное направление являлось одним из важных измерений внешней политики постсоциалистической Польши и во многом определило внешнеполитическую идентичность Третьей Речи Посполитой. На формирование польской стратегии на Востоке значительное влияние оказывал исторический опыт польско-российской конкуренции (концепция «стратегического маятника») и мощная польская мессианская традиция в отношении региона. Всестороннее исследование процесса польского политического самоопределения на рубеже XX–XXI вв. возможно только при учёте сложного исторического контекста отношений Москвы и Варшавы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая работу, необходимо сформулировать основные выводы, полученные в ходе проведённого исследования.

В первую очередь стоит зафиксировать, что в сложившейся после окончания холодной войны международной ситуации вопрос о будущей военно-политической ориентации Польши, впервые после 1939 г. обретшей политическую субъектность, занимал одно из центральных мест.

В ходе исследования удалось доказать обоснованность авторской периодизации внешней политики Польши в рассматриваемый период, в рамках которой было выделено пять периодов. Так, первый период (1989–1993), характеризовавшийся доминированием в польской политике выходцев из «Солидарности», прошёл под знаком стремления польского руководства к восстановлению полного государственного суверенитета, выстраиванию новых отношений с крупнейшими соседями, а также определением новых приоритетов страны на международной арене. Для второго периода (1993–1999), отмеченного относительным доминированием «посткоммунистов», было характерно утверждение евроатлантической интеграции в качестве ключевой внешнеполитической цели страны, которая рассматривалась в качестве исторического выбора страны. В третий период (1999–2004), когда после окончательного распада коалиции наследников «Солидарности» на политической сцене Польши усилилась конкуренция «посткоммунистов» и их национально-клерикальных противников, было завершено присоединение страны к ЕС, а также утвердился курс на строительство привилегированных отношений с США, что выразилось, в частности, в участии польских вооружённых сил в операциях в Афганистане (2001) и Ираке (2003). Четвёртый период (2004–2007), чьей характерной чертой была конкуренция внутри страны проевропейских либералов и национал-консервативных сил, был отмечен утверждением с подачи консерваторов «исторической политики» в качестве характерной особенности польской дипломатии и инструмента, направленного против сближения России и Германии, а также усилением проамериканского крена польской политики и

антироссийской активности Варшавы на постсоветском пространстве. В ходе пятого периода (2007–2013) углубившийся внутривластный раскол между либералами и национал-клерикальными группами нашёл своё отражение и во внешней политике: либеральная часть польской элиты отдала предпочтение европейскому вектору, а консервативная – атлантическому. Одновременное усиление «восточного измерения» польской политики привело к новому обострению отношений с Россией после недолго периода нормализации, связанного с деятельностью первого кабинета Д. Туска.

Необходимо отметить, что формирование новых приоритетов внешней политики постсоциалистической Польши было неразрывно связано с процессом «системной трансформации», приведшем к преобразованию Народной Польши в Третью Речь Посполитую. При этом на становление курса внешней политики Польши определяющее влияние оказывали следующие группы факторов:

- а) новые политические и экономические реалии, сложившиеся на Востоке Европы с окончанием холодной войны;
- б) элементы западной политики, направленные на Польшу и Восточную Европу в целом;
- в) историческая память и идеологические представления польского общества.

Стоит отдельно подчеркнуть, что фундаментальные и мирные перемены в социалистической Польше стали возможны благодаря, главным образом, инициированной в СССР политике перестройки, однако, результатом «системной трансформации» ПНР, напротив, стала полная политическая (и экономическая) переориентация Польского государства с Востока на Запад.

Причина этого заключалась, с одной стороны, в активном участии и поддержке западными державами совершенно определённого направления системных преобразований в постсоциалистической Польше (при полном отсутствии соответствующих российских инициатив), а с другой – в чрезвычайно мощном влиянии выработанного польскими диссидентами в социалистический

период круга идей по вопросам внутренней и внешней политики, а также их рефлексии исторического прошлого Польского государства.

Как следует из проведённого исследования, именно интеллектуальное наследие польской оппозиции во многом определило международную ориентацию Третьей Речи Посполитой. Так, в основе представлений польских диссидентов, заметная часть которых после 1989 г. заняла ведущие позиции в общественно-политической жизни Польши, лежало глубоко укоренившееся убеждение в необходимости последовательного и системного отрицания исторического опыта Народной Польши и апеллирование к традициям Второй Речи Посполитой (и в меньшей степени – к идеалам «сарматизма», сформированным в Первой Речи Посполитой). Большое значение имела также память о гибели Польши Ю. Пилсудкого в результате раздела её территории между Германией и Советским Союзом в начале Второй мировой войны и последующем определении судьбы Польши, включая её границы и политическое устройство, великими державами в Ялте и Потсдаме в 1945 г.

Другой проблемой, поставленной «правой» частью польских диссидентов, было восстановление национальной самобытности Польши (т.н. «польскости»), серьёзно пострадавшей, по их мнению, в годы господства в стране марксистской парадигмы развития. Несомненно также, хотя и нуждается в дополнительном исследовании, влияния мира идей папы Иоанна Павла II на формирование международно-политической идентичности постсоциалистической Польши и внешнеполитического измерения идеологии национал-консервативного движения внутри страны.

Это сочетание исторических и политических концептов привело к формированию в Третьей Речи Посполитой сложного комплекса внешнеполитических представлений, постулировавших необходимость укрепления государственного суверенитета и организации постоянного противостояния потенциальному российско-германскому антипольскому сближению. К этому прибавлялось стремление «вернуться в семью европейских народов», базировавшееся также на убеждении польских диссидентов в

искусственности режима Народной Польши, воспринимаемого ими в качестве навязанного извне и лишённого польской национальной основы. На процесс определения новой внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой системообразующее влияние оказывали также вопросы исторической памяти польского общества и глубинная национальная историческая травма, связанная с неоднократно повторявшемся в прошлом опыте утраты национальной государственности и международной самостоятельности. Учитывая эти факторы, постсоциалистическое польское руководство, в значительной степени рекрутированное из бывших диссидентов, видело своими ключевыми задачами:

а) восстановление полного государственного суверенитета (выражавшееся в том числе в выводе советского/российского контингента с территории страны), а также его укрепление;

б) обеспечение благоприятного внешнего фона для проведения масштабных преобразований и «возвращения страны в Европу» на правах равного партнёра;

в) создание благоприятных условий для возрождения польского государственного проекта, политически обеспечивающего историческое существование польской нации.

Для консолидированного Запада же успех «системной трансформации» в Польше и вовлечение страны в евроатлантические структуры был ключевым элементом фиксации исторической победы в многолетнем противостоянии с Советским Союзом и расширением зоны своего влияния на восток континента. Демократизировавшаяся Россия также была заинтересована в пересмотре двусторонних отношений и выстраивании новых партнёрских связей с этим ключевым государством Восточной Европы. Москва, однако, оказалась неспособна сформулировать новую внятную и привлекательную стратегию на польском направлении, впрочем, как и для Восточной Европы в целом.

Поскольку интеллектуалами и идеологами преобразований к началу 1990-х гг. не было предложено каких-либо альтернатив прозападному курсу страны, а логика диссидентов, сформировавшаяся в условиях биполярного разделения мира, носила отчётливо манихейский характер, при котором

альтернативой Востоку может быть только безусловная ориентация на Запад. Именно поэтому интеграция в евроатлантические структуры была воспринята лидерами Республики Польша в качестве главного элемента восстановления «европейской идентичности» Польского государства.

Фактически в польских элитах и обществе в 1990-е гг. сложился широкий консенсус по вопросу евроатлантической интеграции, как бесспорного национального исторического приоритета и принципиального элемента международной идентичности Третьей Речи Посполитой. Дискуссии, связанные с вступлением страны в ЕС, касались, прежде всего, отдельных (и весьма конкретных) вопросов, таких, как будущее сельского хозяйства и возможные риски скупки немецкими гражданами земель на западных границах Польши, которые были присоединены к стране после Второй мировой войны. При этом константой курса руководства Республики Польша, даже после того как в ходе выборного цикла 1993–1995 гг. бывших диссидентов из «Солидарности» во власти сменили «посткоммунисты», было стремление к тому, чтобы европейский и атлантический векторы интеграции Польши дополняли и уравнивали друг друга. Одновременно страна пыталась выстроить «привилегированные» отношения с США, чтобы таким образом усилить чувство собственной защищённости перед возможным российско-германском сближением. В связи с этим польская элита выражала постоянную готовность и высокую заинтересованность в участии в военных операциях США и в размещении на своей территории элементов ПРО и американских баз, что одновременно осложняло отношения Республики Польша как с Россией, так и с частью западноевропейских партнёров, не заинтересованных в чрезмерном усилении позиций Соединённых Штатов в Европе.

Вместе с тем, после вступления в НАТО (1999) и ЕС (2004) в постсоциалистической Польше начался постепенно выкристаллизовываться нарастающий конфликт исторических целей внешней политики: цель дальнейшего «возвращения в Европу» вступала во всё более очевидное противоречие с фундаментальной для национального исторического сознания

ценностью безусловного суверенитета и национально-культурной самобытности поляков как католического народа. Осуществлённая же в этот период польскими «правыми» попытка имплементации их политико-идеологических установок в сферу внешней политики, крайним выражением чего стала «историческая политика» братьев Л. и Я. Качиньских, привела Республику Польша к конфликту, как с Россией, так и с Германией, и объективно способствовала росту международно-политического напряжения вокруг Польши и ослаблению её позиций внутри Европы.

В ходе исследования было показано также, что распространённое в российской науке представление о европейском и атлантическом векторах интеграции Польши, как о двух параллельных процессах, нуждается в критическом переосмыслении. В связи с этим автором был предложен комплексный подход по данной проблеме, согласно которому для Третьей Речи Посполитой присоединение к двум глобальным проектам было не столько сменой союзников и внешнеполитических ориентиров, сколько важнейшей частью исторического выбора и ключевым элементом формирования новой идентичности государства, пришедшего на смену ПНР, в связи чем оба вектора (атлантический и европейский) следует рассматривать в качестве элементов единого процесса.

В связи с этим было выделено три больших периода евроатлантической интеграции. В ходе первого (1989-1993), который проходил на фоне фундаментальных изменений в Центрально-Восточной Европе, посткоммунистическое польское руководство от политики «импровизации» на международной арене и попыток балансирования между Москвой и западными столицами перешло к принятию евроатлантической интеграции в качестве общенационального исторического приоритета. На втором этапе (1993-1999) евроатлантическая интеграция из перспективной цели стала ключевым вопросом польской международной и внутренней политики, а также обрела реальное юридическое и международное наполнение. Третий этап евроатлантической интеграции (1999–2004), который характеризовался утверждением Польши в качестве активного участника НАТО и присоединением страны к ЕС, обозначил

завершение инициированного в конце 1980-х гг. внешнеполитического разворота и начало нового периода внешней политики Польши в качестве полноправного члена евроатлантического сообщества.

В работе было показано также, что ко второй половине 2000-х гг. в польском обществе начал отчётливо проявляться глубокий интеллектуальный и культурный раскол, вызванный последствиями интеграции страны в наднациональные структуры и её вовлечением в процессы глобализации. В связи с этим обоснованной представляется гипотеза, согласно которой внутри социума сформировались своеобразные «две Польши»: первая – Польша «романтиков-традиционалистов», а вторая – страна «роевропейских конформистов». Оба течения со временем обрели свои политические структуры и жёсткие культурно-политические маркеры, позволявшие отличать «своих» от «чужих». Снижение уровня консолидации польской элиты после завершения процесса евроатлантической интеграции, а также растущие социально-демографические и этические вызовы, привели к тому, что с парламентско-президентского цикла 2007–2010 гг. раскол нашёл своё выражение и в возникновении проблемы определения европейского или атлантического приоритетов во внешней политике государства, что позволяет говорить о начале долговременного и системного кризиса внешнеполитической идентичности Третьей Речи Посполитой, выход из которого только предстоит найти.

Говоря о влиянии евроатлантического курса постсоциалистической Польши на процесс российско-польского диалога после окончания холодной войны, необходимо особо отметить, что проведённый анализ позволяет утверждать, что хотя «западный выбор» Польши во многом обосновывался стремлением постсоциалистической польской элиты отдалиться от России и гарантировать невозвращение её влияния, причиной последовательного ухудшения отношений двух стран в новейший период стал не исторический выбор поляков в пользу интеграции в НАТО и ЕС, а стремление элиты Республики Польша использовать потенциал этих организаций для реализации целей своей собственной «восточной политики». Политика Третьей Речи Посполитой по отношению к постсоветским

странам основывалась на богатом историко-идеологическом наследии, включавшем в себя память об историческом опыте Первой Речи Посполитой, «прометеизме» Ю. Пилсудского, геополитической концепции «Междуморья», а также переосмысленной политиками постсоциалистической Польши «доктрине Гедройца», сформулированной польской антикоммунистической эмиграцией во второй половине XX в.

В центре польской «новой восточной политики» лежало стремление к поддержанию постсоветских республик (прежде всего – Белоруссии и Украины) в качестве независимых от России государств, противодействие российским попыткам реинтеграции евразийского пространства, а также консолидация региона на антироссийской платформе, для чего в том числе привлекались возможности НАТО и ЕС. Несмотря на стремление позиционировать себя в качестве «донора стабильности» и региональной «модели успешной трансформации», польская дипломатия в действительности активно участвовала и даже провоцировала кризисы на постсоветском пространстве (Украина 2004–2005, 2013–2014, Грузия 2008), предлагала и поддерживала проекты стратегической переориентации стран региона (СДВ 2005, «Восточное партнёрство» 2008) с основной целью – не допустить усиления российского влияния в регионе. В связи с этим «восточную политику» Республики Польша необходимо рассматривать в широком историческом контексте российско-польского взаимодействия и как подтверждение предложенной в работе концепции «стратегического маятника» Восточной Европы, согласно которой именно отношения по оси Москва–Варшава в Новое и Новейшее время определяют общее положение в восточноевропейском регионе, а ослабление России в этой части Европы означает усиление Польши и наоборот.

Говоря же в целом об исторических задачах, стоявших перед Третьей Речью Посполитой в момент её создания, стоит отметить, что пройдя путь от члена Варшавского блока до страны–члена НАТО и ЕС, страна парадоксальным образом вернулась к дискуссиям вокруг тех же вопросов, что обсуждались в конце 1980-х гг.:

а) проблема государственного суверенитета в новых условиях (членство в ЕС и НАТО);

б) сохранение польской национальной идентичности в условиях неравноправной глобализации;

в) необходимость выстраивания новых конструктивных отношений с соседями (прежде всего – восточными).

Многие представители политической элиты и рядовые граждане страны стали приходить к мнению, что положение Республики Польша внутри ЕС и НАТО вновь тождественно положению «младшего партнёра», чей голос, несмотря на все протесты и демарши, предпринимаемые время от времени польским руководством, никогда не воспринимался странами «старой Европы» и США, как голос равного партнёра. Постсоциалистическая Польша, очевидно, оказалась не удовлетворена своим местом внутри евроатлантического сообщества. Можно утверждать, что эти оценки не лишены рациональных оснований и базируются не только на исторических страхах, свойственных польскому политическому сознанию. Так, экономический рост и относительно оптимистичные макроэкономические показатели страны сопровождались уничтожением целых отраслей индустрии и структурной перестройкой экономики, которая привела к тому, что сотни тысяч польских граждан оказались лишены возможности найти применение своим талантам в стране и вынуждены были стать трудовыми мигрантами в странах Западной Европы, заняв в том числе малооплачиваемые и непрестижные ниши на рынке труда более богатых государств. Польшу, таким образом, можно рассматривать в качестве примера «зависимого развития» стран Восточной Европы после окончания холодной войны. В то же время вступление в НАТО и, особенно, ЕС привело к тому, что значительная часть национального суверенитета оказалась делегирована в наднациональные институты, в которых голос Польши отнюдь не стал решающим. Таким образом, историческая цель восстановления и укрепления государственного суверенитета, стоявшая перед Польшей после завершения холодной войны, *de facto* не была достигнута.

Немаловажно и то, что наряду с ослаблением государственного суверенитета, начался (возможно, абсолютно естественный, но оттого не менее болезненный) процесс размывания национальной идентичности поляков – «польскости» – своеобразного набора характеристик и представлений о них, свойственных польскому народу и сформированных под большим влиянием католицизма и идеологии «сарматизма» в XVII в. В связи с этим у польских «правых» интеллектуалов возникли и поучили тенденцию к усилению опасения того, что на смену диктату марксистских установок, доминировавших в период Народной Польши, пришли «европейские ценности» в своей лево-либеральной трактовке, основанные в том числе на таких принципах, как мультикультурализм, принципиальный секуляризм и неприятия многих этических стандартов, основанных на консервативно-христианском взгляде на природу человека. В это же время на польских традиционалистов, вероятно, всё большее влияние стал оказывать романтический «нарратив восстания», связанный с историей борьбы поляков за свою независимость. Так, обеспокоенные положением Польши внутри ЕС, политические лидеры «правых» стремились демонстративно выступать против более влиятельных держав «старой Европы», рассчитывая на внешнюю поддержку со стороны Соединённых Штатов, партнёрству с которыми консерваторы придавали неоправданно высокое значение.

Стоит особо отметить, что итогом включения страны в евроатлантические структуры и использования их возможностей для реализации исторически обусловленных польских интересов «на Востоке» (на территориях бывшего СССР) стало существенное осложнение российско-польских отношений, несмотря на достаточно высокие относительно других стран ЦВЕ показатели экономического сотрудничества двух государств. На протяжении всего периода, последовавшего за окончанием холодной войны, отношения Москвы и Варшавы, несмотря на непродолжительные периоды относительной нормализации, оставались напряжёнными, регулярно переходя в фазы острой политической конфронтации, которые были связаны в первую очередь с польской активностью на постсоветском пространстве. Двум странам так и не удалось выработать

эффективную модель взаимодействия, что уже после украинских событий 2013 г. привело к структурному кризису в двусторонних отношениях и опасному нарастанию воинственной риторики с двух сторон. И хотя ответственность за подобные кризисы всегда лежит на обоих участниках противостояния, нельзя не признать, что в стратегическом смысле инициатором конфликтов была именно Польша, которая:

а) изначально оказалась не готова признать за новой Россией статуса демократической европейской державы, способной к успешным преобразованиям и не связанной идеями «имперского реванша»;

б) стремилась расширить зону влияния к востоку от своих границ – на территории государств, которые уже были объединены в рамках СНГ, и сохраняли высокий уровень экономической, политической и гуманитарной кооперации с новой Россией.

Неоднозначные последствия сделанного Польшей евроатлантического исторического выбора привели к тому, что на смену эйфории от «возвращения в Европу» с середины 2000-х гг. пришло усиление скептических настроений. В политическом измерении это выразилось в росте популярности евроскептических, «правых» сил, представленных, например, национал-клерикальной партией «Право и справедливость» братьев Я. и Л. Качиньских. Примечательно, что хотя первоначально основным электоратом этой партии были разочарованные либеральными реформами представители старшего поколения, которым противостояли более молодые избиратели, поддерживающие проевропейскую партию «Гражданская платформа», уже к концу 2000-х гг. разочарование в реалиях курса либералов стало проявлять всё больше молодых поляков, сформировавшихся уже в Третьей Речи Посполитой. Причиной распространения с начала 2010-х гг. евроскептических и антилиберальных настроений среди польской молодёжи стало, видимо, то, что в рамках сложившейся социально-экономической системы молодым полякам, воспитанным на ценностях польского патриотизма и культивируемой исторической памяти об «особом» значении

Польши в европейской истории, просто не нашлось достойного места, соответствующего их представлениям о глобальной справедливости.

В завершение стоит отметить также, что сомнительные итоги внешнеполитического выбора постсоциалистической Польши делают правомерной постановку вопроса о возможной стратегической некомпетентности руководства Третьей Речи Посполитой, которое после 1989 г. вместо критического переосмысления трудного исторического опыта Польского государства сделало выбор в пользу ничем не уравновешенного радикально-евроатлантического курса. Как было показано, этот выбор во многом привёл к результатам, прямо противоположным тем целям, что были сформулированы польскими диссидентами в канун «системной трансформации». Очевидно, не состоялась и полицентричная модель Восточной Европы, которую, как представляется, надеялась построить в регионе Варшава. Напротив, последовавшее за украинским кризисом 2013–2014 гг. обострение отношений России с Западом показало значительное расхождение позиций Польши и её партнёров по ключевому региональному объединению – Вишеградской группе – Венгрией, Чехией и Словакией, которые оказались не готовы поддержать Польшу в её однозначно антироссийской позиции. Не реализовались также и поддержанные Польшей сценарии реорганизации постсоветского пространства. Даже весьма амбициозный проект «Восточного партнёрства» привёл не к стабилизации региона и расширению в нём влияния ЕС (и непосредственно Польши), а, скорее, к хаотизации и росту значения силовых ресурсов в политическом процессе. Постоянно усиливающаяся начиная с 2015 г. напряжённость между Варшавой и Брюсселем также сигнализирует о кризисе внешнеполитического курса, проводимого с 1989 г. Можно предположить, что именно культурно-исторические факторы и неверно отрефлексированный польскими интеллектуалами предшествующий опыт привели к тому, что польская внешняя политика попала в зависимость от специфического «стратегического танатоса», подталкивавшего Третью Речь Посполитую к принятию внешнеполитического курса, в долгосрочной перспективе снижающего уровень

национальной безопасности и увеличивающего международно-политическую напряжённость вокруг Польши.

Можно заключить, что Третья Речь Посполитая, несомненно, нуждается в переосмыслении пройденного пути и формировании собственной «большой стратегии» в регионе. Ведь, несмотря на периодические яркие заявления, неожиданные демарши и некоторые попытки реализовать собственные внешнеполитические инициативы, в целом польская стратегия на протяжении всего исследованного периода оставалась реактивной и вращалась вокруг глобальных проектов, предложенных более значительными игроками – Вашингтоном или Брюсселем. При этом упускалось из виду, что для этих центров силы Польша является не целью, а лишь средством реализации их собственных интересов, и ей всегда можно пожертвовать, если этого требуют обстоятельства. Представляется, что единственным решением проблем, объективно стоящих перед страной и остро воспринимаемых её гражданами, является новое обретение подлинной политической субъектности, которая во многом была ослаблена и даже отчасти утрачена в результате евроатлантической интеграции Республики Польша.

Основой польской «большой стратегии», направленной на восстановление субъектности, может стать реализация рационального и не отвергающего светские ценности Модерна нового польского национального проекта, который бы позволил преодолеть усиливающийся раскол в обществе. Нельзя допустить, чтобы единственными альтернативами для Польши в XXI в. стала, с одной стороны, филистерская идеология потребления и отказа от культурной самобытности, а с другой – деструктивное отрицание прогресса и апеллирование к мифам о «сенкевическом поляке». Напротив, только разумное сочетание конструктивной национальной гордости и бережного отношения к историческому прошлому страны с осознанным стремлением к её прогрессу и адаптации к достижениям современности может стать основой стабильного развития демократической Польши в XXI в.

Реализация «большой стратегии», несомненно, потребует существенного увеличения уровня внешнеполитической самостоятельности Польши и корректировки приоритетов её международной политики. Это возможно исключительно при условии тесного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Германией внутри ЕС и нахождения компромисса с Россией на Востоке, что невозможно без прекращения «войн памяти», как на межгосударственном уровне, так и внутри страны. Только свободная, ответственная и демократическая Польша сможет обеспечить стабильное развитие всей Восточной Европы, поспособствовать укреплению единства Старго Света и участвовать в строительстве процветающей Европы от Атлантики до Тихого океана. Альтернативой безусловно атлантическому курсу, реализуемому Польшей с конца 1980-х гг., может стать системная континентальная стратегия, важнейшей частью которой является нормализация отношений Варшавы и Москвы и их последующее рациональное сотрудничество. Элементом этой континентальной альтернативы может, например, стать участие Польши в проекте «Нового шёлкового пути», выдвинутом в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином. Возможно, именно вовлечение в общий панконтинентальный проект позволит Польше и России выйти из замкнутого круга противостояния и начать сотрудничество в рамках строительства «Большой Евразии». В противном случае велики риски того, что Польша будет просто использоваться Западом (США) против России с непредсказуемыми последствиями, прежде всего, для самой Польши и всего восточноевропейского региона.

Фундаментальное переосмысление внешнеполитического курса возможно, однако, только при условии системных изменений внутри страны и постепенного формирования новой – более стратегически компетентной – элиты, что, вероятно, поставит на повестку дня и вопрос о реконструкции Польского государства и, возможно, о создании на принципиально иных основах обновлённого польского государственного проекта, разумно сочетающего в себе ценности социального прогресса, экономического прагматизма и национального суверенитета – Четвёртой Речи Посполитой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВАК	–	Высшая аттестационная комиссия
ДЗПЧГ	–	Движение в защиту прав человека и гражданина
ДМП	–	Движение Молодая Польша
ЕС	–	Европейский союз
КНП	–	Конфедерация независимой Польши
КОС-КОР	–	Комитет социальной самообороны – Комитет защиты рабочих
КПС	–	Комитет польской самозащиты
МГИМО(У)	–	Московский государственный институт международных отношений (университет)
МГУ	–	Московский государственный университет
НАТО	–	NATO, North Atlantic Treaty Organization, «Организация Североатлантического (оборонительного) Договора»
НПГ	–	Независимая политическая группа
ОВД	–	Организация Варшавского договора
ПНП	–	Польская независимая партия
ПНР	–	Польская Народная Республика
ПОРП	–	Польская объединённая рабочая партия
ПОСН	–	Польское объединение сторонников независимости
ПРО	–	Противоракетная оборона
ПСП-ДР	–	Польская социалистическая партия – Демократической революции
РАН	–	Российская академия наук
СНГ	–	Содружество Независимых Государств
СЭВ	–	Совет экономической взаимопомощи
ЦВЕ	–	Центрально-Восточная Европа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты и сборники документов

1. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В.Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939 гг.). – М. : Международные отношения, 2017 – 592 с.
2. Внешняя политика России: сборник документов. – М. : Международные отношения, 1997. – 488 с.
3. Внешняя политика России: сборник документов. 1990–1992 / отв. ред. А. С. Чернышев. – М. : Международные отношения, 1996. – 607 с.
4. Внешняя политика России: сборник документов. 1993: в 2 кн. Кн. 1: Январь–май. – М. : Международные отношения, 2000. – 534 с.
5. Выступление А. В. Козырева на российско-польской конференции «На пути к новопартнерству» (Краков, 23 февраля) / А. В. Козырев // Дипломатический вестник. – 1994. – № 5–6. – С. 18–20.
6. Выступление А. В. Козырева, Совещание послов РФ в странах СНГ / А. В. Козырев // Дипломатический вестник. – 1995. – № 8. – С. 21–26.
7. Десятый съезд Польской объединенной рабочей партии – М. : Издательство политической литературы, 1987. – 368 с.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. – 1993. – № 1-2. – С. 3–23.
9. О временном сокращении туристского обмена между СССР и ПНР : постановление Секретариата ЦК КПСС от 28.11.1980 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 81.
10. О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР : постановление Секретариата ЦК КПСС от 04.10.1980 и 22.12.1980 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 81.
11. Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 45. – Ст. 4329.

12. Об утверждении Стратегического курса России с государствами – участниками Содружества Независимых государств: Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 № 940 // Российская газета. – 23.09.1995.

13. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией // Дипломатический вестник. – 1997. – № 6. – С. 4–10.

14. Секреты польской политики 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л. Ф. Соцков. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 512 с.

15. Системная история международных отношений в 4-х тт. События и документы. 1918-2003. [в 4 т.]. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004.

16. Совместная российско-польская декларация. Варшава, 25 августа 1993 г. // Дипломатический вестник, – 1993, – № 17–18. – С. 14.

17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о молодежном сотрудничестве // Дипломатический вестник. – 1996. – № 5. – С. 21–23.

18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о безвизовых поездках граждан // Дипломатический вестник. – 1996. – № 12. – С. 8–10.

19. Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств, 1996–1999 : [в 2 т.]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2011.

20. Польша 1980: «Солидарности» год первый / сост. В. Малышев. – Лондон: Overseas publications interchange Ltd, 1981. – 237 с.

21. Россия и Европейский Союз: документы и материалы / Составители — С.Ю. Кашкин, П.А. Калиниченко, А.О. Четвериков, Е.А. Чегринцев. – М. : Юридическая литература, 2003 – 196 с.

22. Стратегическая концепция НАТО. – Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999 г. Brussels: NATO Office of Information and Press, С. 47–62.

Монографии, сборники, научные доклады

23. Авен, П. Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук / П. Авен, А. Кох. – М. : Альпина Паблишер, 2013. – 439 с.

24. Аврех, А. Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.

25. Аксаков, И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3 Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886 / И. С. Аксаков. – М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1886. – 570 с.

26. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. – 343 с.

27. Артамонов, В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714) / В. А. Артамонов; отв. ред. Г. А. Некрасов; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1990. – 205 с.

28. Багратион-Мухранели, И. Л. Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А. С. Пушкина. Кн. 2 / И. Л. Багратион-Мухранели. – М. : Пушк. ин-т, 2005. – 509 с.

29. Баранец, В. Н. Генштаб без тайн. Кн. 1 / В. Н. Баранец. – М. : Политбюро, 1999. – 462 с.

30. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под. ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. – М. – Волгоград : НОФМО, 2002. – 572 с.

31. Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / В. Г. Барановский [и др.]; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; Российско-польская группа по сложным вопросам. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 822 с.

32. Бжезинский, Зб. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / Зб. Бжезинский, Б. Скоукрофт. – М. : Астрель, 2013. – 320 с.
33. Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска / Зб. Бжезинский. – М. : АСТ, 2014. – 704 с.
34. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
35. Брониславский, Е. Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов / Е. Брониславский, Г. Н. Вачнадзе. – Тбилиси : Ганатлеба, 1990. – 639 с.
36. Брутенц, К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке / К. Н. Брутенц. – М : Международные отношения, 2005. – 656 с.
37. Буневич, Д. С. Неизвестный Дмовский / Д. С. Буневич, Г. В Холодов; вст. ст. Р. Дмовский // Германия, Россия и польский вопрос. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 5–10.
38. Бухарин, Н. И. Российско-польские отношения в начале XXI века / Н. И. Бухарин // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях : материалы VII Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / под ред. Л. Шишелиной. – М. : Инт-т Европы РАН, 2009. – С. 71–93.
39. Бухарин, Н. И. Российско-польские отношения: 90-е годы XX века – начало XXI века / Н. И. Бухарин; Российская акад. наук, Ин-т экономики. – М. : Наука, 2007. – 292 с.
40. Бухарин, Н. И. Россия – Польша. Опыт двадцатилетних отношений (90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века) / Н. И. Бухарин. – СПб. : Нестор-История, 2013. – 203 с.
41. Бухарин, Н. И. Россия – Польша. Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформация в конце XX – начале XXI века : в 2 т. Т. 2. / Н. И. Бухарин. – М., 2005. – 410 с.

42. Бухарин, Н. И. Становление демократического правового государства. От политического плюрализма к консолидированной демократии / Н. И. Бухарин, И. С. Яжборовская // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 1. Трансформации 90-х годов. / отв. ред. С. П. Глинкина. – М. : Наука, 2002. – 460 с.
43. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М. : КМК, 2008. – 176 с.
44. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ. Введение / И. Валлерстайн. – М. : Территория будущего, 2006. – 248 с.
45. Вардомский, Л. Б. Регионализация постсоветского пространства: Факторы, особенности, тенденции : научный доклад / Л. Б. Вардомский. – М. : Ин-т экономики РАН, 2008. – 58 с.
46. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в XXI веке : коллективная монография / О. Н. Астафьева, А. Г. Васильев, Т. Н. Золотова [и др.]; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М. : Российский институт культурологии, 2012. – 176 с. – С. 3–30.
47. Васильков, Ю. В. Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма / Ю. В. Васильков. – М. : Моск. учеб. и Картолитогрфия, 2004. – 252 с.
48. Вишеградская Европа. Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Л. Н. Шишелина [и др.]; под ред. Л. Н. Шишелиной; Российская акад. наук, Ин-т Европы. – М. Весь мир, 2010. – 563 с.
49. Волобуев, В. В. Политическая оппозиция в Польше: 1956–1976 / В. В. Волобуев; отв. ред. А. М. Орехов. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 240 с.
50. Волобуев, В. В. Польша – 1970: Репетиция «Солидарности». / В. В. Волобуев. – М.; СПб. : Нестор-История, 2012. – 206 с.
51. Волокитина, Т. В. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова; отв. ред. А. Ф.

Носкова; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 686 с.

52. Волос М. Треугольник Москва-Варшава-Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918—1939 гг. — СПб.: Европейский дом, 2011. – 218 с.

53. Восточное измерение Европейского Союза и Россия : сборник докладов международной конференции / под ред. Ф. А. Казина, В. Е. Кузнецов. – СПб. , 2004. – 167 с.

54. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Ларри Вульф; пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 548 с.

55. Вуп, Дж. Польша как фактор внешней политики ЕС / Дж. Вуп // Расширение Европейского Союза: взгляд из Москвы, Берлина, Варшавы / под общ. ред. В. И. Мироненко, В. Б. Белова и С. С. Кудрявцевой. – М. : ОГНИ ТД, 2006. – 78 с.

56. Вяземский, Е. Е. Историческая политика и историческое образование / Е. Е. Вяземский // История и политика в современном мире. Материалы международной научной конференции (г. Москва, 24–25 сентября 2010 г.). – М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. – С. 13–33.

57. Гаврилова, Л. М. Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II / Л. М. Гаврилова // Вспомогательные исторические дисциплины : сборник / АН СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия. Ленинградское отделение. – Л. : Наука, 1989. – Т. 20. – С. 164–174.

58. Герцен, А. И. Собр. соч : в 30 тт. / А. И Герцен; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. Наука, 1957. – Т. 14. – 702 с.

59. Глинкина, С. П. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост : научный доклад / С. П. Глинкина, Н. В. Куликова, И. С. Синицина. – М. : Институт экономики РАН, 2014. – 83 с.

60. Горбачёв, М. Жизнь и реформы. Кн. 2 / М.. Горбачёв – М. : Новости, 1995. – 653 с.

61. Горбачев, М. С. Как это было: Объединение Германии / М. С. Горбачёв. – М. : Вагриус, 1999. – 240 с.
62. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. – М. : Индрик, 1999. – 270 с.
63. Горизонтов, Л. Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX вв. в геополитическом измерении / Л. Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2: География и политика. – М., 2006. – С. 9–31.
64. Громько, Ал. А. Россия и Евросоюз в полицентричном мире / Ал. А. Громько // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громько и В. П. Фёдорова. – М. : Издательство «Весь мир», 2014. – С. 430–453.
65. Громько Ал. А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Вестник Российской Академии Наук – М., 2016, – Т.86 – № 2, – С. 108-119.
66. Даймонд, Д. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ / Д. Даймонд. – М. : АСТ, 2010. – 604 с.
67. Даль, Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Р. А. Даль. – М. : ИД ГУ – ВШЭ, 2010. – 287 с.
68. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа : Взгляд на культур. и полит. отношения славян. мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М. : Известия, 2003. – 605 с.
69. Данилов, Д. От размежевания к сближению: Новые отношения России и Западной Европы / Д. Данилов, С. Де Спигелейре. – Париж : Ин-т по изучению проблем безопасности. Западноевроп. союз, 1998. – 58 с.
70. де Лазари, А. «Русский медведь»: история, семиотика, политика / А. де Лазари; под ред. А. де Лазари и О. В. Рябова. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 363 с.
71. Дмовский, Р. Германия, Россия и польский вопрос / Роман. Дмовский; Ин-т русско-польского сотрудничества – СПб. : Алетейя, 2017. – 207 с.

72. Долбилов, М. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. / М. Долбилов // *Образ врага*/ сост. Л. Гудков. – М. : ОГИ, 2005. – 334 с.

73. Дугин, А. Г. Основы геополитики: Геополит. будущее России / А. Г. Дугин. – М. Арктогея, 1997. – 599 с.

74. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / отв. ред. Н. К. Арбатова. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 118 с.

75. Ершов, А. Развитие российско-польских торгово-экономических отношений в 1991–1996 гг.: возвращение к нормальному состоянию / А. Ершов // *Dynamika stosunkow polsko-rosyjskich w latach 1991–1996*. – Krakow: Fundacja Międzynarodowe Centrum Rozwoju Demokracji, 1997. С. 235-236.

76. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]; науч. ред. М. Долбилов, И. Миллер. – М. Новое литературное обозрение, 2007. – 605 с.

77. Збигнев Бжезинский в проблемах восточного блока // Брониславский, Е. Польский диалог / Е. Брониславский, Г. Вачнадзе. – Тбилиси : Ганатлеба, 1990 – С. 629-631.

78. Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / К. В. Никифоров, Ш. Трёбс и др. отв. ред. К. Никифоров. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – 727 с.

79. Иоанн Павел II. Сочинения : в 2 тт. Том 1/ Иоанн Павел II (Кароль Войтыла). – М. Изд-во францисканцев. – М., 2003. – 608 с.

80. Каплан, Р. Д. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Р.Д. Каплан. – М.: Колибри, 2015. – 384 с.

81. Карамзин, Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / Н. М. Карамзин. – М. : Жизнь и мысль : Моск. учеб., 2002. – 477 с.

82. Катков, М. Н. Собрание передовых статей «Московских «Ведомостей» 1863 год / М. Н. Катков. – М. : Издание С. П, Катковой, 1897–1898. – 524 с.

83. Кловер Ч. Чёрный ветер, белый снег. Новый расцвет национальной идеи / Ч. Кловер. – М. : Фантом Пресс, 2017. – 496 с.

84. Козырев, А. В. Преображение / А. В. Козырев. – М. : Международные отношения, 1995. – 333 с.
85. Костиков, В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря / В. Костиков. – М. : Вагриус, 1997. – 350 с.
86. Кузьмин, И. Н. Поражение: крушение ГДР и объединение Германии / И. Н. Кузьмин. – М. Научная книга, 2002. – 339 с.
87. Куликова, Н. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в XXI веке / Н. Куликова, И. Орлик, Н. Фейт. – М. : Институт экономики РАН, 2012. – 350 с.
88. Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М. : АСТ : Астрель, 2003. – 778 с.
89. Линдси, Б. Глобализация: повторение пройденного / Б. Линдси. – М. ИРИСЭН, 2006. – 415 с.
90. Лобачёв, С. Патриарх Никон / С. Лобачёв. – СПб. : Искусство-СПб, 2003, – 412 с.
91. Лыкошина, Л. К вопросу об идентичности современных поляков / Л. Лыкошина // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: материалы X Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях»: сборник статей / под ред. Л. Шишелиной. – М. : Ин-т Европы РАН, 2015. – С. 240–249.
92. Лыкошина, Л. С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши / Л. С. Лыкошина; Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам (ИНИОН РАН). – М. : ИНИОН РАН, 2015. – 257 с.
93. Лыкошина, Л. С. Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в. : аналитический обзор / Л. С. Лыкошина; Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам (ИНИОН РАН). – М. : [б. и.], 2011. – 93 с.
94. Лыкошина, Л. С. Польские правые накануне XXI в. : аналитический обзор / Л. С. Лыкошина. – М. : ИНИОН, 2004. – 58 с.

95. Люттвак, Э. Н. Стратегия. Логика войны и мира / Эдвард Н. Люттвак. – М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. – 390 с.
96. Макиндер, Х. Географическая ось истории / Х. Макиндер // Классика геополитики, XX век : сб. / сост. К. Королев. – М. : АСТ, 2003. – С. 7–32.
97. Малов, А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. / А. В. Малов. – М. : Цейхгаз, 2006. – 48 с.
98. Малютин, Г. А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. / Г. А. Малютин; Московский гос. обл. ун-т. – М. : [б. и.]; СПб. : Нестор-История, 2013. – 206 с.
99. Манн, М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / Майкл Манн. – М. : Высш. шк. экономики, 2014. – 203 с.
100. Матвеев, Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 473 с.
101. Матвеев, Г. Ф. Польский плен: военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах / Г. Ф. Матвеев, В. С. Матвеева. – М. : Родина Медиа, 2011. – 173 с.
102. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – 576 с.
103. Мещерякова, О. М. Соотношение национального и наднационального моментов в Европейском Союзе и вопросы суверенитета государств-членов / О. М. Мещерякова; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т. – М. : Прометей, 2008. – 103 с.
104. Миллер, А. И. Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России / А. И. Миллер // Регионализация посткоммунистической Европы : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – 187 с.
105. Миллс, Ч. Р. Властвующая элита / Ч. Р. Миллс. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
106. Мэхэн, А. Влияние морской силы на историю. 1660–1783 / А. Мэхэн // Классика геополитики, XIX век / сост. К. Королев. – М. : АСТ, 2003. – 718 с. – С. 183–274.

107. Нарочницкая, Н. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? / Н. Нарочницкая [и др.]. – М. Вече, 2009. – 414 с.
108. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая . – М. : Международные отношения, 2004. – 533 с.
109. Науманн, Ф. Срединная Европа / Ф. Науманн // Геополитика: Хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – СПб., 2007. – С. 47–61
110. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж // Франция-память. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та., 1999. – 328 с. – С. 17–50.
111. Носкова, А. Ф. Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой / А. Ф. Носкова // *Studia Slavica – Polonica*. К 90-летию И. И. Костюшко : сб. статей / отв. ред. К. В. Никифоров; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Ин-т славяноведения РАН , 2009. – 444 с.
112. Носкова, А. Ф. Октябрьская революция 1917 года в России и проблема советизации стран Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX века / А. Ф. Носкова // *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды* / отв. ре. М. Волос, А. Орехов; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2009. – С. 282–308.
113. Обичкина, Е. О. СССР в польском кризисе начала 1980-х годов/ Е. О. Обичкина // *Советский Союз, Франция и международные кризисы 80-х годов XX века* : сб. научн. статей / под ред. М. М. Наринского. – М. МГИМО-университет, 2009. – 104 с. – С. 1–32.
114. Офицеров-Бельский, Д. В. Атлантический интеграционный вектор во внешней политике Польши / Д. В. Офицеров-Бельский // *Мировое развитие. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность* / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, А. В. Кузнецов. – М. : ИМЭМО РАН, 2007. – 220 с. – С.150–154.
115. Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе / К. Оффе // *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей* : в 2 тт.

Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. – СПб.; М.; Берлин, 2000. – 492 с.

116. Позняк, С. В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны / С. В. Позняк // Сб. науч. статей. Вып. 1. БГУ, 2004. – С. 159–173.

117. Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров, М. : Индрик, 2014 – 416 с.

118. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. – М., 2012. – 952 с.

119. Польша твой экономический партнёр : доклад / Институт исследования рынка, потребления и конъюнктуры. – Варшава : Ин-т исследования рынка, отребления и конъюнктуры (Instytut Badan Rynku, Konsumpcji i Koniunktur), 2007. – 205 с.

120. Пономарева, Е. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией : аналитический доклад / Е. Пономарева, Л. Шишелина; под ред. О. Гаман-Голутвиной. – М. : Российская ассоциация политической науки, 2014. – 92 с.

121. Пшебинда, Г. Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше / Г. Пшебинда; авторизованные переводы с польск.; ред. Я. Охонько; предисл. Д. Бака. – М. РГГУ, 2013. – 384 с.

122. Расширение Европейского Союза и Россия / под ред. О. Буториной, Ю. Борко. – М. : Деловая литература, 2006. – 568 с.

123. Расширение ЕС на Восток: позиции стран Евросоюза / под ред. Ю.И. Юданова. – М. : ИММО, 2002. – 120 с.

124. Расширение ЕС на Восток: предпосылки, проблемы, последствия / А. В. Авилова, Н. К. Арбатова, Е. М. Бурнаева [и др.]; отв. ред. Н. К. Арбатова [и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М. : Наука, 2003. – 343 с.

125. Ратцель, Ф. Народоведение / Ф. Ратцель // Классика геополитики, XIX век : сб. / сост. К. Королев. – М. АСТ, АСТ, 2003. – 718 с.

126. Ратцель, Ф. Политическая география / Ф. Ратцель // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер 2007. С. 15–36.

127. Родкевич, В. Внешнеполитическое мышление польской и русской элит и шансы на прагматическое польско-российское партнерство / В. Родкевич // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях : материалы IV Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / под ред. Л. Шишелиной. – М., 2002. – С. 202–219.

128. Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций : избранные статьи польских экспертов / под ред. С. Беленя, А. Скшипика, Д. В. Карнаухова, О. В. Петровской; пер. с польского Л. Д. Бондарь, М. А. Корзо. – М. : РИСИ, 2015. – 265 с.

129. Россия – Польша: Перезагрузка? / Н. И. Бухарин [и др.] – М. : Фонд исторической перспективы, 2011. – 200 с.

130. Россия и основные институты безопасности в Европе: Вступая в XXI век / под ред. Д. Тренина. – М. : Московский центр Карнеги, 2000. – 729 с.

131. Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов : в 2 частях /. Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН; отв. ред. И. И. Орлик. - М. : ИМЭПИ, 1997.

132. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2004–2005 гг. / Н. И. Бухарин [и др.]; отв. ред. И. И. Орлик. – М. : Институт экономики РАН 2006. – 240 с.

133. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2006–2007 гг. / Российская акад. наук, Ин-т экономики, Отд-ние междунар. экономических и политических исслед; И. И. Орлик [и др.]; отв. ред. И. И. Орлик. – М. : Ин-т экономики РАН, 2008. – 235 с.

134. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2008–2009 гг. / Н. И. Бухарин [и др.]; отв. ред. И. И. Орлик. – М. : Институт экономики РАН 2010. – 264 с.

135. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков / И. И. Орлик [и др.] / отв. ред. И. И. Орлик; Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. – М. : ИМЭПИ, 2004. – 382 с.
136. Руснак, У. Вишеградское прошлое и будущее: факты и идеи / У. Руснак // Центрально-Европейский ежегодник 2003 : сб. статей и док. / сост. Илона Киш; науч. ред. Т. А. Шаклеина. – М. : Логос, 2003. – 21 с.
137. Русско-польские отношения в период мировой войны : сб. до-в / сост. Н. М. Лапинский. – М.; Л. : Московский рабочий, 1926. – 164 с.
138. Самарин, Ю. Ф. Православие и народность / Ю. Ф. Самарин. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 720 с.
139. Славянский альманах. – М. : Индрик, 2007. – 543 с.
140. Слива, М. Польская демократия. Идеи – люди – события / М. Слива. – М.: РОССПЭН, 2014. – 277 с.
141. Советский Союз – Народная Польша. 1974–1987: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел. ПНР; редкол.: В. П. Логинов (пред. сов. части), Х. Ярошек (пред. польской части) [и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – 485 с.
142. Стегний, П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II : 1772, 1793, 1795 / П. В. Стегний. – М. : Международные отношения, 2002. – 692 с.
143. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации / Н. И. Бухарин [и др.]; под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой; Российская акад. наук, Ин-т экономики, Отд-ние междунар. экономических и политических исслед. – М. : Наука, 2010. – 494 с.
144. Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз / Российская акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед.; отв. ред. Н. В. Куликова. – М. : Наука, 2002. – 205 с.
145. Струве, П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества / П. Струве // Русская мысль. – Кн. 1. – 1908. – С. 143–157.
146. Сулея, В. Юзеф Пилсудский / В. Сулея; пер. с польск. – М. : Летний сад, 2009. – 448 с.

147. Тесля, А. А. Первый русский национализм и другие / А. А. Тесля. – М. : Европа, 2014. – 370 с.
148. Тойнби, А. Дж. : сб. / А. Дж Тойнби. – М. : Айрик-Пресс: Рольф, 2001. – 637 с.
149. Трансформации на постсоциалистическом пространстве / Российская акад. наук, Ин-т экономики, Отд-ние междунар. экономических и политических исслед.; отв. ред. С. П. Глинкина; сост. И. И. Орлик. – СПб. : Алетейя, 2009. – 349 с.
150. Тэтчер, М., Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер; пер. с англ. В. ИONOVA. – 3-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 502 с.
151. Федосова, Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции / Е. И. Федосова. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 203 с.
152. Филатов, А. С. Односторонняя ревизия Ялтинской системы мироустройства: глобальные и региональные конфликты / А. С. Филатов // Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее: международная конференция / сост. Е. А. Бондарева. – М., 2015. – С. 104–112.
153. Флоря, Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б. Н. Флоря; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Индрик, 2005. – 415 с.
154. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Джордж Фридман; пер. с англ. Д. Строганов. – М. [и др.] : Питер, 2016. – 398 с.
155. Фридман, Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века / Джодж Фридман. – М. : Эксмо, 2010. – 336 с.
156. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2008. – 288 с.
157. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2005.

158. Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М : АСТ, 2003. – 731 с. – С. 227–598.

159. Хаусхофер, К. О геополитике: Работы разных лет : Границы в их геогр. и полит. значении. Панидеи в геополитике. Статус-кво и обновление мира. Континентн. блок / Карл Хаусхофер; пер. с нем. И. Г. Усачева. – М. : Мысль, 2001. – 426 с.

160. Цымбурский, В. Л. Остров Россия : геополитические и хронополитические работы, 1993–2006 / В. Л. Цымбурский. – М. : РОССПЭН, 2007. – 543 с.

161. Челлен, Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен ; пер. с швед. М. А. Исаев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 319 с.

162. Шаклеина, Т. А. Дискуссии по проблемам отношений России и США // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002) / Т. А. Шаклеина. // Хрестоматия : в 4 тт. Т. 1. Исследования / сост. Т. А. Шаклеина. – М. : Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) : РОССПЭН, 2002. – 445 с.

163. Швейцер, П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Петер Швейцер; пер. с пол. Л. Филимоновой. – Минск : Авест, 1995. – 463 с.

164. Шевцова, Л. Ф. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом // Л. Шевцова; Московский Центр Карнеги. – М. : Московский Центр Карнеги, 2010. – 268 с.

165. Шишелина, Л. Н. Европейский союз и Восточная Европа / Л. Н. Шишелина; Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. – М. : ИМЭПИ РАН, 2005. – 261 с.

166. Шишелина, Л. Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России / Л. Н. Шишелина; Российская акад. наук, Ин-т международных экономических и политических исслед. – М. : Наука, 2006. – 300 с.

167. Шмитт, К. Государство и политическая форма / К. Шмитт. – М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.

168. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum* / К. Шмитт; пер. с нем. К. Лощевский, Ю. Коринец, ред. Д. Кузницын. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 669 с.

169. Шмитт, К. Политическая теология : сб. / К. Шмитт; пер. с нем. – М. : КАНОН-пресс-ЦБ, 2000. – 336 с.

170. Шмитт, К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых народу сил // Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum* / К. Шмитт; пер. с нем. К. Лощевский, Ю. Коринец, ред. Д. Кузницын. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 669 с.

171. Штадтмюллер, Э. Проблемы и перспективы развития Европейского союза. Польша и ЕС / Э. Штадтмюллер // Европейский союз на рубеже веков / Ю. В. Шишков, Д. А. Данилов, Ю. А. Гусаров [и др.]; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – 294 с.

172. Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша: синдром войны 1920 г. 1914–1918–1920–1987–2004 / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М.: Academia, 2005. – 404 с.

173. Яжборовская, И. Катинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях / И. Яжборовская, А. Яблоков, В. Парсаданова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 493 с.

174. Яжборовская, И. С. Россия и Польша на переломах XX века / И. С. Яжборовская // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. – М. : Институт славяноведения РАН. 2009. – С. 28–38.

175. Яжборовская, И. С. Польша Новейшего времени в исторической политике России и современной России / И. С. Яжборовская // Россия и Польша:

история общая и разобшенная / отв. ред. Е. И. Пивовар, О. В. Павленко. – М., 2015. – С. 230–247.

176. Ярузельский, В. Избранные произведения. Февраль 1981 – июль 1988 гг. / В. Ярузельский – М. : Издательство политической литературы, 1988. – 526 с.

Диссертационные исследования

177. Беспалов, А. С. Традиции геополитического мышления в современной восточной политике Польши : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 : защищена 25.09.2008 / Беспалов Антон Сергеевич. – М., 2008. – 234 с.

178. Буданова, Д. С. Североатлантический Альянс и Европейский Союз во внешней политике Польши в 1989–2005 годах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 : защищена 25.03.2011 / Буданова, Дарья Сергеевна. – Иваново, 2011. – 216 с.

179. Головнин, М. Ю. Денежно-кредитная политика России и стран Центральной и Восточной Европы в условиях глобализации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / Головнин Михаил Юрьевич. – М., 2010. – 369 с.

180. Дворниченко, Е. В. «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1744 гг.» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 : защищена 28.10.2008 / Дворниченко Елена Владимировна. – М., 2008. – 243 с.

181. Сергеев, Д. В. Польша в системе европейской безопасности (1989–2003 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 : защищена 21.09.2007 / Сергеев Дмитрий Вадимович. – М., 2007. – 200 с.

182. Столяров, А. О. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения (1989–2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 : защищена 20.11.2015 / Столяров Алексей Олегович. – СПб., 2015. – 397 с.

183. Трощенко, К. В. Внешнеполитические программы и международные связи политической оппозиции в ПНР в 1976–1989 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 : защищена 21.12.2004 / Трощенко Константин Викторович. – Калининград, 2004. – 254 с.

184. Чернова, А. В. Роль Польши в восточной политике ЕС : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 : защищена 16.02.2015 / Чернова Анна Валерьевна. – М., 2015. – 250 с.

Статьи

185. «Солидарность» и перестройка глазами Александра Яковлева, идеолога перестройки // Новая Польша. – 2005. – № 11. – С. 83.
186. Арбатов, Л. Пора начать «переналадку» отношений / Л. Арбатов // Независимая газета. – 1998. 21 июля. – С. 6.
187. Баталов, Э. Я. Россия и США: соперники или соратники? / Э. Я. Баталов, В. А. Кременюк // США, Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2002. – № 6. – С. 19–36.
188. Беспалов, А. С. Польша и «оранжевая революция» на Украине / А. С. Беспалов // Россия и современный мир. – 2006. – № 2 (51). – С. 68–82.
189. Беспалов, А. С. Польская восточная политика после 1989 г. / А. С. Беспалов // Россия и современный мир. – 2007. – № 2 (55). – С. 52–69.
190. Боровский, Ю. Политизация мировой энергетики / Ю. Боровский // Международные процессы. – 2008. – Том 6, № 16. – С. 19–28.
191. Буданова, Д. С. Взаимоотношение Германии и Польши в рамках процесса расширения ЕС на Восток / Д. С. Буданова // Вестник Поморского университета, Серис: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 29–32.
192. Булахтин, М. А. Внешняя политика США в зеркале общественного мнения Польши 2000-х гг. / М. А. Булахтин // Искусство управления. – 2012. – № 2 – С. 73–81.
193. Бухарин, Н. И. Польша: десять лет по пути реформ / Н. И. Бухарин, И. С. Синицина, Н. А. Чудакова // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 38–57.
194. Бухарин, Н. И. Эдвард Герек: от курса на социальную справедливость к экономическому кризису / Н. И. Бухарин, И. С. Яжборовская // Новая и новейшая история. – 2012. – № 1. – С. 164–186.
195. Бухарин, Н. И. Вступление Польши в Европейский Союз и Россия / Н. И. Бухарин // Новая и новейшая история. – 2008. – № 4. – С. 60–73.

196. Бухарин, Н. И. К истории российско-польских отношений: 90-е годы XX века – начало XXI века / Н. И. Бухарин // Новая и новейшая история. – 2007. – № 4. – С. 33–50.
197. Бухарин, Н. И. Новый регионализм в Европе / Н. И. Бухарин, Д. Марков // Обозреватель. – 1993. – № 22. – С. 85–89.
198. Валлерстайн, И. Модернизация: мир праху ее / И. Валлерстайн. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 21–25.
199. Василенко, И. А. Новый этап в российско-польских отношениях: трудный путь к диалогу и согласию / И. А. Василенко // Studia Politologiczna (Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa). – 2013. – № 28. – С. 22–28.
200. Васильев, А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы / А. Г. Васильев // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 215–248.
201. Васильев, А. Г. «Родная земля» в польской национальной памяти эпохи разделов / А. Г. Васильев // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 64–78.
202. Васильев, А. Г. Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности / А. Г. Васильев // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 21. – С. 184–215.
203. Вечоркевич, П. Польский вопрос на Ялтинской конференции / П. Вечоркевич // Новая газета. – 2005. – № 32.
204. Внук-Липиньский, Э. «Солидарность», «круглый стол» и общественные процессы в Польше / Э. Внук-Липиньский // Мир перемен. – 2005. – № 3. – С. 99.
205. Вовенда, А. В. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях / А. В. Вовенда, А. В. Плотников // Балтийский регион. – 2011. – № 4. – С. 60–68.
206. Волос, М. Научное сотрудничество Польши и России: история, современность, планы на будущее / М. Волос // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 154–167

207. Волос, М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. / М. Волос // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 210–222.

208. Геремек, Б. Государственное устройство и внешняя политика / Б. Геремек // Европа. – 2001. – Т. 1, № 1. – С. 213–226.

209. Горизонтов, Л. Е. СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале «Kultura»: политическая хроника Михаила Геллера / Л. Е. Горизонтов // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 24–31.

210. Довжик, Н. Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши [Текст] / Н. Р. Довжик // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 91–98.

211. Донелли, Б. Польша, Европейский Союз и Россия / Б. Донелли // Европа. Журнал Польского института международных дел. – 2004. – № 4 – С. 111–118.

212. Жизнин, Н. З. В поисках баланса интересов / Н. З. Жизнин // Независимая газета. – 12.01.2010.

213. Зарицкий, Т. Традиционные символические ресурсы польской интеллигенции перед лицом вызовов глобализации // Т. Зарицкий // Восточноевропейские исследования – 2008 – № 8. – С. 139–153.

214. Иванов, И. Россия и Европа на рубеже столетий / И. Иванов // Международная жизнь. – 2000. – № 2. – С. 25–29.

215. Интервью В. Ярузельского и Т. Мазовецкого // Известия. – 21.03.1990.

216. Квасьневский, А. Быть русофобом – непозволительная роскошь / А. Квасьневский // Новая Восточная Европа – специальный выпуск. – 2011/2012. – С. 59.

217. Квасьневский, А. Россия и Польша нуждаются в диалоге: лекция, прочитанная в Московском государственном университете им. Ломоносова / А. Квасьневский // Новая Польша. – 2004. – № 10. – С. 2-3.

218. Кольцова Е. Г. Геополитическая мотивация вступления Польши в НАТО и Европейский союз / Е. Г. Кольцова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 44–48.

219. Коньшев, В. Н. О неореализме Кеннета Уолтса / В. Н. Коньшев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 146–155.

220. Корэйба, Я. Концептуальные основы внешней политики Польши в отношении европейских стран постсоветского пространства / Я. Корэйба // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6(21). – С. 234–239.

221. Круглова, Г. А. Католическая глобалистика / Г. А. Круглова // Социально-гуманитарное знание. – 2008. – № 2. – С. 163–171.

222. Кручковский, Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии 2-й пол. XIX – нач. XX вв. / Т. Т. Кручковский // Славяноведение. – 1993. – № 5. – С. 76–78.

223. Кулеса, Л. Досье по системе противоракетной обороны. Польская перспектива / Л. Кулеса // Европа. Журнал Польского института международных дел. – 2007 – № 2. – С. 91–104.

224. Лыкошина, Л. Польша в Европейском Союзе и Вишеградской группе / Л. Лыкошина // Вишеградская Европа. Приложение к журналу Современная Европа. – 2012. – № 4. – С. 55.

225. Лыкошина, Л. С. Современные политические процессы и российско-польский диалог / Л. С. Лыкошина // Звенья, 2011. – № 1. – С. 89.

226. Лыкошина, Л. С. Польша в Европейском Союзе и Вишеградской группе / Л. С. Лыкошина // Вишеградская Европа. Приложение к журналу «Современная Европа». – 2012 – № 4. – С. 54–77.

227. Лыкошина, Л. С. Современные политические процессы и российско-польский диалог / Л. С. Лыкошина // Звенья. – 2011. – № 1. – С. 86–88.

228. Макиндер, Х. Дж. Демократические идеалы и реальность / Х. Дж. Макиндер; пер. с англ. С. Л. Баринаова, В. Ю. Куршакова, И. Ю. Окунева; авт. предисл. М. В. Ильин // Полис: Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 137–138.

229. Макиндер, Х. Д. Круглая Земля и обретение мира / Х. Д. Макиндер // Космополис. – 2006. – № 2 (18). – С. 56–69.
230. Мальгин, А. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России / А. Мальгин // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 14–15.
231. Мальгин, А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации / А. Мальгин. // Pro et Contra. – 2001. – Том 6, № 4. – С. 94–117.
232. Мальгин, А. Европейская система: стратегическая динамика и новые компоненты / А. Мальгин // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 1. – С. 6–16.
233. Мальгин, А. Россия и Польша: сквозь призму Восточной политики Евросоюза / А. Мальгин // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 2. – С. 6–20.
234. Мальгин, А. В. Отношения Россия–ЕС в контексте европейской политики / А. В. Мальгин. // Свободная мысль. – 2002. – № 1. – С. 13–20.
235. Маслин, М. Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии / М. Маслин // Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 88–92.
236. Менкишак, М. Польская политика в отношении России в 1989–2002 гг. / М. Менкишак // Центрально-Европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. – М., 2003. – С. 243–245.
237. Миллер, А. Ответ Анджею Новаку, или Кое-что о жертвах и насильниках / А. Миллер // Европа. Журнал польского института международных дел. – 2003. – № 3. – С. 171–187.
238. Михник, А. Без демократии Россия – это Советский Союз / А. Михник. // Новая газета. – 05.04.2004.
239. Мосей, Г. Процессы глобализации и регионализации в мировой экономике / Г. Мосей // Экономист. – 2002. – № 9. – С. 24–28.
240. Най, Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Д. Най // Свободная мысль. – XXI. 2004. – № 10. – С. 20–24.

241. Нарочницкая, Н. А. Европа «Старая» и Европа «Новая» / Н. А. Нарочницкая // Международная жизнь. – 2003. – № 4. – С. 45–63.

242. Неменкий, О. Б. Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств / О. Б. Неменкий // Вопросы национализма. – 2010. – № 3. – С. 24–37.

243. Неменский, О. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления / О. Неменский // Звенья: Исторический альманах. – 2011. – № 1 (14). – С. 11-38.

244. Неменский, О. Б. Пространства и идеологии восточной политики Польши / О. Б. Неменский // Духовность: науч. журн. – 2010. – № 1 : Общее прошлое России и Польши: работа над ошибками. – С. 265–280.

245. Новак, А. Бедная империя, или Второй Рим – соблазны имперского дискурса в современной русской мысли / А Новак // Европа. Журнал польского института международных дел. – 2003. – № 2. – С. 189–196.

246. Новак, А. Краткий ответ на ответ / А. Новак // Европа. Журнал польского института международных дел. – 2003. – № 3. – С. 190–196.

247. Новости // Пульс планеты. – 18.12.1997. – С. 4.

248. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора ; пер. с фр. М. Сокольской // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа : [сб.]. / ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. –С. 391–402.

249. Носкова, А.Н. Варшавское восстание 1944 г.: замыслы и результаты / А.Н. Носкова // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Воронеж, 2015. С. 133-145

250. Носов, М. Зачем Европе собственная армия? / М. Носов // Современная Европа. – 2005. – № 1. – С. 62–96.

251. Офицеров-Бельский, Д. В. Россия и Польша: неизбежное соседство? / Д. В. Офицеров-Бельский // Вестник МГИМО-Университета. – 2014 – № 39 (6). – С. 18-28.

252. Польша: снова дебют // Литературная газета. – 11.10.1989.

253. Поливянный, Д.И. Восточная политика Польши накануне вступления в Европейский союз / Д. И. Поливянный // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: История. Философия. Педагогика. Психология. – 2002. – № 2. – С. 42–49.

254. Пояновский, Е. От Люблина до Украины недалеко / Е. Пояновский, Г. Юзефчук // Новая Польша. – 2014. – № 4. – С. 36-38.

255. Примаков, Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. На горизонте многополюсный мир / Е. М. Примаков // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3–13.

256. Приходько, О. В. Кризис Атлантизма или смена традиционной модели / О. В. Приходько // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 8. – С. 3–29.

257. Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. Путин // Известия. – 03.10.2011.

258. Пушков, А. Опустошающая ясность / А. Пушков // Независимая газета. – 28.11.1999. – С. 3.

259. Россия–Польша. Визит Л. Валенсы в Россию // Дипломатический вестник. – 1992. – № 12. – С. 21–26.

260. Седякин, Ю. О современной внешней политике Польши / Ю. Седякин // Обозреватель. – 2010. – № 6.– С. 58–69.

261. Сергеев, Д. В. Восточноевропейский фактор / Д. В. Сергеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 10. – С. 96–104.

262. Сергеев, Д. В. Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС / Д. В. Сергеев // Актуальные проблемы Европы. – 2005. – № 4. – С. 163–186.

263. Скворцова, Д. С. Польша и Европейский союз: путь к интеграции (1989–2004 гг.) / Д. С. Скворцова // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – № 72. – С. 92–97.

264. Смирнов, П. Е. Центральная и Восточная Европа между США и ЕС / П. Е. Смирнов // США – Канада: Экономика, политика, культура. – 2005. – № 8. – С. 35–56.

265. Солженицын А. Речь на Ассамблее выпускников Гарвардского университета, 8 июня 1978 / А. Солженицын // Вестник русского христианского движения. – Париж; М.; Нью-Йорк, 1978. – № 125. – С. 275–291.

266. Стайцов, Р. Е. Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX века) / Р. Е. Стайцов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 222–228.

267. Стемпловски, Р. Польша в мировой системе: изменение государственного устройства и внешней политики / Р. Стемпловски // Европа. – 2001. – Т. 1, № 1. – С. 279–294.

268. Сысоев, Г. То ли воля, то ли неволя / Г. Сысоев // Коммерсант. – 20.03.2003.

269. Филюшкин, А. И. Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. / А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Петербургские славянские и балканские исследования]. – 2012. – № 1. – С. 197–202.

270. Хабера, А. О европейском патриотизме / А. Хабера / Новая Польша. – 2014. – № 4 (162) – С. 10-12.

271. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 8–25.

272. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1 (8) – С. 47–62.

273. Хромушкин, И. Польша – европейский тигр? / И. Хромушкин // Рынок ценных бумаг. – 2000. – № 2. – С. 32–36.

274. Цибулина, А. Центральная и Восточная Европы: внутренняя трансформация, адаптация к интеграционной практике и опыт научного анализа / А. Цибулина, А. Мальгин // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 2. – С. 123–128.

275. Челлен, Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знаниями об изучении политического пространства / Р. Челлен // Полис. – 2005. – № 2. – С. 115–126.

276. Швейцер, В. Он знал о Катыни почти все: (из бесед с видным контрразведчиком) / Л. Ф. Райхман, В. Швейцер // Современная Европа. – 2011 – № 1. – С. 139-145.

277. Швейцер, В. Катынская версия: подтверждения и опровержения / Владимир Швейцер // Современная Европа. – 2012 – № 2. – С. 123-135 .

278. Швейцер, В. Я. Европейский союз: критики и апологеты / В. Швейцер, А. Таршин // Современная Европа. – 2016 – № 1. –С. 16-25 .

279. Шишелина, Л. Н. Восточное партнерство ЕС: путь к Объединению или разъединению Европы? / Л. Н. Шишелина // European Russian forum. European Parliament. – 2014. – № 7. – С. 8–10.

280. Шишелина, Л. Н. Восточно-Центральная Европа между ЕС и Россией / Л. Н. Шишелина // Международный диалог. – 2001. – № 2. – С. 22–51.

281. Щепана-Войнарская, А. М. Перед лицом союзника-врага / А. М. Щепана-Войнарская // Новая Польша – 2014 – № 10. – С. 10.

Интернет-источники

282. Альбац, Е. Год назад не стало Егора Гайдара. Воспоминания современников / Е. Альбац, Д. Докучаев // Новое время [Электронный ресурс]. – 16.12.2010– URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/32058/> (дата обращения: 30.01.2018).

283. Андреев, Е. Объединение Германии и российско-германские отношения [Электронный ресурс] / Е. Андреев // Обозреватель-Observer. – 2006. – № 5. – URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2006-obozrevatel/13683-obedinenie-germanii-i-rossijsko-germanskie> (дата обращения: 30.01.2018).

284. Андреев, Е. Современная историография ФРГ о германском единстве [Электронный ресурс]/ Е. Андреев // Обозреватель-Observei. – 2005. – № 6. – URL: http://observer.materik.ru/observer/N6_2005/6_14.htm. (дата обращения: 30.01.2018).

285. «Базы ПРО США в Польше не будет» – экс-премьер Лешек Миллер [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20090216/162254114.html> (дата обращения: 30.01.2018).

286. Бухарин, Н. И. Российско-польские отношения и вступление Польши в ЕС/ Н. И. Бухарин // Вестник Европы. – 2004. – № 11. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/bu3.html> (дата обращения: 30.01.2018).

287. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на II Экономическом форуме «Польша–Россия» 17 января 2002 г. Познань [Электронный ресурс]. – URL: <http://2002.kremlin.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

288. Годовщина вступления Польши, Чехии и Венгрии в НАТО [Электронный ресурс]. – URL: www.svoboda.org/archive/n_world/0302/11.031202-3.asp (дата обращения: 30.01.2018).

289. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duma.gov.ru/> (дата обращения: 30.01.2018).

290. Дипломатический вестник. 1992–2013 [Электронный ресурс] // Дипломатический вестник. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf (дата обращения: 30.01.2018).

291. Заявление ЦКС ДС России «Сопrotивление расширению НАТО – доказательство его необходимости» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ds.ru/arch/a1997/021897n.htm> (дата обращения: 30.01.2018).

292. Интерфакс: ЕС и восточноевропейская «шестерка» подтвердили верность проекту Восточного партнерства [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.by/news/world/114373> (дата обращения: 30.01.2018).

293. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/> (дата обращения: 30.01.2018).

294. Как правительство исцеляло польскую экономику после 1989 года. Радио Польша [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/174/Artykul/120134> (дата обращения: 30.01.2018).

295. Качинский, Я. Портрет посткоммунизма [Электронный ресурс]/ Я. Качинский // Новая Польша. – 2006. – № 11. – URL: https://novpol.org/ru/rk0Zq_GvjZ/PORTRET-POSTKOMMUNIZMA (дата обращения: 30.01.2018).

296. Квасьневский, А. Открытая Европа [Электронный ресурс]/ А. Квасьневский // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 4. – URL: http://globalaffairs.ru/number/n_2198 (дата обращения: 30.01.2018).

297. Лыкошина, Л. С. Польская историческая политика в контексте политической жизни страны / Л. С. Лыкошина // Русское воскресенье [Электронный ресурс]. – 20.05.2014. – URL: http://www.voskres.ru/history/likoshina_printed.htm/ (дата обращения: 30.01.2018).

298. Лыкошина, Л. Польская историческая политика в контексте политической жизни страны [Электронный ресурс] / Л. Лыкошина. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/05/25/polskaya_istoricheskaya_politika_v_kontekste_politichesk_oj_zhizni_strany/ (дата обращения: 30.01.2018).

299. Миллер, А. Историческая память в Польше. Почему в XIX веке многие считали польские восстания против Российской империи безрассудными, а в XX и XXI веке — только героическими. / А. Миллер [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1336> (дата обращения: 30.01.2018).

300. Нарочницкая, Н. А. Польша. 10 лет в НАТО / Н. А. Нарочницкая [Электронный ресурс] – URL: <http://narochnitskaia.ru/in-archive/polsha-10-let-v-nato.html> (дата обращения: 30.01.2018).

301. Новак, А. Соблазны геополитики / А. Новак // [Электронный ресурс] Новая Польша. – 2002. – № 6. – URL:

<https://novpol.org/ru/НyJYiOzwoW/SOBLAZNY-GEOPOLITIKI> (дата обращения: 30.01.2018).

302. Офицеров-Бельский, Д. Польский бунт и будущее Евросоюза. / Д. Офицеров-Бельский // [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/polskiy-bunt-i-budushchee-evrosoyuza/?sphrase_id=9651654/ (дата обращения: 30.01.2018).

303. Польша в новой роли. Европейская политическая динамика [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.svoboda.org/programs/ce/2003/ce.050503.asp> (дата обращения: 30.01.2018).

304. Польша зовет Россию дружить с Восточным партнерством [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/05/100525_poland_friends_partnership.shtml.

305. Польша: референдум о вступлении в ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,835443,00.html> (дата обращения – 30.11.2011).

306. Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития России [Электронный ресурс]: – URL: <http://www.ved.gov.ru/> (дата обращения: 30.01.2018).

307. Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]: – URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

308. Ротфельд, А. Как мысли и концепции влияют на мир? [Электронный ресурс]/ А. Ротфельд, М. Войцеховский // Новая Польша. – 2012. – № 11. – URL: <https://novpol.org/ru/VJnUdGPsZ/КАК-МЫСЛИ-I-KONCEPCII-VLIYaYuT-NA-MIR> (дата обращения: 30.01.2018).

309. Русская служба BBC [Электронный ресурс]: ЕС: поляки припомнили немцам войну. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6230000/6230238.stm (дата обращения: 30.01.2018).

310. Смоляр, А. Польские радикалы у власти [Электронный ресурс] / А. Смоляр // «Pro et Contra» – 2006. – № 5-6. – URL: <http://polit.ru/article/2007/02/13/smolyar/> (дата обращения: 30.01.2018).

311. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.council.gov.ru/> (дата обращения: 30.01.2018).

312. Тигипко: опыт Польши полезен для Украины [Электронный ресурс]. – URL: http://lb.ua/news/2010/05/19/45248_tigipko_opit_polshi_polezen_dlya.html (дата обращения: 30.01.2018).

313. Черняев, А. С. Горбачев – Буш: встреча на Мальте в 1989 году [Электронный ресурс] / А. С. Черняев // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – <http://www.ru-90.ru/node/156> (дата обращения: 30.01.2018).

314. Шмитт, К. Земля и море. Созерцание всемирной истории [Электронный ресурс] / К. Шмитт; пер с нем. Ю. Ю. Коринца. – URL: www.geopolitics.ru (дата обращения: 30.01.2018).

315. Шмитт, К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря [Электронный ресурс] / К. Шмитт // Элементы. – М., 2000. – № 8. – URL: <http://arcto.ru/article/539> (дата обращения: 30.01.2018).

316. Эхо Москвы. Особое мнение Вацлава Радзивиловича [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1688602-echo/> (дата обращения: 30.01.2018).

На иностранных языках

317. 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dzień (30.04.1993) // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, Prace Sejmu I kadencji. [Electronic resource]. – URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/main/5FB85CCE> (accessed: 15.01.2018).

318. 10 lat członkostwa Polski w Unii Europejskiej, komunikat z badań. – Warszawa, 2014. – № 52. – S. 4–15.

319. Akt Ratyfikacji w sprawie przystąpienia RP do Traktatu Północnoatlantyckiego sporządzonego w Waszyngtone 4 kwietnia 1949 r. Warszawa,

26 lutego 1999 r. [Electronic resource]. – URL: http://www.zbiordokumentow.pl/1999/l_2/7.html (accessed: 15.01.2018).

320. Applebaum, A. Europe is seeing a East-West clash of values / A. Applebaum // The Washington Post. – 31.05.2014.

321. Applebaum, A. Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944–1956 / Anne Applebaum. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, – 2012. – 614 p.

322. Ash, T. G. Polska rewolucja. Solidamosc. 1980–1981 / T. G. Ash. – Warszawa : Res Publica, 1990, – 223 s.

323. Asmu, R. D. Building a New NATO / R. D. Asmu, R. Kulger, S. F Larabee // Foreign Affairs. – Sep–Okt 1993. – Pp. 28–40.

324. Asmus, R. Opening NATO's Door / R. Asmus. – New York: Columbia University Press, 2002. – 372 p.

325. Bąk, M. Europa Środkowa i Wschodnia wobec wyzwania transformacyjnego / M. Bąk. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006. – 425 s.

326. Balcer, A. Polska na globalnej szachownicy / A. Balcer, K. Woycicki. – Warszawa : Poltext, 2014. – 400 s.

327. Balcerowicz, L. Socjalizm. Kapitalizm. Transformacja. Szkice z przełomu epok / L. Balcerowicz. – Warszawa: Wydawn. Nauk. PWN, 1997. – 387 p.

328. Bankowicz, M. Demokracja. Zasady, procedury, instytucje / M. Bankowicz. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006. – 202 s.

329. Bartoszewski, W. Informacja ministra spraw zagranicznych o glownych kierunkach polityki zagranicznej Polski / W. Bartoszewski // 50. posiedzenie Sejmu. – 25 maja 1995 r.

330. Beyond Enlargement: Commission shifts European Neighbourhood Policy into higher gear IP/04/632. – Brussels. – 12 May 2004.

331. Białe plamy – Czarne plamy Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / red. Adam Daniel Rotfeld, Anatolij W. Torkunow. – Warszawa : Wydawnictwo Polski Instytut Spraw Miedzynarodowych, 2010. – 907 s.

332. Bielecki, T. Rosyjscy obrońcy praw człowieka protestują przeciw tajnej dyrektywie MSW / T. Bielecki // *Gazeta Wyborcza*. – 08.06.2005.
333. Bitwa pod Grunwaldem w pamięci zbiorowej Polaków / CBOS – Warszawa : CBOS, 2010, Lipiec. – 12 s.
334. Blok, Z: Transformacja jako konwersja funkcji wewnętrznych na przykładzie Polski / Z. Blok. – Poznań: Wydawnictwo UAM, 2006. – 357 s.
335. Bobiatyński, K. Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654–1655 / K. Bobiatyński. – Warszawa: Inforteditions, 2004. – 241 s.
336. Borowik, B. Partie Konserwatywne w Polsce 1989–2001 / Bogdan Borowik. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. – 415 s.
337. Brzezinski, Z. A Plan for Europe / Z. Brzezinski // *Foreign Affairs*. – January–February, 1995. – P. 26-42.
338. Brzezinski, Z. Europa Środkowa wobec przemian światowych / Z. Brzezinski. // *Znak* – Warszawa, 1989. – № 5 – S. 16-23.
339. Brzezinski, Z. The Cold War and its Aftermath / Z. Brzezinski // *Foreign Affairs*. – 1992. – № 4. – S. 39-49
340. *Bulletin Quotidien Europe*. – 25.08.2010. – № 10199.
341. Bush, G. A World Transformed / G. Bush, B. Scowcroft. – N.Y.: Toronto, 1998. – 590 p.
342. Champion, M. Role Stanów Zjednoczonych oraz państw europejskich w ramach Sojuszu Północnoatlantyckiego w kształtowaniu bezpieczeństwa światowego / M. Champion // *Bezpieczeństwo RP. Wczoraj i dziś*. – Krakow, 2014. – S. 179–183.
343. Cecuda, D. Leksykon opozycji politycznej. 1976–1989 / D. Cecuda. – Warszawa.: BIS Trust. – 222 s.
344. Cholaj, H. Ekonomia Polityczna Globalizacji / H. Cholaj. – Warszawa: Fundacja «Innowacja», 2006. – 655 s.
345. Christopher W. American leadership at stake / W. Christopher // *US Department of State Dispatch*, – 1995 – Vol. 6 I ss. 21, – P. 411–416.

346. Ciesielska-Klikowska, J. Francja i Niemcy w procesie integracji europejskiej w latach 1992–2007 / J. Ciesielska-Klikowska. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. – 592 s.
347. Clinton, W. Reforming the UN / W. Clinton // *Vital Speeches of the Day*. – 1993, October 15. – P. 10.
348. Cohen, S. B. Geopolitics of the World system / S. B. Cohen. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. – 480.
349. Cohen, S. Geopolitical realities and United States foreign policy / S. Cohen // *Political Geography*. – 2003. – № 22 – P. 1-33.
350. Cohen, S. B. Geography and Politics in a Divided World / S. B. Cohen. – N.Y.: Random House, 1964. – 347 p.
351. Croft, S. The EU, NATO and Europeanisation: The Return of Architectural Debate / S. Croft // *Redefining Security? The Role of the European Security Structures. Proceeding from an ARENA Workshop*. March 2000. – ARENA Report № 7. – Oslo, 2000. – P. 1-20.
352. Czapliński, P. Nowoczesność i sarmatyzm / P. Czapliński. – Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2011 – 272 s.
353. Cziomer, E. Polityka zagraniczna Niemiec. Kontynuacja i zmiana po zjednoczeniu ze szczególnym uwzględnieniem polityki europejskiej i transatlantyckiej / E. Cziomer. – Warszawa : Dom Wydawniczy «Elipsa», 2005. – 342 s.
354. Dbamy o Polskę, dbamy o Polaków. Program Prawa i Sprawiedliwości, – Warszawa: PIS, 2007 – 77 s.
355. de Lazari, A. Polskie i rosyjskie problemy z rosyjskością / A. de Lazari. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009. – 221.
356. Dębski, S. «Polityka wschodnia» – mit i doktryna / S. Dębski // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*. – 2006. – № 3. – S. 5-18.
357. Dębski, S. W elitarnym gronie / S. Dębski // *Nowa Europa Wschodnia*. – 2009. – № 2. – S. 22–24.
358. Denis Macshane: Britain can help to shape a new Europe pretender [Electronic resource]. – URL:

<https://www.independent.co.uk/voices/commentators/denis-macshane-britain-can-help-to-shape-a-new-europe-481214.html/> (accessed: 15.01.2018)

359. Decision of the President of the Republic of Poland the Use in the Peace-keeping Mission in Albania of a Polish Army Unit as a Constituent Part of the North Atlantic Treaty Organization Forces. Warsaw, 14 April 1999 [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1999/2/7.html> (accessed: 15.01.2018).

360. Declaration of Heads of State and Government. Meeting of the North Atlantic Council. 11.01.1994. Press Communique M 1(94)3. [Electronic resource]. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24470/htm?mode=pressrelease (accessed: 15.01.2018).

361. Deklaracja ideowa Ruchu Młodej Polski // Bratniak. –1979. – № 4 (18).

362. Doktryna obronna Rzeczypospolitej Polskiej // Rzeczpospolita. – 26 lutego 1990.

363. Domańska, E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) / E. Domańska // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond, – Brussels: P.I.E., 2000. – P. 249-262.

364. Domhoff, G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. /Domhoff, G.W. - New Brunswik (NJ): Transaction Books, 1978 – 190 p.

365. Drawicz, A. Przewartościowania w stosunkach polsko-rosyjskich / A. Drawicz // Polska – Rosja – czas przewartościowań. – Warszawa, 1995. – S. 10-15.

366. Dutka, J. Wpływ realizacji geopolitycznej koncepcji Międzymorza na bezpieczeństwo militarne Polski i Europy Wschodniej w XXI wieku / J. Dutka // Przegląd Geopolityczny. – 2016. – T. 16 – S. 120–137.

367. Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. – Brussels. – 3.12.2008. – P. 15 [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf. (accessed: 15.01.2018).

368. Eberhardt, P. Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej / P. Eberhardt. – Lublin: DGM Informationsgesellschaft, 2004 – 304 s.

369. Edukacja w Polsce wobec wyzwan Unii Europejskiej / pod red. W. Bokajło, A. Wiktorską-Święcką. – Wrocław : ATUT, 2008 – 312 s.

370. European Commission [Electronic resource]. – URL: <http://ec.europa.eu/> (accessed: 15.01.2018).

371. European External Action Service (EEAS) [Electronic resource]. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en (accessed: 15.01.2018).

372. European Parliament [Electronic resource]. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/portal> (accessed: 15.01.2018).

373. Expansion of NATO. Role of the Polish American Congress / L. Kuczyński, W. Białasiewicz. Chicago: Polish American Congress, 1999

374. Expose Premiera RP Tadeusza Mazowieckiego w Sejmie. Warszawa, 18 stycznia 1990 // Trybuna Ludu. – 19 stycznia, 1990.

375. Fedorowicz, K. Stosunki polsko-rosyjskie w polityce wschodniej 1991–2001 / K. Fedorowicz // Sprawy Wschodnie. – 2004. – № 1. – S. 40-50.

376. Fiedler, R. Zagrozenia asymetryczne wspolczesnego swiata / R. Fiedler. – Poznań , 2009. – S. 95–117.

377. Filipowicz, M. Wobec Rosji. Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową / M. Filipowicz. – Lublin: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. – 222 s.

378. Fiszer, J. Współpraca transatlantycka. Aspekty polityczne, ekonomiczne i społeczne / J. Fiszer. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk 2014. – 363 s.

379. Foreign Policy Issues at the Start of 1991 / Address by the Polish Foreign Minister Krzysztof Skubiszewski in the Sejm Warsaw, – February 14, 1991.

380. Friedman, G. Nowe mocarstwo nad Wisłą / G. Friedman // Rzeczpospolita. – 21.11.2008.

381. Friedman, G. Perspectives on the Ukrainian Protests / G. Friedman. [Electronic resource]. – URL: <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy> (accessed: 15.01.2018).

382. Friedman, G. Poland's Strategy / G. Friedman. [Electronic resource]. – URL: <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy>. (accessed: 15.01.2018).

383. Friszke, A. Co ma państwo do historii / A. Friszke / *Gazeta Wyborcza*. – 1–4 czerwca 2008.
384. Friszke, A. Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980 / A. Friszke, – Londyn: ANEKS, 1994. – 608 s.
385. Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man* / F. Fukuyama. – New York: Macmillan, Inc., 1992. – 418 s.
386. Gawlikowska-Hueckel, K. Integracja europejska. Od jednolitego rynku do unii walutowej / K. Gawlikowska-Hueckel, A. Zielińska-Głębocka. – Warszawa: C.H. Beck, 2004. – 399 s.
387. Giedroyc, J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB / J. Giedroyc, J. Mieroszewski // *Kultura*. – 1974. – № 9. – S. 9–14.
388. Głowczyk, J. Szalbierczy urok transformacji / J. Głowczyk. – Warszawa: Fundacja Innowacja, 2003. – 132 s.
389. Goldirova, R. «Eastern Partnership' could lead to enlargemen». Poland says / R. Goldirova // *EU Observer*. – May 27. 2008. [Electronic resource]. – URL: <http://euobserver.com/foreign/2621> (accessed: 15.01.2018).
390. Gomulka o niebezpieczeństwie polityki nowego Rapallo. Fragment wspomnień Stanisława Łukasiewicza // *Racja stanu. Studia i materiały. Polrocznik*. – 2007. – № 1 – S. 325-333.
391. *Gorączka czasu przełomu : dokumenty ugrupowań radykalnych 1989-1990* // red. P. Frączak. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 1994. – 201 s.
392. Gorizontow, L. Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa / L. Gorizontow // *Sensus Historiae*. – 2013. – No. 4. – P. 151–160.
393. Gryz, J. Rosyjska polityka energetyczna Implikacje dla bezpieczeństwa Polski / J. Gryz // *AON*. – 2009. – 51 s.
394. Hill, F. «Energy Empire»: oil, gas and Russia's Revival / F. Hill. – Washington : The brooking Institution., 2004. – 64 p.
395. *Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 1* / red. J. Kłoczowski. – Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 2000. – 554 s.

396. Hunt, L. *The Making of the West: Peoples and Cultures* / L. Hunt. – London: Bedford, 2009. – 1376 p.

397. *Implementation of the Eastern Partnership: Report to the meeting of Foreign Affairs Ministers.* – 13.12.2010. – P. 16 [Electronic resource]. – URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/nest/dv/nest_20110503_14/nest_20110503_14en.pdf. (accessed: 15.01.2018).

398. Informacja ministra spraw zagranicznych o głównych kierunkach. polityki zagranicznej Polski. przedstawiona na 50. posiedzeniu Sejmu RP II kadencji. – 24 maja 1995 r. – [Electronic resource]. URL: <http://www.msz.gov.pl/resource/bfa922e4-9a33-4fa6-8ae6-9a91b16a5871:JCR> (accessed: 15.01.2018).

399. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radosława Sikorskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. – 08.05.2014 [Electronic resource]. – URL: http://www.msz.gov.pl/pl/c/MOBILE/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku (accessed: 15.01.2018).

400. *Integracja ekonomiczna Polski z Unią Europejską* // pod red. A. Limanskiego, M. Syreka, – Warszawa: Difin. – 246 s.

401. Iskra, W. *Polska – Rosja – UE. Relacje ekonomiczne* / W. Iskra. – Warszawa: Fundacja Innowacja, 2004. – 224 s.

402. Jakimowicz, R. *Clonkowswo Unijne Polski jako determinant bezpieczeństwa politycznego i gospodarczego* / R. Jakimowicz // *25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania*. T. 1. – 2014. – S. 205–219.

403. Jan Paweł II. *Chrystus drogą, prawdą I życiem. Pielgrzymka Ojca Świętego na Ukrainę 23–27 czerwca 2001* / Jan Paweł II. – Kraków: Wydawnictwo «M», 2001. – 135 s.

404. Jan Paweł II. *Pielgrzymki do Ojczyzny* / Jan Paweł II. – Kraków: Znak, 2005 – 1256 s.

405. Jan Paweł II. *Światło i moc Ewangelii niech kierują waszymi krokami. Tbilisi. 9 listopada 1999* / Jan Paweł II // *Idem. Dzieła zebrane*. T. 1–16. Kraków / Red.

Paweł Ptasznik, Mieczysław Mokrzycki, Tadeusz Dzidek et al. T. 13: Homilie i przemówienia z pielgrzymek: Azja, Afryka, Australia i Oceania. 2009.

406. Józwiak, W. Polskie gospodarstwa zdolne do rozwoju / W. Józwiak // Postępy nauk rolniczych. – 1998. – № 3. – S. 35-43.

407. Kaczyński, J. Polska naszych marzeń / J. Kaczyński. – Lublin: Drukarnia Akapit, 2011. – 224 s.

408. Kaczyński, L. Z. Putinem m.in. o sytuacji w Gruzji / L. Kaczyński. – Wiadomości, – 20.10.2006 [Electronic resource]. – URL: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114873,3695517.html> (accessed: 15.01.2018).

409. Kagan, R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order / R. Kagan. – New York : Alfred A. Knopf, 2003. –104 p.

410. Kajetanowicz, J. Polskie wojska operacyjne w systemie bezpieczeństwa państwa w latach 1955–1975 / J. Kajetanowicz // Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej, 2008. – S. 289-301.

411. Kalinowski, T. Polska jako miejsce lokowania inwestycji niemieckich / T. Kalinowski. – Gdansk: Polska Agencja Informacji i Inwestycji Zagranicznych S.A., 2005. – 52 s.

412. Kaminska, J. Sila zmiany / J. Kaminska. – Torun: ECE, 2014. – 321 s.

413. Kaplan, R. D. Europe's New Map / R. D. Kaplan // The American interests. – 2013. May/June. – № 8.

414. Kaplan, R. D. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate / R. D. Kaplan. – New York: Random House Trade Paperbacks, 2012. – 448 p.

415. Kawecka-Wyrzykowska, E. Polska w Unii Europejskiej / E. Kawecka-Wyrzykowska, E. Synowiec. – Warszawa: Instytut Koniunktur i Cen Handlu Zagranicznego, 2004. – 252 s.

416. Kieżun, W. Patologia transformacji / W. Kieżun. – Warszawa: Poltext, 2012. – 424 s.

417. Kissinger, H. On China / H. Kissinger. – N.Y.: Penguin Press, 2011. – 608 p.

418. Klich, B. NATO: A view from Central Europe / Bogdan Klich // *Politique étrangere*. – 2009. – № 4. – P. 83–85.

419. Knyzewski, K. Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej / K. Knyzewski. – Warszawa: Naukowe Scholar, 1998. – 191.

420. Kobrinskaja, I. Długi koniec Zimnej Wojny. Rosja I Europa Srodkowa 1991–1996 / I. Kobrinskaja. – Warszawa: Centrum Stosunków Międz. Inst. Spraw Publicznych, 1998. – 181 s.

421. Kołodko, G. W. Wędrujący świat / G. W. Kołodko. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2008. – 440 s.

422. Kołodko, G. W. Globalizacja, a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych / G. W. Kołodko. – Toruń: DOM ORGANIZATORA, 2001. – 235 s.

423. Kołodko, G. W. Polska z globalizacją w tle. Instytucjonalne i polityczne aspekty rozwoju gospodarczego posocjalistycznych / G. W. Kołodko. – Toruń: DOM ORGANIZATORA, 2007. – 213 s.

424. Komorowski, B. O wizji Jerzego Giedrojca / B. Komorowski // *Rzeczpospolita*. – 09.11.2010.

425. Komorowski, B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota / B. Komorowski. – Warszawa: Rytm, 2005. – 184.

426. Komorowski, B. Wybory szansą dla Ukrainy / B. Komorowski // *Rzeczpospolita*. – 31.10.2012. [Electronic resource]. – URL: <http://www.rp.pl/artykul/947817.html> (accessed: 15.01.2018).

427. Konopacki, S. Dylematy federalizmu europejskiego / S. Konopacki // *Studia Europejskie*, – Warszawa, 1998. – № 4 – S. 77-92.

428. Konopczynski, W. Fryderyk Wielki a Polska / W. Konopczynski. – Krakow: Universitas, 2010. – 260 s.

429. Konopczynski, W. Konfederacja barska. 2 T. / W. Konopczynski. – Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 2017. – 714 s.

430. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej [Electronic resource]. – URL: <http://e-konstytucja.pl/> (accessed: 15.01.2018).

431. Kosowo – wojna w mediach I w opinii publicznej. – Warszawa: OBOP, 1999. – 21 s.

432. Koziej, S. Zmiany w strategii obronnej Polski w rezultacie rozszerzenia NATO / S. Koziej // Myśl Wojskowa. – 1997. – № 3. – S. 19.

433. Kozyriew, A. Polska w rosyjskiej polityce zagranicznej / A. Kozyriew // W stronę nowego partnerstwa. Polsko-rosyjska konferencja. – Krakow, 23–25 lutego 1994. – S. 28–29.

434. Krauthammer. C. The Unipolar Moment / C. Krauthammer. – Foreign Affairs. – Winter 1990/1991. – P. 23-33.

435. Kresy wschodnie Rzeczypospolitej w obronie polskości. – Warszawa : Muzeum Niepodległości, 1999. – 296 s.

436. Krukowska, M. Współpraca kulturalna Polski z Unią Europejską w przededniu członkostwa // Polska w przededniu członkostwa w Unii Europejskiej: nadzieje i obawy / M. Krukowska; pod. redakcją Joachima Osińskiego. – Warszawa, 2002, – S. 235–251.

437. KSS KOR, Pismo do społeczeństwa W sprawie dramatycznej, sytuacji gospodarczej społecznej i moralnej w PRL (maj 1979) // Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR», opracował A. Jastrzębski. – Warszawa – Londyn, 1994. – S. 387–388.

438. Kuron J. Wie weiter? / J. Kuron. // «Solidarnosc». Die polnische Gewerkschaft «Solidarität» in Dokumenten... Koln: Bund-Verlag, 1983, – S. 75-81.

439. Kuron J. Zasady ideowe / J. Kuron. – Paryz : Instytut Literacki, 1978. – 90 s.

440. Kuron, J. Politika i odpowiedzialnosc / J. Kuron. – Londyn: AN EKS, 1984. – 221 s.

441. Kuron, J. Tezy o wyjściu z sytuacji bez wyjścia / J. Kuron. – Aneks – 1982 – № 27 [Polska po 13 grudnia] – S. 1-6.

442. Kuźniar, R. Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej / R. Kuźniar. – Warszawa: SCHOLAR, 2008. – 336 s.

443. Kuźniar, R. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. / R. Kuźniar. – Warszawa: I, 2012. – 415 s.

444. La Union Europea y Rusia: el problema de Kaliningrado // El Paris. – 2002. Marzo 7. – P. 3.
445. La Repubblica. – 31.01.1989.
446. Laar, M. Time for a New Energy Policy / M. Laar // The Wall Street Journal. – 07.07.2009.
447. Lach, Z. Geopolityka I geostrategia / Z. Lach, J. Skrzyp. – Warszawa: Akademia Obrony Narodowej, 2007. – 199 s.
448. Lach, Z. Kształtowanie przestrzeni bezpieczeństwa państwa // Strategia bezpieczeństwa narodowego Polski / Z. Lach // red. J. Gryz. – Warszawa, 2013, – S. 333–342.
449. Latosińska, A. Rzeczpospolita Polska a V Republika Francuska. Wybrane Aspekty relacji Politycznych w latach 1989–2007 / A Latosińska // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 2. – 2014. – S. 261–275.
450. Lenczowski, J. Full Spectrum Diplomacy and Grand Strategy: Reforming the Structure and Culture of U.S. / J. Lenczowski // Foreign Policy. – N.Y. Lexington Books, 2011. – 230 p.
451. Lenczowski, J. Poland on the Geopolitical Map / J. Lenczowski // Sarmatian Review. – 2013 Jan. – Vol. 33. Issue 1. – P. 1730–1733.
452. Leszyński, J. T. Rzeczpospolita Czterech Narodów / J. T. Leszyński. – Kielce: GENS, 2005.- 56 s.
453. Libera, P. Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczone? / P. Libera // Pressje. T. 22–23. – Krakow, 2010. – S. 89–97.
454. Lisiakiewicz R. Zewnętrzne determinanty polskiej transformacji systemowej – zarys problematyki / R Lisiakiewicz // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. – 2014. – T. 2. – S. 229-244.
455. Lisiakiewicz, R. Polityka Rosji wobec Polski za prezydentury Władimira Putina (2000–2008) / R. Lisiakiewicz. – Toruń; Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. – 383 s.

456. List ministra spraw zagranicznych RP Andrzeja Olechowskiego do 16 państw członkowskich NATO, – Warszawa, 22 grudnia 1993 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1993/4/13.html> (accessed: 15.01.2018).

457. List Prezydenta RP do Borysa Jelcyna. [Electronic resource] – URL: www.prezydent.pl. (accessed: 15.01.2018).

458. London Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance, issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in London on 5th – 6th July 1990. [Electronic resource] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm. (accessed: 15.01.2018).

459. Luttwak, E. Add Poland, No Security/ E. Luttwak // The Moscow Times. – 22.04.1997.

460. Luttwak, E. Georgia conflict: Moscow has blown away soft power / E. Luttwak // The Telegraph. – 16.08.2008.

461. Luttwak, E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy / E. Luttwak. – Massachusetts: Harvard University Press, 2012. – 320 p.

462. MacEachin, D. U.S. Intelligence and the Confrontation in Poland 1980–1981 / D. MacEachin. – Philadelphia: Penn State University Press, 2004. – 268 p.

463. Madrycka deklaracja w sprawie bezpieczeństwa i współpracy euroatlantyckiej. Madryt, lipca 1997 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1997/2/13.html> (accessed: 15.01.2018).

464. Magdziak-Miszewska, A. Stosunki polsko-rosyjskie: próba bilansu / A. Magdziak-Miszewska. [Electronic resource] – URL: <http://www.omp.org.pl/stareomp/indexbf8e.html?module=subjects&func=viewpage&pageid=275> (accessed: 15.01.2018).

465. Mania, A. Détente i polityka Stanów Zjednoczonych wobec Europy Wschodniej, styczeń, 1969–styczeń 1981/ A. Mania. – Kraków : UJ, 2003. – 234 s.

466. Mapa pomocy Unii Europejskiej udzielonej Polsce w ramach programu Phare 1990–2003, ISPA 2000–2003 oraz SAPARD. – Warszawa: UKIE, 2004. – 60 s.

467. Marzęcki, R. Rozczarowane pokolenie: opinie młodych Polaków o klasie politycznej / R. Marzęcki // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania, T. 1. – 2014. – S. 135-154.

468. Matelski, D. Losy polskiej dobor kultury w Rosji I ZSRR / D. Matelski. – Poznań: Inter-Arpress, 2003. – 310 s.

469. Mazurkiewicz, A. Dyplomacja Stanów Zjednoczonych wobec wyborów w Polsce w latach 1947 i 1989/ A. Mazurkiewicz. – Warszawa: Neriton, 2007. – 319 s.

470. McGeorge, B. From Cold War Toward Trusting Peace / B. McGeorge // Foreign Affairs. – 1989/1990. – № 1. – P. 197-212.

471. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. John Mearsheimer, – New York: W.W. Norton & Company, 2001. – 592.

472. Menkiszak, M. Rosja w wobec Unii Europejskiej: kryzys strategicznego partnerstwa / M. Menkiszak // Ośrodek Studiów Wschodnich. – 2006. Styczeń 15. – S. 5-40.

473. Michnik, A. Polnischer Frieden / A. Michnik. – Berlin : Rotbuch, 1985. – 157 s.

474. Mieroszewski J. Rosyjski "kompleks polski" i obszar ULB // Gazeta Wyborcza. – 4 grudnia. 2004. S. 14.

475. Mikulicz, S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. – 313 s.

476. Miłosz, C. Rodzinna Europa / C. Miłosz. – Paryż: Instytut Literacki, 1959. – 246 s.

477. Ministerstwo Obrony Narodowej [Electronic resource]. – URL: <http://www.mon.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018).

478. Ministerstwo Spraw Zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.msz.gov.pl> (accessed: 15.01.2018).

479. Misja kijowska-rozmowa z prezydentem RP o sytuacji na Ukrainie // Polityka. – 18 grudnia 2004.

480. Molega-Zdziech, M. Polski lobbying w Unii Europejskiej – nadzieje I obawy / M. Molega-Zdziech // Polska w przededniu członkostwa w Unii Europejskiej. – Warszawa, 2002. – S. 193-219.

481. Monitor Polski. Dziennik Ustaw Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. – [Electronic resource] URL: <http://monitorpolski.gov.pl>. (дата обращения – 01.12.2017).

482. Na drodze do Unii Europejskiej. Komunikat z badan. – Warszawa: CBOS, 1999.

483. Na jakich warunkach do Europy // Rzeczpospolita. – 31.03.1998.

484. Narodowa strategia integracji // Komitet integracji europ. – Warszawa: Komitet integracji europ., 1997. – 56 s.

485. Nasilowski, M. Czy terapia szokowa byla w Polsce uzasadniona? / M. Nasilowski // Transformacja gospodarki / red.W Jakóbika – Warszawa: PAN i Fundacja Friedricha Eberta, – 295 S.

486. National Endowment for Democracy. Annual Report (1984–1989). – [Electronic resource] URL: <http://www.ned.org>.

487. Nie obecni sie nie licza // Rzeczpospolita. – 15.07.2006.

488. Nieporozumienie czy tani patriotyzm. Nota redakcji // Kultura. – 1953. – № 1 – S. 82–83.

489. Nieszporek, B. Pruska polityka Kulturkampf i osadnictwa na terenach wschodnich / B. Nieszporek. – URL: <http://www.republikasilesia.com/Bruno/GSOS/PruskaPolitykaKulturkampf.htm>. (accessed: 15.01.2018).

490. North Atlantic Treaty Organization [Electronic resource]. – URL: <https://www.nato.int/> (accessed: 15.01.2018).

491. Nowak A. Jak rozbic rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej / A. Nowak. – Krakow: Arcana, 1999. – 372 p.

492. Nowak, A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Jozefa Pilsudskiego (do kwietnia 1920 roku) / A. Nowak. – Krakow: Arcana, 2001. – 644 s.

493. Nowak, J. M. Od hegemonii do agonii: Upadek Układu warszawskiego – polska perspektywa / J. M. Nowak. – Warszawa : Bellona, 2011. – 107 s.

494. Nowakowski, J. M. Polska polityka wschodnia W 1991 roku / J. M. Nowakowski // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej. 1991 – Warszawa, 1993 – S. 77-87.

495. NSZZ «Solidarnosc». 1980–1981. Podstawowe dokumenty. Kronika Działalności. Bibliografia. – Wrocław, 1990. – 350 s.

496. Nycz, G. Transformacja wspierana z zewnątrz. Polskie przemiany ustrojowe w polityce USA / G. Nycz // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania, T. 1. – 2014. – S. 187-205.

497. O stosunkach z Niemcami raz jeszcze // Polskie Porozumienie Niepodległościowe. – Londyn : Wybór tekstów, 1989. – S. 277–278.

498. Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z 23 września 1993 r. o wynikach wyborów do Senatu Rzeczypospolitej Polskiej przeprowadzonych 19 września 1993 r. // Rzeczpospolita. – 27 września 1993 r.

499. Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z dn. 25 IX 1997 r. // Monitor Polski. – № 64. – Poz. 620.

500. Ocena niektórych konsekwencji przystąpienia Polski do Unii Europejskiej. Komunikat z badań. – Warszawa: CBOS, 1996.

501. Okulewicz, P. Koncepcja «Międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926 / P. Okulewicz. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2001. – 419 s.

502. Olszewski, E. Polityka historyczna w procesie przemian społeczno-politycznych w Polsce / E. Olszewski // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania. T. 1. – 2014. – — Kraków, 2014. – S. 75–101.

503. Orzelska-Stączek, A. Znaczenie wspólnoty transatlantyckiej w polskiej polityce zagranicznej / A. Orzelska-Stączek / Współpraca transatlantycka. Aspekty polityczne, ekonomiczne i społeczne. – Warszawa; ISP PAN, 2014. – S. 167-185.

504. Oświadczenie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Andreja Olechowskiego u Sejme Rzeczypospolitej Polskiej na temat przystąpienia Polski do Unii Europejskiej. Warszawa, 7 kwietnia 1994 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/2/2.html> (accessed: 15.01.2018)..

505. Pankowski, K. Oceny zmian po roku 1989 // Opinia publiczna w okresie integracji / K. Pankowski. – Warszawa, 2005. – SS. 103–109.

506. Paradoksy polskiej transformacji (aspekt cywilizacyjny). Paradoksy liberalizmu / pod. red. D. Karnowskiej, I. A. Modrzejewskiego. – Torun: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2009. – 237 s.

507. Partnership for Peace: Framework Document issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. – 10.01.1994. [Electronic resource]. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24469/htm?mode=pressrelease (accessed: 15.01.2018).

508. Partnership with the Countries of Central and Eastern Europe // Statement Issued by the North Atlantic Council Meeting in Ministerial Session Copenhagen. – June 6–7, 1991.

509. Pastusiak, L. Stany Zjednoczone – Europa Zachodnia / L. Pastusiak. – Polska. Szczecin : Wydawnictwo GLOB, 1987. – 366 s.

510. Patten, C. Speech at the Plenary session of European Parliament / Chris Patten. – Strasbourg, – 14 May 2002. // EU-Russia Summit and Hoff Report on Kaliningrad [Electronic resource] – URL: http://europa.eu.int/comm/external_relations/news/patten/sp02_235.htm (accessed: 15.01.2018)..

511. Pełczyńska-Nałęcz, K. Dokąd sięgają granice Zachodu? Rosyjsko-polskie konflikty strategiczne 1990–2010 / K. Pełczyńska-Nałęcz. – Warszawa, 2010. – S. 5-38.

512. Pełczyńska-Nałęcz, K. Szklany Mur / K. Pełczyńska-Nałęcz // Nowa Europa Wschodnia, 2011. – № 5. – S. 46–58.

513. Piec tys. komunistów protestowało przeciw tarczy. – [Electronic resource] URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Piec-tys-komunistow-protestowalo-przeciw-tarczy,wid,8843960,wiadomosc.html/> (accessed: 15.01.2018)..

514. Pienkos, D. Witness to. History: Polish Americans and the Genesis of NATO Enlargement / D. Pienkos// The Polish Review Vol. 44, No. 3 (1999), pp. 329-337.

515. Polacy, Węgrzy, Czesi i Słowacy o papieżu Janie Pawle II / CBOS. – Warszawa : CBOS, 2005, Czerwiec. – 9 s.

516. Poland Overall globalization. – [Electronic resource] URL: http://www.theglobaleconomy.com/Poland/kof_overall_glob/ (accessed: 15.01.2018).
517. Poland's Foreign Policy in the 21st Century / ed. by Stanisław Bieleń. – Warsaw: Difin, 2011. – 462 s.
518. Polityka bezpieczeństwa i strategia obronna Rzeczypospolitej Polskiej, 1992 // Założenia polskiej polityki bezpieczeństwa, – 1992 [Electronic resource]. – URL: koziej.pl/files/Strategia_RP_z_92_r.doc (accessed: 15.01.2018).
519. Polska – Europa – Świat: Opinia Publiczna W Okresie Integracji. – Warszawa: SCHOLAR, 2005. – 366 s.
520. Polska europejska czy narodowa? / red. M. Jarosz. – Warszawa: Inst. studiów polit. PAN, 2014, – 272 s.
521. Polska lat dziewięćdziesiątych : przemiany państwa i prawa. T. 3. – Lublin: Wydaw. UMCS, 1999. – 480 s.
522. Polska pod rządami PZPR/ pod red. M. Rakowskiego. – Warszawa: Oficyna Wydaw, 2006. – 531 s.
523. Polska polityka historyczna. Zapis dyskusji przeprowadzonej 30 marca 2006 roku w IPN // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – Warszawa, 2006. – № 5 – S. 34.
524. Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji zorganizowanej w dniach 28–29 października 2005 roku we Wrocławiu. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej. 2005. – 183 s.
525. Polska przystępuje do NATO // Rzeczpospolita. – 1999. 12. S. 1.
526. Polska – Niemcy 1945 – 2007. Od konfrontacji do współpracy i partnerstwa / pod.red. W. Goralskiego. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008. – 395 s.
527. Polska – Rosja. Traktat o przyjaznej i dobrososiedzkiej współpracy oraz inne dokumenty. – Warszawa. 1992. – 9 s.
528. Polska – Rosja. Wczoraj, dzisiaj, jutro. / red. M. Zamarlik, W. Unge (red.)/ Kraków 2006. – Kraków: Instytut Studiów Strategicznych, 2006. – 152 s.

529. Polskatimes. – [Electronic resource]: Adam Rotfeld: Nadal boimy się Rosji – URL: <http://www.polskatimes.pl/artukul/334226,adam-rotfeld-nadal-boimy-sie-rosji,id,t.html> (accessed: 15.01.2018).

530. Polski system partyjny. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2006. – 272 s.

531. Polskie winy wobec Ukrainy. – [Electronic resource URL: <https://pl.sputniknews.com/opinie/201708306190850-sputnik-polskie-winy-wobec-ukrainy/> (accessed: 15.01.2018).

532. Pomianowski, J. Gran ad urwiskiem / J. Pomianowski // Rzeczpospolita. – 13.08.2005.

533. Prezydent Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.prezydent.pl/> (accessed: 15.01.2018).

534. Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016. – Warszawa : Ministerstwo Spraw Zagranicznych, marzec 2012. – 29 s.

535. Problemy polityki zagranicznej u progu roku 1991 – wystąpienie sejmowe ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego w sejmie, – Warszawa, 14 lutego 1991 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1991/2/5.html> (accessed: 15.01.2018)..

536. Program Polskiego Porozumienia Niepodległościowego w kraju // Tygodnik Polski, 1976 – maj – S. 2-3.

537. Program wyborczy Platformy obywatelskiej / Wybory 2007. – Warszawa: PO, 2007. – 88 s.

538. Projekt deklaracji PPN // Gorączka czasu przelomu Dokumenty ugrupowań radikalnych. 1989–1990: – Warszawa : ISP PAN, 1994. – S. 134.

539. Prokopiaka, J. Radomski czerwiec 76. Wspomnienia partyjnego sekretarza / J. Prokopiaka. – Warszawa : Radom, 2001. – S. 197–198.

540. Przegląd Rządowy. – Grudzien, 1992. – № 12.

541. Przemowienie Sekretarza Generalnego NATO Javiera Solany na Uniwersytecie Warszawskim. – Warszawa, 18 kwietnia 1996 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1996/2/2.html> (accessed: 15.01.2018)..

542. Przygotowanie krajow stowarzyszonych Europy Srodkowej i Wschodniej do integracji z rynkiem wewnetrznym Unii Europejskiej. – Cannes, 26–27 czerwca 1995 r. [Electronic resource]. – URL: http://www.zbiordokumentow.pl/1995/2/1_1.html (accessed: 15.01.2018).

543. Przystąpienie czy integracja? Polska droga do Unii Europejskiej (Accession or integration? Poland's road to the EU)/ red. Wojtyła A. // Warszawa, Fundacja E.Brosta przy Fundacji im. Friedricha Eberta, 1998.

544. Putin, W. Karty historii – powód do wzajemnych pretensji czy podstawa pojednania i partnerstwa? / W. Putin / Gazeta Wyborcza. – 31 sierpnia 2009.

545. Quatremer, J. Lech Kaczyński, mort d'un nationaliste réactionnaire / J. Quatremer // Liberation – 13 avril 2010.

546. Raczyński, Z. Zimny pokój na Bugu. Polska-Rosja 60 lat później / Z. Raczyński, // Polityka. – 1999. – № 3 – S. 20-22.

547. Raport o stanie polskiego rolnictwa, VI Dykcja Generalna Komisji Europejskiej, Bruksela, 1998 // Dyr. Gen Komisji Europ. – Bruksela, 1998.

548. Raport Rady do spraw ogolnych pizedlozony Radzie Europejskiej na temat strategii przygotowania do czolonkos twa krajovv stowarziszonych Europy Srodkowej I Wschodniej. – Essen, 9–10 grudnia 1994 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokuentow.pl/1994/4/8.html> (accessed: 15.01.2018).

549. Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. – 22.04.2001

550. Rome Declaration on Peace and Cooperation – [Electronic resource]. URL: <http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c911108a.htm>. (accessed: 15.01.2018).

551. Rosyjskie ślady Andrzeja Drawicza. Materiały z sympozjum, które odbyło się 22 maja 1998 r. w Uniwersytecie Opolskim w pierwszą rocznicę śmierci Andrzeja Drawicza. Red. nauk. Aleksandra Wieczorek. Uniwersytet Opolski. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1999, – 113 S.

552. Rosyjsko-polskie konsultacje w sprawie bezpieczeństwa // Polskie Radio «Gos Rosji». – 27 February 2013 [Electronic resource]. – URL: http://polish.ruvr.ru/2013_02_27/Rosyjsko-polskiekonsultacje-na-temat-bezpieczenstwa (accessed: 15.01.2018).

553. Rotfeld, A. Polska w niepewnym świecie / A. Rotfeld. – Warszawa; AD. DRĄGOWSKI, 2006. – 476 S.
554. Rzeczpospolita Polska. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. [Electronic resource] – URL: <http://www.msz.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018).
555. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018).
556. Sejmowe expose ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego. – Warszawa, 26 kwietnia 1990 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1990/2/2.html> (accessed: 15.01.2018).
557. Senat Rzeczypospolitej Polskiej. [Electronic resource]. – URL: <http://www.senat.gov.pl/> (accessed: 15.01.2018).
558. Sienkiewicz, M. Współczesne polskie nurty polityczne wobec Ukrainy, Białorusi i Litwy w latach 1989–1999 / M. Sienkiewicz. – Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2005. – 225 s.
559. Sikorski, M. A. Powrot starych problemów? / M. A. Sikorski // Nowa Europa Wschodnia. – 2009. – № 2. – S. 22–24.
560. Sikorski, R. I fear Germany's power less than her inactivity / R. Sikorski // Financial Times. – 29.11.2011.
561. Simon, J. NATO Enlargement: opinions and options / J. Simon. – Washington: National Defense University, 1995. – 207 s.
562. Skórzyński, J. Ugoda i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989 / J. Skórzyński. – Warszawa: Presspublica : 1995. – 303 s.
563. Skubiszewski, K. Polityka zagraniczna i odzyskanie niepodległości: Przemówienia, oświadczenia, wywiady. 1989–1993 / K. Skubiszewski. – Warszawa: INTERPRESS Polskiej Agencji Informacyjnej S.A., 1997. – 434 s.
564. Skubiszewski, K. Stosunki między Polską i NATO w latach 1989–1993 – przyczynek do historii dyplomacji w III Rzeczypospolitej / K. Skubiszewski // Wykłady Polskiej Rady Biznesu 2005. – Warszawa, 2006, – S. 4–41.
565. Śliwowska, W. Dr Jekyll i Mr IPN: Historia i teczki / W. Śliwowska // Gazeta Wyborcza. – 13 czerwca, 2009.

566. Smith, K. E. *Western Actors and the Promotion of Democracy* / K. E. Smith // *Democratic Consolidation in Eastern Europe*. – Vol. 2 *International and Transnational Factors*. – 2001. – Pp. 31–57.

567. *Sołżenicyn u Ojca Świętego* // *Tygodnik Powszechny*. – Kraków. – 1993. – № 48. – S. 13.

568. *Sprawozdania stenograficzne z posiedzeń Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. –1989–2013*. – [Electronic resource] <http://www.sejm.gov.pl/Sejm7.nsf/stenogramy.xsp> (accessed: 15.01.2018)

569. Spykman, N. *Geography and Foreign Policy* / N. Spykman // *American Political Science Review*. – 1938 – Vol. XXXII – № 1 – P. 28-50.

570. Spykman, N. *The United States and the Balance of Power* / N. Spykman. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1942. – 500 p,

571. Staniszki, J. *Post – communist peripheral capitalism (pcpc): politics of institutionalisation* / Jadviga Staniszki. *Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях* / J. Staniszki [= *Russia and Central Europe in the new geopolitical realities*]: сб. ст. участников междунар. науч. конф. проходившей в Москве 27–30 янв. 1995 г. / ред. В. П. Киселев, Л. Н. Шишелина. – С. 66–102.

572. Staniszki, J. *Postkomunizm. Próba opisu* / J. Staniszki. – Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2001. – 305 s.

573. Starnawski, M. *Kapitalizm nad przepaścią, społeczeństwa wobec wyboru / wstęp do I. Wallerstein Analiza systemów-światów* / M. Starnawski, P. Wielgosz. // *Wallerstein I*. – Warszawa : Wprowadzenie, 2007. – S. 24-40. – 160 s,

574. Stawarska, R. *Wybrane efekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej w perspektywie makro- i mikroekonomiczne* / R Stawarska. // *Studia Europejskie / Centrum Europejskie Uniwersytetu Warszawskiego*. – 2001. – № 2. – S. 95–122.

575. Stemplowski, R. *Poland in the World System: Transformation of the Political System and Foreign Policy Making* / S R. templowski Stemplowski, R. // *Evropa*. – 2001. – № 1. – P. 260-280.

576. *Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2003 r.* [Electronic resource]. – URL: <http://www.cib.wat.edu.pl/index.php/do-pobrania/>

category/5-bezpieczenstwo-narodowe?download=4:strategia-bezpieczenstwa-narodowego-rp (accessed: 15.01.2018).

577. Strategia rozwoju systemu bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej polskiej 2022. - przyjęta uchwałą Rady Ministrów z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. – URL: [http:// mon.gov.pl/dokumenty/](http://mon.gov.pl/dokumenty/) (accessed: 15.01.2018)

578. Strzelczyk, J. Ucieczka ze Wschodu / J. Strzelczyk. – Warszawa: Rytm, 2003. – 496 s.

579. Sus, M. Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech / M. Sus. [Electronic resource]. – URL: <http://www.polska-niemcy-interakcje.pl/articles/show/42>. (accessed: 15.01.2018).

580. Świder, M. 1989 – rok przełomu i relacje polsko-niemieckie. Wsparcie SPD dla Komitetu obywatelskiego «Solidarność» / M. Świder // 25 Lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania, T. 2. – 2014. – S. 289–300.

581. Szalamacha P. IV Rzeczpospolita - pierwsza odsłona. Dlaczego się nie udało, co trzeba zrobić. / P. Szalamacha/ – Poznań: Zysk i S-ka, 2009. – 320 s.

582. Szanse są zawsze – prof. Witold Kieżun o przyszłości Polski. [Electronic resource]. – URL: <http://niezломni.com/?p=12486> (accessed: 15.01.2018).

583. Szczepański T., Międzymorze. Polityka Środkowoeuropejska KPN, Warszawa 1993. Wawrzyniak / T. Szczepański . – Warszawa; Dział Poligrafii KPN, 1993. – 223 s.

584. Szczerski, K. Utopia europejska. Kryzys integracji i polska inicjatywa naprawy / K. Szczerski. – Kraków: Biały Kruk, 2017. – 256 s.

585. Szpor, A. Trójkąt Weimarski – asymetrie, struktura i agenda współpracy / A. Szpor. – Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2011. – 18 s.

586. Szyndler, B. Powstanie kościuszkowskie 1794. / B. Szyndler. Warszawa: Ancher, 1994. – 456 s.

587. Tarnowski, A. Książd Waleryan Kalinka / A. Tarnowski – Kraków: Czasu, 1887. – 216 s.

588. Taylor, T. NATO and Central Europe / T. Taylor // NATO Review. – 1991. – № 5, Vol 39. – P. 17–22.

589. Teczki Giedroycia / pod red. L. Ungera, I. Hofman. – Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. – 352 s. The pretender [Electronic resource]. – URL: <https://www.politico.eu/article/the-pretender/> (accessed: 15.01.2018); Denis Macshane: Britain can help to shape a new Europe pretender [Electronic resource]. – URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/denis-macshane-britain-can-help-to-shape-a-new-europe-481214.html/> (accessed: 15.01.2018)
590. The National Security Strategy of the United States of America. – September 2002. [Electronic resource]. – URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf> (accessed: 15.01.2018).
591. The pretender [Electronic resource]. – URL: <https://www.politico.eu/article/the-pretender/> (accessed: 15.01.2018).
592. The White House [Electronic resource]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/> (accessed: 15.01.2018).
593. The World Factbook. CIA. – [Electronic resource]. URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> (accessed: 15.01.2018).
594. Torańska T. My / Nowa Polska czy jeszcze stara // T. Torańska. – Warszawa: INNE, 1994. – 295 s.
595. Trauma and Cinema: Cross-Cultural Explorations / ed. by E.A. Kaplan. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2008. – 298 p.
596. Troebst, S. Miedzymorze I zaslubiny z morzem: Mapy mentalne a polityka historyczna w Europie srodkowo-wschodniej / S. Troebst // Zapiski historyczne, T. LXXI, Zeszyt 4. – Torun, 2006.
597. Tusk, D. Solidarność i duma / D. Tusk. – Gdańsk: słowo/obraz terytoria , 2005. – 117 s.
598. Tworzmy państwo prawa. Przemowienie T. Mazowieckiego w Sejmie (tezy) // Zycie Warszawy. – 19.01.1990. – № 16.
599. Unia Europejska Przygotowanta Polski do czlonkostwa – Warszawa: Instytut Koniunktur i Cen Handlu Zagranicznego, 2001. – 771 s.
600. United States Department of State [Electronic resource]. – URL: <https://www.state.gov/> (accessed: 15.01.2018).

601. Wałęsa warns communism could reemerge in Europe. Polish president pleads for West to include E Europe m NATO // *The Washington Post*. – January 3, 1994.
602. Wałęsa, L. Droga wolności / L. Wałęsa. – Warszawa: Editions Spotkania, 1991. – 290 s.
603. Wałęsa, L. Moja III RP. Straciłem cierpliwość / L. Wałęsa. – Warszawa: Świat Książki, 2007. – 191 s.
604. Walicki, A. O polskiej rzeczywistości moralnej / A. Walicki // *Res Humana*. – 2010. – № 1. – S. 22-31.
605. Walicki, A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2002. – 460 s.
606. Walicki, A. Russia, Poland, and universal regeneration: studies on Russian and Polish thought of the romantic epoch / A. Walicki. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. – 225 p.
607. Waltz, K. *The Anarchic Structure of World Politics*. / K Waltz // Art and Jervis eds. *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. 7th Edn. N. Y.; Pearson Longman, P. 29-49.
608. Wider Europe– Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. Brussels. – 11.03.2003. – P. 4 [Electronic resource]. – URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf (accessed: 15.01.2018)
609. Wielkie rocznice w dyskursie publicznym i pamięci społecznej. / red. M. Kosman – Poznań : Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 2011. – 345 s.
610. Wistąpienie premiera Rzeczypospolitej Polskiej Jerzego Buzka podczas posiedzenia plenarnego Zgromadzenia Północnoatlantyckiego. – Warszawa, 31 maja 1999 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1999/2/8.html> (accessed: 15.01.2018).
611. Witkowska, M. Zasady funkcjonowania Unii Europejskiej / M. Witkowska. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 308 s.

612. Wniosek Rady Rzeczypospolitej Polskiej o członkostwo Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej. – Warszawa, 5 kwietnia 1994 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/2/1.html> (accessed: 15.01.2018).

613. Wnioski Prezydencji Rady Europejskiej Luksemburg, – 12–13 grudnia 1997 r. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1997/4/4.html> (accessed: 15.01.2018).

614. Wojciechowski, S. Zagrożenia asymetryczne współczesnego świata / S. Wojciechowski, R. Fiedler. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009. – 298 s.

615. Wojna, B. Eastern Partnership: the Opening Report. The Polish Institute of International Affairs / [Electronic resource] / B. Wojna; M. Gniazdowski. (ed.). – Warsaw, 2009. – P. 6. – [Electronic resource]. – URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=3055. (accessed: 15.01.2018).

616. Woś, R. Dyplomacja RFN w kontekście polityki zagranicznej / R. Woś // Biuletyn Niemiecki. – 2010. – № 5. – S. 8–13.

617. Wrobel, I. Rezultaty Przewodnictwa Niemiec w Unii Europejskiej / I. Wrobel // Przegląd Zachodni. – 2000. – № 4. – S. 184–200.

618. Wspólne Oświadczenie Prezesa Rady Ministrów i Kanclerza Republiki Federalnej Niemiec z dnia 14 listopada 1989 roku.

619. Wybory 1991. Programy partii i ugrupowań politycznych. – Warszawa : ISP PAN, 2001. – 306 s.

620. Wybory 1993. Partie i ich programy. – Warszawa : ISP PAN, 2001. – 499 s.

621. Wybory 1997. Partie i ich programy. – Warszawa : ISP PAN, 2004. – 280 s.

622. Wybory 2001. Partie i ich programy. – Warszawa : ISP PAN, 2002. – 250 s.

623. Wyligąła, H. Trójkąt Weimarski. Współpraca Polski, Francji i Niemiec w latach 1991–2004 / H. Wyligąła. – Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2010. – 528 s.

624. Wyligąła, H. Soft Power w niemieckiej polityce zagranicznej / H. Wyligąła // Polityka zagraniczna zjednoczonych Niemiec: kontynuacja czy zmiana? – Wrocław, 2011, – S. 69–95.

625. Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbiór Dokumentów. – 1994. – № 1. – S. 42–54.

626. Wystąpienie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej Bronisława Geremka na otwarcie negocjacji Polski o członkostwo w Unii Europejskiej. – Bruksela, 31.03.1998 [Electronic resource]. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1998/1/2.html> (accessed: 15.01.2018).

627. Yost, D. NATO transformed the Alliance's new roles in international security / D. Yost. – Washington, DC, 1998, – 432 p.

628. Załęski, P. S. Neoliberalizm i społeczeństwo obywatelskie / P. S. Załęski. – Toruń : UMK, 2012. – 266 s.

629. Zamoyski, A. 1812. Wojna z Rosją / A. Zamoyski. – Kraków, 2007: Znak. – 592 s.

630. Zbiór Dokumentów PISM. – Warszawa: Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyższego, 1992 – № 1 – 4.

631. Zdrojewski B. Dajmy Polakom być dumnymi ze swojej historii / B. Zdrojewski // Gazeta Wyborcza. – 14.11.2008.

632. Zespół Problemowy PPN. Tradycja niepodległościowa i jej wrogowie, marzec 1977 // Polskie Porozumienie Niepodległościowe. – Londyn : Wybór tekstów, 1989. – S. 26.

633. Zięba, R. Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej / R. Zięba. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. – 312 s.

634. Zięba, R. The Strategic Partnership between Poland and Ukraine / R. Zięba // The Polish Foreign Affairs Digest. – № 3 (4). – Warsaw, 2002. – P. 195–226.

635. Zielińska-Głębocka, A. Dynamika Unii Europejskiej w świetle teorii integracji / A. Zielińska-Głębocka // Studia Europejskie. – 1999. – № 3 – S. 11-32.

636. Żukrowska, K. Rola otoczenia międzynarodowego w transformacji systemowej / K. Żukrowska // Transformacja systemowa w Polsce. – Warszawa: SGH, 2010. – 799 s.